

Т.Валижновский

**У истоков
борьбы
с реакционным
подпольем
в Польше
1944-1948**

Т. Валихновский

У ИСТОКОВ БОРЬБЫ
С РЕАКЦИОННЫМ
ПОДПОЛЬЕМ В ПОЛЬШЕ
1944—1948

Tadeusz Walichnowski

U ŹRÓDEŁ WALK
Z PODZIEMIEM
REAKCYJNYM
W POLSCE

KSIAŻKA I WIEDZA WARSZAWA 1980

Т. Валихновский

У ИСТОКОВ БОРЬБЫ
С РЕАКЦИОННЫМ
ПОДПОЛЬЕМ
В ПОЛЬШЕ
1944—1948

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
проф. Р. Г. СИМОНЕНКО

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1984

В монографии отражена сложная международная и внутренняя обстановка, в которой проходила борьба за установление и упрочение народной власти в Польше. Раскрываются действия легальных и нелегальных отрядов польской контрреволюции, их преступная тактика, помощь, оказываемая им международным империализмом.

Убедительные факты опровергают фальсификаторские попытки очернить Польскую рабочую партию, курс польского народа на союз и сотрудничество с СССР.

Для историков, пропагандистов, преподавателей и студентов исторических факультетов.

Переводчик *Е. Р. Куц*

Редакция исторической литературы

0506020000-390
В М221(04)-84 45-84

© Książka i Wiedza, 1980
© Перевод на русский язык, вступительная статья,
издательство «Наукова думка», 1984

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Советский читатель постоянно проявляет глубокий интерес к различным проблемам истории Польши. Давние исторические связи между народами наших стран закалялись в горниле напряженных битв против царского самодержавия, окрепли в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Они выдержали серьезнейшие испытания после воссоздания на буржуазной, шовинистической основе польской государственности в 1918 г., когда правящие круги Варшавы выступили в качестве активной интервенционистской силы, одного из ударных звеньев антисоветского «санитарного кордона», сколоченного международным империализмом на западных рубежах Советской страны.

В трудный межвоенный период подлинными выразителями интересов польского народа, носителями исторических традиций сотрудничества наших стран выступили прогрессивные силы польского общества, прежде всего, коммунисты.

Ярчайшей страницей дружбы и братства советского и польского народов стала их совместная героическая борьба против германского фашизма в годы второй мировой войны. На алтарь общей победы были принесены огромные жертвы: свыше 600 тыс. советских воинов-освободителей навечно остались в польской земле.

Подлинные образцы интернационалистского отношения к попавшему в беду польскому народу показывает Советский Союз ныне, помогая Польше выйти из тяжелого экономического и политического кризиса, остро обозначившегося в 1980—1981 гг.

Все это еще теснее сплачивает наши народы в едином строю борцов за дело мира и социализма, усиливая интерес советских людей к истории и современным событиям, происходящим в братском государстве.

События 1944—1948 гг., о которых рассказывается в предлагаемой книге, как бы соединяют воедино историю

Польша и ее современность. Они открывают социалистический период истории польского народа. В эти годы в острейшем классовом противоборстве проходили проверку различные, зачастую диаметрально противоположные программы борьбы за воссоединение польского государства, его социальную и внешнеполитическую ориентации, границы и союзников. Обстановка чрезвычайно усложнялась тем, что широкомасштабное столкновение, охватившее всю страну, происходило в условиях обострения международного положения, когда США и их союзники перешли от политики сотрудничества в СССР в рамках антигитлеровской коалиции к конфронтации с миром социализма.

Отзвуки этой борьбы слышны и поныне. Активная роль в защите социалистических завоеваний в Польше принадлежит сегодня тем, кто устанавливал народную власть и отстаивал ее с оружием в руках, в кого было нацелено оружие контрреволюционеров в 1944—1948 гг. С другой стороны, многое из арсенала реакционного подполья было взято на вооружение экстремистской верхушкой «Солидарности».

Введение 13 декабря 1981 г. военного положения устранило угрозу гражданской войны, к которой вели дело внутренние антисоциалистические силы, подстрекаемые извне наиболее агрессивными кругами мирового империализма, и проявлений которой не удалось избежать в начальный период истории Народной Польши. Стремление, с одной стороны, возродить братоубийственную борьбу, а с другой, — не допустить ее развязывания стало одним из основных направлений острейшего политического столкновения, развернувшегося в 1980—1981 гг. в Польской Народной Республике.

Именно поэтому события первых лет существования Народной Польши оказались одним из главных объектов идеологических диверсий антисоциалистических элементов, пытавшихся исказить причины, характер и движущие силы коренных социальных преобразований польского общества, оклеветать борцов за новую Польшу и предать забвению черные дела контрреволюционного подполья, его антинародную деятельность.

Более того, в 1980—1981 гг. появились попытки откровенного возвеличивания вооруженных банд реакции. Обелялись запятнавшие себя особой жестокостью и кровавыми злодеяниями преступные группы «Лупашко» и «Орлика». Предпринимались действия, на которые антикоммунисты

ранее не решались. Речь идет о стремлении оправдать сотрудничество отдельных формирований АК, из которых выросли впоследствии вооруженные банды, с гитлеровцами, их совместные выступления против советских партизан и польских патриотов.

Книга известного польского историка-марксиста профессора Т. Валихновского рассказывает правду об одном из важнейших направлений борьбы за упрочение и утверждение народной власти в Польше — ликвидации реакционного вооруженного подполья в стране. На основе богатейших архивных источников автор воссоздает исполненную трагизма и высочайшего напряжения картину классового противоборства, порой перераставшего в гражданскую войну. Предпринимая исследование важной в научном и острой в политическом отношении проблемы, профессор Т. Валихновский не ставил своей задачей раскрыть все ее взаимосвязи и адресовал труд польскому читателю. Поэтому целесообразно предварить авторский текст рассказом о некоторых особенностях книги, а также осветить ряд вопросов, представляющих интерес для советского читателя, на которых Т. Валихновский по тем или иным соображениям специально не останавливается.

Прежде всего об авторской манере изложения. Исходя из особенностей читательской аудитории, которой адресована книга, Т. Валихновский как бы нарочито стремится к бесстрастной манере изложения. Он предпочитает говорить с польским читателем сухим и точным языком документов и фактов, предоставляя, как правило, ему самому делать выводы из их неоспоримого содержания.

В отличие от манеры, частенько бытующей в современной польской историографии, автор, выходя за хронологические рамки исследования, подвергает анализу события, предшествовавшие вооруженной борьбе, которая развернулась на территории Польши после ее освобождения в 1944 г. В начале книги освещаются памятные дни сентября 1939 г., когда гитлеровская Германия, напав на Польшу, развязала вторую мировую войну. Такой совершенно правильный подход позволяет проследить генезис реакционного подполья, складывание его политического облика, расстановку сил, формирование программы. Вместе с тем раскрываются важные стороны деятельности подлинных патриотов Польши, объединившихся вокруг коммунистов, которые выступили с четкой и ясной программой борьбы за возрождение и надежный путь развития польской государственности.

Представляется целесообразным несколько продолжить этот экскурс и рассмотреть ряд иных заслуживающих внимания вопросов.

Буржуазное движение сопротивления оккупантам или, как называет Т. Валихновский, «движение сопротивления, подчиненное эмигрантскому правительству» было, так сказать, «легалистским». Будучи обломком офицерского корпуса и политических партий досентябрьской Польши, подчиняясь в оперативном и программном отношении «правопреемнику» «санационных» правительств, значительная часть руководителей буржуазного лагеря движения Сопротивления (не только высших) оставалась носителем обанкротившегося политического курса довоенной Польши. В ходе войны особое значение приобрело их отношение к внешнеполитическому наследию эмигрантского правительства. Конечно, сокрушительное поражение Польши в результате вероломной фашистской агрессии охладило пыл тех, кто рисовал заманчивые выгоды от сотрудничества с гитлеровской Германией. Однако утраченные иллюзии касались одного из следствий, но не существа платформы польской буржуазии. Закоренелый антикоммунизм — одна из определяющих вводных во внешнеполитических калькуляциях руководителей буржуазного движения Сопротивления, в любой момент мог дать самые ядовитые плоды.

Подобная «преемственность» несла в себе серьезную угрозу польскому народу. Ведь один из важнейших уроков досентябрьского исторического развития страны состоял в том, что антикоммунизм неотвратимо ведет Польшу к национальной катастрофе.

Подготовка к участию во всеобщем «крестовом походе» мировой реакции против СССР — таким был лейтмотив внешней политики буржуазной Польши. Он и определил круг союзников досентябрьской Варшавы. Их искали — и находили — среди наиболее агрессивных сил международного империализма. Не следует думать, что правящие круги буржуазно-помещичьей Польши без всякой опаски выбирали ориентацию на Берлин. Им не удавалось полностью отвлечься от реального положения вещей. Нелегко было также разрешить спорные вопросы между германским империализмом и его младшим партнером. Прежде всего, нельзя было совершенно игнорировать многовековую — со времен Пястов — немецкую агрессию на польские земли; в рассматриваемый период под властью фашистской Германии находились силезские и поморские земли. Однако все тот же антикоммунизм польских «санационных» дея-

телей, казалось, давал им выход. Прежде всего, они рассчитывали дальнейшим порабощением украинских, белорусских и литовских земель «компенсировать» утрату исконных польских земель на Западе. Вторую практическую выгоду от антикоммунизма польские политики усматривали в возможности оказать влияние на фашистскую Германию, соединить усилия Берлина и Варшавы в экспансии на Восток.

В самом деле, антикоммунизм, усиливая экспансионистские планы польской буржуазии на Востоке, делал главным содержанием ее довоенной политики непримиримую борьбу против первой в мире страны социализма. Правда, к концу 30-х гг. правящие круги Варшавы отучились открыто декларировать подобную политику. Однако об этом откровенно говорилось в секретных дипломатических беседах, документах «санации». Представляя «разработку» польской политики на Востоке, экспозитура 2-го разведывательного отделения польского генштаба заявляла в 1938 г., ссылаясь на Ю. Пилсудского: «Расчленение России лежит в основе польских государственных интересов на Востоке». Отсюда выводилась и внешнеполитическая ориентация Польши на фашистскую Германию. «Сегодня,— указывалось в меморандуме,— в период ... нарастающей заинтересованности русскими проблемами со стороны динамичных государств, прежде всего Германии, стремящейся к изменению существующего положения, Польша должна заново определить свою линию в большой восточной политике». Далее поставленная задача конкретизировалась: «... наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто бы ни принимал участие в разделе, Польша не может оставаться пассивной в этот важный исторический момент. Она должна достаточно заблаговременно подготовиться к этому в физическом и духовном отношении. ...Главная цель — ослабление и разгром России»¹.

Планы и действия «санации» в области внешней политики представляли особую опасность для дела мира уже в силу географического положения Польши. Вокруг Польши завязалось сложное переплетение дипломатических интриг, она оказалась на авансцене борьбы между силами

¹ Współdziałanie Rządu Polskiego z emigracyjnymi organizacjami antyradzieckimi w latach 1918—1938. Zebrał i opracował Stanisław Wroński.— Z dziejów stosunków polsko-radzieckich: Studia i materiały. Warszawa, 1968, t. 3, s. 262—263, 287.

мира и войны. Перед политическим руководством страны встала дилемма — быть одной из важных преград на пути агрессоров или их деятельным сообщником.

Четкий и ясный ответ на поставленный историей вопрос дали коммунисты. Они раскрыли органическую взаимосвязь между борьбой против надвигавшейся агрессии и сохранением национальной независимости страны. «Борясь против военных махинаций Бека и Гитлера,— подчеркивалось в постановлении состоявшегося в 1936 г. четвертого пленума ЦК Компартии Польши,— наша партия защищает как мир, так и национальную независимость. ...мы — коммунисты — не позволим превратить нашу страну в плацдарм или проходной коридор для гитлеровских генералов, стремящихся поработить как польский народ, так и народы Советского Союза». Состоявшийся в следующем году очередной пленум ЦК КПП продемонстрировал последовательность и решимость коммунистов выполнить эти задачи. Коммунисты обратились с призывом сплотиться на защиту Родины: «...оборону Польши должен взять в свои руки польский народ»².

Диаметрально противоположную позицию занимали, как отмечалось выше, буржуазные политические силы Польши. Включаясь в общий антикоммунистический поход против СССР, «санационный» режим рассчитывал, что его вдохновители — «западные демократии» — сбалансируют враждебность Германии в отношении Польши, окажут сдерживающее влияние на Гитлера и помогут Варшаве любовно договориться с Берлином. Узкоклассовое мышление не позволило тогдашним правителям Польши понять, что антикоммунизм внешней политики западных держав включал не только поощрение фашистской агрессии против СССР, «канализацию» ее на Восток, но и как неизбежную составную — порабощение славянских народов Центральной и Восточной Европы, ликвидацию их государственности. Здесь классовые интересы стоявших у власти политических сил досентябрьской Польши резко расходились не только с социальными устремлениями польских трудящихся, но и с их национальными интересами. Больше того, действия тогдашних правителей Польши угрожали самому национальному существованию поляков.

Об этом свидетельствовали события, развернувшиеся еще в период Мюнхена, когда Польша заняла, прямо ска-

² Цит. по: История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1974, т. 2, с. 347.

жем, недостойную позицию относительно своего южного соседа. Характеризуя ее, заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков отмечал: «В германских планах разрешения чехословацкого вопроса Польша играет активную роль. Она открыто провоцирует обострение Тешинского вопроса... Польша, как это теперь очевидно для всех, прочно связана с Германией и будет и дальше идти по ее пути»³.

13 января 1938 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек заявил своему германскому коллеге Нейрату, что уничтожение большевизма — «основная цель его политики»⁴. На это недвусмысленное угодливое предложение себя отвечал сменивший Нейрата на посту министра иностранных дел Риббентроп. «Далее я заявил г. Липскому»⁵, — сообщал он, — что Германия всячески приветствует усилия, которые прилагает Польша для защиты от коммунизма, прежде всего германо-польское сотрудничество в этой области...»⁶

Уверенность гитлеровцев в слепом послушании польской «санации» была настолько прочной, а подлинные планы в отношении Польши так тщательно скрывались, что идеей полной гармонии германско-польского сотрудничества прониклось и среднее звено дипломатов гитлеровского рейха, чьей целью было сколачивание антисоветских сил. «От военного атташе, — сообщал советский разведчик Р. Зорге о беседе с военным представителем Германии в Токио, — получил сведения о том, что после разрешения судетского вопроса следующей проблемой будет польская, но она будет разрешена между Германией и Польшей по-дружески в связи с их совместной войной против СССР»⁷.

По мере того как приближалось начало фашистской агрессии, правящие круги Польши все глубже заглатывали крючок с приготовленной гитлеровцами наживкой. Германские дипломаты с удовлетворением и плохо скрытым злорадством фиксировали факты, когда «санационные» политики делились со своими новоявленными покровителями

³ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность, 1933—1939. — М., 1974, с. 245—246.

⁴ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. D. Baden-Baden, Bd. 5, 1953, S. 33.

⁵ Польский посол в Берлине.

⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969, т. 6, с. 349.

⁷ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Документы и материалы. — М., 1971, с. 31—32.

столь же сокровенными, сколь и несбыточными экспансионистскими претензиями.

Осенью 1938 г., когда, используя провокационную возню вокруг Закарпатской Украины, Запад пытался ускорить нападение Гитлера на СССР, польские власти активизировали участие в разработке милитаристских планов. Они стремились в максимальной степени привлечь к подготовке антисоветской агрессии Венгрию. 18 ноября 1938 г. советник германского посольства в Варшаве фон Шелия сообщал о беседе с одним из влиятельных польских дипломатов. «Кобылянский сказал: «Министр не может говорить так откровенно, как могу говорить я. Вопрос о Карпатской Украине имеет для нас решающее значение... Если Карпатская Украина отойдет к Венгрии, то Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину»⁸. Во время беседы Риббентропа с Беком, состоявшейся 6 января 1939 г. в Мюнхене, речь зашла о политике Польши на Востоке. Фашистский дипломат так передает суть обмена мнениями в связи с затронутой проблемой: «Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского, т. е. от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня»⁹. Смысл разговора, происшедшего при следующей встрече во второй половине января, Риббентроп излагал так: «Затем я еще раз говорил с г-ном Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине; я снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области. Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю...»¹⁰.

Нельзя не согласиться с французским историком М. Муреном, который указывал, что «странная политика полковника Бека была новым выражением националистической оргии, великодержавного комплекса»: — из-за русофобии и боязни коммунизма он предпочитал помощи со стороны Советского Союза слепое следование в фарватере политики Гитлера¹¹.

⁸ Там же, с. 82.

⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973, т. 7, с. 22.

¹⁰ Там же, с. 29.

¹¹ Mourin M. Les relations franco-sovietiques.— Paris, 1967, p. 236.

Польскому народу страшной ценой пришлось расплачиваться за авантюризм «санационных» политиков. Раззадоривая их, фашистские заправилы ослабляли возможное сопротивление Польши разбойничьему нападению. 8 марта 1939 г., характеризуя агрессивные действия Германии в связи с предстоявшей в течение ближайших дней оккупацией Чехословакии, Гитлер заявил: «Затем последует Польша. Нам не придется ожидать тут сильного сопротивления»¹².

Это прекрасно понимали и правящие круги «западных демократий», предельно ясно сознававшие, что на пути к вооруженной антисоветской агрессии Гитлер должен разрушить польскую государственность. По мере приближения войны их позиция в отношении Польши и других восточно-европейских стран становилась все более циничной. В июне 1939 г. посланец Берлина Тротт цу Зольц встретился с рядом влиятельных официальных и неофициальных лиц из окружения британского премьер-министра. Его впечатления свелись к тому, что «лорд Лотиан и его друзья действительно готовы уступить Германии в вопросе о протекторате над Восточной Европой и предоставить ей свободу рук в экономическом отношении в Восточной Европе»¹³. В августе 1939 г., когда до разбойничьего нападения Германии на Польшу оставалось меньше месяца, в ходе тайных переговоров Геринга с английской делегацией, которую возглавлял официальный представитель Лондона, была достигнута договоренность провести в Швеции конференцию в том же составе, что и в Мюнхене, где было принято решение о разделе Чехословакии. Условие, на которое согласились эмиссары английского правительства, также не оставляло сомнений в том, какое решение примет новое совещание Германии, Италии, Англии и Франции. Предварительно было достигнуто согласие, что «Германия получит от Польши все, что хочет»¹⁴.

В основе всеобщего и поспешного отступления «западных демократий» перед постоянно возраставшими требованиями зарвавшегося агрессора лежал закоренелый антикоммунизм, страх перед тем, что сотрудничество с Советским Союзом в деле обуздания гитлеровской Германии поднимет престиж и укрепит влияние первой в мире страны социализма. «В страхе перед коммунизмом Англия

¹² СССР в борьбе за мир..., с. 225.

¹³ История дипломатии. М., 1965, т. 3, с. 785.

¹⁴ История второй мировой войны. М., 1974, т. 3, с. 149.

ползает на брюхе перед Гитлером», — записал в своем личном дневнике министр внутренних дел США Г. Икес¹⁵.

Гитлер, однако, не удовлетворился достигнутым и не желал ждать. Военные и дипломатические службы неуклонно следовали директиве, данной им на совещании 23 мая 1939 г.: «...польский вопрос обойти невозможно; *остается лишь одно решение — при первой подходящей возможности напасть на Польшу*»¹⁶.

1 сентября 1939 г. фашистская армия вторглась в Польшу. Началась вторая мировая война. Польская государственность перестала существовать.

В книге Т. Валихновского обстоятельно рассказано о создании буржуазных органов сопротивления в Польше, раскрыта тактика пролондонского подполья, сущность его лозунга «оружие у ноги». Хотелось бы только дополнить этот кропотливый и достаточно точный анализ рядом заслуживающих внимания обстоятельств. Первое. Тактика выжидания являлась не только следствием действий собственно польской реакции. Она соответствовала глобальным выкладкам буржуазного лагеря, приберегавшего силы для борьбы против Советского Союза после того, как удастся договориться с Германией или она потерпит поражение. Западные державы видели в Польше не равноправного союзника, а страну, судьбами которой они вольны распоряжаться полностью. Еще накануне войны в мае 1939 г. англичане и французы договорились, что в случае возникновения войны с Германией они не станут оказывать Польше действенную помощь. «Судьба Польши, — указывалось в документе военных штабов Великобритании и Франции, — будет определяться общими результатами войны, а последние, в свою очередь, будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале [войны]»¹⁷.

И после того как война началась Польшу продолжали считать разменной монетой в торге с Гитлером. Даже когда в Англии на смену «мюнхенцу» Н. Чемберлену пришло правительство У. Черчилля, стремление к сговору с Германией исчезло не сразу. Виднейший английский историк вто-

¹⁵ The Secret Diaries of Harold L. Ickes. New York, 1954, vol. 2, p. 574.

¹⁶ СССР в борьбе за мир..., с. 413.

¹⁷ Батлер Д. Большая стратегия. — М., 1959, с. 33—34.

рой мировой войны Дж. П. Тэйлор отметил это обстоятельство, указав, что даже Черчилль, когда его хорошенько прижали, 27 мая 1940 г. высказался в пользу предоставления Гитлеру «господства над Центральной Европой»¹⁸.

Естественно, что в обстановке продолжавшихся попыток договориться с агрессором западные державы не только не вели активных боевых действий на фронте, но и не были заинтересованы в развертывании вооруженной борьбы польского народа против захватчиков.

Однако в то же время — и это является вторым обстоятельством, заслуживающим пристального внимания, — империалисты Англии и Франции не ограничивались пассивными действиями и не призывали к ним своих польских подчиненных, когда речь заходила о сколачивании антисоветских сил, о планах новых вооруженных авантур против социализма. В конце января 1940 г. в английском министерстве иностранных дел дебатировался вопрос о планах вооруженного антисоветского восстания на западноукраинских землях. Подводящий итоги обсуждения лорд М. Хэнки, игравший немаловажную роль в выработке английской внешней политики в течение десятилетий, отметил, что восстание необходимо отложить «до лета 1941 г.: тогда мы используем его и против русских и против немцев»¹⁹. Однако английский лорд, видная фигура в правительственных сферах Великобритании, которого биографы называли «человеком тайн»²⁰, лукавил и со своими младшими коллегами. Для того чтобы нанести ущерб Германии — противнику Англии в войне, не нужно было ожидать лета 1941 г. Речь шла об очередной антисоветской вооруженной авантюре. Вспоминая события начала лета 1941 г. и прежде всего «неожиданный» визит Г. Гесса в Англию, не вернее ли расценить ремарку М. Хэнки как еще одно свидетельство непрекращавшихся попыток сговора между наиболее реакционными кругами западных демократий и фашистскими державами с целью совместного антисоветского похода. Польская буржуазная эмиграция, «санационного» происхождения во всяком случае, сочувствовала этим планам и была готова в любой момент включиться в их осуществление.

¹⁸ Яковлев Н. Н. Год 1939-й : Взгляд 40 лет спустя. — Вопросы истории, 1979, № 8, с. 7.

¹⁹ Public Record Office (London). F. O. 371. Political. Poland. Files 132—276. 1940. 24473. C 1765/236/55.

²⁰ Roskill S. W. Hankey. Man of secrets. London, 1972, 2 vs.

Однако и в той напряженной и сложной обстановке история развивалась не по сценариям и календарю реакционеров. Нападение фашистской Германии на СССР, совершенное 22 июня 1941 г., всколыхнуло народные массы, активизировало прогрессивные силы движения Сопротивления, увидевшие в героической борьбе советского народа против гитлеровского нашествия пример для собственных действий.

И третье, заслуживающее быть отмеченным, обстоятельство: «просанационное» командование вооруженного подполья, подчинявшегося лондонскому эмигрантскому правительству, — несмотря на гитлеровскую оккупацию — никогда не прекращало враждебных антисоветских акций, ни на минуту не отказывалось от подготовки к участию в широкомасштабном походе против СССР. Вот несколько фактов.

Еще в марте 1940 г. К. Соснковский, которому непосредственно подчинялся ЗВЗ (*Związek Walki Zbrojnej* — вооруженная подпольная организация, созданная в январе 1940 г.; в феврале 1942 г. переименована в Армию Крайову), приказал приступить к диверсиям и саботажу на железных дорогах, в системе связи, на нефтепромыслах и складах топлива. Подпольной и разведывательной сети, созданной на территории воссоединенных с СССР западно-украинских и западнобелорусских земель, предписывалось совершать акты террора против поляков, сотрудничавших с советскими властями. Начальник штаба ЗВЗ полковник А. Кендзьор, в недавнем прошлом наблюдатель в армиях Франко во время гражданской войны в Испании, в меморандуме от 15 мая 1940 г. ратовал за организацию диверсий на советской территории, возвращение к вынашивавшимся пилсудчиками планам организации сепаратистских акций на Украине, Кавказе и в других районах СССР, за усиление подрывной пропаганды среди советских граждан. 3 ноября 1940 г., утвердив представленные командованием ЗВЗ «Директивы для районов и округов, находящихся под советской оккупацией», К. Соснковский обрушился на руководство этой организации с градом упреков. «К нам поступают, — возмущался матерый антисоветчик, — чрезвычайно редкие и в целом не представляющие ценности сведения о советских войсках». Генерал предписывал: «Наиболее неотложным делом является представление О. де В.* советских войск в Польше (речь шла о западноукраин-

* *Ordre de Bataille* (франц.) — боевое расположение.

ских и западнобелорусских землях.— Р. С.) и, поскольку это явится возможным, в Одесском военном округе». Эмигрантский Лондон интересовался не только секретными разведывательными данными. Он нацеливал своих подчиненных на немедленные антисоветские действия, направленные на срыв очередного призыва в Красную Армию. Соснковский требовал организовать дело так, чтобы уклонявшиеся от призыва советские граждане переправлялись в оккупированную Польшу «даже в том случае, если бы им угрожал вывоз на работы в Германию». В апреле 1941 г. для ведения подрывной работы на Виленщине, западнобелорусских и западноукраинских землях К. Соснковским было выделено 90 тыс. долларов — почти треть бюджета ЗВЗ.

Однако ни старые приемы пилсудчиков, ни американские доллары не помогали. Разведывательные группы ЗВЗ на советской территории были своевременно обезврежены органами государственной безопасности.

С полным основанием польский исследователь Р. Назаревич, из содержательной монографии которого взяты приведенные выше факты, констатировал: «Сравнение содержания приказов и инструкций относительно текущих действий ЗВЗ ясно указывает на стремление командования ЗВЗ к дальнейшей активизации и обострению повседневной борьбы против СССР прежде, чем против Германии. Звенья ЗВЗ в оккупированной Польше не получали приказов совершать акты диверсии и террора или иные действия, направленные непосредственно против гитлеровской армии и администрации, не было также призывов к массовому дезертирству поляков, взятых на службу в вермахт. Напротив, активные выступления против оккупантов признавались недопустимыми, а виновным в ослушании угрожали серьезными последствиями...»²¹

В основе таких действий лежала классовая солидарность «санационной» польской буржуазии с наиболее реакционными силами международного империализма, стремившимися к сговору с Гитлером и тотальному антисоветскому походу. Приближение его ожидавшихся сроков вызывало усиление антинародной активности «санационных» кругов.

С момента вступления во вторую мировую войну СССР изменился ее характер, что выразилось и в резкой актив-

²¹ *Nazarewicz R. Drogi do wyzwolenia : Koncepcje walki z okupantem w Polsce i ich treści polityczne, 1939—1945.*— Warszawa, 1979, s. 43—44.

зации борьбы народов против фашистской Германии. Именно в такой позиции широких народных масс, стремившихся к союзу и сотрудничеству с советским народом, к равнению на него, усматривали буржуазные политики и военщина главную угрозу своим узкоклассовым интересам, надеждам на сохранение господства над польскими рабочими и крестьянами. А в том, каким в действительности является отношение трудящихся к Советскому Союзу и его великой освободительной борьбе, у эмигрантов и их агентуры в Польше не было ни малейших сомнений. Департамент внутренних дел делегатуры (представительства лондонского правительства в Польше) в предназначенном для внутреннего пользования докладе отмечал: «Эти настроения (симпатии и солидарность с СССР.— *Р. С.*), хотя и были особенно сильными среди городского пролетариата, а также безземельных и малоземельных, в условиях оккупации стали в высшей степени просоветскими в масштабах всего общества. Если бы в это время [на территорию Польши] вступили победоносные советские войска, массы оказались бы способными на такой взрыв энтузиазма, который вырвался бы из-под контроля элементов, выступающих за независимость (буржуазных партий и организаций.— *Р. С.*). Борьба Советской Армии вызвала удивление и признание. В рабочих и интеллигентских сферах борьба Красной Армии расценивается как торжество советского строя, который воспитал нового человека и сумел объединить идею социализма с национальными устремлениями».

Такой доклад встретил двойственное отношение в эмигрантском Лондоне. Политики «санационного» толка стремились активизировать антисоветские происки, с еще большим рвением пытались не допустить сотрудничества и союза между Польшей и СССР в войне против Германии. Иной была позиция более трезво мыслящих польских политиков, группировавшихся вокруг тогдашнего премьер-министра эмигрантского правительства генерала В. Сикорского. Несомненно, что настроения народных масс не в последнюю очередь сказались на некотором отходе В. Сикорского от исповедывавшейся им теории «двух врагов», выражением чего стало заключение советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г., установление дипломатических отношений между двумя правительствами и визит генерала в Советский Союз. Польский премьер-министр сделал определенный шаг на пути нормализации польско-советских отношений. Позицию Сикорского определял в

основном больший в сравнении с руководителями АК и его лондонскими коллегами реализм. В то же время классовая ограниченность премьер-министра, а также чрезвычайно сложные взаимоотношения внутри эмигрантской верхушки в Лондоне в ряде случаев толкали Сикорского к антисоветским шагам на международной арене. Сложная фигура генерала Сикорского — заметное явление в истории Польши периода второй мировой войны. Несмотря на всю противоречивость, В. Сикорский вошел в историю как видный и наиболее реалистичный буржуазный политик Польши этих лет. Посвящая редакционную статью памяти трагически погибшего премьер-министра, «Известия» охарактеризовали его как «крупного польского государственного и военного деятеля, с которым связан значительный этап в развитии польско-советских отношений»²².

Определенную долю реализма, во всяком случае в сравнении с некоторыми членами эмигрантского руководства и командованием АК, Сикорский проявил и в связи с дебатами, которые велись в верхах польской буржуазии по вопросу об отношении к советским войскам, которые придут в Польшу, громя фашистских захватчиков. Сикорский смог лишь наметить свою позицию в этом вопросе, ибо его обсуждение началось после Сталинградской битвы (до этого польские буржуазные деятели были уверены, что на территорию Польши вступят с запада англо-американские войска совместно с польскими частями, сформированными на Западе). 24 марта 1943 г. премьер-министр не поддержал планов вооруженного выступления АК против Красной Армии, когда она, преследуя гитлеровских поработителей Польши, перейдет советско-польскую границу²³. Раскрыть свою позицию полнее он не смог — 4 июля 1943 г. генерал Сикорский погиб при невыясненных обстоятельствах в авиакатастрофе над Гибралтаром. Его гибель окончательно развязала руки наиболее реакционным кругам эмиграции. Политические авантюры польской реакции неуклонно вели страну к трагическому Варшавскому восстанию осени 1944 г.

Перед тем как остановиться на событиях, непосредственно связанных с авантюристическим решением о начале восстания в Варшаве, отметим некоторые существенные черты политики польской буржуазии в период Великой Отечественной войны советского народа. Выше мы

²² Известия, 1943, 9 июля.

²³ Przygoński A. Powstanie Warszawskie w sierpniu 1944. Warszawa, 1980, т. 1, с. 25, przyp. 5.

останавливались почти исключительно на отношении лондонских и подпольных буржуазных органов к Советскому Союзу — первому в мире социалистическому государству, в создание которого внесли достойный вклад и сыны Польши, представители ее революционного пролетариата. Такой подход вполне закономерен. Отношение тех или иных социальных и политических сил к СССР определяло, в конечном итоге, отношение к будущему своего народа, ибо наша страна олицетворяет наиболее передовой и исторически прогрессивный общественный строй, будущее всего человечества. В общем для разного рода кругов зарубежной общественности отношение к социализму вплеталось в существовании давних исторических и революционных связей между польским народом и народами СССР.

Польская буржуазия классовым чутьем ощутила опасность, которую представляло для ее политических, экономических и государственных позиций восстановление этих животворных связей, нарушенных в послеверсальские годы. Она бросила на арену решающего противоборства весь давний арсенал борьбы против революционного российского пролетариата, обильно сдобренный практикой антинародных действий, приобретенной в межвоенные годы. Опираясь на многолетний классовый опыт борьбы против революции и прогресса, в которой реакция широко прибегала к отравленному оружию национализма и шовинизма, польская буржуазия сосредоточила главное внимание на распространении измышлений, направленных против интернационалистской сущности политики и действий Советского Союза, и вооруженных демонстрациях против Красной Армии-освободительницы. Активизируя антисоветскую деятельность, реакционные силы в эмиграции и Польше рассчитывали оживить насаждавшиеся в стране антирусские настроения, сплотить на базе шовинизма широкие массы, выступить в роли радетеля ими же недавно преданной национальной независимости. Словом, польская буржуазия избрала коварный тактический ход: под покровом и прикрытием антисоветизма сохранить классовое господство над страной.

В своей деятельности польская реакция зачастую солидаризовалась с гитлеровцами. В некотором роде она выступала в качестве одного из предшественников развязанной империалистами «холодной войны» против СССР. В самом деле, взаимоотношения между советским и польским эмигрантским правительствами, вынужденный разрыв с

польской стороной был уникальным явлением в истории антигитлеровской коалиции. Отношения СССР со всеми остальными ее участниками крепили и расширялись.

Польская реакция страшилась контактов населения с советскими людьми. Этот страх становился всепроникающим по мере того, как в стране усиливались позиции подлинных патриотов Польши — коммунистов и поднималась мощная волна антифашистской партизанской борьбы. Уже в первых числах января 1943 г. тогдашний командующий АК генерал «Грот»-Ровецкий писал из порабощенной гитлеровцами Польши в Лондон В. Сикорскому о безотлагательной необходимости выдвинуть программу общественных реформ для того, чтобы обмануть народные массы и отвлечь их от борьбы за подлинное преобразование экономической и политической жизни страны. «Для единой позиции народа наиболее грозной [опасностью] является возможность использования коммунистами общественных антагонизмов, которые обострились в результате [немецкой] оккупации. Привлекательность коммунистических лозунгов, усиленная последствиями войны и ...пропаганда могут вызвать фатальный раскол общественности. Поскольку результаты этого были бы плачевнее, чем последствия недостаточно подготовленных общественных реформ, считаю необходимыми быстрые акции по общественно-хозяйственной перестройке... Осуществление [такой] перестройки еще не представляется возможным, но в высшей степени необходимо не только достаточно заблаговременно обнародовать чрезвычайно радикальную и прогрессивную программу реформ, но и начать ее [осуществление] определенным количеством юридических актов. Полумеры и обещания здесь не выручат».

Опасения и паническое состояние имущих классов Польши продолжали нарастать по мере расширения масштабов поражения гитлеровских войск на советско-германском фронте и нараставшего размаха партизанской борьбы против фашистских оккупантов в Польше.

В середине октября 1943 г., когда победоносные советские войска вышли к Днепру, новый командующий АК генерал Бур-Коморовский предупреждал своих коллег: «Источником угрозы станет многотысячная масса поляков, деморализованных оккупационным режимом и брошенных в пропасть нужды... Они легко могут поддаться руководству коммуны... Легко пробудить среди этой массы анархические склонности, развязывание которых может предотвра-

тить только введение твердых норм безопасности и порядка».

Этого, по мнению польских буржуазных политиков, можно было добиться лишь двумя путями. О первом из них Бур-Коморовский в тот же день сообщил в Лондон:

«1. Уже теперь максимально интенсивное вооружение Армии Крайовой;

2. В критический момент скорейшее введение в страну не только наших частей, сформированных за границей, но и нескольких больших англосаксонских соединений, облеченных наиболее широкими полномочиями для борьбы с анархией и обеспечения безопасности».

О втором пути, предлагавшемся частью верхушки польской буржуазии, Бур-Коморовский сообщал Соснковскому в декабре 1943 г.: «Опасения перед полным крахом и коммуной порождают в имущих слоях настроения к перемирию с Германией на антисоветской платформе»²⁴.

Можно сколько угодно говорить о несбыточности планов предотвращения развития революционного процесса в Польше с помощью иностранных империалистических сил, но нельзя забывать об их существовании. Связанные догматами исторического прошлого, реакционные идеологи в период решающих побед Красной Армии над гитлеровской Германией мыслили категориями первой мировой войны, считая, что события будут развиваться по тогдашней (впрочем, несколько препарированной по буржуазным образцам) схеме: Германия потерпит поражение, Россия ослабеет, а западные союзники преподнесут имущим классам Польши государство.

Польская буржуазия и ее последыши вновь и вновь будут уповать на внешние факторы, на помощь империалистов в борьбе за узкоклассовые интересы. Так было раньше, так обстоит дело и теперь. Такова особенность действия контрреволюции в странах, где победа нового социального строя становится неизбежной. Со временем меняется лишь ее тактика, становятся все более изощренными способы борьбы против прогресса и революции.

Даже такой закоренелый контрреволюционер, как Бур-Коморовский, в конце 1943 г. (22 декабря) признал, что «быстрое провозглашение общественно-хозяйственных перемен в качестве начала перестройки Польши является неизбежным». Главной причиной, определившей тактические

²⁴ Skarżyński A. Polityczne przyczyny powstania warszawskiego.— Warszawa, 1964, s. 100.

кульбиты одного из отъявленных польских реакционеров, был страх перед неуклонно возрастающим влиянием авторитета Советской страны на умонастроения польских трудящихся. Бур-Коморовский считал, что:

«1. Под влиянием немецкого террора и советских побед среди населения ослабевают антисоветские настроения. В то же время, указанные события пробуждают желание приветствовать Советов как избавителей. В этих условиях СССР может стать привлекательным и с точки зрения общественного устройства.

2. Проблема возможного вступления в Польшу Красной Армии вызывает более сильное, чем прежде, акцентирование социальных моментов в [деятельности] всех политических направлений, что соответственно вызывает возрастание классово-политических антагонизмов, облегчая коммунистам [возможность] характеризовать официальные (лондонские.— *Р. С.*) элементы власти как орудие реакции.

3. Пропаганда ППР и других левых оппозиционных радикальных групп в последнее время оперирует обвинением в том, что, несмотря на обещания, польские власти не имеют намерения осуществить преобразования. В неискренних политически слоях эта пропаганда ведется довольно успешно и в определенных условиях может привести к тому, что радикальные элементы окажутся вне влияния официальных кругов.

4. Развитие событий происходит столь стремительно, что если опубликование правительственного воззвания будет задерживаться и далее, оно может быть интерпретировано как в стране, так и за границей как неискренний акт, являющийся результатом давления со стороны внешних факторов».

Далее Бур-Коморовский заклинал лондонское эмигрантское правительство поспешить и в связи с тем, что в ближайшее время предстоит опубликование Манифеста Крайовой Рады Народовой и в этом случае будут утрачены «важные козыри».

В погоне за такими козырями польская реакция не останавливалась перед предательством национальных интересов, не щадила жизней сынов и дочерей страны. Подобная позиция отбрасывала саму возможность объединения сил народа на борьбу против оккупантов, за возрождение Польши.

Игнорируя призывы коммунистов к созданию широкого фронта народного единства, к активизации борьбы против

фашистских захватчиков, руководители буржуазного движения Сопротивления, направляемые из Лондона, вели подготовку к развязыванию гражданской войны. Подпольная газета «Пшелом» — орган реакционного Стронництва народного, шовинистической партии, выражавшей интересы крупной буржуазии и помещиков, — открыто призывала к борьбе против лучших сынов Польши: «На призыв ППР, Гвардии Людовой и Армии Людовой можем ответить только усиленным уничтожением собственно польского коммунизма». С этой целью командование АК создало в 1943 г. специальный Паньстовый корпус безпеченьства (Корпус государственной безопасности).

Всячески ограничивая масштабы операций против гитлеровских оккупантов (одна из инструкций разрешала, например, только выборочные нападения на чинов гестапо и т. д.), главари реакции накапливали оружие. Согласно приказу командования АК от 15 ноября 1943 г. на текущие боевые операции разрешалось использовать лишь $\frac{1}{3}$ вооружения и боеприпасов, остальная часть предназначалась для целей восстания. Против кого? Читателя может удивить вопрос. Действительно, в условиях жестокой гитлеровской оккупации и порабощения Польши он мог бы показаться излишним. Однако факты подтверждают его полнейшую правомерность. Достаточно привести, например, рассуждения Бур-Коморовского из доклада от 14 октября 1943 г. «Восстание,— говорил командующий АК,— не может вспыхнуть даже в том случае, если положение врага на территории Польши предвещает успех восстания, а общее положение делает его нежелательным. Итак, мы не можем, например, вести дело к восстанию в том случае, если Германия, потерпев решительное поражение на западе и юге, будет еще прочно удерживать восточный фронт, прикрывая нас с этого направления. Ибо в этом конкретном случае ослабление Германии не в наших интересах». Но ведь именно в расчете на такой «конкретный случай» и строилась вся политика реакционного крыла движения Сопротивления, его внешне- и внутривнутриполитическая платформы. В конце 1943 г., в тот момент, когда Бур-Коморовский разъяснял стратегические и тактические замыслы руководства АК, становилось все очевиднее, что их основная посылка несостоятельна.

Оценивая изменение настроений в оккупированной стране, В. Гомулка писал польским коммунистам, находившимся в СССР, что «ожидание прихода Красной Армии является всеобщим даже в тех общественных слоях, кото-

рые являются противниками советского строя. В то, что другие армии освободят польский народ от гитлеровской оккупации, перестали верить»²⁵.

В такой ситуации Бур-Коморовский и заговорил о «конкретном случае», как бы прощаясь с указанными иллюзиями. Он напоминал о них, чтобы обратить внимание на существо позиции реакции, подчеркнуть необходимость изменения тактических приемов, с помощью которых уже нельзя было достичь стратегической цели польской буржуазии — вернуться к власти и ослабить прогрессивные силы народа. Тактика антинародной борьбы подлежала изменению.

Их отразил разработанный в конце 1943 г. план «Буря», носивший, по признанию руководства АК, «политикодемонстративный и оборонительный характер». Существенными элементами плана, который предполагалось осуществить в период всеобщего отступления немецких войск, были вооруженные выступления, а при возможности — захват нескольких ключевых стратегических пунктов и важных городов после отхода отступающих гитлеровцев, но перед занятием их советскими войсками, и провозглашение там польской буржуазной администрации. План «Буря» принимался в период, когда ускорились размежевание сил в польском движении Сопротивления, когда крестьянские Батальоны хлопские* все решительнее отходили от АК, а ее рядовые члены стремились активизировать свою борьбу против оккупантов, действуя в отдельных районах совместно с Армией Людовой. В этих условиях новая авантюра пролондонского лагеря была направлена на свертывание всенародной антифашистской борьбы польского народа, придание ей характера выгодного эгоистическим узкоклассовым интересам буржуазии.

Главным, если не сказать единственным районом действия «Бури», поначалу были воссоединенные с Советской родиной западноукраинские, западнобелорусские земли и район Вильнюса. Акция «Буря» предпринималась в тот момент, когда Советское правительство не поддерживало нормальных дипломатических отношений с польским правительством в Лондоне, а на территории Польши развора-

²⁵ Ibid., s. 97.

* Военные крестьянские формирования, принимавшие участие в вооруженной борьбе против оккупантов. Подчинялись руководству крестьянской партии — Стронництво людове. Часть отрядов в 1943 г. была включена в АК, часть сотрудничала с Армией Людовой и в конце войны вошла в ее состав.

чивал деятельность подпольный парламент демократических сил страны — Крайова Рада Народова.

Первоочередной задачей «Бури» была попытка «поддержать» несостоятельные претензии польской буржуазии на западные советские территории. Захватив за несколько часов до вступления советских войск Львов или Вильнюс, части АК должны были провозгласить там власть польского эмигрантского правительства, подкрепив тем самым упорное нежелание польской реакции считаться с непреклонными фактами исторического развития, с осуществлением национальных чаяний украинцев, белорусов и литовцев, насильно включенных в состав буржуазной Польши после первой мировой войны. План «Буря» провалился. На литовских землях части АК, занимавшиеся антисоветскими акциями, были разоружены; на западноукраинских — упорное нежелание сотрудничать с частями наступающей Красной Армии и партизанами Армии Людовой привело к тяжелому поражению частей АК на Волыни. А советские войска в ходе успешного наступления освободили западноукраинские, западнобелорусские и литовские земли и вышли к государственной границе с Польшей.

В этих условиях план «Буря» перерос антисоветскую направленность, выявил свою подлинную антинародную суть и привел к национальной трагедии. Будучи не в силах воспрепятствовать историческому прогрессу, руководители лондонского эмигрантского правительства и АК с возрастающим беспокойством следили за победами Красной Армии, успехами демократических сил польского народа. В ответ на создание Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и начало освобождения Польши советскими войсками командующий АК, в полном соответствии с предписаниями лондонского эмигрантского правительства, издал приказ об овладении Варшавой по крайней мере за 12 час. до вступления в город советских войск. Целью такого решения была уже не попытка сохранить господство над «Восточными территориями», которые почти пять лет назад стали советскими, а стремление открыто вступить в борьбу за власть с демократическими силами самой Польши, их правительством, начавшим деятельность в освобожденных районах. «Эмигрантское польское правительство в Лондоне, делегатура в стране и командование Армии Крайовой, — указывает польский историк и общественный деятель С. Вроньский, — приняли решение о восстании с целью овладения Варшавой, образования там так называемого Крайового Совета министров, который

выступил бы в роли единственной законной власти в Польше, естественно, такой Польше, общественное устройство которой основывалось бы на конституции 1935 г. ... Естественно, о демократическом происхождении власти не могло быть даже речи. Никто из представителей этой власти не был избран в результате демократических выборов, ведь и конституция 1935 г. не была демократической. Таким образом, предполагалось воссоздание буржуазной, антикоммунистической и антисоветской Польши»²⁶.

За несколько дней до приказа Бур-Коморовского о восстании штаб АК признал бесперспективным с военной точки зрения ведение вооруженной борьбы в таком большом городе, каким была столица Польши. Решение о восстании было принято в спешке ввиду начинавшегося визита премьера эмигрантского правительства С. Миколайчика в Москву. Оно должно было укрепить позиции лондонцев на переговорах с И. В. Сталиным и другими советскими руководителями и убедить правительство СССР отказаться от интернационалистской поддержки демократических сил польского народа.

Вопросы, связанные с Варшавским восстанием, с крайне авантюристическим решением о его начале, достаточно подробно рассматриваются в книге Т. Валихновского. Хотелось бы дополнить читательское представление о событиях лишь немногими фактами. Первое. В момент подготовки к восстанию, в ходе его проведения суммы на антикоммунистическую пропагандистскую деятельность превышали расходы АК на антинемецкую пропаганду. Второе. В период, когда варшавские жители героически сражались на баррикадах, безоружные поднимались в атаки против германских танков, командование АК не только оказалось неспособным перебросить на помощь гибнущей столице отряды из других районов страны, но и проявило нежелание сделать это. Двигавшиеся на Варшаву соединения АК сосредоточились в Келецком воеводстве. После того как стало ясно, что овладение столицей Польши неосуществимо, они получили приказ захватить другой польский город — Радом или Кельце, Краков или Тарнув «по меньшей мере за два или три дня до вступления большевиков». Трагедия Варшавы не изменила авантюристической тактики реакции. Пренебрегая жизненными интересами народа и самой жизнью поляков, она мечтала лишь о том, как захватить власть.

²⁶ Nowe drogi, 1979, N 8, s. 13.

Третье. Командование АК не сочло необходимым даже в тот момент, когда в Варшаве лилась польская кровь, отменить инструкцию о диверсионной деятельности на железных дорогах. Распоряжение подрывать только пути, ведущие с востока на запад (на двухколейных магистралях подрывалась только одна, соответствующая линия), осталось в силе. Германское командование получило возможность направлять для подавления Варшавского восстания отборные эсесовские части с запада.

Четвертое. Командование АК, в противовес настроением ее рядовых бойцов, активно противилось совместным боевым действиям с отрядами Армии Людовой в восставшей Варшаве, ярко продемонстрировавшим стремление к единству в борьбе против фашистских поработителей.

И, наконец, пятое. Одновременно с решением о Варшавском восстании части АК перешли к вооруженному террору, направленному против прогрессивных сил. Если до этого (в марте 1943 г. в Борове) отряды АК нападали на бойцов Гвардии Людовой и Армии Людовой, то теперь расправлялись с прорвавшимися через немецкое окружение коммунистами, убивали гражданских лиц, т. е. практически развязывали гражданскую войну. Первым в этой войне от рук аковцев пал 30 июля 1944 г. беспартийный учитель Я. Низиньский, назначенный уездным инспектором в Хелме. Комментируя эти события, З. Залусский пишет, что тогда поляки «еще не знали, что в гражданской войне уже пролилась кровь»²⁷. Знакомая картина! Так всегда действовали те, кто разжигал гражданскую войну: в грозные послеоктябрьские дни в нашей стране, сегодня в Никарагуа или Афганистане. Почерк у реакции всегда был удивительно схожим, приемы — подобными.

Вооруженная борьба против Народной Польши велась буквально с первых дней ее возникновения. Она длилась четыре года, достигая порой значительных масштабов. По неполным данным, приводимым польскими исследователями, в 1944—1948 гг. на территории страны действовало свыше 1400 различных нелегальных организаций и вооруженных групп. Из этого числа по крайней мере 550 вело происхождение из АК или было связано с ее последышем ВиНом*. Банды вооруженного подполья действовали не

²⁷ Залуский З. Сорок четвертый: События, наблюдения, размышления. — М., 1978, с. 219.

* «Wolność i Niezawisłość» — «Свобода и Независимость», нелегальная организация, созданная в 1945 г. для вооруженной борьбы против Народной Польши из остатков АК, не желавших разоружиться. Занималась бандитизмом, грабежами и убийствами. Ликвидирована в 1947 г.

только на польской территории, но и в пограничной полосе, сотрудничая с бандитскими группами к востоку от советско-польской государственной границы. 25 мая 1945 г. в справке штаба пограничных войск Белорусского округа подчеркивалось: «Нет сомнения в том, что активизация бандитизма в нашем прикорме является следствием возросшей активности бандитизма на сопредельной стороне, о чем свидетельствуют факты террора против представителей власти, против актива на селе и против военнослужащих погранвойск».

Банды реакционного подполья целили в польско-советский союз и сотрудничество, преследуя не только представителей органов народной власти, коммунистов, но и демократические элементы в ППС и других партиях, беспартийных. Объектом подлых нападений вооруженных антисоциалистических сил были также советские воины и гражданские лица. «25 октября (1945 г.— *Р. С.*) на перегоне железнодорожного участка Любленок—Побенице внезапно загорелся железнодорожный мост впереди идущего эшелона с репатрированными гражданами СССР,— сообщалось в докладной записке командования части, охранявшей тыл Северной группы советских войск.— При локализации пожара эшелон был подвергнут обстрелу из винтовок...

Нападения на эшелоны с грузом для СССР, обстрелы воинских эшелонов, убийства военнослужащих Красной Армии производятся формированиями Армии Крайовой, НСЗ * и др., которые продолжают свою враждебную деятельность против Польского правительства национального единства и Красной Армии. Наибольшую активность аковцы проявляют в районах восточнее р. Висла, где отсутствуют воинские гарнизоны Войска Польского и Красной Армии... На железнодорожных магистралях Варшава — Радом отмечены случаи нападения и ограбления воинских эшелонов с оружием и грузом для СССР.

Как правило, аковцы совершают свои преступные действия, маскируясь под видом польских железнодорожников, солдат Войска польского и даже солдат и офицеров Красной Армии»²⁸.

* Конспиративная фашистская организация, созданная в сентябре 1942 г. Фактически поддерживалась оккупантами, ибо главным содержанием ее деятельности была борьба с Гвардией Людовой и Армией Людовой, убийства демократических деятелей и поляков, укрывавших евреев. Весной 1944 г. часть НСЗ вошла в состав АК.

²⁸ Пограничные войска СССР, 1945—1950 : Сб. документов и материалов.— М., 1975, с. 146.

В 1944—1948 гг. около 1 тыс. советских солдат и офицеров погибло от рук вооруженных бандитов.

Реакционное подполье совершало разбойничьи антисоветские акции не только на территории Польши; оно стремилось проникнуть и на советскую территорию. В истории боевой и служебной деятельности пограничных отрядов Западного округа отмечается: «Скрытая тайная шпионско-диверсионная война против СССР после окончания войны вспыхнула с новой силой...

В районах, прилегающих к пограничной линии как на сопредельной территории, так и в нашей погранполосе, действовали вооруженные отряды Армии Крайовой...

Польские националисты засылали на нашу территорию свою агентуру для установления связи с аковскими организациями и бандами, действовавшими на участке отряда...»²⁹

Силы реакционного вооруженного подполья наладили связи и сотрудничали с врагами социалистических преобразований в западных районах СССР, где Советская власть установилась незадолго до начала Великой Отечественной войны. Поддерживались контакты, например, с националистическим отребьем, действовавшим на территории Литовской ССР. Самый кровавый след оставило сотрудничество между реакционным подпольем в Польше и украинскими буржуазными националистами. В книге Т. Валихновского приводятся яркие факты, раскрывающие борьбу органов народной власти, Войска Польского с вооруженными бандами украинских буржуазных националистов. Указанным вопросам посвящены и другие исследования историков. Степень изученности этих проблем в литературе ПНР отнюдь не уступает исследованию проблем, связанных с борьбой против польского реакционного подполья. И все же небесполезно обратить внимание читателя на отдельные аспекты этой темы.

Сотрудничество-соперничество польской и украинской буржуазии и их политических организаций имеет давнюю историю. Остановимся лишь на некоторых ее фактах. Еще до момента создания ОУН ее будущие лидеры активно сотрудничали с польскими буржуазными деятелями. «Вождь» ОУН Е. Коновалец, еще в конце 1919 г. предал возглавляемый им корпус «сечевых стрельцов», который был разоружен и взят в плен белополяками. В период пе-

²⁹ Там же, с. 448.

начально известного «похода на Киев», предпринятого Ю. Пилсудским, самыми ревностными его сторонниками выступали наиболее ярые украинские националистические деятели. После бесславного краха этого «похода» Коновальцу в течение ряда лет предоставлялась возможность беспрепятственно приезжать и выезжать из закрытого для других украинцев Львова с целью создания антисоветских националистических организаций, которые буржуазная Польша рассчитывала использовать в своих агрессивных целях. Через несколько лет украинский буржуазный национализм переориентировался на германских фашистов, однако серьезное влияние Варшавы на политические и другие организации украинской буржуазии, продолжавшей действовать в эмиграции и на отторгнутых от Советского государства западноукраинских землях, сохранилось. За сотрудничество с «санационной» Польшей открыто выступала главная партия украинской буржуазии в Галиции и на Волыни — УНДО (Украинское национально-демократическое объединение). Эту же линию поддерживала и униатская церковь во главе с митрополитом Шептицким. Лица, тесно связанные с ОУН (Организация украинских националистов официально находилась в оппозиции к польскому правительству), принимали самое деятельное участие в организованном Варшавой так называемом «протетеевском движении», целью которого было расчленение СССР.

Теперь вернемся к обстоятельствам, которые в январе 1940 г. вызвали дискуссию в Форин оффис относительно вооруженного восстания в Западной Украине. Вопрос о нем всплыл как раз в связи с налаживанием контактов между украинскими буржуазными националистами и польскими эмигрантскими деятелями. 19 января 1940 г. британский посол в Бухаресте переслал в Лондон в ответ на запрос министерства иностранных дел копии двух меморандумов, переданных ему посольством в Румынии. В ответ на, очевидно, не случайный запрос Форин оффис из Бухареста сообщали: «Заметен возросший интерес, проявляемый здешним польским посольством к украинскому вопросу». Этот интерес материализовался в установлении контактов между представителями украинских буржуазных националистов и польского эмигрантского правительства для создания совместного комитета для ведения подрывных пропагандистских акций в Западной Украине и, наконец, в том новом импульсе, который получили давние планы «польско-украинской федерации». Перспективы последней и заинте-

ресовали британских дипломатов. Она приоткрывала завесу над проектами планировавшегося мировой реакцией восстания в Западной Украине и дальнейшего развертывания всеобщего антисоветского похода. Непосредственные переговоры с обеими сторонами вел представитель Интеллидженс сервис в бывшей английской военной миссии в Польше Карлтон³⁰.

В это же время английские дипломаты вели глубокий зондаж в направлении «украинско-польского сближения» среди членов польского эмигрантского правительства³¹. Шейлоковские расчеты правящих кругов Великобритании были выражены ответственным сотрудником министерства иностранных дел Дж. У. Уотсоном, который писал: «Ясно прежде всего, что все державы не захотят после окончания войны с нацизмом предпринимать усилия против России больше, чем это необходимо. В частности, для нас окажется более легким и дешевым создать полякам и украинцам условия для удаления русских из «Восточной» Польши, чем делать это собственными силами. Даже если поляки и украинцы будут лишь сотрудничать, окажется возможным прервать линии сообщений между Россией и ее новыми территориями, таким образом парализовать механизированные части, на которые она полагается и которые не смогут функционировать без необходимого снабжения. Как представляется, поляки удовлетворены тем, что желаемое украинское (националистическое.— *Р. С.*) сотрудничество обеспечит бездействие немногих дорог и железнодорожных линий, которое удастся поддерживать путем постоянного саботажа. Когда придет время, мы будем должны только заниматься поставками легкого оружия и других средств партизанской войны»³².

Нетрудно заметить, что в 1944—1948 гг. реализовать подобный план совместными действиями реакционного подполья и сотрудничавших с ним украинских буржуазных националистов в широких масштабах не удалось. Причины этого не зависели от западных дипломатов — неизмеримо возросла боевая мощь и международный авторитет Советского Союза. Вопрос о боевом снабжении «польско-украинской федерации», естественно, также отпал. Однако сам факт существования подобных планов и попытка осу-

³⁰ PRO. F. O. 371. Political. Poland. Files 132—276. 1940. 24473, C 1765/236/55.

³¹ Ibid., Political Central. Poland, 1940. 24479, C 986/986/55.

³² Ibid., Political. Poland. Files 132—276. 1940, 24473, C1765/236/55.

существовать хотя бы их часть свидетельствуют о многом, и прежде всего о том, что сотрудничество между польской и украинской буржуазией в значительной степени диктовалось интересами международного империализма, его анти-советской политикой.

На пути сколачивания буржуазного польско-украинского блока стояло и немало преград, так сказать, внутреннего свойства, вытекавших из природы и взаимоотношений между этими двумя реакционными силами. Порой они казались непреодолимыми. Однако попытки добиться «взаимопонимания» не прекращались в течение всего последующего периода, причем инициатива далеко не всегда исходила от более слабого — украинского буржуазно-националистического партнера. В ряде случаев с ней выступали различные польские круги.

В марте 1940 г. Соснковский поручил командованию ЗВЗ вступить в «осторожные контакты» с украинскими буржуазными националистами. В информации от 13 июня 1941 г. предусматривалось, что в организации актов саботажа и диверсий на советской территории ЗВЗ должен сотрудничать с ОУН³³.

В таком направлении должны были «сближаться» представители двух антинародных сил.

Покровителем «польско-украинского сближения» всегда выступала католическая церковь, грезившая планами экспансии на восток. Конкретным носителем идей «федерации» был униатский митрополит А. Шептицкий, еще до войны считавшийся одним из крупнейших авторитетов по «украинско-польскому сближению» *. К нему и обратились уже в военные годы с просьбой помочь в налаживании сотрудничества этих двух буржуазных сил. Об этой просьбе рассказывает представительница одной из наиболее родовитых польских фамилий З. Шембек, приходившаяся двоюродной сестрой А. Шептицкому и его брату генералу С. Шептицкому, бывшему начальнику генштаба польской армии. В период немецкой оккупации генерал проживал в карпатском городе Корчине. «На второй или третий год оккупации,— рассказывает в воспоминаниях, хранящихся в Оссолинеуме, З. Шембек,— его навестил будущий редактор «Тыгодника варшавского» Е. Браун, который

³³ *Nazarewicz R. Op. cit., s. 43.*

* В самый канун войны английские дипломаты получили от него подробные сведения о внутривнутриполитическом положении в Польше и на западноукраинских землях, о взаимоотношениях там буржуазных сил.

мечтал в те времена о соединении славянских народов и государств и возглавил тайную организацию «Уния» *. Не знаю, был ли он знаком со Стасем раньше, по Кракову, вероятно, был, ибо попросил рекомендательное письмо к митрополиту Андрею, которого хотел привлечь к участию в этом деле. Такое рекомендательное письмо Браун получил. Митрополит принял его чрезвычайно радушно, идея соединения славян всегда была ему близка. В то же время митрополит не смог порекомендовать ему ни одного украинца, который захотел бы участвовать в польском лондонском правительстве» ³⁴.

Приведенный факт свидетельствует об активной роли Шептицких и вообще католических кругов в установлении контактов между двумя антинародными силами, о крайней заинтересованности польской эмиграции в налаживании сотрудничества с украинским буржуазным национализмом, о ее готовности поступиться даже министерским постом. С течением времени, по мере неуклонного ослабления позиций внутри страны и за ее пределами эта заинтересованность усиливалась.

Как утверждают авторы книги «Дорога в никуда», «руководство польского пролондонского подполья установило контакты с представителями украинских националистов еще в 1942 г.» ³⁵. В числе главных задач предусматривалось «занятие общей позиции в отношении советских требований». Эти контакты участились в связи с приближением наступавшей Красной Армии. В мае 1943 г. состоялась встреча командующего АК в Западной Украине генерала К. Савицкого с представителем оуновцев. Последний получил приглашение посетить Варшаву для дальнейших переговоров. Представитель ОУН не прибыл в распоряжение главнокомандования АК, зато оттуда в начале ноября 1943 г. направился во Львов эмиссар делегатуры лондонского правительства. В первой половине 1944 г. он неоднократно встречался с оуновцами. В момент краха фашистской Германии переговоры между двумя сторонами акти-

* Политическая и военная подпольная католическая организация, созданная на рубеже 1939—1940 гг. Военные формирования «Унии» — так называемое «Польске войско унийне» в 1942 г. вошли в состав АК.

³⁴ Zakład Narodowy im. Ossolińskich (Wrocław), 14473/II, cz. II, k. 244.

³⁵ *Szcześniak A., Szota W. Droga do nikąd.* — Warszawa, 1973, s. 322. Ряд дальнейших фактов о сотрудничестве между польским реакционным подпольем и украинскими буржуазными националистами приводится по указанному источнику.

визировались. Их главной целью становилось налаживание совместной вооруженной борьбы против СССР и Народной Польши: решались оперативные задачи, устанавливались общие пароли и сигналы. В докладе Управления пограничных войск Украинского округа отмечалось: «В целях объединения контрреволюционных сил для совместной борьбы против СССР командование УПА и АК стремилось к взаимному соглашению. Это соглашение в низах местами было достигнуто в мае-июне 1945 г.»³⁶. 21 мая на территории Польши состоялась встреча эмиссара главного провода ОУН Е. Лопатинского с делегацией польского антинародного подполья. Речь шла о более тесном сотрудничестве, в том числе УГВР* и польского эмигрантского правительства, снова возник вопрос о возможном создании федерации буржуазных Польши и Украины, в связи с чем «вопрос о границах мог быть снят с повестки дня». Констатировалось, что на территории Западной Украины «уже завязались дружественные отношения», а в районе Стрия вооруженные силы обеих сторон совместно выступают против Советской власти. Было заявлено, что польские вооруженные формирования не встретят препятствий при переходе с советской территории на польскую в случае начала широких военных операций против СССР.

А ведь именно всеобщая война стала после разгрома гитлеровской Германии главной целью как польского антинародного подполья, так и ОУН. Характеризуя политическое положение в Польше, представитель подполья М. Голембиовский в полном инсинуаций и безмерной похвалы заявил: «Дело идет к вооруженному конфликту с Советами, ибо все свидетельствует о том, что они добровольно Польшу не оставят и на уступки не пойдут. После того как мы разделаемся с Советами... украинский вопрос может оказаться на форуме международной политики, однако он будет решен надлежащим образом, если отношения между двумя народами (антинародными силами.— Р. С.) будут перед этим урегулированы дружественным образом».

О всеобщем «крестовом походе» против СССР, в котором стремились принять участие польские и украинские вооруженные банды, речь шла и на конференции, состояв-

³⁶ Пограничные войска СССР..., с. 260.

* «Українська головна визвольна рада». Создана в заключительный период войны украинскими буржуазными националистами для маскировки их сотрудничества с германским фашизмом и облегчения перехода на службу к империалистам США и других западных держав.

шейся год спустя, когда польское вооруженное подполье, потерпев серьезные поражения, преобразовало АК в отряды бандитской ВиН и возлагало большие надежды на развязывание международным империализмом войны против СССР. Открывая сборище, шеф пропаганды люблинского округа ВиН «Остоя» заявил, что мир разделен ныне на два блока. В ближайшее время между ними предстоит война, однако трудно предвидеть, что она возникнет уже в 1946 г. В связи с этим и выдвигалась задача координации сил польского подполья и украинских буржуазных националистов. «...Собственно говоря,— продолжал «Остоя»,— не существует разногласий, которые могли бы воспрепятствовать подлинному сближению». Выступавший предложил урегулировать все вопросы до 1 августа 1946 г., которое должно было стать днем подписания «польско-украинского соглашения». Представитель ОУН «Равич», отражая направленность деятельности украинских буржуазных националистов, заявил: «Особенно важно сотрудничество Украины с Польшей (украинского национализма с польской реакцией.— Р. С.) в борьбе против большевизма».

Свой вклад в разработку планов и направлений антинародных, антисоветских выступлений внес и командир грубешовских подразделений ВиН Ю. Домбровский («Азия»), раскрыв взгляды польской буржуазии на существо «федерации Польши и Украины» и общеславянского сотрудничества. «Возможно сотрудничество всех славянских народов,— кликушествовал он,— исключая русских, которые собственно не являются славянами, ибо они смешаны с различными неславянскими племенами и придерживаются отдельной идеологии, не совпадающей с общеславянской... Идея сожителства и сотрудничества должна соединить два народа — польский и украинский. Украина будет поставлять Польше сельскохозяйственные продукты, а Польша [Украине] — изделия промышленности».

Приведенные факты свидетельствуют о том, что основные направления, планы и цели сотрудничества между антинародными силами Польши и Украины не претерпели особых изменений. Новая историческая обстановка, сложившаяся в результате победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа, сделала невозможным продолжение этого сотрудничества в существовавших ранее масштабах, что повлияло и на формы деятельности двух сообщников. Она не подкреплялась теперь заключением широковещательного договора, каким был когда-то печально известный «союз» Пилсудский — Петлю-

ра. Но сотрудничество польской реакционной эмиграции и украинского буржуазного национализма основывалось на более прочном, чем формальные соглашения, фундаменте. Им была классовая сущность обеих антинародных сил, до предела обнажившаяся вследствие серьезнейших поражений в борьбе против демократии и прогресса. Предчувствие неотвратимости близкой гибели придавало этому молчаливому, но деятельному сотрудничеству особо уродливые формы. Несмотря на десятки и сотни обязательств не истреблять гражданского населения, взаимно взятых этими крайне шовинистическими силами, жестокая резня польского и украинского населения продолжалась. Правда, теперь, после освобождения западноукраинских земель и Польши, при массовых убийствах на национальную принадлежность обращалось намного меньше внимания. Целые села вырезались там, где устанавливалась новая власть. Польская реакция жестоко расправлялась с поляками, которые оказывали помощь Красной Армии и отрядам Армии Людовой; ОУН и УПА зверски убивали украинцев, поддерживающих Советскую власть.

«По данным Белорусского округа,— сообщалось в сводке Главного управления пограничных войск СССР за период с 15 по 26 мая 1945 г.,— бандгруппой численностью 200 чел., входящей в бандсоединение Армии Крайовой, возглавляемой «Лушашко», 22 мая сожжен белорусский пос. Тополяны (24 км юго-восточнее г. Белосток)»³⁷. А вот характерный пример злодеяний УПА, взятый из донесения Управления погранвойск Юго-Западного округа от 8 июня 1945 г.: «4 июня в 01 час 00 мин 4 вооруженных бандита по принадлежности УПА явились в с. Туханск в дом гражданина Волк Михаила, предложили следовать за ними. М. Волк отказался выполнить требования бандитов. После чего выстрелом из винтовки, произведенным бандитом, М. Волк убит. Бандиты оставили приговор УПА, датированный 2 июня 1945 г., забрали красноармейское обмундирование и ушли. М. Волк являлся инвалидом Отечественной войны, вернувшимся из госпиталя. В ту же ночь теми же бандитами повешен житель того же села Соседко Николай, 60 лет, поляк. На груди повешенного обнаружен приговор УПА»³⁸.

Действия банд УПА на польской территории активизировались в связи с переселением украинского населения

³⁷ Пограничные войска СССР., с. 248.

³⁸ Там же, с. 249—250.

из Польши на Украину. «Переселение украинского населения из Польши в СССР,— докладывали пограничники,— стало лишать банды УПА материальной поддержки и вообще надежной базы их существования в Польше. Банды с особой жестокостью начали проводить в польском прикорме борьбу с целью недопущения переселения украинцев в СССР. Однако, видя, что переселение происходит организованно и воспрепятствовать этому невозможно, руководители УПА и ОУН отдали распоряжение: «Борьбу против переселения продолжать всеми методами. Имущество, особенно недвижимое, принадлежащее украинцам, уничтожать путем сжигания». В этих действиях украинские буржуазно-националистические бандиты опирались на разностороннюю поддержку польского вооруженного анти-социалистического подполья.

Однако основным объектом бандитских нападений продолжали оставаться сотрудники органов безопасности, военнослужащие, работники партийного и государственного аппарата. Украинские и польские националистические банды предприняли совместное нападение на уездный город Хрубешов. «18 мая [1946 г.] в районе [г. Ярослав] аковской бандой «Жубрида» были убиты начальник штаба 8-й пехотной дивизии Войска польского подполковник Равевский, два бойца Красной Армии и уполномоченный украинской комиссии по переселению Пивоваров...»³⁹.

Подобных фактов и примеров огромное множество. Чувствуя неизбежную гибель, враг, как и всегда в гражданской войне, прибегал к неслыханным зверствам и злодеяниям. И все же героизм коммунистов, солдат и офицеров, растущая поддержка населения неумолимо приближали час окончательной ликвидации вооруженного анти-социалистического подполья. В Польше его разгром по существу был завершен в 1948 г. Это ярко и убедительно показывает в своем исследовании Т. Валихновский.

События, о которых повествуется в книге, не стали далекой историей. Многие из них отзывались и в жизни братской нам Народной Польши в 1980—1981 гг., в трудный период вылазок реакции. Для внимательных и дальновидных современников активизация реакции не была неожиданностью. Яркий и интересный польский писатель З. Залуский в своей незаурядной книге «Сорок четвертый», которой дан значимый подзаголовок «События, наблюдения, размышления», с горечью писал о неизбежных и не

³⁹ Там же, с. 328.

скоро изживаемых следах, которые оставляют в сознании многих граждан усилия реакции, стремящейся расколоть народ, приступивший к строительству новой жизни. «Давно уже утратили смысл,— писал З. Залуский,— вероятно, самые важные в свое время цели «Бури»: демонстрация ушедшего в прошлое польского характера восточных земель, показ «обоснованности» власти польского лондонского правительства, защита старорежимной Польши — ее географических очертаний, ее политического содержания и классовой сущности. Все это стало далеким историческим прошлым, столь же далеким, как и границы 1772 г., и извечные законы шляхетской вольности и демократии. Все минуло, развеялось и испепелилось вместе с *liberum veto* * конституцией иноверцев и сиятельнейшей гарантией. Но разве от «Бури» так уж ничего не осталось? Разве она не повлияла на человеческие судьбы? Разве она не сказывается еще и сегодня на позициях людей, не возвращается в воспоминаниях? Сами авторы «Бури» уже ничего не значат. Но исчезли ли все последствия их деятельности? Разве эти последствия, зачастую нераспознанные, не до конца осознанные, уже умерли?»⁴⁰

Вопросы, поставленные З. Залуским, как показал последующий ход событий в Польше, не были праздными. Ответ на них содержался в самой их сути. Неудивительно поэтому, что, развернув в 1980 г. широкую идеологическую атаку на социализм, стремясь всеми средствами разжечь националистические настроения в стране, контрреволюционные элементы, а также их империалистические покровители подвергли особым нападкам период создания и упорочения Народной Польши, 1944—1948 гг., которым посвящена настоящая книга.

Искажению подвергался каждый сколько-нибудь значительный шаг народной власти, предпринимались попытки преуменьшить вклад руководимых коммунистами Гвардии Людовой и Армии Людовой в героическую борьбу польского народа против фашистской оккупации; постоянно рассказывая о героических, достойных уважения и признания самоотверженных поступках рядовых солдат Армии Крайовой, зачастую забывали вспомнить о недостойной политической игре ее командования и руководителей в лице поль-

* Право, по которому любой депутат мог наложить запрет на решение сейма, даже если все остальные участники заседания высказались в его пользу.

⁴⁰ Залуский З. Указ. соч., с. 64.

ского эмигрантского правительства, об их преступлениях, совершенных против собственного народа.

Для дискредитации социализма и его ослабления использовались не только идейное оружие прошлых лет, не только искажение событий героического периода 1944—1948 гг., не только шельмование создателей новой Народной Польши — первого в истории польского народа подлинно свободного государства рабочих и крестьян. В ход была пущена и практика контрреволюционного подполья: осквернение могил советских воинов, отдавших жизнь за освобождение Польши от гитлеровского ярма, клевета и угрозы в адрес коммунистов, саботаж. За границами Польши реакционные круги эмиграции, тесно связанные с контрреволюционной верхушкой «Солидарности», вновь стали активно контактировать с украинскими буржуазными националистами. Ныне это сотрудничество освящается Ватиканом. А ведь украинские буржуазные националисты в такой же степени повинны в резне поляков в годы войны, в какой польское реакционное подполье — в убийствах украинского населения. Теперь же среди деятелей «Полонии», как об этом писали варшавские газеты, подвизаются деятели бандитской УПА. Такие сатанинские гримасы истории свойственны только уходящим классам.

О том, что они напрочь отброшены широкими народными массами свидетельствует решительная отповедь, которая была дана попыткам оболгать период становления социалистической Польши. Речь идет о сборе средств на памятник «Погибшим на службе и защите Народной Польши», который был заложен к 40-летию Народной Польши. Часть денег была отчислена участниками специально проведенных производственных смен. Широкий резонанс получила в стране весть о трудовой вахте горняков шахты «Червоне Заглембе», перечисливших заработанные деньги в фонд строительства памятника. Его сооружение стало делом чести широких трудящихся масс.

Народ чтит память борцов за социалистическую Польшу. Уважением и любовью к ним проникнута предлагаемая читателю книга видного польского историка, участника борьбы за упрочение народной власти профессора Тадеуша Валихновского. Его монография удостоена ряда почетных премий ПНР. Последняя из них (апрель 1984 г.) носит имя Л. Варыньского. Она присуждается за книги, служащие популяризации марксизма-ленинизма и воспитанию социалистического сознания,

Р. Г. Симоненко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Борьба с вооруженным контрреволюционным подпольем в послевоенный период является предметом особого внимания исследователей истории Народной Польши. Путь, отстаиваемый Польской рабочей партией и демократическими силами, не был легок. Существовавшими трудностями воспользовались вдохновляемые извне противники социализма.

В 1945 г. в результате раскола легально существовавшего Стронництва людового* из группы правых деятелей крестьянского движения образовалось Польске Стронництво людове, возглавляемое Станиславом Миколайчиком. В сравнительно короткий промежуток времени оно стало легальной оппозиционной силой. Вокруг программы ПСЛ, выражавшей идеологию правых элементов крестьянского движения, представлявших интересы буржуазии, объединилась большая часть сил польской реакции. Начали создаваться новые и множиться существовавшие ранее и рассредоточенные по всей Польше послеаквские** вооруженные организации.

На особо ожесточенный путь борьбы против народной власти вступили отряды украинских националистов (ОУН, УПА) и близкие им в идейном плане польские Народные силы збройные, не сдавшиеся властям в период амнистии в августе 1945 г. В обстановке активизации контрреволюции часть легализовавшихся лиц снова ушла в подполье. Благоприятную для реакции ситуацию создавали бытовавшие среди части польского общества — особенно сельского населения — предубеждения против послевоенной политики государства.

* Stronnictwo Ludowe — польская крестьянская партия, созданная в начале тридцатых годов. Стояла на позициях буржуазно-демократического строя. В годы войны основная часть партийных деятелей поддерживала лондонское эмигрантское правительство и его органы на территории Польши. Левая группа деятелей, так называемая «Воля Люду», вступила в Крайову Раду Народову. (Здесь и далее в сносках примечания научного редактора).

** 19 января 1945 г. ввиду изменившейся военно-политической обстановки на территории Польши и неуклонного ослабления позиций Армии Крайовой (АК) она была распущена. Отряды и части польской реакции, продолжавшие борьбу против народной власти, именуются послеаковским вооруженным подпольем.

Вооруженные выступления подполья в Народной Польше нанесли невосполнимый моральный и материальный ущерб народу. Большинство погибших в борьбе за народную власть — это члены ППР, сотрудники органов безопасности ОРМО (Добровольного резерва гражданской милиции), солдаты корпуса внутренней безопасности и Войска Польского. Многие из тех, кто с оружием в руках выступил против народной власти, часто не отдавали себе отчета, во имя чего они участвовали в братоубийственной борьбе.

Как историки, так и участники боев с вооруженным подпольем внесли большой вклад в изучение и рассказ об этом бурном периоде в истории Народной Польши. Результатом их исследований явились научные труды и литературные произведения, в которых раскрываются громадные внутренние трудности, вызванные не только страшными военными разрушениями, но и братоубийственными сражениями, инспирированными противниками народной власти.

Развитию исследований по интересующему нас периоду заметно способствовало создание в январе 1962 г. при Институте истории партии при ЦК ПОРП Центральной комиссии по делам верификации* погибших, в которую вошли представители Института истории партии при ЦК ПОРП, Отдела пропаганды ЦК ПОРП, МВД (Министерства внутренних дел), КГ МО (Главного командования Гражданской милиции), МОН (Министерства национальной обороны). Задачей комиссии была координация работ по установлению числа жертв, которые понесли демократические силы в борьбе за упрочение народной власти.

Результаты исследований комиссии были опубликованы Институтом истории партии при ЦК ПОРП в книге «Погибшие в борьбе за народную власть» (1970), составленной коллективом авторов: Богдан Бжезиньский, Леон Хжановский, Рышард Халыба (ответственный редактор). В этой чрезвычайно ценной для исследователей новейшей истории Польши публикации помещен именной указатель лиц, погибших в борьбе с вооруженным подпольем на территории Польши. Кроме того, была разработана методика установления личности погибших, сделаны выводы и даны рекомендации по ведению исследовательской работы. Особую ценность представляют таблица, содержащая обобщенные данные о численности погибших по всей стране с указанием возраста и воеводства; сопоставление числа погибших в отдельных воеводствах и создание центральной картотеки погибших.

Богатый фактический материал по истории Войска Польского в 1945—1948 гг., значительную часть которого составляют описания боев армейских подразделений с вооруженным подпольем, собрал Игнацы Блюм в книге «Из истории Войска Польского в 1944—1948 годах» (изд. 2-е, 1968).

* Верификация — установление личности.

Заслуживает внимания также сборник под редакцией Марии Турлейской «О боях против вооруженного подполья. 1944—1947» (1968). Авторы отдельных разделов Ян Чапля, Тадеуш Любиньский, Роман Малиновский, Влодзимеж Новацкий и Мариан Стысяк ввели в оборот много интересных фактов, сформулировали ряд положений, касающихся различных аспектов борьбы с вооруженным подпольем.

Данной теме посвящены сборники «В борьбе за упрочение народной власти в Польше 1944—1947» (1967) и «В борьбе с вооруженным подпольем 1945—1947» (1972).

Названные, а также многие другие публикации, где разрабатывается тема борьбы с реакционным подпольем в отдельных районах Польши — такие, как работы Януша Голембиовского, Владислава Гуры, Станислава Пеховича, Рышарда Трыца, Рышарда Халябы, Веслава Шоты, Феликса Кубицы, Всеволода Волчева, Вацлава Круля, Зенона Якубовского, Яна Чапли, Хуберта Кемпского, Стефана Маречко, Норберта Михты, Станислава Валаха, Мариана Рейняка, Хенрика Маецкого, Яна Желиньского, Яна Наумюка, Эдмунда Войновского, не исчерпывают эту обширную проблему, которая, несомненно, еще в течение многих лет будет представлять предмет научных исследований и анализа.

Настоящая работа представляет попытку рассмотреть историю борьбы органов безопасности с реакционным вооруженным подпольем в первые годы существования Народной Польши. В числе использованных источников — архивные материалы о деятельности аппарата безопасности в 1944—1948 гг. Это прежде всего оперативные сводки за многие годы, ежедневно поступавшие в Главный штаб КБВ (Корпус внутренней безопасности), а также отчеты отдельных командований и отрядов Главного штаба Войска Польского (ВП), описание отдельных операций, приказы и оперативные директивы командования КБВ. Подобный характер и не меньшее значение имеют документы Государственной комиссии безопасности и Центрального военного архива. Особого внимания заслуживают протоколы заседаний воеводских комитетов безопасности и документы Главного командования ВП, являющиеся богатым источником информации по интересующей нас проблематике.

Большое значение для характеристики условий, в которых происходили бои с вооруженным подпольем, имеют материалы, находящиеся в Центральном архиве ЦК ПОРП и архивах воеводских комитетов ПОРП. Это прежде всего периодические отчеты партийных органов, а также протоколы заседаний исполнительных комитетов КВ (воеводских комитетов), пленарных заседаний КВ и партийных конференций. Эти документы содержат подробные данные о ходе политической борьбы на отдельных территориях и изменениях в расстановке классовых и политических сил.

Подпольные организации, действовавшие после освобождения, зачастую вели свое начало из периода войны и немецкой оккупации.

Поэтому в первой части книги читатель найдет необходимые данные о создании польского подполья пролондонской ориентации, а также анализ важнейших событий на международной арене, связанных с польской проблемой. Выводы основаны на документах, опубликованных в Польше и за границей. Это позволяет более полно осветить проблемы общественно-политического развития в Польше в послевоенный период. Они были сфальсифицированы подпольем, идеологи которого не желали считаться с политической реальностью, возникшей после второй мировой войны.

Не все проблемы, связанные с темой, исчерпывающе освещены в данной книге. Их слишком много и, кроме того, большая часть документов еще не может быть опубликована. Факты об отдельных эпизодах братоубийственных боев приводятся в качестве примеров. Объем книги не позволяет подробно рассматривать все события послевоенных лет. Так, названная выше работа «Погибшие в борьбе за народную власть», содержащая лишь списки погибших и статистические данные, превышает по объему настоящую публикацию.

Многие из тех, кто в течение ряда лет участвовал в братоубийственной борьбе на стороне реакционного подполья, сегодня строят социализм, поэтому в книге опущены их имена. Назван только псевдоним, так как главной целью исследования является исключительно рассмотрение исторических фактов бурной послевоенной действительности в Польше, без каких бы то ни было намерений обвинить тех, кто по ошибке направил оружие не в ту сторону.

**СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ
ПОД РУКОВОДСТВОМ
ЭМИГРАНТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Несмотря на превосходящие силы врага, польский народ поднялся на борьбу за свою независимость. Началась вторая мировая война.

Победа немецких войск над плохо вооруженной польской армией в сентябре 1939 г. со всей ясностью показала полякам, что они оказались не готовыми дать действенный отпор хорошо вооруженному агрессору. Героическое сопротивление польских солдат под Кутно, Гдыней и Модлином, оборона Хеля, Вестерплатте и Варшавы, самоотверженность и стремление к борьбе оправдывали солдата перед народом, однако в создавшейся политической ситуации не могли изменить факта поражения. «Молниеносная война», осуществленная немецкими войсками на территории польского государства, продемонстрировала эффективность агрессивных операций штаба гитлеровского третьего рейха.

Рядовой поляк, руководствуясь в оценке создавшегося положения скорее чувствами, а не глубоким политическим и историческим анализом, искал такого объяснения сентябрьского поражения, которое могло бы освободить его от ответственности за Сентябрь. Он не допускал и мысли о том, что если бы Польша проводила иную политику в период захвата Чехословакии, если бы имела иное политическое руководство, то наша история пошла бы по иному пути. Навязывание «санацией» польскому народу концепции «двух врагов» (третий рейх и СССР) в межвоенный период, изоляция, в которой оказалась Польша накануне агрессии гитлеровских войск в сентябре 1939 г., а также бездеятельность английских и французских войск в то время,— все это усугубляло чувство горечи в народе.

Однако это не означало, что воля народа была сломлена, что он пассивно ожидал перемен в своей судьбе. Незадолго до капитуляции Варшавы 27 сентября 1939 г. бригад-

ный генерал Михал Карашевич-Токажевский создал военную подпольную организацию под названием Служба для победы Польши (СЗП — Служба звычайству Польски). Естественно, что в состав организации прежде всего вошли те профессиональные политики и кадровые военные из аппарата досентябрьской Польши, которые, объединенные чувством патриотизма и стремлением к борьбе с ненавистными гитлеровскими оккупантами, считали себя обязанными смыть тягостное для народа пятно поражения. Политическое ядро этой организации, выступившей с программой создания капиталистической Польши в границах 1939 г., но с демократическим строем, составляли члены Польской социалистической партии (ППС), Стронництва людового (СЛ — Крестьянская партия) и Стронництва народового (СН — Национальная партия). В декабре 1939 г. Главный совет СЗП, в состав которого входили представители трех упомянутых политических партий, при посредничестве генерала Токажевского расширил контакты со Стронництвом пради (СП — Партия труда) и Стронництвом демократичным (СД — Демократическая партия) ¹.

Военным руководителем СЗП был генерал Токажевский, гражданским комиссаром — Мечислав Недзялковский *. СЗП просуществовала сравнительно недолго. На рубеже 1939—1940 гг. на базе ее кадровой и организационной структуры в стране была создана новая организация под названием Союз вооруженной борьбы (ЗВЗ — Звёззек вальки збройной). По предложению полковника Стефана Ровецкого (псевдонимы «Раконь», «Грот»), одобренному представителями ППС, СЛ и СН, с 6 января 1940 г. в основу деятельности ЗВЗ легла «концепция налаживания всей подпольной жизни на основе организационного единства» ². Впредь гражданский комиссар этой организации мог выступать как представитель польского эмигрантского правительства, тесно сотрудничая с полномочным заместителем главного коменданта ЗВЗ. Так был создан Совет защиты народа (РОН — Рада оброны народу) при ЗВЗ, в состав которого вошли представители ППС, СЛ и СН под руководством гражданского комиссара.

Кроме того, 26 февраля 1940 г. был образован Политический согласительный комитет (ПКП — Политычны комитет порозумевавчи) при ЗВЗ, во главе которого стал член

* М. Недзялковский — активный деятель и теоретик Польской социалистической партии (ППС) реформистского плана. Погиб в 1940 г. в Пальмирах, месте массовых фашистских экзекуций.

ППС Казимеж Пужак («Базыли»). В состав ПКП вошли представители ППС, СЛ и СН. Так, в стране был создан орган, координировавший деятельность трех в то время наиболее влиятельных политических партий и действовавший при ЗВЗ — самой крупной вооруженной организации польского подполья.

Эмигрантское правительство во Франции отрицательно отнеслось к созданию РОН. Желая обеспечить себе всю полноту власти, оно стремилось ограничить роль РОН совещательными функциями. Поскольку последнее противоречило намерениям руководства ПКП и ЗВЗ, указания эмигрантского правительства полного одобрения не получили.

В результате взаимных компромиссов Комитет по делам страны (КСК — Комитет для справ краю) — один из политических исполнительных органов эмигрантского правительства — определил принципы «сотрудничества делегата правительства с ЗВЗ», которые 23 апреля 1940 г. были утверждены дивизионным генералом Владиславом Сикорским, в то время занимавшим посты премьер-министра и верховного главнокомандующего Польских вооруженных сил. Комитет поручил военным комендатурам в стране только организационные и технические военные дела, тогда как разработка политических директив входила в обязанности главного делегата правительства, действовавшего через делегатов, находившихся в Польше. Соответственно указаниям эмигрантского правительства делегаты получили право контроля бюджета ЗВЗ и утверждения смертных приговоров, вынесенных военными организациями. Они согласовывали свои действия с политическими партиями в Польше на основе принятых 17 апреля 1940 г. Комитетом по делам страны «принципов сотрудничества делегатов правительства с политическими партиями в стране», согласно которым делегат являлся «в политических вопросах связывающим звеном между страной и правительством»³.

8 мая 1940 г. Совет Министров эмигрантского правительства подтвердил необходимость создания в Польше органа четырех главных партий и сети делегатов правительства. Таким образом, к числу ведущих политических партий в стране, кроме ППС, СЛ и СН, было причислено Стронництво праи, которое обязано укреплению своих политических позиций прежде всего генералу Сикорскому.

28 июня 1940 г. Политический согласительный комитет при ЗВЗ организационно обособился от военных властей и был преобразован в Главный политический комитет.

Эта реорганизация была проведена из-за возможного прекращения связи с эмигрантским правительством в случае военного поражения Франции *. Протокол о создании Главного политического комитета подписали Казимеж Пу-жак (ППС), Стефан Корбоньский (СЛ), Александр Демб-ский (СН) и Стефан Ровецкий (ЗВЗ) ⁴.

3 июля 1940 г. представители политических партий — ППС, СЛ и СН — пришли к выводу, что необходимо создать совместную делегатуру правительства в стране, в состав которой вошли бы — по одному представителю от каждой партии — члены ППС, СЛ и СН, а также представитель ЗВЗ. Решение по этому вопросу было принято и одобрено прибывшим в мае 1940 г. из Франции делегатом правительства, полковником Яном Скоробогатым-Якубов-ским (псевдоним «Вогель», «Качмарек»). 26 июля 1940 г. совместная делегатура правительства приняла документ «Требования момента», действовавший до конца оккупации на территории всей страны. «Требования момента» подчеркивали, что ведется борьба за свободу и независимость Польши, что народ должен продолжать сопротивление, защищать свое достоинство и честь и быть готовым по призыву встать на вооруженную борьбу за великую Польшу. «Требования», продолжая придерживаться «теории двух врагов», запрещали любые связи и сотрудничество как с властями третьего рейха, так и с СССР ⁵.

Совместная делегатура правительства вскоре перестала существовать. Эмигрантское правительство постановило назначать главного делегата в страну после предварительного согласования этого вопроса с политическими партиями — ППС, СЛ и СН, координационный орган которых принял прежнее название — Политический согласительный комитет (ПКП). В конце 1940 г. премьер-министр эмигрантского правительства окончательно назначил главным делегатом правительства Цырыла Ратайского. Так завершился подготовительный этап создания в Польше единой подпольной организации под руководством эмигрантского правительства.

Основой структуры подполья, подчиненного главному делегату правительства (который именовался главным делегатом, полномочным представителем правительства в стране и даже вице-премьером эмигрантского правительства), была сеть местных делегатов (воеводских и уезд-

* Эмигрантское правительство обосновалось поначалу в городе Анжер в Западной Франции.

ных), которые образовывали сравнительно большой управленческий аппарат. Кроме того, в Польше действовало Краевое политическое представительство польского народа, так называемая Большая четверка (Груба чворка), которая выделилась из Политического согласительного комитета. В состав «Четверки» вошли представители ППС, СЛ, СН и СП. Военные вопросы находились в ведении коменданта вооруженных сил в стране. До 14 февраля 1942 г. им был комендант ЗВЗ. Позже в результате преобразования ЗВЗ в Армию Крайову военные вопросы перешли в ведение командующего АК⁶.

Упомянутая выше структура не включала всех партий и военных организаций, признававших верховную власть эмигрантского правительства. Внутренние противоречия в польском подполье приводили к расхождениям и конфликтам. Так, например, произошел раскол в ППС, в которой возникла группа под названием Польские социалисты (начало позднейшей РППС*). Более мелкие политические группы организовались в так называемую Общественную организацию взаимопомощи (СОС — Сполечна организация самопомощи). В частности, в состав СОС вошли: Стронництво демократичне, «Рацлавице», «Побудка», Фронт возрождения Польши (ФОП — Фронт одродзения Польски), Лагерь борющейся Польши (ОПВ — Обуз Польски вальчёнцей), Конвент независимых организаций (КОН — Конвент организаций неподлеглосцёвых), Уния (Уния в 1943 г. вошла в Стронництво демократичне), Польское народное независимое действие (ПЛАН — Польска людова акция неподлеглосцёва), Польский союз свободы (ПЗВ — Польски звёнзек вольности). Представители СОС и «Большой четверки» входили в состав Главной гражданской комиссии.

Декларация политического согласия четырех партий, опубликованная Краевым политическим представительством 15 августа 1943 г., не оставляла никаких сомнений в том, что четыре партии — ППС, СЛ, СН и СП — намеревались сосредоточить в своих руках всю полноту власти. Декларация содержала положения, которые изображали дело так, будто эти партии представляют главные направления польской политической мысли и подавляющее большинство польского общества. На таком основании зиждилось заявление о том, что четыре партии будут совместно

* Рабочая партия польских социалистов — партия левых польских социалистов, отколовшихся от ППС.

осуществлять власть до проведения выборов в конституционные законодательные органы (следовательно, как во время войны, так и сразу по ее окончании).

«Поддерживая правительство, воплощающее сотрудничество этих партий,— читаем в Декларации,— партии несут за него ответственность и в период действия соглашения выступают против какой-либо иной концепции правительства.

В ближайшем будущем партии приступят... к созданию представительства правительства в стране и образованию Совета единства нации (Рады едности народовой).

Республиканский строй в государстве должен быть сохранен, а его прежние институты не могут быть изменены без согласия партий.

Состав правительства национального единства может быть изменен или пополнен лишь с согласия подписавшихся партий»⁷.

Декретом делегата правительства от 9 января 1944 г. был создан Совет единства нации, а декрет президента эмигрантского правительства от 26 апреля 1944 г. о временной организации власти на территории республики подтвердил политическую программу польского вооруженного подполья пролондонской ориентации⁸.

В соответствии с декретом от 26 апреля 1944 г. делегат правительства, назначенный президентом Польши по предложению премьер-министра, стал министром, конспиративно исполняющим в стране обязанности заместителя председателя Совета Министров во время отсутствия в Польше премьер-министра. В его функции входили:

1) в период конспиративной деятельности — вопросы борьбы с оккупантами, контроль за единой позицией народа в этой борьбе и осуществление необходимых приготовлений к взятию в надлежащий момент легальной власти;

2) после захвата власти — вопросы, связанные с восстановлением на польских землях государственного суверенитета, вопросы ликвидации последствий войны и оккупации⁹.

В компетенцию делегатуры правительства передавались «правомочия верховных властей во всех областях деятельности государственной администрации, кроме внешнеполитических вопросов»¹⁰.

На основании декрета от 26 апреля 1944 г. было создано Президиальное бюро делегата правительства, которое с тех пор выступало как «рабочий орган делегата»¹¹.

Делегатура правительства делилась на департаменты: внутренних дел, информации, юстиции, просвещения, сельского хозяйства, финансов, промышленности и торговли, труда и социального обеспечения, почты и телеграфа, связи, восстановления, ликвидации (погашения задолженности). Кроме того, в ее состав входили: координационная комиссия, финансово-бюджетная секция и бюро новых земель. Делегат правительства стоял во главе временной конспиративной администрации, сеть которой охватывала всю Польшу в соответствии с предвоенным административным делением. Эту должность занимали последовательно Цырыл Ратайской (1940—1942), Ян Пекалкевич (1942—1943), Ян Станислав Янковский (1943—1945), Стефан Корбоньский (1945).

Отдельные департаменты делегатуры правительства контролировались тремя министрами по делам страны, которые одновременно были также заместителями делегата. Министры, представлявшие три политические партии (ППС, СЛ и СН) и назначенные президентом эмигрантского правительства в Лондоне, составляли Краевой Совет Министров, являвшийся частью Совета Министров Польши. Они издавали временные распоряжения, регулировавшие административные и правовые вопросы в оккупированной Польше¹².

Так называемым «парламентом подпольной Польши» пролондонской ориентации фактически был Совет единства нации. Все важнейшие политические решения определялись постановлениями РЕН. Председателем Совета единства нации был Казимеж Пужак из ППС.

В состав Совета входило 17 человек, в том числе:

— по три члена от каждой партии «Большой четверки»: ППС-ВРН, СЛ, СН, СП;

— по одному представителю от каждой из трех более мелких политических группировок: Демократического объединения (Зъєдночене демократичне), созданного путем слияния Стронництва демократичного, Союза свободной Польши (Звѣнзек вольней Польски) — ранее называвшегося Союзом восстановления республики (Звѣнзек одбудовы Жечи Посполитой) и Независимой Польши (Польска Неподегла), крестьянской свободной организации «Рацлавице», продолжавшей в конспирации деятельность предвоенного Союза молодого села «Сев» (Звѣнзек млодей вси) и «Отчизны» (Ойчизны), выступавшей автономно на землях, вошедших в рейх, а позднее действовавшей также в генерал-губернаторстве;

— по одному представителю от духовенства и кооперативного движения.

Совет единства нации не включал в себя все правые политические группировки подпольной Польши. Вне его находились:

— организация пилсудчиков: Конвент независимых организаций (КОН), объединявший старых членов ББВР (Беспартийный блок вспулпраци з жондем — Беспартийный блок сотрудничества с правительством), негативно относившихся к «Озону»*, и Лагерь борющейся Польши (ОПВ), объединявший старых членов «Озона»;

— организации Национально-радикального лагеря** (ОНР — Обуз народово-радыкальны): Конфедерация народа, продолжавшая деятельность довоенных «Фаланги» и «Побудки», группа Витольда Рожишевского.

Руководящая группа Национально-радикального лагеря в 1944 г. из так называемой Группы АБЦ создала собственный Национально-политический совет.

Левые силы, объединенные вокруг Центрального объединения демократических, социалистических и синдикалистских организаций, также не подчинялись Совету единства нации и весной 1944 г. создали свой исполнительный орган — Центральный национальный комитет объединения (ЦКЛ — Центральны комитет людовы централизации). В состав ЦКЛ входили следующие организации:

1) Рабочая партия польских социалистов (РППС), возникшая в результате раскола в ППС (часть прежних Польских социалистов);

2) Стронництво польских демократов (СПД), выделившееся из Стронництва демократичного;

3) Польске стронництво демократичне (ПСД), также выделившееся из Стронництва демократичного;

4) Союз польских синдикалистов (ЗСП — Звёнзек синдикалистув польских);

5) Польское народное независимое действие (ПЛАН);

6) Крестьянские социалисты — «Свобода» (Социалисти людови — «Вольность»);

7) Синдикалистская организация «Борьба народа» («Валька люду»).

* Obóz Zjednoczenia Narodowego (Лагерь национального объединения) — политическая организация пилсудчиков, созданная по образцу фашистской партии.

** Национально-радикальный лагерь — довоенная организация фашистского толка.

У партий ЦКЛ была своя военная организация — Польска Армия Людова (ПАЛ)¹³, созданная из военных организаций Рабочей партии польских социалистов и Командования защитников Польши. Их социальная программа предусматривала далеко идущую национализацию или обобществление капитала. Что касается внутренней политики, Центральный национальный комитет выдвинул концепцию создания политического представительства, образованного партиями центра и левицы, за исключением Стронництва народного, организаций Национально-радикального лагеря и «санационных» группировок. В области внешней политики ЦКЛ выступал за тесное польско-советское сотрудничество, из-за чего ЦКЛ и Совет единства нации никак не могли прийти к соглашению. На завершающем этапе восстания в Варшаве ЦКЛ вошел в состав Повстанческого демократического согласия, созданного по инициативе руководства Польской рабочей партии¹⁴.

Следовательно, Совет единства нации и не вошедшие в него политические организации подпольной Польши, отнюдь, не охватили своим влиянием весь польский народ. Значительные социальные силы — рабочие, крестьяне, прогрессивная интеллигенция — находились под влиянием политических центров польской левицы в оккупированной стране и в СССР. Эти силы вместе участвовали в борьбе за новую народно-демократическую Польшу. Концепции будущего Польши содержались в программах Польской рабочей партии и Союза польских патриотов в СССР. Они получили одобрение демократических организаций в стране и в эмиграции¹⁵.

Новая политическая ситуация, возникшая после 22 июня 1941 г., повлияла на развитие численного состава ЗВЗ. Массовый с того времени характер организации и успехи в объединении сил привели к тому, что в феврале 1942 г. ЗВЗ был переименован в Армию Крайову. Руководило Армией Крайовой Главное командование в Варшаве. Непосредственно командующему АК подчинялись начальник штаба и некоторые отделы, например Бюро информации и пропаганды, Бюро финансов и контроля.

Главное командование руководило организацией при помощи нескольких отделов, которые занимались определенными участками конспиративной работы. Ими были:

Бюро информации и пропаганды

Бюро финансов и контроля

Департамент национальной обороны

Организационная часть

Церковная служба
Руководство службы правосудия
Военная служба женщин
Оперативная часть
Отдел обучения
Саперный отдел
Артиллерийский отдел
Десантный отдел
Авиационный отдел
Отдел флота
Бюро информации
Информационно-разведывательная часть
Руководство оперативной связи
Управление приема переброшенного оружия
Ставка
Часть V К (курьеры, шифровальщики, архив и главная канцелярия)
Управление диверсиями (Кедыв)
Интендантство
Руководство служб: вооружения, интендантства, санитарной, географической, ветеринарной и обозной
Управление подпольного производства
Инспекторат главной военной службы охраны восстания
Руководство военных бюро
Военный начальник связи, транспортная, железнодорожная службы.

Аналогичная организационная структура существовала в районных и окружных штабах АК. Подобным образом были сформированы штабы районных инспекторов и областных штабов, которые обычно состояли из нескольких человек.

В первой половине 1944 г. АК достигла наибольшей численности. В это время в АК состояло 10 756 офицеров, 7506 юнкеров (подхорунжих), 87 886 сержантов (унтер-офицеров). В АК насчитывалось 6287 полных взводов и 2633 неполных, всего 380 175 солдат (по 50 человек в полном взводе и по 25 в неполном).

Численность АК зависела от хода военных действий, а также технических и местных условий в районах страны. Так, например, после поражения Франции количество взводов с 2190 (1 октября 1940 г.) уменьшилось до 1466 (1 марта 1941 г.). Каждое последующее полугодие число взводов равномерно увеличивалось на 500—900. Быстрый рост рядов АК произошел на рубеже 1943—1944 гг. под

воздействием успешного развития событий на Восточном фронте, предвещавших поражение гитлеровских войск. По состоянию на 1 сентября 1943 г. в АК насчитывался 5171 взвод, а на 1 марта 1944 г. — 8920. На рост АК повлияло также объединение АК с другими массовыми организациями (например, с Национальной военной организацией и Батальонами хлопскими).

Одной из форм массового воздействия АК на общество была конспиративная печать, изданием и распространением которой занималось Бюро информации и пропаганды. Появлявшаяся в Варшаве центральная пресса АК выходила под следующими названиями:

«Информационный бюллетень» («Бюлетын информацийны») — популярный еженедельник общеполитического характера, первый номер которого вышел 5 ноября 1939 г. Это издание завоевало огромную популярность и выходило самым большим в Польше тиражом (около 50 тыс. экз.).

«Польские новости» («Вядомости польске») — двухнедельное периодическое издание общеполитического характера — выходило с ноября 1939 г. до августа 1944 г. Как главный военный орган издание отражало позицию руководства АК по принципиальным вопросам.

«Восстание» («Инсурекция») — ежемесячное специальное военное издание, по направлению сходное с ранее выходившим журналом «Беллона». Несмотря на специальный характер, в нем много внимания уделялось проблемам, затрагивавшим весь польский народ.

«Польский солдат» («Жолнеж польски») — ежемесячное учебно-воспитательное издание. Постоянным дополнением к «Польскому солдату» был «Польский солдат в сентябрьской кампании», изменивший название на «Польский солдат во второй мировой войне».

Пропагандистская деятельность Бюро информации и пропаганды Главного командования АК проводилась в большом масштабе и включала издание книг, брошюр, листовок, афиш, надписи на стенах и устную агитацию.

Образование Польской рабочей партии, активизация левых сил в Польше и в эмиграции в СССР, выступивших с программой создания социалистической Польши в границах между Бугом и Одрой и Нисой Лужицкой, вызвали создание в рамках Главного командования АК специальных служб под шифром «К», которые из информационных отделов, собиравших материалы о деятельности Польской рабочей партии в Польше и Союза польских патриотов в СССР, были преобразованы в руководящие цент-

ры, занимавшиеся антисоветской и антикоммунистической пропагандой (шифр «Р»).

Пропаганда, направленная на создание «концепции будущей Польши» велась следующими средствами:

а) специальной прессой, которая выходила анонимно (например, «Голос народа», двухнедельное периодическое издание для села, тираж около 5000 экз.; «Рабочая свобода», двухнедельное периодическое издание для рабочих, тираж около 7000 экз.; «Агентство Р», двухнедельное периодическое издание, тираж около 100 экз., предназначенное для инструктажа подпольной прессы);

б) пропагандистскими брошюрами (например, «Говорят документы») и многочисленными печатными листовками (например, «Два тоталитаризма», «Не дадим насадить колхозы»);

в) пропагандой на улицах, лозунгами, надписями антикоммунистического характера в общественных местах.

Подобного рода деятельность Информационно-пропагандистского бюро ГК АК не способствовала консолидации польского народа в борьбе против гитлеровских оккупантов. Эта деятельность не получила поддержки и у большинства солдат АК, которые были далеки от участия во внутренних политических распрях. Несмотря на это, она проводилась с большой настойчивостью и последовательностью, усиливавшимися по мере нарастания побед Красной Армии на Восточном фронте.

Независимо от упомянутых, чуждых национальным интересам пропагандистских мероприятий Бюро информации и пропаганды солдаты АК записали в свой актив много удачных военных операций против гитлеровских оккупантов.

Деятельность эмигрантского правительства была направлена на объединение всех конспиративных организаций и военных групп в единую польскую армию под началом Армии Крайовой. В частности, имелись в виду созданные из отрядов Крестьянской стражи (Хлопской стражи — Хлостры) Батальоны хлопские (БХ — Крестьянские батальоны), которые были военной организацией Стронництва людового; Национальной военной организации (НОВ), являвшейся вооруженной силой Стронництва народового и военных организаций ОНР: Союза Яшчурчи (ЗЯ — Звёзек Яшчурчи *) и Военной конфедерации (Конфедерация збройна — КЗ).

* Звёзек Яшчурчи — конспиративная организация фашистской ориентации.

Часть тактических отрядов БХ в составе около 40 тыс. человек вошла в состав АК, а часть, сохранив самостоятельность, создала Крестьянскую стражу безопасности (Людова страж безпеченьства), задача которой состояла прежде всего в организации самообороны против гитлеровских оккупантов на селе. Некоторые отряды БХ, главным образом в Люблинском, Жешовском и Келецком воеводствах, позже присоединились к Армии Людовой¹⁶.

Армии Крайовой подчинялись также часть НОВ, Военная конфедерация, Польская военная организация (ПОЗ — Польска организация збройна), Тайная военная организация (ТОВ — Тайна организация войскова), Гвардия Людова — ВРН, Социалистическая боевая организация (СОБ — Социалистична организация бойова) и много других организаций и вооруженных групп.

Вне влияния руководства АК остались прежде всего созданные на рубеже 1942—1943 гг. Национальные вооруженные силы (НСЗ — Народове силы збройне). Они были сформированы из той части НОВ, которая выступила против соглашения об объединении, заключенного руководством Стронництва народного с командованием АК и Союзом Яшчурчи. Позднее в НСЗ вошло Объединение независимых организаций (ЗОН — З'єдночене організацій неподлеглосцёвых). НСЗ заняли ярко выраженную антикоммунистическую позицию, вели борьбу с левыми силами в Польше, организуя вооруженные нападения на бойцов ГЛ, АЛ, БХ и советских партизан. После окончания военных действий НСЗ стали наиболее активной частью польского подполья, выступившего против народной власти и союза с СССР.

Армии Крайовой подчинялось также конспиративное польское харцерство, действовавшее под условным названием «Серые шеренги» («Шаре шерегі»). Эта молодежная организация принимала участие в борьбе против гитлеровских оккупантов. Знаменитые батальоны «Зоська» и «Парасоль» прославились многими смелыми боевыми операциями.

Придавая большое значение вооруженному подполью в Польше в годы войны, и прежде всего роли ЗВЗ (АК), руководство которым осуществляли военные специалисты из кадровых офицеров досентябрьского правительства, лондонское эмигрантское правительство, руководящая военная верхушка Великобритании стремились наладить связь и сотрудничество по линии Лондон—Варшава, используя специально созданные службы. Задачей так называемого

Управления специальных операций Великобритании (Special Operations Executive — СОЕ), образованного в июле 1940 г. в строгой секретности и при активном личном участии У. Черчилля, была деятельность в германском тылу во взаимодействии с движением Сопротивления в оккупированных странах. Начальная программа СОЕ предусматривала организацию диверсий и саботаж для ослабления сил вермахта. Впоследствии СОЕ взяло на себя организацию разведывательной работы, осуществление связи между находившимися в Лондоне эмигрантскими правительствами и руководством подчиненных этим правительствам подпольных организаций в оккупированных странах. Оно занималось также инструктажем и помощью подпольным организациям, переброской военного снаряжения, подготовленных агентов и политических деятелей.

СОЕ делилось на секции. Каждая секция «опекала» одну из оккупированных Германией стран. Первой была образована французская секция, а сразу же после нее, в конце лета 1940 г. — польская секция. Во главе польской секции стал Г. Б. Перкинс, который подчинялся непосредственно П. А. Вилкинсону, осуществлявшему в Главном управлении СОЕ в Лондоне руководство над несколькими секциями, сферой деятельности которых были страны Юго-Восточной Европы¹⁷.

Польская секция СОЕ существенно отличалась от всех остальных. Например, любой агент французской, бельгийской или какой-нибудь другой секции, переправленный в свою страну, и дальше подчинялся СОЕ в Лондоне. Сюда посылал донесения, здесь отчитывался о ходе выполнения задания. В то же время польская секция СОЕ тесно сотрудничала с VI отделом штаба главнокомандующего польского эмигрантского правительства. Всех эмиссаров, курьеров и парашютистов, которые забрасывались в Польшу, отбирали и посылали польские эмигрантские власти. Перед выполнением задания каждый из них принимал присягу, — такую же, как и солдаты АК в стране, — и с момента прибытия на польскую землю становился солдатом Армии Крайовой¹⁸.

Касаясь сотрудничества польской секции СОЕ с VI отделом, английский историк Г. Т. Виллетс на конференции в Оксфорде в 1962 г. отметил, что в обязанности СОЕ¹⁹ «входила помощь польскому VI отделу в налаживании и расширении связей с Польшей, оперативной подготовке, приобретении снаряжения и увеличении личного состава. Его главной задачей было поддержание связи между поля-

ками и заинтересованными британскими властями». Этот же историк подчеркнул, что из всех народов, охваченных деятельностью СОЕ, одни только поляки сохранили право на собственный шифр и связь по радио со страной. Псевдонимы, которые парашютисты выбирали себе перед отлетом для работы в Польше, были известны только польским властям и даже англичане их не знали²⁰.

Такое отношение английских властей к полякам объясняется тем, что на штаб главнокомандующего возлагалась большая ответственность, так как он опирался на широко развернувшееся движение Сопротивления, принявшее масштабы, не встречавшиеся в других оккупированных странах в первый период войны. Главное же заключалось в том, что англичанам не приходилось опасаться, что их интересы не будут обеспечены должным образом. Польское эмигрантское правительство занимало даже слишком предупредительную позицию по отношению к правительству Великобритании, а связи на высшем уровне, так же как и сотрудничество в ходе реализации главных принципов СОЕ, полностью оправдывали признание за поляками относительно большой самостоятельности в тайных операциях Лондон — Варшава.

VI отдел в Лондоне быстро расширялся. Находившийся в его составе технический отдел занимался организацией перебросок в страну. Кроме технического отдела был образован сектор отправки и обучения людей, которых намеревались забросить в Польшу. В результате дальнейшего расширения технического отдела были созданы два сектора — оперативный и снаряжения. Таким образом, VI отдел не ограничивался лишь ролью посредника, но фактически был рабочим органом штаба главнокомандующего²¹.

Об объеме вербовочной деятельности для работы в Польше, которую VI отдел проводил в сухопутных войсках, авиации и во флоте как в Великобритании, так и на Ближнем Востоке и в Италии, дают представление 2413 заявлений добровольцев, собранных в этот период²². Первый полет из Лондона в Польшу был осуществлен в ночь с 15 на 16 февраля 1941 г. С тех пор регулярные переброски, организованные VI отделом, продолжались до конца войны. Благодаря этому штаб главнокомандующего польского эмигрантского правительства хорошо ориентировался в ситуации в стране, мог непосредственно влиять на формирование подполья пролондонской ориентации, опираясь на установки, вытекавшие из сотрудничества с СОЕ и военным

командованием Великобритании. Все эти вопросы имели значение для формирования идеологического и политического профиля ЗВЗ, а позднее АК и других правых вооруженных организаций в Польше. Это оказывало особое воздействие на тактику борьбы пролондонского подполья, его военное и политическое развитие, обусловленное международным положением и событиями на фронтах второй мировой войны.

Мобилизуя значительную часть польского народа на борьбу за независимость Польши, руководящие круги правых сил в стране и в эмиграции с самого начала проповедовали пагубную теорию «двух врагов». Эта теория легла в основу политических программ, пропагандистских и тактических действий той части польского подполья, которая как в период оккупации Польши гитлеровскими войсками, так и в первые годы существования народной власти выступала против изменения предвоенных границ «второй республики», хотя они не были справедливыми и благоприятными для Польши. Эти границы на востоке включали территорию, большинство населения которой составляли украинцы и белорусы, а на севере и западе отделяли от родины исконно польские земли Вармии, Мазур, Силезии и Поморья. Таким образом, накануне сентября 1939 г. создалась ситуация, при которой народы одних национальностей (белорусы, украинцы) притеснялись в Польше, в то время как поляки (мазуры, силезцы, уроженцы Вармии и Поморья) подвергались дискриминации на польских землях, входивших в состав третьего рейха. На этих землях, лежавших к северу и западу от границ второй республики, гитлеровцы в чрезвычайно благоприятных условиях развернули строительство баз агрессии против Польши. Кроме того, правые польские политики, сколачивая подполье вокруг своих политических программ, не хотели признавать реальных фактов, имевших очень большое политическое значение, — воссоединения Западной Украины с УССР (по решению Народного Собрания Западной Украины от 27 октября 1939 г.) и Западной Белоруссии с БССР (по решению Народного Собрания Западной Белоруссии от 29 октября 1939 г.)²³. 1—2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР утвердил эти решения и принял закон о предоставлении жителям Западной Украины и Западной Белоруссии советского гражданства. Территория Вильнюсской области была передана Литве²⁴.

Рассматривая эти вопросы в исторической перспективе, к советским решениям 1939 г. о перемещении границ Бело-

руссии и Украины невозможно предъявить никаких претензий. Эти решения были приняты в результате бурного развития событий, в ответ на агрессивные действия гитлеровской армии, направленные не только против Польши, но и против СССР²⁵. Могли ли они служить основанием для создания правыми силами польского подполья программы вооруженной борьбы как с гитлеровскими захватчиками, так и с Советским Союзом? Воссоединяя территории Западной Белоруссии и Западной Украины с СССР, правительство Советского Союза защищало население своей страны от фашистского порабощения, выдвигая силы на запад навстречу приближающейся агрессии третьего рейха. Совершенно иной характер носило вторжение гитлеровских войск в Польшу: оно принесло небывалые страдания польскому народу, обрекая его на уничтожение.

Западные союзники польского эмигрантского правительства, заигрывая с поляками в эмиграции и в стране, хотя и не скрывали своей неприязни к Советскому Союзу, не поддерживали протестов польского эмигрантского правительства против политических и территориальных изменений на так называемых Восточных кресах Польши. Напротив, французское правительство ясно дало понять В. Сикорскому, что не намеревается заявлять протест СССР в связи с изменением его западных границ²⁶. В свою очередь, английское правительство признало, что передвижение советской границы на запад — акт политически обоснованный и справедливый в этническом отношении²⁷. «То, что русские армии должны были стать на этой линии,— отметил У. Черчилль в выступлении по радио 1 октября 1939 г.,— было понятно и необходимо, принимая во внимание опасность, угрожающую России со стороны нацистской Германии»²⁸. Министру иностранных дел польского эмигрантского правительства Августу Залесскому, который 11—12 октября вел переговоры в Лондоне, министр иностранных дел Эдуард Галифакс и премьер-министр Невиль Чемберлен сообщили, что поляки не могут рассчитывать на поддержку Великобритании в вопросе о возвращении территории, воссоединенной в 1939 г. с Советским Союзом. Залесскому напомнили, что граница, предложенная Англией в 1919 г. (так называемая линия Керзона), отделяла от Польши те непольские земли, на которых в преобладающем большинстве жили белорусы и украинцы. Англичане признавали правомочность требований поляков лишь в отношении небольшой части территории Польши (12 тыс. км² на запад от линии Керзона), т. е. до района на северо-вос-

ток от Варшавы, прилегающего к Восточной Пруссии. На эту территорию в 1939 г. по стратегическим соображениям вступили советские войска и, по мнению английского правительства, она могла быть возвращена Польше после переговоров с Советским Союзом на предстоящей мирной конференции²⁹.

О политических тенденциях, преобладавших в то время в Великобритании в отношении необоснованных претензий поляков к Советскому Союзу, свидетельствуют записи посла Эдварда Рачиньского, в которых говорится: «Посольство Польши в Лондоне решило дать официальный ответ на очередную статью лидера либералов Д. Ллойд-Джорджа, озаглавленную «Что намеревается делать Сталин», в которой он на страницах «Санди таймс» приветствовал освободительные действия Красной Армии, осуждая империалистические польские правительства. Однако ответ посольства Польши не захотела поместить даже полуофициальная «Таймс» под предлогом, что сама статья не была опубликована здесь, и только в виде листовки он был вручен отдельным лицам в Великобритании»³⁰.

Приведенные выше факты, а также размах террора немецких оккупантов против польского населения однозначно определяли направление деятельности польского подполья как борьбу лишь с одним врагом — гитлеровскими оккупантами. К сожалению, политические программы и тактические рекомендации для вооруженных групп польских правых сил указывали также и на «второго врага».

В соответствии с основными положениями уставов СЗП и ЗВЗ³¹ Главное командование ЗВЗ разработало план всеобщего восстания в стране под названием «Оперативный рапорт», который как «Рапорт № 54» от 5 февраля 1941 г. был переслан в Лондон³². Во время подготовки этого документа главный комендант ЗВЗ неоднократно согласовывал свою точку зрения с позицией штаба в Лондоне. Установки плана полностью отвечали настроением и военно-политическим идеям руководства ЗВЗ и эмигрантского правительства в 1940—1941 гг., а также свидетельствовали о том, что правые силы Польши, создавая ошибочную концепцию борьбы с немецкими и советскими войсками, не понимали политической ситуации на международной арене и потому ложно трактовали будущий ход событий на фронтах войны.

Рассматривая перспективы военных действий на советско-германском фронте, Главное командование исходило

из следующей гипотезы: «Наиболее вероятным представляется, что немцы нанесут русским ряд военных поражений, проникнув вглубь страны через Украину. Это может и должно очень существенно расшатать структуру Советов, ослабить их единство и поставить под угрозу их строй, равно как и подорвать стойкость и без того обессиленной неудачами армии»³³. В этом случае для достижения своих политических целей Главное командование собиралось использовать как вооруженную борьбу в стране против немцев, так и оказание сопротивления продвижению Красной Армии на запад.

Однако была учтена и возможность другого развития событий на Восточном фронте: «Наконец, нельзя исключить и такую возможность, хотя она кажется маловероятной, что в русско-немецкой войне удача будет сопутствовать большевикам, и они сумеют вытеснить немцев из Польши. Ясно, что тогда было бы безумием оказывать вооруженное сопротивление вторгнувшемуся противнику, который оказался настолько силен, что смог разбить немецкую армию. Наша задача заключалась бы в сохранении и впредь всего конспиративного аппарата и переключении на подготовку восстания в момент, когда, в свою очередь, начнут разваливаться советский строй и государство»³⁴. Определяя свое отношение к плану восстания, начальник штаба главнокомандующего эмигрантского правительства генерал бригады Тадеуш Климецкий писал коменданту ЗВЗ: «...Может создаться ситуация, при которой в то время, когда в стране начнется вооруженное выступление против немцев, Красная Армия захочет, вступив в границы Польши без согласия польского правительства, поставить нас перед свершившимся фактом. Главнокомандующий считает, что в этом случае вторжение Красной Армии должно, как вражеское действие, встретить вооруженный отпор с нашей стороны с целью показать миру наше исключительное право гарантировать безопасность собственной страны. В связи с этим главнокомандующий дает Вам следующие директивы, особенно важные по политическим соображениям:

1) Вооруженный отпор должен быть наиболее сильным по линии польско-советской границы 1939 г.

2) Важно, чтобы в дальнейшем в глубине районов Вильно и Львова можно было бы обороняться более длительное время даже в изоляции. Использование других возможностей оказания сопротивления главнокомандующий оставляет на Ваше усмотрение»³⁵.

Итак, план вооруженного восстания, разработанный на рубеже 1940—1941 гг., был направлен как против Германии, так и против Советского Союза и представлял развитие политических идей, содержащихся в уставах СЗП, ЗВЗ и впоследствии принятых АК. Он соответствовал политическим концепциям других военно-политических группировок правых и крайне правых сил в стране и в эмиграции, и прежде всего отражал политические настроения в польском эмигрантском правительстве и штабе главнокомандующего.

По-иному было настроено подавляющее большинство польского народа. Народ видел только одного врага — гитлеровскую Германию, против которой он был готов подняться на бескомпромиссную борьбу за свободу своей отчизны. В связи с этим упрочивалась национальная консолидация. Кровавые террористические действия гитлеровцев против польских жителей еще более обостряли ситуацию, вызывая ненависть и жажду мести. Стремление к борьбе с немецкими оккупантами осуществлялось в различных формах конспиративной работы, организованной польским движением Сопротивления.

**ПОЛИТИКА ЛОНДОНСКОГО ЛАГЕРЯ
ПО ОТНОШЕНИЮ К СССР
И ЛЕВЫМ СИЛАМ**

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., героический отпор СССР армиям агрессора, поставленный в повестку дня вопрос о возобновлении польско-советских дипломатических отношений — все это вызвало оживление политической жизни в эмиграции и в стране. Характерно, что в принципе никто из политического лагеря пролондонской ориентации открыто не высказывал сомнений в необходимости подписания польско-советского соглашения. Много говорилось, и прежде всего на страницах периодической печати послесентябрьской эмиграции, о положительных сторонах этого важного политического события. Эмигрантские публицисты единодушно высказывали мнение, что позитивное урегулирование советско-польских отношений может иметь огромное значение не только для Польши, но и для всего послевоенного европейского устройства и мирного развития человечества.

Однако польская эмиграция резко размежевалась в оценке текста польско-советского соглашения, подписанного 30 июля 1941 г. в Лондоне генералом Владиславом Сикорским и послом И. М. Майским. Это отчетливо проявилось в политической публицистике.

Среди сторонников соглашения Сикорский — Майский было немало людей, не понимавших смысла этого документа. Отсюда, например, неверная интерпретация соглашения Германом Либерманом*, который полагал, что самим фактом подписания соглашения Советский Союз признает «недействительным совершенный им захват наших восточных земель»¹ и «прежнее положение, существовавшее на территории независимой Польши к началу немецко-польской войны, вновь восстановлено, обрело правовую силу в области международных отношений»².

* Г. Либерман — правый социалист, член польского лондонского правительства. Умер в 1944 г.

Так же воспринял соглашение и Марцелий Карчевский, который в то время был редактором «Польского журнала» («Дзенник польски»). Он писал: «В России произошел перелом в представлениях о Польше, что является в данных обстоятельствах добрым предзнаменованием»³. В другом месте Карчевский утверждал, что «отсутствие соглашения было бы равнозначно бескомпромиссному продолжению Россией политики захватов. Подписанное соглашение вносит существенные изменения в вышеуказанное положение...; заключение соглашения и сопутствующее ему английское заявление подкрепляют нашу позицию в Великобритании и Соединенных Штатах, а также наши права на Востоке»⁴.

Полными двусмысленных намеков, но в целом выдержанными в дружественном тоне, были высказывания Станислава Строньского*, который в связи с подписанием соглашения отметил, что «впервые в истории независимое существование Польши и России как народов и государств одновременно и непосредственно подвергается угрозе со стороны Германии»⁵. В этой ситуации Строньский положительно оценивал «основу и рычаги польско-советского соглашения». Реалистических взглядов придерживался также Ксаверий Прушиньский**: «Если мы хотим быстро, действенно и с максимальным размахом оказать помощь нашим соотечественникам в России, то сделать это будет тем легче, чем лучше станут наши отношения с Советским правительством, тем трудней, чем они будут хуже. Мы можем спорить, можем противиться, но должны их налаживать»⁶. Через год после подписания соглашения Станислав Грабский*** так подытожил его результаты: «Союз с СССР не только не уменьшил самостоятельность нашей дипломатии, напротив, дал нам большие, чем прежде, основания для успешной защиты целостности и безопасности наших восточных границ и наших жизненных интересов в Восточной Европе»⁷.

* С. Строньский — польский буржуазный политический деятель и публицист. Принадлежал к правой партии эндеков («народных демократов»). В 1939—1943 гг. — вице-премьер и министр пропаганды эмигрантского правительства.

** К. Прушиньский — писатель и публицист. В годы войны — на дипломатической службе. В 1945 г. возвратился в Польшу. В 1948—1950 гг. — посол ПНР в Нидерландах.

*** С. Грабский — польский либерально-буржуазный деятель. В годы войны — сторонник сотрудничества с Советским Союзом. В 1945—1946 гг. — вице-председатель Крайовой Рады Народовой.

Непримиримые противники соглашения Сикорский — Майский остались при своем мнении. Станислав Мацкевич* утверждал, что «наиболее негативное последствие польско-советского соглашения от 30 июля — двойственность его интерпретации. По-одному понимаем это соглашение мы, поляки, а по-другому — Советы»⁸. Такого же мнения придерживался и Игнаций Матушевский**. Он заявил: «Страшной, мстящей сегодня ошибкой правительства генерала Сикорского было подписание пакта с Советами в редакции, оставляющей место для интерпретаций и сомнений»⁹. Зигмунт Новаковский*** также доказывал, что соглашение «не только должно, но и могло быть другим»¹⁰.

В этой обстановке особого внимания заслуживает смелое заявление Ксаверия Прушиньского, который на страницах «Польских известий» («Вядомости польске») попытался воздействовать на политическую ориентацию лондонского лагеря в духе реалистического и дружественного отношения к СССР. В имевшей большой резонанс статье «Перед лицом России»¹¹ он обратился к взглядам Романа Дмовского, отправной точкой которых было положение о том, что врагом Польши является Германия, и на два фронта Польша воевать не может. С другой стороны, ссылаясь на высказывания Ванды Василевской «О Польше Болеслава Кривоустого»****, он отмечал: «Перед нашими глазами — глазами поляков в Англии — сквозь красные знамена революции словно обещание, словно вызов только что замаячило такое предложение: перечеркните 500 лет истории, откажитесь от востока и... возвратитесь на Одру, верните земли, о которых в последних строках своей «Истории Польши» молился Длугош»*****. Прушиньский напоминал: «Страшная ненависть

* С. Мацкевич — польский буржуазный деятель и политик правого направления. В годы войны — противник политической линии генерала В. Сикорского. В 1945—1955 гг. — премьер-министр эмигрантского правительства. С 1956 г. до смерти в 1966 г. жил в Польше.

** И. Матушевский — деятель «санации». Противник правительства В. Сикорского.

*** З. Новаковский — буржуазный писатель и публицист. С 1940 г. — в Англии.

**** Болеслав II Кривоустый (1085—1138), князь польский с 1102 г. Из династии Пястов. Объединил польские земли, отразил нападение германского императора Генриха, вел длительные войны за Балтийское побережье, овладел Гданьском, а также Западным Поморьем.

***** Ян Длугош — польский историк и дипломат XV в. (1415—1480). «История Польши» проникнута идеей борьбы за единство польских земель.

к Германии, сила которой нам неизвестна,— то чувство, которое удобряет почву под соглашением Польши и России. Не будем пренебрегать силой этого психологического суперфосфата. Она огромна. Полагаю, что под ее воздействием даже вопрос о наших восточных землях может предстать в лучшем свете. И мне кажется, что многое говорит за то, чтобы ее использовать, а не быть пассивным, что реалистически мыслящий политик, который обеспечит Польше мир на востоке, сослужит ей хорошую службу»¹².

Заявления Прушиньского были встречены резкими нападками со стороны Зигмунта Новаковского, Збигнева Грабовского и Рышарда Враги*. В «Польском утре» («Ютро польское») Збигнев Грабовский так ответил Прушиньскому: «Есть вопросы, по которым недопустима какая бы то ни было дискуссия. В первую очередь к ним относится обеспечение целостности территории нашего государства, поэтому я не собираюсь высказываться о недавно опубликованных предложениях господина К. Прушиньского, поставивших под сомнение официальную точку зрения о полной нерушимости наших границ в соответствии с Рижским договором. Они заслуживают полного молчания»¹³.

Острая атака «непримиримых» привела к тому, что Ксаверий Прушиньский поместил в «Лондонских известиях» («Вядомости лондынське») заявление, в котором отказался от суждений, высказанных в цитированной выше статье «Перед лицом России». Политический климат для изменения воззрений польской послесентябрьской эмиграции в то время был неблагоприятным. В основе ошибочных рассуждений поляков, ориентировавшихся на лондонское правительство, лежала уверенность в том, что правящие круги Лондона окажут им полную поддержку во всех политических вопросах.

Бесспорно, подписание польско-советского соглашения от 30 июля 1941 г.¹⁴ было личной заслугой генерала Владислава Сикорского. Он правильно оценил политические выгоды для своего правительства и польского народа, вытекающие из соглашения, однако односторонне подходил к существу вопроса. Примером такого противоречивого отношения Сикорского к польско-советским отношениям было его выступление по радио 23 июня 1941 г., на второй день после нападения гитлеровской Германии на

* З. Грабовский, Р. Врага — деятели «санационного» толка, реакционеры и антикоммунисты.

СССР и незадолго до подписания соглашения. Это выступление Сикорского, требовавшего восстановления польского господства на украинских и белорусских землях, изобиловало многочисленными обвинениями в адрес Советского Союза¹⁵. Стремясь действовать в согласии с польским эмигрантским правительством в Лондоне, вновь выступившим с территориальными претензиями на востоке, Сикорский практически подрывал значение заключенного вскоре соглашения.

В соответствии с польско-советским соглашением от 30 июля 1941 г. началось создание польских вооруженных сил в СССР. Это событие приветствовала Ванда Василевская на страницах «Новых горизонтов» («Нове виднокренги» *): «На землях Советского Союза возникает польская армия. Против смертельного врага, против коричневого хищника встанет польский солдат. Польский солдат отомстит за развалины городов, за кровь, за муки, за слезы. Плечом к плечу с Красной Армией пойдет наша польская армия на борьбу с врагом нашей страны, врагом славянства, врагом человечества»¹⁶.

14 августа 1941 г. в Москве было подписано польско-советское военное соглашение о создании польской армии на территории СССР. Оно логически вытекало из соглашения от 30 июля 1941 г. В частности, в нем подчеркивалось, что организованная в СССР польская армия: а) будет составлять часть вооруженных сил суверенной Польши; б) солдаты этой армии будут присягать на верность Польше; в) она создается для совместной с войсками СССР и иных держав борьбы против Германии; д) по окончании войны армия вернется в Польшу; е) в течение всего периода совместных действий она будет подчинена в оперативном отношении Верховному командованию СССР. Организационные и кадровые вопросы будут находиться в ведении главнокомандующего Польскими вооруженными силами, который через командующего польской армией на территории СССР координирует приказы и распоряжения об организации и личном составе с Верховным командованием СССР¹⁷.

Польско-советское соглашение от 30 июля 1941 г., как и подписанное 14 августа 1941 г. военное соглашение,

* Журнал на польском языке. Начал выходить накануне Великой Отечественной войны во Львове как орган Союза писателей СССР. Затем печатался в Куйбышеве и Москве и распространялся среди прогрессивной польской эмиграции в СССР. Издавался до 1946 г.

способствовали дальнейшему перелому в польско-советских отношениях¹⁸. Важным событием явился также прием Председателем Совета Народных Комиссаров И. В. Сталиным профессора Станислава Кота *, посла лондонского правительства, 14 ноября 1941 г.¹⁹

Несмотря на многочисленные объективные и субъективные трудности, советская сторона делала все для выполнения положений польско-советского соглашения от 30 июля 1941 г. и военного соглашения от 14 августа 1941 г. об участии поляков в войне с гитлеровскими захватчиками. Советское правительство амнистировало поляков, которые были сосланы или арестованы за диверсионную деятельность против органов Советской власти. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии польских граждан на территории СССР привел к смягчению антисоветских настроений, распространенных среди части польского населения в СССР и высвободил людской потенциал, необходимый для создания войска.

Кроме того, правительство СССР предоставило польскому эмигрантскому правительству заем в сумме 300 млн. руб. на содержание армии на территории СССР и сверх того 100 млн. руб. для оказания денежной помощи польским гражданам, проживающим на советской земле. Советский Союз, на территории которого формировалась польская армия, обеспечивал ее продовольствием, обмундированием и частично вооружением. Казалось, ничто не препятствует тому, чтобы при доброй воле обеих сторон положения польско-советского соглашения были выполнены с пользой для Польши.

Посетивший в декабре 1941 г. части польской армии в СССР главнокомандующий генерал Владислав Сикорский высоко оценил помощь правительства СССР и боевую готовность польских солдат²⁰.

В документе, составленном лично, генерал Сикорский подчеркнул: «...Русский солдат хорошо сражается. Дух Красной Армии до сих пор не пошатнулся. Это свидетельствует об исключительной стойкости русского солдата, который, несмотря на длительное отступление, не был сломлен и сохранил способность не только к пассивной обороне, но и к успешным контрударам. Советское Верховное командование и лично Сталин направляли и будут направлять войска в контратаки с истинной решимостью,

* Правый людовец; его антисоветизм проявлялся и во время пребывания на посту посла в СССР.

невзирая на потери, которые не поколебали и не поколеблют дисциплину советских солдат... Мой визит в Москву совпал с кульминационным моментом кампании 1941 г. на Востоке. В это время решался исход битв за Москву и Ростов-на-Дону — дорогу на Кавказ. В военную историю эти битвы, несомненно, войдут как примеры умелого преодоления тяжелого кризиса. Воля к борьбе, настойчивость и непоколебимая выдержка Верховного главнокомандующего Сталина наряду с достойной признания стойкостью русского солдата стали решающими — Москву отстояли еще до наступления зимы, а Ростов был отбит. И не только русская зима задержала немецкое наступление, как это хотят представить Гитлер и Геббельс. Фактом является то, что Гитлер признал себя побежденным под Москвой и приказал отступить. Советский контрудар под Ростовом, совершенный с большим оперативным искусством, застал врасплох армию Клейста, принудив ее к беспорядочному отступлению. Битвы за Москву и Ростов являются переломными событиями для кампании на Востоке и имеют важное значение для всей войны с Германией. Сегодня еще трудно предвидеть последствия этих событий. Одно несомненно, а именно, что они означали проигрыш немцами кампании 1941 г. Пока можно констатировать, что провал немецкого наступления на востоке и утраченные в связи с этим надежды на поражение России серьезно потрясли весь организм Германии...»²¹

Суждения Сикорского, полные реализма и верных оценок, признание им героических усилий Страны Советов и мужества солдат Красной Армии подвергались нападкам крайне правых польских кругов в Лондоне, которые выступали против польско-советского соглашения от 30 июля 1941 г. В изданном в этой связи тайном циркуляре от 30 января 1942 г. Сикорский писал: «Безответственные личности среди польского общества в Великобритании атаковали и все более атакуют польско-советское соглашение. Эти личности не брезгуют ничем, используя эмоциональный подход некоторых поляков к России, не останавливаясь перед разглашением тайных официальных документов, что может послужить только на руку Германии...»²² Осуждая это пагубное для дела подстрекательство, Сикорский требовал: «Все польские граждане, независимо от своего личного отношения к Советской России, ее строю, политике и экономике, которые, заметим, обнаруживают немало положительных черт, должны быть безусловно подчинены польским национальным интересам.

А они требуют по меньшей мере воздержаться от высказывания всяких недоброжелательных суждений о СССР...»²³

В то время имело определенное значение и отношение генерала Сикорского к намерениям вооруженного подполья в Польше и планам всеобщего восстания. Анализируя военно-политическую ситуацию в Европе, возникшую, в частности, в результате нападения гитлеровской Германии на СССР, и имея в виду обязательства польского эмигрантского правительства по отношению к СССР, вытекающие из польско-советского соглашения, В. Сикорский 8 марта 1942 г. издал «Личную и тайную инструкцию для главнокомандующего в стране». В целом эта инструкция отвергала концепции, содержащиеся в плане всеобщего восстания (именуемом также «Оперативный рапорт» или «Рапорт № 54»), посланном в Лондон 5 февраля 1941 г. Прежде всего она охлаждала пыл той части руководства подполья, которая выступала с теорией «двух врагов» и мобилизовывала членов организации на борьбу против «двух оккупантов». В инструкции от 8 марта 1942 г. Сикорский отметил, что «Русско-немецкая война стала причиной принципиальных изменений в нашем отношении к Советам. Заключенные с ними политическое и военное соглашения привели к формально дружественным союзническим отношениям между обоими государствами, что сделало возможным создание польской армии на территории России и спасло от гибели значительное число высланных. Эти факты, несомненно, повлияли на совокупность наших отношений с Россией и должны быть приняты во внимание при планировании на будущее, равно как и при возможном вступлении русских войск на территорию страны»²⁴.

В предложениях Сикорского относительно дальнейшего развития военно-политической обстановки на востоке были предусмотрены два варианта:

1. Наступление гитлеровской армии на Советский Союз может быть успешным. Разбитая Красная Армия полностью или частично была бы отеснена за Волгу или даже за Урал при одновременной немецкой оккупации Кавказа и нефтяного бассейна. В этой ситуации Сикорский не исключал того, что советский фронт и в дальнейшем будет связывать значительные силы Германии. Потери Германии на востоке и начало военных действий на западе создало бы возможность вооруженного выступления против гитлеровской армии в Польше.

II. Советские войска успешно отразят удары немецкой армии, после чего перейдут в большое контрнаступление, результатом которого будет разгром Германии и продвижение — частично через Польшу — советских войск вглубь немецкой территории. По мнению Сикорского, при таких обстоятельствах восстание в Польше — в тылу немецкой армии — могло произойти лишь при условии полного разгрома Германии. Время выступления необходимо было бы скоординировать с действиями Красной Армии. В любом другом случае из-за большой концентрации немецких войск в Польше оно не имело бы шансов на успех.

Высказываясь за вариант II, как наиболее реальный, Сикорский подчеркивал: «Если бы это предположение осуществилось, у нас не было бы никакой возможности воспрепятствовать вступлению преследующей немцев русской армии. В этом случае восстановление государства и создание польских вооруженных сил в стране произойдет только при выполнении Россией по доброй воле принятых на себя обязательств и давления со стороны союзников. Нужно считаться с тем, что все антирусские акции были бы тут, на Западе, не поняты, признаны прогитлеровскими, а Россия смогла бы трактовать их как предлог для разрыва соглашения и оккупации страны. Это могло бы стоить большой крови, пролитой бесполезно»²⁵.

Вариант II, исходивший из того, что отступление гитлеровских войск и победный марш Красной Армии на запад через Польшу неминуемы, предусматривал необходимость сохранения полной лояльности поляков по отношению к Красной Армии, урегулирование спорных вопросов между Польшей и СССР путем переговоров и вооруженное выступление против немцев и только немцев в случае разложения и краха их армий. Рисуя картину недалекого будущего таким образом, Сикорский имел в виду реалии, которые возникали на фронтах второй мировой войны. Он предвидел разгром гитлеровской Германии и контрнаступление советских войск, преследующих агрессора и на его территории. Он хотел, чтобы подполье приняло участие в этих исторических событиях, но участие разумное и целесообразное. Сикорский не рекомендовал выступать против гитлеровских войск, когда они еще могут успешно обороняться. Такая позиция была продиктована заботой о сохранении сил польского народа *. Однако это вовсе не означало, что Сикорский хотел ограничить борьбу подполья,

* Конечно же, не только и не столько этим.

проводить ее только в том случае, если войска гитлеровской Германии будут уже побеждены Красной Армией. Он указывал: «В момент прорыва немецкого восточного фронта наши отряды должны выступать с оружием в руках, чтобы разоружить немцев, взять в свои руки службу безопасности и обеспечить работу административных органов по указанию делегата правительства»²⁶.

Со своей стороны Сикорский уверял подполье в стране: «Я приложу все силы, чтобы в случае победного марша Красной Армии на запад Войско Польское, сформированное в России, одновременно вступило в Польшу»²⁷. Он хотел, чтобы Красная Армия и наступающее вместе с ней Войско Польское встретили в Польше организованный, гибко действующий административный аппарат, созданный в подполье.

Однако в рассматриваемой инструкции Сикорского содержится неясная формулировка: «В Вильно и Львове в этот период будут необходимы значительные военные отряды»²⁸. Судя по обстановке, существовавшей в лондонском лагере, можно предположить, что под давлением антисоветских политических групп внутри правительства Сикорский откладывал вопрос о Вильнюсе и Львове до предстоящих мирных переговоров с Советским Союзом, а присутствие отрядов польской армии в этом районе должно было стать политическим аргументом для нажима на советские власти. Одно несомненно — в свете того, что Сикорский писал в инструкции для подполья в стране, он не стремился к вооруженным столкновениям с Красной Армией и видел в Советском Союзе подлинного союзника в борьбе с гитлеровской Германией. Не имея в то время четкой концепции по вопросу о западной границе по Одре и Нысе Лужицкой, он считал возможным вести спор за Вильнюс и Львов. Этим он в какой-то степени уступал эмоциям, накопившимся вокруг вопроса о восточных границах у правых и крайне правых сил Польши²⁹.

В целом же позиция Сикорского оказала положительное воздействие на польское подполье. Об этом свидетельствует содержание плана восстания, который был разработан в стране осенью 1942 г., зашифрован и послан в Лондон курьерской почтой по двум путям. План, известный как «Рапорт 154» или «Оперативный рапорт № 154», был переправлен к месту назначения в начале марта 1943 г.³⁰

Цели вооруженного восстания определялись в нем следующим образом:

1. Освободить страну от немецких оккупантов, для чего:

ликвидировать администрацию и другие органы власти агрессора;

устранить немецкие войска путем добровольной или принудительной эвакуации.

2. Добыть оружие и военное снаряжение, для чего: добровольно или принудительно получить их от немецкой армии (и, возможно, итальянской);

захватить и оборонять военные склады противника в районе восстания.

3. Противостоять террору украинских националистов *.

4. Приступить к созданию регулярного войска.

5. Сотрудничать с гражданским населением при восстановлении своей администрации и необходимых государственных учреждений, главным образом связи и военной промышленности.

6. Поддерживать в стране строгий порядок и спокойствие, решительно противодействовать всем попыткам переворотов и покушений.

7. Как только позволят ситуация и собственные силы, перейти к вооруженной экспансии на еще не освобожденных суверенных землях Польши, а также на территориях, захват которых необходим для будущей сильной Польши.

В плане был определен благоприятный момент для начала восстания — крах Германии в результате разгрома на фронтах и внутреннего разложения третьего рейха, тогда, когда четко проявятся признаки немецкой катастрофы. По плану восстание должно было охватить районы, в которых в то время преобладало польское население и были условия для проведения всеобщей вооруженной борьбы. Базой восстания должно было стать генеральное губернаторство (исключая Львовскую область), а также прилегающая территория, а именно: Домбровский бассейн, Лодзинское воеводство, Плоцкий округ, западная часть Белостокского воеводства и район Бреста за Бугом.

Необходимо отметить, что в этом плане не выдвигалась пагубная концепция «двух оккупантов и двух врагов». В соответствии с предложениями Сикорского план ориентировал исключительно на бескомпромиссную борьбу

* Речь идет о резне польского населения на Волыни и в других районах Западной Украины, учиненной украинскими буржуазными националистами. Одновременно в этих местностях отряды АК и НСЗ вырезали украинские деревни.

с гитлеровскими захватчиками. О так называемых Восточных креслах в документе не упоминалось, и даже была смягчена терминология. Эта реалистическая политика Сикорского встретила поддержку у аковского подполья и других политических группировок в стране и в эмиграции *. Многие поляки перешли на эту позицию с большим облегчением. Дружественные польско-советские отношения, выводы, сделанные из прошлого, политика Сикорского — все это привело к тому, что и правые группировки польского подполья ** должны были приспособить к этой ситуации свои политические программы «на сегодня» и намерения на будущее.

Несмотря на благоприятные перспективы развития отношений между СССР и Польшей, крайне правые антисоветские круги на Западе (в частности, Казимир Соснковский, Тадеуш Белецкий, Адам Добошиньский в Англии, Игнаций Матушевский и его группа в Соединенных Штатах) оказывали сильное давление на генерала Сикорского с тем, чтобы склонить его к эвакуации польской армии из СССР. Впрочем, в этом же направлении вел свои происки командующий польскими войсками в СССР генерал Владислав Андерс, который безосновательно приписывал советским властям злой умысел, жалуясь на недостаточное обеспечение польской армии продовольствием. Это происходило в то время, когда существовала нехватка продовольствия для солдат Красной Армии, постоянно отражавших непрерывные атаки войск гитлеровского вермахта ³¹.

В этой обстановке убедительно прозвучало заявление ЦК ППР от 1 мая 1942 г., опубликованное на страницах «Трибуны свободы» («Трыбуна вольности») ³². В нем руководство партии выражало свое отношение к правительству генерала Сикорского, его политике и проблемам, связанным с польской армией в СССР под командованием Андерса. В частности, в заявлении говорилось: «В нынешних условиях потери независимости и мировой войны существование польского правительства в эмиграции надо считать целесообразным прежде всего для поддержания отношений с союзническими государствами и развития Польских вооруженных сил. В этом смысле правительство генерала Сикорского может, несомненно, сыграть позитив-

* Речь идет, понятно, лишь о части аковского подполья и других политических группировок.

** Часть правых группировок продолжала придерживаться линии на неизбежное вооруженное столкновение с СССР.

ную роль, заключая некоторые международные соглашения и создавая Польскую армию в СССР, Англии, Канаде. Эти начинания справедливо получили единодушное одобрение всего польского общества. С момента своего образования Польская рабочая партия настойчиво стремится к претворению в жизнь идеи всеобщего национального фронта борьбы с гитлеровскими захватчиками и готова идти с каждым, кто искренне хочет бороться с врагом. Исходя из этого принципа, Польская рабочая партия поддерживает усилия правительства генерала Сикорского в данном направлении. Вместе с тем мы резко отрицательно относимся к тем мероприятиям правительства генерала Сикорского в последние месяцы — не принимая во внимание период до июля 1941 г., которые идут по линии поддержки так называемого «английского» способа ведения войны, то есть пассивного ожидания и отсрочки столкновения с гитлеровским врагом до 1944—1945 гг., призывам к пассивности общественности в стране, проволочкам с началом боевых действий польской армии в СССР и т. п. Не способствуют повышению авторитета польского правительства тщетные дискуссии о будущих границах, определение размеров консульских сборов между Польшей и Чехословакией или бумажные декларации о влиянии трудящихся масс на производство в освобожденной Отчизне. Мы не можем также обойти молчанием тот факт, что персональный состав правительства генерала Сикорского в большой степени случаен — не приняты во внимание серьезные идейные перемены, которые произошли в Польше в течение последних двух с половиной лет. И, в частности, польский рабочий класс, крестьянские массы и трудовая интеллигенция не представлены в правительстве соответственно своему удельному весу и идейной ориентации. Польская рабочая партия, как до настоящего времени, так и в дальнейшем, четко определяет свое отношение к правительству генерала Сикорского в зависимости от его действий, а не деклараций или слов»³³.

Между тем в созданной в СССР армии генерала Андерса разжигались настроения, подготавливающие почву для эвакуации войск на Ближний и Средний Восток. Солдатам, которых ужасали вести из Польши и которые хотели принять участие в борьбе за ее освобождение, удивительно мало говорили о немецких захватчиках, о необходимости быстрой подготовки для боев с ними и поразительно много и настойчиво о не урегулированных с Советским Союзом территориальных вопросах и притязаниях

лондонского правительства хозяйствовать на бывших Восточных кресах.

Вместе с тем польское эмигрантское правительство в Лондоне настаивало на формально правовой точке зрения,— что Рижский договор, определявший предвоенные границы Польши на востоке, по-прежнему остается в силе. Это правительство решительно возражало против конституционных актов от 1 и 2 ноября 1939 г. о воссоединении Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР и заявления правительства СССР о волеизъявлении местного населения, выраженном на выборах в ноябре 1939 г.

Односторонне оценивая позицию правительств Великобритании и США в вопросе о восточных границах, польское правительство в Лондоне все сильнее погрязало в своих антисоветских комплексах. Это углубляло недоверие советских властей к находившейся в СССР польской армии. Усиливались политические происки польского правительства, наносившие вред и полякам, которые доброжелательно относились к польско-советскому соглашению от 30 июля 1941 г.

В этой обстановке посол Польши в СССР С. Кот 22 марта 1942 г. передал президенту Польши, правительству и премьер-министру в Лондоне декларацию поляков в СССР³⁴, в которой говорилось: «К полякам, находящимся на территории Советского Союза, все чаще доходят известия из эмиграции о выступлениях определенных политических групп и некоторых публицистов, направленных против политики премьер-министра Сикорского и польского правительства.

Нам непосредственно известны чувства и убеждения широких слоев нашего населения, в большинстве своем выходцев из восточных воеводств Польши.

...Вместе с ними мы верим, что польское правительство является опорой национального единства и сделает для Польши все, что в его силах.

Сегодня, на свободе, мы укрепились в этом убеждении. Знаем, что так было и так есть.

Поэтому мы считаем, что имеем моральное право вручить Вам, господин президент,— представителю власти в Польше, следующее заявление:

Элементарные интересы государства возлагают сегодня на поляков, независимо от той территории, на какой они находятся, обязанность проявлять гражданскую дисциплину и заботу о достоинстве и об авторитете органов, пред-

ставляющих перед всем миром польский народ и его стремление к независимости.

Сплочение народа для совместных усилий в данный момент является столь настоятельным требованием, что каждый шаг, затрудняющий это сплочение, приносит невосполнимый ущерб.

Поэтому мы обеспокоены и возмущены тем, что в нынешней обстановке имеют место публичные выступления, не считающиеся с польскими государственными интересами. Эти выступления могут быть использованы враждебной пропагандой для подрыва авторитета польского правительства, и они осложняют его положение на международной арене, тем более что выступающие не останавливаются даже перед разглашением того, что в национальных интересах должно остаться государственной тайной.

Мы видим, что объектом самых яростных нападок на правительство является польско-советский пакт.

Поэтому мы должны заявить, что это соглашение мы расцениваем не только как шаг, который приносит нам лично облегчение в нашей тяжелой доле, но и считаем его прежде всего необходимым и важным актом, являющимся последовательным шагом в борьбе польского народа за полную независимость. Необоснованность и недобросовестность его критики, свидетельствующей о непонимании государственных интересов, наносит ущерб жизненным, историческим интересам Польши.

Руководствуясь искренней заботой о польском деле и его пользе, мы считаем своим долгом вручить Вам, господин президент, настоящую декларацию, глубоко убежденные в том, что авторитет Вашего поста будет способствовать сдерживанию вредных для Польши выступлений в эмиграции».

Многომесечные усилия английской дипломатии, политические интриги лондонского лагеря и колебания генерала Сикорского в конце концов привели к эвакуации армии генерала Андерса из СССР в августе 1942 г. Этот факт, как и разрыв 25 апреля 1943 г. дипломатических отношений между правительством СССР и польским эмигрантским правительством в Лондоне и, наконец, загадочная смерть генерала В. Сикорского в авиационной катастрофе над Гибралтаром 4 июля 1943 г. завершили определенный этап в истории польско-советских отношений³⁵, возникший в результате заключения соглашения Сикорский — Майский от 30 июля 1941 г. Солдаты армии Андерса, эвакуированные с советской территории в самый тяжелый

для СССР период войны, направились в пески Ирана для того, чтобы там бездействовать, обороняя британские имперские владения (прежде всего нефть).

После двух лет бездействия и многих реорганизаций армии эти солдаты все же приняли участие в борьбе с гитлеровской Германией с февраля 1944 г. до мая 1945 г. и доказали свое мужество в боях за Монте-Кассино, Анкону, при прорыве «линии готов», в сражении за Фаэнсу в Аппенинах и за Болонью.

Политики лондонского лагеря довели польско-советские отношения до разрыва 25 апреля 1943 г., активизировали те политические силы в эмиграции, которые всегда неприязненно или враждебно относились к сближению с СССР. Это также оказало негативное влияние на политическую позицию вооруженного подполья правых сил в Польше и углубило антисоветские настроения у части польского общества.

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

Разрыв польско-советских отношений 25 апреля 1943 г. вызвал углубление политического кризиса польского эмигрантского правительства в Лондоне. Глава правительства СССР И. В. Сталин в письме президенту Ф. Рузвельту от 29 апреля 1943 г. объяснил мотивы советского решения о разрыве дипломатических отношений с польским правительством. Он подчеркнул, что польское правительство всеми доступными средствами вело антисоветскую клеветническую кампанию, становясь тем самым пропагандистским орудием гитлеровской Германии. Сталин заверил Рузвельта, что органы Советской власти не изменят своего отношения к оставшимся в СССР польским гражданам и дальше будут относиться к ним как к близким людям и товарищам¹.

Советское правительство не исключало также возможность восстановления дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством. Об этом свидетельствует письмо И. В. Сталина к У. Черчиллю от 4 мая 1943 г. В этом письме глава Советского правительства сообщил премьер-министру Великобритании, что как только из состава эмигрантского правительства будут выведены лица, затрудняющие польско-советское сотрудничество, станет возможным и возобновление дипломатических отношений².

Находившийся в Москве Ральф Паркер, корреспондент газет «Нью-Йорк таймс» и «Таймс», получил от И. В. Сталина достаточно убедительные ответы на заданные ему два вопроса о Польше:

1. *Вопрос:* «Желает ли правительство СССР видеть сильную и независимую Польшу после поражения гитлеровской Германии?»

Ответ. «Безусловно, желает».

2. *Вопрос.* «На каких, с Вашей точки зрения, основах должны базироваться отношения между Польшей и СССР после войны?»

Ответ. «На основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения или, если этого пожелает польский народ,— на основе союза о взаимной помощи против немцев как главных врагов Советского Союза и Польши»³.

Было очевидно, что Советский Союз заинтересован в возрождении сильной, независимой и демократической Польши. Эту задачу не могло осуществить польское эмигрантское правительство в Лондоне, скомпрометированное антисоветской пропагандой, на котором лежала ответственность за вывод из СССР польской армии под командованием генерала Андерса и политика которого привела к разрыву польско-советских дипломатических отношений. Эту миссию могли взять на себя только существующие в стране и в эмиграции в СССР левые силы Польши.

Правильно оценивая значение участия польских вооруженных сил вместе с советскими войсками в борьбе с гитлеровской Германией, Союз польских патриотов в СССР в апреле 1943 г. обратился к Советскому правительству с просьбой о согласии на создание в СССР первоначально одной польской дивизии. После доброжелательного рассмотрения этой просьбы Советским правительством в мае начала формироваться 1-я польская дивизия им. Тадеуша Костюшко. Эта дивизия положила начало возрожденному Войску Польскому, которое вместе с Красной Армией участвовало в тяжелых боях на военной дороге от Ленино до Берлина.

Давая оценку этому важному и переломному для польского народа событию, Ванда Василевская в выступлении по радио 28 апреля 1943 г. отметила: «В Польшу, на родину, в родные дома ведет лишь один путь — путь борьбы и труда во имя победы. И кратчайший путь именно отсюда — из Советского Союза.

Часть поляков, находившихся на территории СССР, избрала иной путь — путь скитаний по дальним странам и морям.

Мы, те, кто остался на территории Советского Союза, должны ясно сказать себе:

Право вернуться на родину завоеывается борьбой и трудом. Борьбой и трудом мы должны доказать, что такое польский патриотизм.

Союз польских патриотов вот уже длительное время добивается создания на территории Советского Союза

польских частей. Мы верим, что в ближайшее время мы сможем, плечом к плечу с Красной Армией, под знаменами польских частей доказать с оружием в руках нашу любовь к Польше, наше право на Польшу...

...Советский Союз, независимо от разрыва дипломатических отношений с польским правительством в Лондоне, всегда был и останется союзником борющегося за свою свободу польского народа.

Польское правительство в Лондоне проявило свою не-лояльность к союзнику — мы должны проявить лояльность к нему, лояльность, вытекающую из понимания общих целей и стремлений, из общей ненависти к врагу, общей судьбы.

Польское правительство в Лондоне вывело армию, сформированную и вооруженную на территории Советского Союза, за его пределы, где она стоит до сих пор в полном бездействии, мы же должны с оружием в руках пойти на фронт.

Польское правительство в Лондоне выслало десятки тысяч солдат на бесцельные скитания по свету; мы должны напряженным трудом доказать понимание важности момента, проявить гражданскую сознательность»⁴.

В опубликованной 16 июня 1943 г. в Москве идейной декларации СПП были точно определены общественно-политические цели польских левых сил в СССР. В важнейших положениях декларации подчеркивалось: «Союз польских патриотов в СССР борется:

за демократическую Польшу, в которой интересы народа не будут подчинены интересам привилегированных слоев, в которой будет осуществлено подлинное народовластие;

за парламентскую Польшу, в которой вопросы правительства, вопросы прав и обязанностей граждан будут решаться демократическим сеймом;

за новую, справедливую Польшу, где будет произведена перестройка аграрного режима, где землю бесплатно получают крестьяне, в первую очередь малоземельные и безземельные, а также батраки и сельскохозяйственные рабочие, в которой творческий труд будет основой существования граждан и общества, где быстрыми темпами будет ликвидирована наша экономическая и культурная отсталость;

за Польшу, освобожденную из-под гнета помещиков, картельных баронов, банковских ростовщиков и биржевых спекулянтов, где свободный крестьянин будет хозяйничать

на собственной земле, где рабочий и работник умственного труда получают работу, государственное обеспечение, достойные человека условия жизни, где ремесленник, купец и промышленник будут пользоваться покровительством государства в рамках общенационального плана восстановления экономики страны;

за справедливую Польшу, где будут исправлены обиды и несправедливости, причиненные фашистскими оккупантами отдельным гражданам, учреждениям, обществам, церкви, всему обществу, где заслуженная кара постигнет измену и предательство, а верная служба в рядах армии, в повстанческих и партизанских отрядах будет вознаграждена;

за Польшу гражданской, политической и религиозной свободы, Польшу без расовой и национальной ненависти, Польшу свободы слова и совести;

за независимую Польшу, которая не будет ни игрушкой чужеземных империалистов, ни их добычей;

за Польшу, сильную не захватом чужих земель, но дружескими отношениями со всеми нашими союзниками;

за Польшу прогрессивную, миролюбивую, внутренне возрожденную»⁵.

Далее в декларации СПП провозглашался принцип объединения всех польских земель в границах Польского государства. СПП отказывался от украинских, белорусских и литовских земель, требуя «засыпать искусственно созданную пропасть между польским народом и украинским, белорусским и литовским народами».

Осуждая политику польского эмигрантского правительства, СПП отнюдь не относился отрицательно ко всем, кто все еще оказывал доверие лондонцам. Каждого, кто боролся с гитлеровской тиранией на Востоке и на Западе, независимо от его отношения к эмигрантскому правительству, декларация называла «другом и братом»⁶.

Итак, Союз польских патриотов выступил с призывом к вооруженной борьбе с Германией за свободу и независимость Польши. Этот лозунг нашел свое воплощение в создании новых Польских вооруженных сил на территории СССР для непосредственного участия в военных действиях против Германии. С ним был связан очередной программный лозунг СПП — боевой союз с Красной Армией и дружба с Советским Союзом. Ведь весь опыт прошедших 25 лет учил, что проклятием досентябрьской Польши была антисоветская политика Польского государства, на-

взянная ему реакционными правящими кругами с самого начала его создания в 1918 г.

Из понимания этих главных уроков исторического развития Польши вытекали выводы идейной декларации СПП. Поэтому она выступала против тезиса польской реакции о «нерушимости границ 1939 года». В ней говорилось, что в интересах Польши изменение этих границ как на востоке, так и на западе.

Заслугой польской эмиграции в СССР было создание 1-й польской дивизии им. Тадеуша Костюшко. Большая политико-воспитательная работа помогла солдатам осознать идейные принципы СПП, что, несомненно, привело к внутреннему сплочению дивизии, а тем самым повысило ее боевые качества.

Дивизия им. Тадеуша Костюшко вошла в состав 33-й армии Вооруженных Сил СССР и вместе с ней получила задание прорвать немецкие оборонительные позиции под деревней Ленино, расположенной на границе между РСФСР и Белоруссией, в 100 км к востоку от Орши, белорусского железнодорожного узла на Днепре.

1-я польская дивизия должна была атаковать подступы к чрезвычайно важной для немцев железнодорожной линии, так называемой «днепровской рокаде». На этом участке она проходила по западному берегу верхнего течения Днепра, соединяя Украину с Белоруссией и Литвой по линии фронта, и в то время была наиболее выгодной дорогой для снабжения немецких фронтовых частей. Ударами польской дивизии по деревням Тригубово и Ползухи должен был начаться прорыв немецкой линии обороны на этом участке. В тяжелом сражении с сильным и опытным врагом костюшковцы сдали боевой экзамен — проявили решимость и волю к борьбе, большое искусство в подготовке и проведении военных операций, высокий боевой и моральный дух.

В битве под Ленино впервые в истории польско-советских отношений регулярные польские воинские части и Красная Армия, связанные братством по оружию, стали рядом на поле боя, чтобы сломить сопротивление гитлеровских захватчиков. Таким образом, битва под Ленино была первым реальным проявлением нового этапа во взаимоотношениях польского и советского народов. В этом прежде всего и заключается ее историческое и политическое значение.

Битва под Ленино оказала большое влияние и на освободительную борьбу в стране — придавала партизанам

надежду и мужество, вызвала чувство симпатии к советскому народу и Красной Армии, убедила в том, что судьбы войны с гитлеровским третьим рейхом, а также судьба самой Польши решаются на советско-германском фронте, где сражается и польский солдат.

Идея польско-советского союза, которой руководствовался СПП, мобилизуя польскую эмиграцию в СССР на борьбу с гитлеровскими захватчиками, пронизывала также и политическую деятельность ППР в оккупированной стране. Анализируя межвоенный период, причины сентябрьского поражения и политический кризис польского эмигрантского правительства, Центральный Комитет ППР в воззвании от 1 мая 1943 г., в частности, отмечал: «...В то же время польский народ понимает, что кровь, пролитая в настоящей войне, не может стать основой нового деления на свободных и рабов. Тезис о том, что Польша, не угнетая несколько миллионов украинцев и белорусов, станет маленькой и слабой страной,— оскорбление, брошенное в лицо польскому народу. Подлинная, а не мнимая сила польского народа исходит от земель исконно польских, на которых с самого начала своей истории польский крестьянин, а позднее польский рабочий и интеллигент кровью и потом выковывали лучшее будущее. Кампания, поднятая вокруг восточных земель, обостряет польско-советские отношения и отвлекает внимание от наших западных земель, где огнем и мечом с незапамятных времен и сегодня уничтожаются всякие следы польской культуры. Мы хотим, чтобы у нас было правительство, созданное по воле широких трудящихся масс, правительство, в состав которого входили бы представители рабочих, крестьян и интеллигенции. Правительство, опирающееся на широкий антифашистский национальный фронт, правительство, которое стремилось бы к быстрейшему победному окончанию войны. Правительство свободы и демократии, правительство сотрудничества и союза с Советским Союзом, нашим восточным соседом и союзником против гитлеризма...»⁷

В идеологических программах СПП и ППР вырисовывался облик будущей Польши, за которую шли в бой поляки-солдаты в СССР, вдохновленные СПП, и поляки-партизаны в стране, руководимые ППР. Эти политические и вооруженные силы польской левицы, имея реальную программу, близкие и понятные для польского народа цели, постепенно расширяли свое влияние. Очередные победы Красной Армии на Восточном фронте приближали раз-

гром гитлеризма. В конце 1943 г. уже можно было предвидеть, что, сокрушая германскую армию, на территорию Польши вступят советские войска, и что в это же время польские левые силы увеличат свой моральный и политический капитал в стране и за границей, окончательно побив политические козыри польского эмигрантского правительства, которое не отказалось от стремления прийти к власти в Польше после восстановления независимости.

В этих условиях польское эмигрантское правительство в 1943—1944 гг. для того, чтобы выйти из изоляции, пыталось развернуть политическую активность на Западе — добивалось поддержки для своей политической позиции, просило о посредничестве в деле возобновления польско-советских дипломатических отношений. Однако после смерти генерала В. Сикорского⁸ состав и действия нового правительственного кабинета не оставляли надежд на решение вопроса надлежащим образом. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Польское правительство в эмиграции, рассчитывая на поддержку западных держав, и дальше добивалось признания Советским Союзом границы 1939 г., а также высказывалось за создание польско-чехословацкой конфедерации. В докладе премьер-министра С. Миколайчика, сделанном 27 июля 1943 г. в Лондоне на заседании Национального совета Польши, содержалось, в частности, такое заявление: «В наших отношениях с Чехословакией мы будем стремиться к возобновлению переговоров об органическом сотрудничестве обоих государств, которое должно стать началом более широкой организации всей Центральной и Восточной Европы»⁹. 17 августа 1943 г. новый министр иностранных дел Тадеуш Ромер передал послу США А. Дрексел-Биддлу и послу Великобритании Овену О'Маллею письмо с объяснением позиции эмигрантского правительства в вопросе о восточных границах Польши и настоячивыми просьбами об англо-американском содействии в Москве¹⁰.

Накануне Московской конференции, которая состоялась 19—30 октября 1943 г., премьер-министр С. Миколайчик пытался убедить правительства Великобритании и Соединенных Штатов в необходимости оказать давление на СССР с тем, чтобы он возобновил дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством перед окончательным решением вопроса о польско-советской границе. Западные державы, заинтересованные в установлении дружественных отношений с Советским Союзом, в то

время не придавали большого значения требованиям польского правительства, а англичане постоянно убеждали поляков, что их возвращение из эмиграции в страну и приход к власти зависят от установления корректных отношений с Советским Союзом и, прежде всего, от изменения позиции в вопросе о восточной границе.

Упорное нежелание польского правительства в Лондоне считаться с реальностью еще раз проявилось в меморандуме от 16 ноября 1943 г., представленном английскому правительству. В этом меморандуме содержались требования к конференции Большой тройки в Тегеране, подтверждавшие стремления польского эмигрантского правительства восстановить восточную границу, существовавшую до сентября 1939 г., допустить его к единоличному осуществлению власти на территории Польши и возобновить дипломатические отношения между ним и Советским правительством. В меморандуме содержались и характерные для лондонского лагеря угрозы в адрес СССР. В частности, в нем подчеркивалось, что в Польше планируется восстание против немцев, которое может предшествовать вступлению советских войск в Польшу или быть поднято в тот момент, когда эти войска перейдут границу Польского государства. Если вступление советских войск произойдет без предварительного возобновления польско-советских отношений, эмигрантское правительство будет вынуждено «начать политическую акцию против нарушения суверенитета Польского государства, в то время как польская местная администрация и Армия Крайова были бы вынуждены продолжать подпольную работу...»¹¹.

На Тегеранской конференции, которая состоялась 28 ноября — 1 декабря 1943 г., было определено, что в Польское государство должны быть включены территории, расположенные между линией Керзона и линией реки Одры с вхождением части Восточной Пруссии и Ополщины¹². Тегеранская конференция была весомым вкладом в развитие сотрудничества трех великих держав, которые совместно заложили фундамент будущей мирной Европы¹³. В ходе конференции был предварительно решен вопрос о послевоенных границах Польши в пользу польского народа. «Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели», — гласили заключительные слова декларации Большой тройки, принятой в конце конференции¹⁴.

Могло ли в этой обстановке противодействие польского эмигрантского правительства сорвать соглашение, до-

стигнутое тремя великими державами? Можно ли было это допустить вообще? У. Черчилль, в частности, отдавал себе в этом отчет. 6 января 1944 г. он телеграфировал Ф. Рузвельту из Маракеша: «У меня был Бенеш, и он не теряет надежды в отношении ситуации в России. Он может быть нам очень полезен, призывая поляков к благоразумию и примирению с русскими, которые давно ему доверяют. Он привез новую карту с карандашными пометками Д[яди]Д[жо] (И. В. Сталина.— Авт.), по которым восточная граница проходит от Крулевца * до линии Керзона, что дает полякам Ломжу и Белостокскую область на севере, но не оставляет (полякам) Львов на юге. Западной границей он предлагает считать линию Одры с присоединением большей части Опольщины. Это дает полякам значительную территорию для поселения, которая охватывает более 3000 квадратных миль с побережьем Балтийского моря длиной 250 миль. Сразу же по возвращении домой он попытается воздействовать на польское правительство, чтобы оно, уладив дела на этой или близкой к ней основе, заявило, что берет на себя обязанности охраны фронта Одры в случае дальнейшей агрессии Германии против России. По этой дороге оно должно пойти как можно дальше. Это будет долгом поляков в отношении европейских держав, которые спасали их дважды. Если это удастся уладить в первых днях февраля, их визит к Вам окончательно решит вопрос»¹⁵.

Как следует из воспоминаний Бенеша, во время встречи, которая проходила 5 и 6 января 1944 г., Черчилль просил его после возвращения в Лондон вместе с министром иностранных дел Иденом попытаться убедить Миколойчика в необходимости прийти к соглашению с Советским Союзом на той основе, что восточная граница Польши будет проходить по линии Керзона, а западная граница — по линии Одры. 10 января 1944 г. Бенеш беседовал с Миколойчиком. Однако беседа была безрезультатной, так как Миколойчик не согласился признать линию Керзона восточной границей Польши¹⁶.

А вот аргументы, которые привел У. Черчилль Миколойчику при встрече 20 января 1944 г., чтобы сломить сопротивление польского премьер-министра: «Я хотел бы, чтобы польское правительство как основу в переговорах с русскими приняло линию Керзона без Львова... Вы должны принять ее не только как необходимость, а с энтузиазмом, потому что это означает крупномасштабное решение

* Кенигсберг (теперь Калининград).

польской проблемы. Этого требуют не только интересы Польши, но и интересы всех Объединенных Наций. Вы получите компенсацию до самой Одры и Восточную Пруссию. Потребуется полностью изгнать немцев с этой территории. Поэтому я советую Вам принять данное решение, и считаю его правильным... Я говорю это Вам частным образом, однако, если возникнет необходимость, готов подтвердить публично в парламенте... Исходным моментом должна быть линия Керзона. Нас интересует безопасность Польши и ее народа. Этой безопасности можно достичь только путем Вашего соглашения с русскими. Чехи избрали этот метод и не жалеют...»¹⁷

Ни аргументы У. Черчилля в беседе с Миколайчиком, ни позиция Большой тройки в вопросе о будущих границах Польши, ни развитие событий на Восточном фронте, со дня на день приближавшее вступление Красной Армии на территорию Польского государства, не сломили сопротивление эмигрантского правительства, поставившего своей целью захватить власть в Польше, границей которой на востоке будет граница, существовавшая до 1939 г. Польское правительство рассчитывало на подполье в стране, и прежде всего на силы Армии Крайовой и подчинившиеся ей частично или полностью более мелкие вооруженные группы.

После того как 30 июня 1943 г. гестапо арестовало коменданта АК генерала Стефана Ровецкого, командование Армией Крайовой принял заместитель Ровецкого Тадеуш Коморовский (псевдонимы «Бур», «Знич», «Лавина»).

1 ноября 1943 г. польское эмигрантское правительство послало генералу Т. Бур-Коморовскому свою «Инструкцию для страны» от 27 октября 1943 г. Эта инструкция предусматривала, в частности, следующие действия в случае вступления советских войск на польские земли:

1. Дипломатические польско-советские отношения восстановлены. Советские войска вступают на территорию Польского государства. Власть берет в руки польское правительство, которое одновременно легализует подпольную администрацию и приступает к воссозданию польских вооруженных сил. Последние действуют конспиративно до прихода к власти польского правительства и впоследствии в присутствии английских и американских представителей устанавливают контакты с советским командованием. В случае, если Советское правительство будет настаивать на границах не совпадающих с положениями Рижского договора и включающих территории на восток от линии

Керзона, польское правительство обратится с решительным протестом к Объединенным Нациям, требуя вмешательства.

2. Польско-советские дипломатические отношения не восстановлены. Вторжению советских войск предшествует вооруженное выступление польского подполья против немцев. В этой ситуации польское правительство должно заявить протест Объединенным Нациям против нарушения советскими войсками суверенитета Польского государства, одновременно сообщив, что польское подполье не будет сотрудничать с СССР¹⁸.

Принимая во внимание факт неизбежного вступления Красной Армии и народного Войска Польского на территорию Польши, руководство лондонского подполья и взаимодействовавшие с ним вооруженные организации, выполняя указания, которые содержались в приведенной инструкции, постановили:

- усилить диверсионную деятельность демонстративного характера;

- оставаться в подполье до дальнейших распоряжений;

- в случае репрессий ограничиться необходимыми актами самообороны¹⁹.

В это же время эмигрантское правительство должно было развернуть разностороннюю дипломатическую деятельность: 1) заявить протест союзникам против нарушения суверенитета Польши вступлением советских войск (в этом случае и против вступления польских войск, прошедших героический боевой путь от Ленино бок о бок с Красной Армией) на территорию Польши без соглашения с польским правительством; 2) заявить, что политические и военные органы власти лондонского подполья в стране не будут сотрудничать с советскими властями; 3) предостеречь, что в случае арестов и репрессий подпольные организации перейдут к самообороне.

Выполняя рекомендации эмигрантского правительства, 20 ноября 1943 г. командующий Армией Крайовой генерал Т. Бур-Коморовский отдал приказ командирам на местах, в котором, оставляя в силе все предыдущие распоряжения о всеобщем восстании, определил рамки и задачи «усиленной диверсионной деятельности»²⁰.

Этот приказ, направленный командирам на местах, был противоречивым. С одной стороны, он предписывал вооруженные действия против немцев путем всеобщего восстания или усиленной диверсионной деятельности, с дру-

гой—рассматривал регулярное Войско Польское, вступавшее в Польшу вместе с Красной Армией как иностранные отряды, в которые запрещал вступать членам аковского подполья.

Действуя по инструкции польского правительства в Лондоне, Главное командование Армии Крайовой приступило к осуществлению плана усиленной диверсионной деятельности под кодовым названием «Буря» («Бужа»). В первую очередь, она разворачивалась в следующих округах: Волынском, Львовском, Новогрудском и Полесском. Усиленная диверсионная деятельность была направлена в военном отношении против Германии, а в политическом — против Советского Союза. Лондонское правительство считало, что таким образом поляки отвоюют себе право хозяйничать в этих районах.

Итак, «Буря» стала свершившимся фактом. На территории, расположенной к востоку от линии Керзона, осуществляя план «Буря», во многих боях против немцев приняли участие большие отряды АК, например:

— в Волынском округе с февраля по июнь 1944 г. в районе Ковеля, Любомля, Владимира-Волынского, верхней Припяти сражалась 27-я волынская пехотная дивизия;

— в Львовском округе сражалась 5-я пехотная дивизия — в марте 1944 г. в районе Тернополя и во второй половине июля 1944 г. в районе Львова, Дрогобыча, Самбора;

— в Вильнюсско-Каунасском округе в первой половине июля 1944 г. действовали отряды генерала «Вилка» и подполковника «Правдицы»²¹.

Ход «Бури» не полностью соответствовал разработанному в Лондоне концепциям, так как в то время каждый поляк стремился исключительно к борьбе с гитлеровским фашизмом, а не к участию в шумной демонстрации против армии, которая несла стране свободу. Между тем с каждым днем возрастал авторитет Красной Армии, который усиливали крупные победы над гитлеровскими войсками. Вместе с Красной Армией шли и солдаты-поляки в польских военных шинелях, с пястовскими орлами на фуражках, хорошо вооруженные и борющиеся за справедливое дело — народно-демократическую Польшу в границах между Бугом и Одрой с Нысой Лужицкой, границах, одобренных подавляющим большинством польского народа.

В этой обстановке осуществление плана «Буря» на территории, расположенной к востоку от линии Керзона, ограничилось немногочисленными военно-политическими

демонстрациями, направленными против органов власти СССР. И все-таки в 1944 г. в вооруженных действиях солдат АК даже в восточных районах преобладали выступления против немцев при действительном и регулярном взаимодействии с советскими партизанами и регулярными отрядами Красной Армии. Несмотря на указания польского эмигрантского правительства, отряды народного Войска Польского пополнялись солдатами АК и призывниками из польского населения, проживавшего к востоку от Буга и Сана. По мере приближавшегося освобождения Польши содержание Манифеста демократических общественно-политических и военных организаций, принятого 15 декабря 1943 г. в Варшаве, все глубже проникало в сознание польского общества ²².

Это имело огромное значение для перестройки сознания поляков. Манифест извещал польских рабочих, крестьян и интеллигенцию о предстоящем создании Крайовой Рады Народовой «как фактического политического представительства польского народа, уполномоченного выступать от имени народа и руководить его судьбами до момента освобождения Польши от оккупации». В нем говорилось о создании главного командования Армии Людовой, «которое будет руководить вооруженной борьбой народа, объединит в своих рядах всех солдат, сражающихся за свободу и независимость Отчизны», и предлагалось создать в соответствующий момент Временное правительство, «в состав которого войдут представители всех группировок, стоящих на демократических позициях» ²³.

В соответствии с Манифестом демократических общественно-политических и военных организаций 1 января 1944 г. в Варшаве состоялось первое заседание Крайовой Рады Народовой, на котором были приняты: 1) Временный устав рад народных; 2) Декларация Крайовой Рады Народовой; 3) Декрет о создании и организации Армии Людовой; 4) Декрет об организации главного командования Армии Людовой; 5) Декрет о назначении главного командования Армии Людовой; 6) Обращение к союзническим державам с просьбой о помощи и оружии для польских солдат, борющихся в стране с оккупантами; 9) Приказ Крайовой Рады Народовой о наказании инициаторов братоубийственной борьбы, предателей, доносчиков и лиц, активно сотрудничавших с оккупантами; 10) Обращение к общественности о жертвованиях в национальную казну; 11) Решение об издании печатного органа Крайовой Рады Народовой ²⁴.

На первом пленарном заседании КРН был также избран Президиум КРН, выполнявший с того времени функции исполнительного органа КРН. Президиум КРН руководил работой ее отделов и деятельностью рад народных на местах. В состав Президиума КРН вошли: Болеслав Берут (ППР) — председатель, Эдвард Осубка-Моравский (РППС) — заместитель председателя, Владислав Ковальский (СЛ) и Михал Роля-Жимерский (АЛ) — члены, Казимеж Миял (ППР) — секретарь.

Создание Крайовой Рады Народовой было чрезвычайно важным событием в истории польского народа. С тех пор ответственность за судьбы Польши взяли на себя объединенные силы польского антифашистского демократического лагеря, наиболее активные в борьбе за свободу Польши и самыми тесными узами связанные с людьми труда.

Анализируя банкротство политики лондонского лагеря, который «пытался столкнуть польский народ в бездорожье реакционных устремлений, ослабить и парализовать его волю к борьбе с немецкими оккупантами, привести Польшу к опасному конфликту с ее могущественным восточным соседом — Советским Союзом»²⁵, Болеслав Берут в ходе первого пленарного заседания КРН указал на роль, которую Польша сможет играть в лагере государств народной демократии, если примет участие:

«1. В организации вооруженных действий и мобилизации населения на самооборону, сопротивление и борьбу за независимость, так как без самостоятельной, самоотверженной и решительной борьбы за свободу ни один народ не может обеспечить и укрепить действительную независимость и суверенитет среди других борющихся народов.

2. В открытом провозглашении принципа, согласно которому основой внешней политики Польши должны быть союз и искренняя дружба со всеми союзниками по борьбе с фашизмом, и в первую очередь, союз и дружба с СССР как с государством, которое не только выдвинулось на первый план в этой войне, но и, естественно, будет играть главную роль в послевоенном восстановлении мира»²⁶.

В связи с опубликованным 11 января 1944 г. Заявлением правительства СССР о восточной границе Польши²⁷ 23 января 1944 г. Президиум КРН официально сообщил, что: «Заявление правительства СССР, в котором предлагается урегулировать польско-украинско-белорусскую границу путем соглашения с Польшей, Крайова Рада Народова от имени польского народа принимает как объектив-

но правильную и отвечающую общим интересам основу для разрешения проблемы границ между заинтересованными народами и для установления добрососедских и союзных отношений между Польшей и СССР. Достижение этого соглашения облегчается тем, что как польский народ не отказывает украинскому и белорусскому народам, проживающим в границах Польши до сентября 1939 г., в праве решать самим свою судьбу, так и правительство СССР стоит на позиции «возвращения Польше земель, в которых преобладает польское население». Польский народ приветствует заявление правительства СССР о том, что Польше должны быть возвращены исконно польские западные земли и побережье Балтийского моря. В этом признании Советским Союзом справедливых стремлений польского народа к объединению всех польских земель Крайова Рада Народов видит доказательство искреннего желания Советского Союза помочь польскому народу в строительстве экономически сильной и независимой Польши»²⁸.

Благодаря правильной и реалистичной программе действий Крайова Рада Народов стала фактическим представителем польского народа. 28 мая 1944 г. Союз польских патриотов признал КРН руководящим центром борьбы за освобождение Польши²⁹. 22 мая 1944 г. уполномоченные КРН были приняты в Москве Председателем Совета Народных Комиссаров И. В. Сталиным и другими советскими руководителями. В результате беседы правительство СССР решило поддерживать политику КРН на международной арене. Английское радио и другие радиостанции западных держав все чаще сообщали о существовании и деятельности Крайовой Рады Народовой. Этот факт игнорировало только польское эмигрантское правительство в Лондоне и его вооруженное подполье в стране, сконцентрированное главным образом вокруг Армии Крайовой и правых организаций, вошедших в состав АК в рамках акции объединения. Правые и крайне правые силы в стране и в эмиграции не хотели признавать очевидность европейских реалий, возникших в результате приближавшегося разгрома третьего рейха, и ведущей роли, которую играл Советский Союз в освобождении Европы от ига гитлеризма.

В этой ситуации левые силы призывали солдат подполья, подчиненных лондонскому правительству, не сойти с единственно правильной дороги — борьбы с гитлеризмом. «Солдаты Армии Крайовой! Пусть ни один из Вас

не будет орудием в преступных руках реакции. Враг у народа и у Польши один — гитлеровская Германия...», — говорилось в совместном первомайском (апрель 1944 г.) воззвании ЦК ППР и Временного ЦК РППС³⁰.

В ходе обострившейся политической борьбы в стране Крайова Рада Народова 1 января 1944 г. была вынуждена издать постановление, в котором возлагала ответственность за антикоммунистическую пропаганду, призывавшую польский народ к братоубийственной борьбе, на силы реакции. В постановлении строго осуждались убийство под Боровом 26 партизан Гвардии Людовой, осуществленное отрядом НСЗ, истребление партизан ПАЛ в Гарволынском уезде и многие другие акции. В отношении непосредственных исполнителей политических убийств и их подстрекателей были определены суровые меры наказания³¹.

Банкротство концепций польского правительства в Лондоне становилось все более очевидным на фоне укрепления демократических сил. Созданные в СССР польские воинские части — 1-я польская дивизия им. Т. Костюшко, а затем 1-й корпус Польских вооруженных сил в СССР, были преобразованы в Польскую армию³². Польская армия в СССР быстро росла и вскоре превратилась в серьезную вооруженную силу. За период до 17 июня 1944 г. в армию было набрано около 54 000 человек, что сделало возможной организацию очередных воинских частей: 4-й дивизии им. Яна Килиньского, 1-й кавалерийской бригады, 2 и 3-й артиллерийских бригад гаубиц, 14-го полка противовоздушной обороны, 1-й саперной бригады. За счет формирования 2-го полка ночных бомбардировщиков «Краков» увеличилась и авиация. 20 июля 1944 г. численность Польской армии достигла 100 777 человек, из которых 65 000 были уже готовы к бою.

В Рязани было создано центральное офицерское училище, которое состояло из трех батальонов пехоты, пулеметно-минометного батальона, эскадрона кавалерии, артиллерийского дивизиона и рот — танковой, саперной и связи. Таким образом, накануне освобождения Польши Крайова Рада Народова, в состав которой вошли также представители Союза польских патриотов, располагала регулярной армией, созданной в СССР. Последняя насчитывала свыше 100 тыс. бойцов, находящихся на Волыни, а также около 60 тыс. партизан Армии Людовой³³. Уполномоченные Крайовой Рады Народовой (Ян Стефан Ханеман, Эдвард Осубка-Моравский, Казимир Сидор, Мариан Спыхальский), посетившие центры формирования поль-

ских воинских частей в СССР, 14 июня 1944 г. сделали заявление корреспонденту ТАСС, в котором просили передать «благодарность государственным, партийным и военным организациям СССР за исключительно ценную помощь и содействие, оказываемые ими командованию польских воинских формирований в СССР»³⁴.

21 июля 1944 г. Крайова Рада Народова приняла закон о принятии верховной власти над Польской армией в СССР и о слиянии Армии Людовой и Польской армии в СССР в единое Войско Польское. Главнокомандующим Войском Польским был назначен генерал Михал Роля-Жимерский³⁵.

Казалось, что в той обстановке все политические и военные силы подпольной Польши будут бороться только за освобождение Польши и полный разгром гитлеровских оккупантов. Однако неудачи лондонского подполья привели к началу осуществления плана создания — он хранился в строгой тайне — сети новой офицерской тайной организации, находившейся в распоряжении польского эмигрантского правительства в Лондоне. «Во всяком случае, — писал генерал Т. Бур-Коморовский главнокомандующему в Лондоне 26 ноября 1943 г., — это будет отдельная сеть, не связанная с широкой организацией Армии Крайовой»³⁶.

Из рапорта генерала Т. Бур-Коморовского от 26 ноября 1943 г. вытекает, что руководящая верхушка в командовании АК вынуждена была учитывать тот факт, что подавляющее большинство солдат АК может присоединиться к борьбе с немецкими оккупантами в момент перехода Красной Армией старой восточной границы, и эта борьба будет продолжаться также и на польской территории. Таких солдат генерал Т. Бур-Коморовский называл «в значительной степени раскрытыми органами советской службы»³⁷ и не рассчитывал на них в будущем. Планируя долгосрочную борьбу, генерал Т. Бур-Коморовский выступил с проектом создания конспиративной организации для борьбы против народной власти на освобожденных польских землях. При этом он рассчитывал на англо-американскую интервенцию и на поддержку польских правых политических сил в стране и в эмиграции. Таким образом, командование АК пыталось защитить политические концепции польского эмигрантского правительства в Лондоне.

21 июля 1944 г. в Хелме Крайова Рада Народова создала исполнительный орган власти — Польский комитет

национального освобождения³⁸. Это означало создание правительства рабочих и крестьян — первого в истории Польши. Народная власть, представителем которой являлся ПКНО, была установлена по инициативе Польской рабочей партии — революционного авангарда польского пролетариата. Кроме ППР народную власть поддерживали левые элементы ППС, СЛ и СД. В осуществлении исполнительной власти на освобожденных землях ПКНО опирался на образованные еще во время гитлеровской оккупации рады народовы, Армию Людову, а также на постепенно возвращавшийся из СССР актив левых сил.

22 июля ПКНО издал свой исторический Манифест, в котором содержалась программа действий демократического лагеря под руководством марксистско-ленинской Польской рабочей партии³⁹. Манифест ПКНО призвал весь польский народ продолжать борьбу до победного конца за освобождение польских земель на западе, за широкий выход к морю. Он также провозглашал необходимость укрепления уз дружбы с братскими советскими народами и устанавливал постоянную государственную границу с Советским Союзом.

Манифест отменял конституцию, навязанную польскому народу в 1935 г.^{*}, и вводил демократические свободы — полное равенство всех граждан, свободу политических и профессиональных организаций, слова и совести, одновременно предостерегая, что они не могут служить врагам демократии и что фашистские организации будут преследоваться по всей строгости закона. Источником власти Манифест признал Крайову Раду Народову и призвал к созданию народного аппарата власти, рад народных и гражданской милиции. Одновременно Манифест возвещал об осуществлении революционных общественных реформ, которые должны были ликвидировать помещиков и крупный капитал. Это означало проведение земельной реформы и временное государственное управление большими промышленными и торговыми предприятиями, банками, транспортом и лесами.

* Принята 23 апреля 1935 г. «санационным» большинством сейма с нарушением правовых норм. Была направлена на узаконивание профашистского диктаторского режима в Польше и выдержана в духе идей Ю. Пилсудского. Президенту, который отвечал за свои действия перед «богом и историей», были подчинены все органы власти, сейм, правительство, армия. В то же время резко ограничивались права граждан.

ПКНО немедленно распустил административные органы и «синюю полицию», созданные немецкими оккупантами в генерал-губернаторстве⁴⁰. Государственную власть на освобожденной территории осуществляли ПКНО и рады народов. 21 августа 1944 г. ПКНО принял декрет о создании административных органов I и II инстанций⁴¹, то есть были введены должности воевод, старост, начальников и солтысов. Административный аппарат подчинялся непосредственно центральным властям. Рады народов получили функции общественного контроля за деятельностью административных органов, что нашло свое отражение в законе об организации и полномочиях рад народных, принятом КРН 11 сентября 1944 г.⁴²

ППР придавала большое значение укреплению народного Войска Польского и развитию его в демократических традициях. Она понимала, что Польша, стремясь освободить страну и вернуть западные земли, должна увеличить свой вклад в борьбу с гитлеровской Германией. 15 августа ПКНО принял декрет о мобилизации четырех возрастов (1921—1924) в армию. В середине августа в районе Седлец, Лукова, Перемышля, Люблина, а немного позже и в Белостоке началось формирование 2-й армии Войска Польского.

Однако правые силы не хотели добровольно уступить поле боя. В Люблинском воеводстве для вооруженного выступления были сконцентрированы отряды — 3-я пехотная дивизия (командир полковник Адам Швитальский, псевдоним «Домброва»), 9-я пехотная дивизия (командир генерал бригады Людвик Биттнер, псевдоним «Халька») и 27-я пехотная дивизия (командир полковник Тадеуш Штумберг, псевдоним «Жсгота»), которая прибыла с Волыни. С началом брестско-люблинской операции Красной Армии (17 июля 1944 г.) эти отряды решили овладеть Люблином и крупнейшими центрами воеводства. Так, например, отряды 17-й пехотной дивизии вступили в Любартов, Коску и Парчев и вместе с делегатами лондонского правительства попытались захватить там власть. В результате вмешательства отрядов Армии Людовой, которые также находились на этой территории и объявили в них власть созданного в Хелме ПКНО, отряды АК вместе с административным аппаратом, подчиненным лондонскому правительству, вынуждены были отойти. Не удалась и попытка отрядов АК и делегата эмигрантского правительства в Люблинском округе захватить власть в Люблине. По указанию ПКНО эти действия были быстро пресечены ор-

ганами общественной безопасности. Командирам трех дивизий АК предложили сложить оружие, так как в условиях ведения войны с Германией нельзя было оставлять в стране вооруженные отряды, которые не подчинялись ПКНО. ПКНО предложил, чтобы члены АК вступили в Войско Польское, сохранив свои воинские звания, полученные в подполье⁴³. Командование АК в Люблинском округе отклонило это предложение, поэтому органы безопасности были вынуждены интернировать командующего округом АК полковника Казимира Тумидайского (псевдоним «Марцин») и командиров соединений — полковника А. Швитальского и генерала Л. Биттнера. Несмотря на это, руководство подпольных организаций, подчиненных лондонскому правительству, не прекратило борьбы против народной власти.

31 августа 1944 г. командование округа АК в Люблине объявило населению: «В связи с тем, что 1) мобилизация и регистрация проводятся незаконными властями; 2) что целью мобилизации не является борьба с Германией; 3) что организуемое войско служит исключительно партийным целям ППР (коммунистов), всем солдатам АК и гражданскому населению запрещается являться на предстоящую регистрацию. Явка будет считаться государственным преступлением, караемым смертью»⁴⁴. Подобные распоряжения, призывавшие к бойкоту декрета о мобилизации, были отданы командирами почти всех отрядов АК, входивших в люблинский округ.

Несмотря на ожесточенную пропаганду и вооруженную борьбу, которую реакционное подполье вело против мобилизации в Войско Польское, на освобожденной территории до 18 сентября явилось на регистрацию 72 тыс. человек, а к 25 декабря их число возросло до 128 329 человек, из которых 105 606 были призваны⁴⁵.

Сразу же после образования Польского комитета национального освобождения глава Советского правительства И. В. Сталин отправил письмо премьер-министру Великобритании У. Черчиллю, в котором сообщал о том, что советские власти установили контакты с ПКНО. «Люблин, один из крупных городов Польши,— писал И. В. Сталин,— занят сегодня нашими войсками, которые продолжают двигаться вперед. В этой обстановке перед нами встал практически вопрос об администрации на польской территории. Мы не хотим и не будем создавать своей администрации на территории Польши, ибо мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Польши. Это должны

сделать сами поляки. Мы сочли поэтому нужным установить контакт с Польским Комитетом национального освобождения, который создан недавно Национальным Советом Польши, образовавшимся в Варшаве в конце прошлого года из представителей демократических партий и групп, о чем Вы, должно быть, уже были информированы Вашим Послом из Москвы. Польский Комитет национального освобождения намерен взяться за создание администрации на польской территории, и это будет, я надеюсь, осуществлено. В Польше мы не нашли каких-либо других сил, которые могли бы создать польскую администрацию. Так называемые подпольные организации, руководимые Польским правительством в Лондоне, оказались эфемерными, лишенными влияния. Польский Комитет я не могу считать правительством Польши, но, возможно, что в дальнейшем он послужит ядром для образования временного польского правительства из демократических сил»⁴⁶.

Эмигрантское правительство, испуганное развитием событий, лихорадочно добивалось английского вмешательства в Москве с тем, чтобы ему была предоставлена возможность установить свою администрацию на польской территории — на запад от линии Керзона. По этому вопросу 24 июля 1944 г. министр Т. Ромер представил меморандум премьер-министру У. Черчиллю⁴⁷, а 25 июля 1944 г. польское телеграфное агентство* передало сообщение о протесте эмигрантского правительства против создания ПКНО⁴⁸. Позиция западных союзников была ясной — компромисс между эмигрантским правительством и исполнительной властью КРН и создание соответствующего польского правительства. Эту точку зрения высказал У. Черчилль в письме к И. В. Сталину от 27 июля 1944 г., где, в частности, говорилось: «...Поляки, которые настроены дружелюбно в отношении России, должны объединиться с теми поляками, которые настроены дружелюбно в отношении Британии и Соединенных Штатов... Было бы весьма достойно сожаления и даже было бы несчастьем, если бы западные демократии оказались в таком положении, когда они признавали бы один орган поляков, а Вы признавали бы другой...»⁴⁹

На первый взгляд между союзниками не было расхождений в отношении внутренних дел Польши — как Советский Союз, так и Великобритания и США, а также

* Эмигрантского правительства.

эмигрантское правительство и Крайова Рада Народова стремились к созданию объединенного польского правительства на основе компромисса. Однако эмигрантское правительство при поддержке западных союзников по-своему понимало такой компромисс. Это подтверждается тем, что 1 августа 1944 г., без предварительного согласования с командованием Красной Армии, было поднято вооруженное восстание против немцев. Об этом свидетельствует и беседа премьер-министра эмигрантского правительства С. Миколайчика с главой правительства СССР И. В. Сталиным, состоявшаяся 3 августа 1944 г. в Москве.

**БЕЗОТВЕТСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ
И ГЕРОПЧЕСКАЯ БОРЬБА
НАРОДА ВАРШАВЫ**

2 августа 1944 г. в Лондоне было оглашено коммюнике радиослужбы эмигрантского правительства о начале восстания в Варшаве: «Делегат правительства в стране и главный комендант Армии Крайовой сообщают, что 1 августа в 5 час. дня отряды Армии Крайовой начали непосредственную борьбу за овладение Варшавой»¹.

3 августа 1944 г. в Москве между С. Миколайчиком и И. В. Сталиным в беседе о будущем Польши произошел следующий обмен мнениями²:

«Миколайчик: ...С 1 августа наша подпольная армия ведет борьбу с Германней. Несмотря на настоятельную необходимость помощи извне, эта армия уже достигла значительных успехов. Мы рассмотрим вопрос о создании в Польше правительства, опирающегося, как и сейчас, на четыре политические партии, причем предполагаем включить в его состав ППР. Мы собираемся провести свободные выборы. Предусматриваются также изменения в конституции, выборы президента и ратификация новых границ Польши.

Сталин: Ваши планы важны как с политической, так и с практической точки зрения, однако Вы не упомянули о Комитете национального освобождения. Или Вы сделали это специально? По-моему, его [существование] нельзя обойти молчанием. Мы только что заключили с ним соглашение о передаче освобожденных районов Польши. Можно ли возразить против значимости этого факта?

Миколайчик: Пожалуй, это недоразумение, так как во втором пункте я уже вспоминал об этом факте³. Хочу Вас проинформировать,— в Варшаве находятся вице-премьер и три члена моего кабинета. Они образуют подпольное польское правительство и верят, что после выхода из подполья будут в полной безопасности. Необходимо помнить, что четыре партии, представленные в моем прави-

тельстве и в подпольных организациях, которые на протяжении пяти лет боролись с немцами, должны иметь гарантии свободы выражения своей воли. Они тоже хотят сотрудничать с коммунистами. Мы заботимся об объединении всех общественных и политических сил в Польше для наиболее эффективного служения народу.

Сталин: Вы закончили?

Миколайчик: В общих чертах, да.

Сталин: Господин премьер-министр, во избежание недоразумений я хочу подчеркнуть, что Советскому правительству безразлично, сколько партий будет представлено в польском правительстве. «Соль» в другом. Для Советского правительства существо вопроса заключается в том, чтобы все действительно демократические польские партии образовали единый блок как основу нового польского правительства. Советское правительство поддержит такое решение.

Миколайчик: Нынешнее польское правительство представляет четыре партии, которые действительно и искренне демократичны. К примеру, в 1939 г. мы распустили обе палаты сейма и ограничили власть президента. В настоящее время мы стремимся к созданию в Варшаве реорганизованного правительства, опирающегося на широкие массы и не обязательно под моим руководством.

Сталин: Давайте определим тему нашей беседы. Если Вы не будете говорить о Комитете, который уже осуществляет власть в Польше, я также не буду о нем говорить. Если Вы согласны беседовать на эту тему, тогда мы можем обсудить вопрос об отношениях между польским правительством в Лондоне и Комитетом национального освобождения.

Миколайчик: Я готов разговаривать с каждым, и таким образом выяснить многие вопросы.

Сталин: Как Вам известно, премьер-министр Черчилль сообщил мне о Вашем намерении приехать в Москву и спрашивал меня, приму ли я Вас. Он выразил уверенность в том, что главной целью Вашей поездки является обсуждение вопроса об объединении всех политических сил в Польше и полагал, что я мог бы Вам в этом помочь. Я согласился и считаю, что в наших поисках решения нельзя обойти вопрос о взаимоотношениях между польским правительством и Комитетом.

Миколайчик: Я не хочу его обходить и потому прошу, чтобы Вы помогли мне выехать в Варшаву.

Сталин (прерывая): Но ведь там немцы.

Миколайчик: Варшава будет освобождена в ближайшее время.

Сталин: Дай бог, чтобы было так.

Миколайчик: Мое присутствие там сделает возможным образование нового правительства.

Сталин: Вы должны помнить, что Советское правительство не признает польское правительство, с которым в свое время разорвало отношения. В то же время Советское правительство поддерживает отношения с люблинским Комитетом, с которым мы заключили соглашение и которому помогаем. Это нужно принимать во внимание.

Миколайчик: Не хотите ли Вы мне сказать, что кроме люблинского Комитета национального освобождения в Польше ни для кого нет места?

Сталин: Нет. Я не это имел в виду. Однако я считаю, что прежде, чем устанавливать нормальные отношения между собой, было бы хорошо покончить с двойной властью — одной в Лондоне, а другой в Хелме. Я согласен с Черчиллем, что для создания временного правительства было бы хорошо объединить всех поляков. Но это должны сделать сами поляки.

Миколайчик: По-моему, разница в наших взглядах по этому вопросу меньше, чем может показаться. Однако я представляю четыре наиболее крупные политические партии, в то время как мои «друзья» из Комитета представляют лишь небольшую часть общества. В Комитете нет заслуженных социалистов...

Сталин (прерывая): Что Вы понимаете под определением «заслуженных»?

Миколайчик: Под этим определением я понимаю политика, который на протяжении пяти лет войны не изменил политических взглядов и выстоял в борьбе с Германией.

Сталин: Прошу прощения, однако Ваш критерий политических руководителей не кажется мне слишком убедительным. Польша находилась под немецкой оккупацией более четырех лет. В течение этого времени появились новые люди, и поэтому нельзя ограничиваться только старыми авторитетами. Стронництво людове это не только Витос. Общественное мнение во время оккупации переместилось влево. Нужно отдавать себе отчет в том, что молодые люди, новые руководители, рожденные борьбой и самопожертвованием, также должны быть признаны».

Премьер-министр лондонского правительства Станислав Миколайчик в беседе с главой Советского правительства И. В. Сталиным своим поведением беззастенчиво рас-

крыл политические расчеты вдохновителей Варшавского восстания. Ссылаясь на борющуюся Варшаву, он был уверен, что борьба долго не продлится и он — глава правительства, не признающего Польский комитет национально-го освобождения в Люблине, выступит в Варшаве в роли «хозяина», милостиво допуская в состав правительства представителей Польской рабочей партии. Он даже попросил у удивленного Сталина предоставить ему возможность... выехать в Варшаву. Из заявлений Миколайчика видно, что он неправильно оценивал политическую и военную ситуацию на Восточном фронте и, прежде всего, положение в самой Варшаве. В этом он не намного расходился во мнениях со своими штабистами из подполья. Например, так же смотрел на эти вопросы генерал Леопольд Окулицкий, который в письме от 6 августа 1944 г. заявлял генералу Бур-Коморовскому: «На переговоры с советским командующим армии или фронта должен ехать командующий Варшавским округом, а делегат правительства и Вы не можете покинуть Варшаву. Вы оба являетесь здесь самыми большими господами и хозяевами, и если кто-нибудь хочет разговаривать с Вами, то должен ехать он к Вам, а не Вы к нему, даже если это был бы сам батюшка Сталин. Как только мы овладеем Варшавой настолько, что станет возможным переезд туда вице-премьера и Ваш, необходимо будет для этих двух органов власти занять наиболее представительные здания (Совет Министров и Главный штаб) и придать соответствующие формы государственной власти»⁴.

План «Буря» на так называемых Восточных кресах не удался. Делегаты лондонского правительства не смогли выступить там как «хозяева» по отношению к вступающим в эти районы советским войскам и «отрядам Берлинга», а солдаты из АК, отвергнув двусмысленные предложения об «акциях самообороны» и «большой политике» лондонского лагеря, с воинским самопожертвованием бросились в круговорот борьбы против немцев. При этом они взаимодействовали с советскими войсками, а в благоприятных условиях большими группами пополняли ряды народного Войска Польского в ответ на призыв коммунистов, которых все еще не признавало лондонское правительство. Когда в Люблине начали действовать законные польские власти, сформировавшиеся в борьбе с гитлеровскими оккупантами и созданные представителями широких кругов польского общества, с которыми Советское правительство 26 июля 1944 г. заключило «Соглашение об отношениях

между советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши»⁵, лондонский лагерь решил повторить акцию «Буря», на этот раз в Варшаве, где после нескольких дней борьбы Миколайчик должен был выступить в роли «самого высокого господина и хозяина» по отношению к советскому командованию и ПКНО. Руководители лондонского лагеря представляли себе борьбу с немцами относительно легкой военно-политической операцией. Как же иначе можно понять позицию Миколайчика в беседе со Сталиным и высокомерие «хозяина», отвергающего военно-политические реалии? Можно объяснить намерения генерала Окулицкого, проявившиеся в желании обеспечить «наиболее представительное здание» для Главного штаба в Варшаве, однако трудно найти оправдание для пренебрежительного отношения к существовавшей военной обстановке. Ведь и этим зданием и сотнями других объектов надо было овладеть в борьбе с еще сильными, хорошо вооруженными гитлеровскими войсками, а это должен был сделать народ Варшавы, чуть ли не единственным оружием которого был патриотизм, воля к борьбе. Неужели генералы Бур-Коморовский, Окулицкий, все командование АК и лондонское правительство не отдавали себе в этом отчета? Таким образом, реализация плана «Буря» в Варшаве принципиально отличалась от подобного решения относительно так называемых Восточных кресов. Поэтому оно и должно было повлечь за собой другие последствия.

Как вытекает из доклада генерала Бур-Коморовского, на который ссылается Историческая комиссия Польского главного штаба в Лондоне⁶, на совещании, состоявшемся незадолго перед Варшавским восстанием, в котором приняли участие командующий АК, начальник штаба АК и заместитель начальника штаба АК по оперативным вопросам, все пришли к выводу, что Варшава должна быть освобождена от немецкого ярма усилиями польского подполья. Вступая в Варшаву, советские войска должны были застать там гражданские и военные польские власти, подчиненные лондонскому правительству как «законному хозяину столицы Польши». Эта точка зрения, высказанная командующим АК, получила одобрение делегата правительства в стране. Командующий АК обратился также к делегату правительства с предложением созвать Главную комиссию Совета единства нации для утверждения плана действий. На заседании главной комиссии РЕН в

присутствии делегата правительства командующий АК доложил обстановку на Восточном фронте и по договоренности с делегатом правительства задал вопрос: считают ли представители РЕН, что вступлению советских войск в Варшаву должно предшествовать овладение столицей Армией Крайовой? Ввиду единогласного положительного ответа на первый вопрос командующий АК задал второй: каким должен быть минимальный промежуток времени между овладением столицей АК и вступлением в нее Красной Армии для того, чтобы гражданская администрация смогла начать выполнение своих обязанностей? В ходе дискуссии было установлено, что для решения этой задачи потребуется по меньшей мере 12 час.

Принимая решение о восстании в Варшаве, руководство подполья лондонского правительства считало, что «борьба в Варшаве громким эхом отзовется во всем мире, в то время когда бои отрядов АК в восточных районах проходят почти незаметно»⁷. Кроме того, те, кто поднял варшавян на восстание, прекрасно сознавали, что:

1. В психологии всего народа преобладало чувство необходимости сохранить активную боевую позицию и участвовать в борьбе с Германией. Особенно резко и отчетливо дух борьбы проявлялся у жителей Варшавы.

2. Важной причиной боевой ориентации народа была ненависть к немцам. Террор, насилия, унижения, жизнь в постоянной тревоге привели к тому, что поляки решили начать борьбу, невзирая на последствия.

3. В июле 1944 г., когда население Варшавы уже своими глазами видело первые признаки разгрома Германии и конец рабства казался все ближе и ближе, потребность возмездия достигла размеров, угрожавших самопроизвольным взрывом⁸.

Эти настроения были хорошо известны ответственным за начало восстания членам руководства гражданского и военного подполья. В то же время они неверно оценивали военную обстановку на Восточном фронте. Об этом свидетельствует депеша коменданта АК главнокомандующему в Лондоне от 21 июля 1944 г., в которой говорилось: «Я полагаю, что на Восточном фронте немцы потерпели поражение. Три армии центра разбиты, и вместо них командование вермахта не ввело свежих сил, достаточных для того, чтобы остановить наступление Красной Армии. Замедление темпа продвижения Советов на этом участке, вероятно, произошло не из-за усиления немецкой оборо-

ны, а объясняется временной усталостью советских войск. Я предполагаю, что как только эта усталость пройдет, продвижение советских войск на этом направлении ускорится. Начатое неделю назад советское наступление к югу от Припяти открыло широкий простор для дальнейшего движения на запад. Немцы не располагали ни достаточными резервами, ни подготовленными оборонительными позициями для того, чтобы задержать советское наступление. Я предполагаю, что на этом участке советское продвижение на запад будет быстрым и, не встретив сильного эффективного немецкого сопротивления, советские войска дойдут до Вислы и перейдут ее, двигаясь дальше на запад. Удержание немцами фронта на севере — это не глубокий оперативный замысел с целью организации противодействия, а скорее вынужденное положение, в которое поставило немцев советское наступление в центре. В общем я уверен, что на Восточном фронте немцы уже не в состоянии ни отобрать инициативу из советских рук, ни эффективно им противодействовать. Последнее время мы все чаще видим признаки внутреннего разложения немецкой армии, которая очень устала и не хочет воевать. Последний факт покушения на Гитлера наряду с военным положением Германии может привести к краху в любой момент. Это вынуждает нас постоянно и полностью быть готовыми к восстанию...»⁹.

Эта оптимистическая оценка была далека от действительности. Против варшавских повстанцев немцы еще были в состоянии использовать значительные военные силы, организованные в первые дни борьбы в специальный корпус под командованием генерала СС Эриха фон дем Баха¹⁰. Ему непосредственно подчинялись:

1. Действовавшая с севера и запада группа генерал-поручика Рейнефарта, в состав которой входили следующие части:

1. Полицейская рота связи.
2. Бригада СС Дирлевангера в составе двух батальонов пехоты, роты пулеметчиков, роты минометчиков, роты противотанковой артиллерии. По прибытии в Варшаву численность бригады составила приблизительно 860 человек. Во время боев бригада получила пополнение в количестве 2 500 человек. Бригаду набирали из уголовных преступников и дезертиров, которые могли реабилитировать себя в бою. В середине августа она вошла в состав группы генерал-поручика Стахеля.

3. Группировка из 16 рот познаньской полиции, сформированных в два полка по два батальона каждый, а также две роты огнеметчиков.

4. Познаньский запасной полк из четырех батальонов под общим командованием полковника Шмидта.

5. Бригада «Казачи» в составе батальона пехоты и пяти эскадронов кавалерии.

II. Группа генерал-майора Рора, действовавшая с юга, в состав которой входили следующие части:

1. Караульные отряды гарнизона Варшава (предположительно из районов Охоты и Мокотова: запасные, караульные батальоны СС и полиции) численностью приблизительно 5 тыс. человек.

2. Бригада Каминьского — около 2500 человек.

3. Группа генерала Гейбла, состоявшая из полицейских частей в районе аллеи Шуха, аллеи Уяздовских и казарм кавалеристов, а также дивизиона конной артиллерии общей численностью около 4000 человек.

4. Отряды зенитной артиллерии и наземные авиационные службы (вероятно, с аэродрома Окенче и района Мокотова).

III. Группа генерал-поручика Стахеля. В первые дни августа эта группа была отрезана от остальных немецких сил в районе площади маршала Пилсудского и университета. Между 20 и 25 августа после отзыва генерала Стахеля командование группой принял оберфюрер СС Дирлевангер и командовал ею до конца восстания. В состав группы (без бригады Дирлевангера) входили караульные отряды гарнизона Варшава численностью около 5 тыс. человек.

Если суммировать представленные Бахом цифры и учесть не определенный им количественный состав названных частей (принимая численность батальонов приблизительно в 500 человек и рот — около 150 человек), то можно подсчитать, что численность немецких отрядов, сражавшихся в Варшаве, составляла приблизительно 25 тыс. человек. Она поддерживалась многократными пополнениями отрядов новыми силами. По данным генерала фон дем Баха, потери немцев (убитые, пропавшие без вести, раненые) составили 26 тыс. человек. Ввиду этого можно предположить, что с немецкой стороны в боях за Варшаву под непосредственным командованием генерала фон дем Баха участвовало около 50 тыс. человек.

Кроме указанных частей в боях за Варшаву временно принимали участие: танковые дивизии СС «Герман Ге-

ринг» и «Викинг», 73-я пехотная дивизия, а также бронепоезд. Артиллерийскую поддержку корпус фон дем Баха получал от 9-й армии, что при необходимости увеличивало его силы на 188 полевых орудий. Кроме полевой артиллерии немцы пользовались в Варшаве и минометами 600, 305 и 280 мм. Генерал фон дем Бах мог также отдавать боевые приказы авиации, которой командовал генерал-полковник Риттер фон Грейм. Кроме того, в его распоряжении постоянно находились четыре самолета («штукасы») на аэродроме Окенче.

В боях в Варшаве и преступлениях против повстанцев и гражданского населения участвовали многие гитлеровские генералы: генерал танковых войск Николас фон Ворман, до середины сентября 1944 г. командующий 9-й армией; генерал-майор Гельмут Стадке, начальник штаба 9-й армии; генерал-полковник Риттер фон Грейм, командующий воздушным флотом; обергруппенфюрер СС и генерал полиции Эрих фон дем Бах; генерал-поручик Смило фон Лютвиц, с середины сентября командующий 9-й армией; генерал-поручик Рейнер Стахель; группенфюрер СС и генерал-поручик полиции Гейнц Рейнефарт; генерал-майор Рор; бригадефюрер СС генерал-майор Паул Отто Гейбель; генерал-майор полиции Ганс Кельнер, командир танковой дивизии СС «Викинг»; бригадефюрер СС Мечислав Каминьский, а также командующие танковой дивизией СС «Герман Геринг» и 73-й пехотной дивизией, где не было недостатка в генералах.

Этим немецким силам Варшава могла противопоставить около 47 500 солдат Армии Крайовой, Армии Людовой, Польской Армии Людовой, Корпуса безопасности, милиции ППС, жаждавших бескомпромиссной борьбы с оккупантами, но не имевших необходимого вооружения и военного снаряжения, без артиллерии и авиации¹¹.

Располагая скудными запасами оружия, добытого ранее, отдельные отряды сами наладили изготовление ручных гранат различных типов, бутылок с зажигательной смесью, минометов, гранат и т. д. Руководители производства оружия для повстанцев подчинили себе большинство существовавших в городе мастерских, включили их в общий план работы, централизовали распределение сырья и готовой продукции. Имевшийся запас заготовок и сырья позволил продолжить работу подпольного военного производства¹².

Помощь союзников извне в виде сброшенного с воздуха военного снаряжения, продовольствия и боеприпасов

в известной мере пополняла скудные запасы повстанцев, однако была явно недостаточной¹³.

В этом трагическом положении население Варшавы с 1 августа по 2 октября 1944 г. вело неравную борьбу. Каждый, кто мог, становился в ряды повстанцев, чтобы с оружием в руках отплатить за годы террора. Гражданское население строило баррикады, заботилось о раненых, готовило еду для бойцов. По замыслу эмигрантского правительства восстание в Варшаве должно было стать политической демонстрацией, направленной против Польского комитета национального освобождения, однако для поляков, принимавших участие в восстании, это была национально-освободительная борьба с гитлеровскими оккупантами, вооруженные действия, продиктованные патриотическими обязанностями и любовью к свободе. Стремление к борьбе объединяло всех солдат восстания и гражданское население, несмотря на различие политических убеждений и принадлежность к разным организациям.

Крови не жалели как солдаты Армии Крайовой, так и «Чвартаки» Армии Людовой. Крайова Рада Народова, Польская рабочая партия и Армия Людова, против которых польское эмигрантское правительство в Лондоне вело активную политическую борьбу, захваченные врасплох началом восстания, своими небольшими силами присоединились к военным действиям в Варшаве. Солдаты АЛ вместе с солдатами АК сдерживали напор немцев на Воле, Старувце, Жолибоже и Средместье¹⁴. В этой чрезвычайно сложной ситуации в августе 1944 г. Центральный Комитет Польской рабочей партии выступил с воззванием к населению Варшавы в связи с началом борьбы. В воззвании, в частности, подчеркивалось: «...Наступил момент, когда каждый из нас должен отдать все, что может. На улицах Варшавы сражаются все солдаты Польши — солдаты из Армии Крайовой, Армии Людовой и Рабочей милиции, — сражается весь народ Варшавы. Одни сражаются с оружием в руках, другие им активно помогают. Наша борьба приближает время освобождения нашей Отчизны и мы не позволим ее врагу воспрепятствовать этому. Мы должны овладеть всеми наиболее важными объектами. Оградить от врага все фабрики. Довооружиться за счет врага. Рабочие Варшавы — на свои фабрики! Овладеем ими и не допустим разрушений и расхищений. Солдаты АК, АЛ и Рабочей милиции! Помните, что Вы — дети самой Польши — народ Варшавы! Делайте все для борьбы

с врагом! Долой все распри и предубеждения! Будем достойны великих традиций народа Варшавы, который никогда не жалел крови для ее защиты!»¹⁵.

Воззвание ЦК ППР полностью одобрило борющееся население Варшавы, как коммунисты, так и солдаты АК. 19 августа 1944 г. «Армия Людова» (печатный орган АЛ) отмечал: «Стало очевидным, насколько искусственными были все преграды и политические барьеры внутри польского общества... Когда возникли условия для свободного выражения мыслей каждым поляком, стало ясно, что все мы, независимо от принадлежности к той или иной партии, стремимся к одной цели — независимой и демократической Польше. Народные массы инстинктивно почувствовали, что составляют единое неделимое целое, воодушевленное любовью к Отчизне. На основе этого понимания выросло замечательное братство по оружию всех польских военных организаций»¹⁶.

В неравной борьбе защитники Варшавы вынуждены были капитулировать. Переговоры между командующим АК и гитлеровскими войсками начались 29 сентября 1944 г. в ставке генерала фон дем Баха и привели к подписанию соглашения о капитуляции. 2 октября 1944 г. в 21.00 борьба была прекращена. Отряды повстанцев, организованные в три полка, покинули город. Остальное уцелевшее гражданское население было направлено в лагерь в Прушкове, откуда частично его вывезли на принудительные работы в третий рейх или концентрационные лагеря.

В битве за Варшаву погибло 150 тыс. гражданского населения, около 18 тыс. повстанцев и приблизительно 4 тыс. солдат и офицеров 1-й армии Войска Польского¹⁷. Во время восстания немцы систематически разрушали и жгли город, используя для этого бомбардировщики, тяжелую артиллерию и разного рода зажигательные средства. Одновременно с уничтожением районов, занятых отрядами АК, немцы разрушали и жгли здания в неохваченных военными действиями частях города. Подверглась уничтожению прежде всего левобережная часть Варшавы, причем размеры ущерба в отдельных районах были различны, в зависимости от длительности и напряженности борьбы, а также более поздней акции уничтожения, которую проводили немецкие отряды «разрушителей». После окончания боев немецкое командование направило в Варшаву специальные отряды для разрушения оставшихся зданий. С 5 октября 1944 г. по 17 января 1945 г. эти

отряды выполнили свою варварскую миссию до конца. Всего был поврежден и разрушен 91 % памятников старины и религиозных построек (костелов). Большую часть памятников старины Варшава потеряла во время восстания. Уничтожению и ограблению подверглись хранилища, библиотеки и бесценные исторические древности, как например, Архив древних актов. После восстания немцы разрушили Зоологический музей, Брюловский и Саский дворцы, Арсенал, Публичную библиотеку и многие другие исторические здания Варшавы.

Ужасающий итог потерь повстанцев служит тяжким обвинением в адрес гитлеровцев, применявших варварские методы борьбы, совершавших преступления геноцида, но не оправдывает и руководителей восстания, которые, игнорируя главные факторы военно-политической ситуации, в интересах борьбы за власть вызвали такую катастрофу. Долгое время эмигрантское правительство в Лондоне не хотело принять это обвинение, выдвигая провокационный тезис о том, что причиной поражения Варшавского восстания была сознательная задержка советских войск на востоке от Варшавы. Последняя была сделана якобы для того, чтобы немцы смогли сломить сопротивление повстанцев, которые будучи в своем большинстве солдатами АК, были де неудобны для советских властей.

На самом деле, в тот момент, когда без согласования с командованием СССР было поднято Варшавское восстание, передовые части Красной Армии после 39 дней наступления были серьезно ослаблены. Из-за больших потерь тылы и артиллерия не успевали за пехотными дивизиями и танковыми корпусами. Авиация из-за необходимости смены баз уменьшила активность. Одновременно гитлеровские войска усилили ожесточенное сопротивление на Восточном фронте¹⁸.

Естественно, что в такой обстановке правительство СССР не могло разделить ответственность за судьбу восстания. В заявлении ТАСС от 13 августа 1944 г. говорилось: «За последние дни в иностранной печати появились сообщения со ссылкой на газеты и радио польского эмигрантского правительства о восстаниях и сражениях, начатых в Варшаве 1 августа по приказу польских эмигрантов в Лондоне и продолжающихся по настоящее время. Газеты и радио польского эмигрантского правительства в Лондоне при этом делают намеки на то, что будто бы повстанцы в Варшаве находились в контакте с советским

командованием, а последнее не оказало им должной помощи.

ТАСС уполномочен заявить, что эти утверждения и намеки иностранной печати являются либо плодом недоразумения, либо проявлением клеветы на советское командование. ТАССу известно, что со стороны польских лондонских кругов, ответственных за происходящее в Варшаве, не делалось никаких попыток заранее уведомить и согласовать с советским военным командованием какие-либо выступления в Варшаве. Ввиду этого ответственность за происходящее в Варшаве падает исключительно на польские эмигрантские круги в Лондоне»¹⁹.

28 августа 1944 г. печатный орган АЛ «Армия Людова», требуя безотлагательного соглашения между командованием АК и советским командованием, писал: «Военное соглашение с командованием Красной Армии — это необходимость не дней, а часов. Героические отряды, которые защищают баррикады столицы, тактически должны быть подчинены советскому командованию, потому что только таким образом наши огромные усилия могут иметь какой-то военный смысл, могут быть целесообразными и эффективными»²⁰. Намного драматичнее звучало обращение «Армии Людовой» от 15 сентября 1944 г.: «Несколько дней советские войска ведут упорные бои на правом берегу Вислы, непосредственная цель которых — захват Праги. Действия советской авиации распространяются и на территорию Варшавы. Столица Польши находится на первой линии фронта. Это во-первых.

Во-вторых, продолжающаяся уже более шести недель борьба жителей столицы с гитлеровскими оккупантами, борьба, которая ведется с нечеловеческим героизмом, борьба кровавая и тяжелая, требующая огромных человеческих и материальных жертв. В-третьих, между этими двумя силами, — советскими войсками и Варшавским восстанием, у которых, казалось бы, одна цель — освобождение Варшавы, разрыв железного кольца, которым мы окружены, до сих пор нет никакой связи. Со всей ответственностью можно сказать, что установить связь и взаимодействие с советским командованием даже не пытались. Почему нет этого взаимодействия? Взаимодействия с советским командованием нет, потому что это дело отдали в руки нескольких политиканов, которые больше думают о собственных политических интересах, чем о помощи Варшаве. От их мнения зависят судьбы сотен тысяч людей, судьбы культурного достояния многих веков.

Поэтому мы призываем руководство восстания — варшавское командование должно провозгласить полное взаимодействие с Войском Польским, сражающимся за освобождение столицы и Польши вместе с Красной Армией. Если надежды на это не оправдаются, вы берете на себя страшную ответственность перед общественностью столицы и перед всем народом»²¹.

Несмотря на тяжелое положение на Восточном фронте и политические интриги эмигрантского правительства в Лондоне, Войско Польское и Красная Армия пытались прийти на помощь борющейся Варшаве. 1-я дивизия Войска Польского в течение пятидневных боев за правобережье Варшавы потеряла 1792 солдата. На этом же участке фронта в советских корпусах погибло более 6 тыс. солдат. В ходе следующих десяти дней борьбы с гитлеровскими войсками за переправу через Вислу и приближение к позициям повстанцев потери 1-й армии Войска Польского составили 3764 убитых, а в советских отрядах, поддерживающих поляков и в дивизиях, наступающих по флангам, на Бялолеке и Легиново, погибло более 5 тыс. солдат²².

Вспоминая то время, маршал К. К. Рокоссовский писал: «Расширяя помощь восставшим, мы решили высадить сильный десант на противоположный берег, в Варшаву, используя наплавные средства. Организацию операции взял на себя штаб 1-й польской армии. Время и место высадки, план артиллерийского и авиационного обеспечения, взаимные действия с повстанцами — все было заблаговременно согласовано с руководством восстания.

16 сентября десантные подразделения польской армии двинулись через Вислу. Они высаживались на участках берега, которые были в руках повстанческих отрядов. На том и строились все расчеты. И вдруг оказалось, что на этих участках гитлеровцы.

Операция протекала тяжело. Первому броску десанта с трудом удалось уцепиться за берег. Пришлось вводить в бой все новые силы. Потери росли. А руководители повстанцев не только не оказали никакой помощи десанту, но даже не попытались связаться с ним.

В таких условиях удержаться на западном берегу Вислы было невозможно. Я решил операцию прекратить. Помогли десантникам вернуться на наш берег. К 23 сентября эти подразделения трех пехотных полков 1-й Польской армии присоединились к своим частям.

Решаясь на героический десант, польские воины сознательно шли на самопожертвование, стремясь выручить попавших в беду соотечественников»²³.

Исходя из того, что командование сражавшейся Варшавы исключало возможность освобождения столицы Польши советскими войсками и 1-й армией Войска Польского, малоэффективным оказалось сбрасывание военного снаряжения, продовольствия и боеприпасов; не мог увенчаться успехом сентябрьский десант польских отрядов. Также коренным образом не могли повлиять на судьбы восстания операции, которые проводили в то время войска 1-го Белорусского фронта против немцев, хотя они и значительно ослабили неприятельские силы в Варшаве.

Особый смысл приобретают сегодня события тех дней в свете постепенно выявляемых документов. 6 августа 1944 г., после того как гитлеровские войска перешли в контрнаступление, командующий АК передал из Варшавы в Лондон депешу на имя главнокомандующего польского эмигрантского правительства, в которой говорилось: «Я утверждаю, что Варшава в своей теперешней борьбе не получает помощи от союзников, как не получила ее Польша в 1939 г. До сих пор баланс нашего союза с Великобританией — лишь предоставление ей нашей помощи в 1940 г. при отражении немецких атак на острова, в боях в Норвегии, Африке, Италии и на Западном фронте. Я требую, чтобы этот факт, свидетельствующий против англичан, был четко зафиксирован в официальном заявлении, которое останется как документ. Мы не просим материальной помощи, а требуем немедленно ее оказать. Мы требуем также прескратить передачи по радио о наших недостатках, ибо эти действия нам вредят»²⁴.

15 августа 1944 г. действовавший в районе Средместья Гражданский комитет, в состав которого входили представители различных кругов общественности столицы Польши, принадлежавшие к разным идеологическим и профессиональным группам, передал делегату польского правительства в Лондоне меморандум. В нем был дан анализ настроений жителей борющейся Варшавы. Содержавшиеся здесь факты заслуживают внимания: «В связи с продолжающимися более двух недель боями на улицах Варшавы население города оказалось в таком положении: недостаточный подвоз в город продовольствия, уже в течение 24 часов, отсутствие воды, серьезная опасность возникновения эпидемий, вызванных нехваткой пищи и отсутствием соответствующих мест для захоронения много-

численных жертв, массовое распространение пожаров, которые приобретают катастрофические размеры. Трагичность ситуации усиливает нерешенность вопросов общего порядка. Согласно все шире распространяющемуся мнению население города считает, что реальная помощь правительства в Лондоне вот уже более двух недель обманывает наши надежды. Из-за безответственного осмысления ситуации и вытекающих отсюда последствий гражданское и военное руководство поставило население в безвыходное положение. Такая обстановка сложилась в результате отсутствия эффективной военной помощи, как то: регулярных вооруженных сил, соответствующего количества оружия и боеприпасов, а также необходимой бомбардировочной и истребительной авиации, лекарств и продовольствия для миллионного города. Общественность Варшавы возлагает ответственность за вышеупомянутую ситуацию на польское правительство в Лондоне, а также подчиняющиеся ему гражданские и военные органы власти в стране. В связи с серьезностью положения, в котором оказалась Варшава, население столицы призывает правительство прекратить бесплодные совещания и приступить к немедленным эффективным действиям. Наше правительство должно отдавать себе отчет в том, что если оказать упомянутую помощь или выступить с действенной инициативой и немедленной информацией невозможно, население столицы в ближайшее время, которое измеряется уже не днями, а часами, во избежание гибели будет вынуждено взять в свои руки политическую инициативу и само решать свою судьбу. Население города Варшавы считает, что ужасная ситуация, в которой находится столица, требует от нашего правительства немедленно проявить эффективную инициативу, а ее отсутствие уже в течение ближайших часов может привести к дальнейшему неотвратимому развитию событий»²⁵.

О Варшавском восстании в эмиграции появилось много отчетов, очерков, обстоятельных воспоминаний, а также обобщающих трудов с тенденциозными оценками, искажившими объективные факты. В них на первое место выдвинулся вопрос об ответственности за начало восстания и целесообразности его как вооруженного выступления. Уже в 1943 г. Адам Добошиньский рекомендовал правительству альтернативную политику в зависимости от того, будет ли сломлена военная мощь Германии прежде, чем советские войска достигнут существовавшей до 1939 г. восточной границы Польши, или, преследуя отступающих

немцев, займут всю ее территорию. В первом случае Добошинский предусматривал, что Армия Крайова завладеет страной вооруженным путем и польские гражданские органы возьмут власть в свои руки. Во втором случае он рекомендовал экономить кровь и проводить политику выжидания, поскольку «с восстанием или без восстания мы получим обратно все наши земли, только если Россия в борьбе с Германией сильно ослабеет или же после разгрома России западными державами; связанные с кровопролитием акции, предпринятые преждевременно, ничем нам тут не помогут»²⁶. Когда восстание стало свершившимся фактом, Войцех Васютыньский с горечью отметил в августе 1944 г., т. е. во время продолжавшихся боев в Варшаве: «Восстание, поднятое без учета международной обстановки, без гарантий помощи стало лишь еще одной огромной и значительной, однако исключительно кровавой и чрезмерно дорогостоящей демонстрацией польского стремления обрести вновь полную независимость»²⁷.

Через два дня после освобождения Варшавы Марек Жулавский написал статью под названием «Варшава» для лондонской «Новой Польши». В этой статье, опубликованной полгода спустя, содержались суровые обвинения в адрес организаторов восстания: «Ни одно руководство подпольной армии сопротивления не начало борьбу, пренебрегая в такой степени жизнью и имуществом собственной столицы... Полное доказательств сверхчеловеческой доблести восстание было прежде всего катаклизмом, глубокие истоки которого лежат в нашем национальном способе мышления, в нашем воспитании, в традициях и отсутствии политической зрелости»²⁸.

Как во время Варшавского восстания, так и после него, еще в ходе продолжавшейся войны, польская публицистика в эмиграции большей частью одобряла решение начать восстание²⁹. С течением времени этот взгляд становился все более устоявшимся, однако не лишенным антисоветских тенденций; хотя нужно отметить, что дифференциация оценок и выводов была значительной. В дальнейшем появилось немало верных положений, содержавших обвинения в адрес англо-американской политики, эмигрантского правительства и организаторов восстания.

Во вторую годовщину Варшавского восстания, за несколько дней до смерти Игнаций Матушевский писал о трагических днях столицы. Он проводил четкую грань между борющейся Варшавой и теми, кто был причастен к принятию о восстании: «Видимое сквозь залеплен-

ные грязью очки окончания войны, в которой Польша потеряла независимость, Варшавское восстание является якобы поражением, напрасным проявлением самоотверженности, загубленными усилиями, бесполезной жертвой, безвозмездным порывом, использованным как раз наоборот,—против Польши для ее обессиливания, рабства и гибели. Но увиденное в красном зареве приближающейся войны Варшавское восстание стало лишь проигранной битвой... неизбежной в неоконченной войне...»³⁰ За пепелище Варшавы Матушевский одинаково винил Германию и Советский Союз, западных союзников и польское эмигрантское правительство, внушая мысль о близости очередных боев за «свободу Польши» согласно преступным устремлениям сторонников третьей мировой войны.

Бывший участник восстания Збигнев Флорчак в связи со статьями Тимона Терлецкого³¹ и Анджея Помяна³² выдвигал тезис о том, что восстание нельзя было допустить ни с политической, ни со стратегической точек зрения. Он критиковал мнение Помяна о добрых намерениях организаторов августовских боев 1944 г. в Варшаве, доказывая, что Варшавское восстание было «ошибкой по самому своему замыслу, а ошибки исполнения были исключительно последовательным результатом случайностей, так легкомысленно спровоцированных»³³. Оценивая лишь подготовку к восстанию, Флорчак отметил: «Когда я вспоминал эту гигантскую импровизацию, мне пришло в голову, что она была смертельным оскорблением и злоупотреблением доверия всей страны, пять лет пребывавшей в подполье. Ведь страна верила в четкий, замечательно точный, как часовой механизм план акции и имела право верить в такой план»³⁴.

Еще дальше в своей критической оценке восстания пошел Тадеуш Соловий. Рецензируя в парижской «Культуре» книгу генерала Бур-Коморовского «Армия Крайова» и третий том издания «Польские вооруженные силы во второй мировой войне», Соловий подчеркнул, что «решение о восстании приняли и в стране, и в Лондоне люди, которые питали иллюзии, не имевшие ничего общего с международной обстановкой. Это решение претворялось в жизнь в момент, заранее предопределивший неудачу плана и восстания как его составной части»³⁵. К этому утверждению Веслав Вохноут добавил: «Варшавское восстание было политической ошибкой, военной бессмыслицей и психологической необходимостью»³⁶.

Проблему ответственности за восстание поднял также

Ян Белятович. Он пришел к выводу, что «поляков, лично ответственных за начало восстания нет, нет обманщиков и обманутых... Восстание в Варшаве было поднято по воле народа, не считая горстки германофилов... За восстание в Варшаве несут ответственность все поляки. Также, как и за непреклонную позицию по отношению к Германии в 1939 году... Стало быть, ради бога, давайте прекратим говорить о вине!... Ведь восстание было не только исторической необходимостью... но и, пожалуй, самым замечательным делом поляков на протяжении нескольких последних десятилетий»³⁷.

Между тем в пользу целесообразности исследования и обсуждения проблемы о необходимости Варшавского восстания высказался Болеслав Таборский, публицист младшего поколения, бывший участник восстания. Он писал: «Эту проблему следует серьезно обдумать... Героические жертвы стольких людей не были напрасными, если мы сохраним в сердце вытекающий из них урок — больше никогда...»³⁸ Таборский обвинил воспитанных в романтических традициях руководителей восстания за легкомысленность решения, недостаточную подготовку и неумелость, и прежде всего за то зло, которое они причинили молодому поколению, посылая его на бессмысленную смерть. Он сожалел, что не сделано надлежащих выводов из поражения восстания, если генералы и публицисты, — правда, не все, — утверждают, что в подобной ситуации во второй раз приняли бы подобное решение, если и дальше продолжают насаждать в сердцах и воображении детей поклонение героям, не обращая должного внимания на принципиальные ошибки восстания, пренебрежение к жертвам и пролитой народом крови. В почитании погибших, «в памяти об утраченном поколении, — писал Таборский, — должно заключаться и решение об отказе от шаблонного образца расточительного хозяйствования скуными человеческими ресурсами нашего народа. Память не может быть поощрением новых гекатомб, а должна стремиться к избавлению от них в будущем»³⁹.

Совершенно ясно, что взгляды Таборского были встречены острой критикой эмигрантских историков и публицистов, которые в восстаниях видели источник моральной силы польского народа. «Наш народ всегда спасали романтические восстания и революции, а его могли погубить компромиссы, заключенные во время отдельных разделов, — писал Зигмунт Новаковский, — так было, так есть сегодня и так будет всегда»⁴⁰.

Поскольку рассуждения о романтизме и традициях полков в Варшавском восстании содержали современные антикоммунистические акценты, постольку сделанные политические выводы во многих случаях не имели ничего общего с добросовестными, научными обоснованиями причин и хода восстания. Например, уже упоминаемый Белятович, называя Варшавское восстание «пылающим факелом, зажженным народом на долгие годы неволи»⁴¹, утверждал, что «несмотря на жертву всесожжения — капитуляцию Варшавы — восстание завершилось победой повстанцев»⁴². Очевидно, он имел в виду моральную победу.

Намного более критичным был известный польский историк Владислав Побуг-Малиновский. Он всегда формулировал свои оценки крайне враждебным в отношении СССР образом, однако на склоне лет был вынужден признать, что «повстанцы шли в наступление при полном свете дня, что в сочетании со скудным вооружением или даже при полном его отсутствии, при страшной силе немецкого огня из-за бетонного или бронированного прикрытия создавало положение, при котором намеченные цели становились недостижимыми даже ценой больших жертв. Командование, которое в таких условиях приказывало идти в наступление, показало лишь свою беспечность, распорядившись героической замечательной кровью молодых, проявило поразительную потерю чувства ответственности и оставило на страницах национальной истории не только свою трагическую по последствиям ошибку в расчетах, но еще и свой непростительный грех в отношении молодого поколения и всего народа»⁴³. По мнению В. Побуг-Малиновского, восстание «было обречено на поражение, было осуждением города на гибель»⁴⁴.

В. Побуг-Малиновский подтвердил скрываемую какое-то время в эмиграции правду о том, что «Миколайчик был убежден, что восстание в Варшаве укрепит его позиции в беседе со Сталиным»⁴⁵, а подполье в стране проведет «демонстрации против России»⁴⁶ после двух-трех дней борьбы с немцами. В. Побуг-Малиновский подверг критике позицию Миколайчика: «Не менее категоричные возражения должна вызвать идея поддержки восстанием политики Миколайчика,— при тогдашнем положении польского вопроса в рамках военно-политической и международной обстановки политика Миколайчика была погоней за иллюзиями. Поддерживать иллюзии действиями, требующими таких больших жертв? Тут нет смягчающих обстоятельств для штабистов, ситуация была совершенно ясной и, не-

смотря на это, они пошли за Миколайчиком! Вопреки всем, впрочем созданным уже после поражения предложениям, в полном соответствии с потребностями Миколайчика находится и концепция завоевания столицы собственными усилиями перед вступлением русских и роль хозяина по отношению к вступавшим. Это и нужно было Миколайчику в московских беседах как свидетельство его силы и возможностей. Также в полном соответствии с политикой Миколайчика — не ожидаем и не хотим русской помощи, напротив, хотим опередить русских, самостоятельно освободиться и как бы сказать им: «Мы свободны, потому что достаточно сильны»... В то время, когда формировалось и разрабатывалось решение о восстании, когда считалось, что восстание будет длиться очень недолго, никто из штабистов не думал обращаться за помощью к русским»⁴⁷.

Не подлежит сомнению, что фальшивая политическая ориентация польского эмигрантского правительства, отсутствие правильной оценки обстановки в стране и на международной арене, неприязнь к ПКНО и враждебное отношение к Советскому Союзу наиболее явно проявились в решении начать борьбу в Варшаве. В соответствии с намерениями эмигрантского правительства восстание должно было привести к овладению Варшавой как центром политической жизни в Польше, продемонстрировать союзникам силу лондонского лагеря, должно было предрешить создание в Варшаве правительства правой ориентации. Поражение восстания показало сотням тысяч людей все углубляющиеся принципиальные противоречия между политикой польского политического центра в Лондоне и подлинными интересами польского народа. Повстанцами овладели горечь и ожесточение, которые послевоенное подполье через некоторое время использовало для борьбы с молодой народной властью. Ибо после политического и военного поражения в Варшаве правительство в эмиграции решило приступить к следующему этапу борьбы, на сей раз против органов власти Народной Польши.

**ВООРУЖЕННОЕ ПОДПОЛЬЕ
В ПЕРИОД ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ВЛАСТИ ПКНО
И ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ**

Во второй половине 1944 г. на освобожденных территориях существенно изменилось соотношение классовых и политических сил. Это произошло прежде всего в результате упрочения позиций ПКНО в стране и на международной арене. В то же время углубились внутренние противоречия эмигрантского правительства.

12 октября 1944 г. в Москву для проведения переговоров с представителями правительства СССР по вопросу о создании Временного польского правительства прибыла делегация польского эмигрантского правительства. Там же находилась и делегация Польского комитета национального освобождения. Однако до официальных переговоров между делегациями дело не дошло (кроме единственной встречи Болеслава Берута, председателя КРН, со Станиславом Миколайчиком, премьер-министром эмигрантского правительства), так как делегация эмигрантского правительства обусловила их санкцией своего кабинета.

Премьер-министр Миколайчик, министр Ромер и профессор Грабский пробыли в Москве несколько дней. 13 октября 1944 г. во время пленарной конференции, посвященной исключительно польскому вопросу, состоялись переговоры между делегацией эмигрантского правительства, с одной стороны, и советской и английской делегациями — с другой. Визит не привел к согласованию точек зрения. Непримируемая позиция Миколайчика сделала невозможным достижение соглашения, целью которого должно было стать объединение эмигрантского правительства с ПКНО и создание Временного правительства Польши.

Иначе и быть не могло. Делегация эмигрантского правительства перед отлетом из Лондона получила четкие инструкции, которые уполномочивали ее в переговорах с делегацией СССР придерживаться следующей линии: 1) согласиться на демаркационную линию, приблизительно

соответствующую линии Керзона, с оговоркой, что окончательно польско-советская граница будет установлена после завершения войны в результате всеобщих выборов; 2) согласиться на расширение состава лондонского правительства за счет трех коммунистов из страны, но не на основе объединения с ПКНО; 3) не возражать против подчинения Советскому Союзу в военных вопросах; 4) отклонить предложения о выборах президента и изменении конституции до решения этих вопросов на всеобщих выборах¹.

Эмигрантское правительство не желало объединения с ПКНО. Жажда обладания землями, расположенными к востоку от линии Керзона, противоречила существовавшей политической ситуации, поэтому эмигрантское правительство не могло рассчитывать даже на поддержку английского кабинета. Вот характерная выдержка из беседы между Черчиллем, Миколайчиком и Иденом во время переговоров в Москве 14 октября 1944 г.:

«Миколайчик. Сталин заявил, что граница между Польшей и Россией должна проходить по линии Керзона.

Черчилль (раздраженно). Я умываю руки. Что касается меня, то я отказываюсь от этого дела. Мы не будем нарушать мир в Европе только потому, что поляки ссорятся между собой. Вы с Вашим упрямством не видите, как обстоит дело. Мы расстанемся, не придя к соглашению. Мы расскажем миру, насколько Вы неблагоразумны. Вы хотите развязать новую войну, в которой погибнет 25 миллионов человек. Но Вам ни до чего нет дела.

Миколайчик. Я знаю, что наша судьба была предreshена в Тегеране.

Черчилль. Она была там спасена... Польша получит гарантии трех великих держав. От нас — наверняка. Действия президента ограничены американской конституцией. Во всяком случае, Вы ничего не теряете, потому что русские все равно уже там.

Миколайчик. Мы теряем все.

Черчилль. Болота Припяти и пять миллионов населения. Украинцы не принадлежат к Вашему народу. Спасайте свой народ и предоставьте нам возможность для эффективных действий»².

Неудача переговоров в Москве дальше углубила кризис внутри лондонской эмиграции. 24 ноября 1944 г. С. Миколайчик, а затем и все представители СЛ подали в отставку. 29 ноября 1944 г. премьер-министром стал старый деятель правого крыла ППС Томаш Арцишевский. Людовцев в этом

правительстве уже не было³. Выход людовцев из состава эмигрантского правительства был серьезным ударом для лондонского лагеря, а также вызвал углубление противоречий в политических и вооруженных группировках пролондонской ориентации в Польше⁴.

Признание и поддержка ПКНО Советским Союзом сыграли принципиальную роль в дальнейшем ходе событий. Однако сам факт существования эмигрантского правительства в Лондоне, которое признавали и поддерживали Соединенные Штаты и Великобритания, тормозил процесс стабилизации в Польше.

Это влияло на активизацию выступлений антикоммунистических сил, облегчало деятельность подполья, подчиненного эмигрантскому правительству. Последнее, игнорируя развитие событий, рассчитывало восстановить свою власть в стране с помощью Соединенных Штатов и Великобритании, а также, опираясь на ту часть общества, которая до сих пор только в нем усматривала законное польское правительство. Действия реакции поддерживали в некоторых кругах общества неверие в прочность народной власти. Атмосфера неустойчивости особенно неблагоприятно влияла на позицию части крестьянства.

Несмотря на эти трудности, соотношение общественно-политических сил явно изменилось в пользу демократического лагеря. Он привлек к сотрудничеству как крестьянство, так и интеллигенцию. Основу же его составлял рабочий класс, который с первых дней освобождения недвусмысленно выступил за народную власть.

Последние месяцы войны поставили перед молодой народной властью ряд трудных задач, к которым, в частности, относились: проведение радикальной аграрной реформы и национализация промышленности. Осуществление обеих этих реформ должно было облегчить и ускорить процесс демократизации государства, а также укрепить широкий национальный фронт под руководством рабочего класса.

6 сентября 1944 г. Польский комитет национального освобождения принял декрет об аграрной реформе. На основании этого декрета в распоряжение Ведомства земледелия и аграрной реформы был предоставлен земельный фонд. Фонд земельной реформы состоял из конфискованных вместе со всем живым и мертвым инвентарем имений немецких колонистов и польских фольксдойче, а также лиц, осужденных за государственную измену, сотрудничество с оккупантами или другие преступления, определенные декретом ПКНО от 31 августа 1944 г.⁵ Отчуждению подвер-

гались хозяйства общей площадью свыше 50 га пахотной земли (на территории Познаньского, Быдгощского и Силезского воеводств — свыше 100 га, независимо от количества пахотной земли). Упомянутое недвижимое имущество должно было перейти целиком и без выкупа в собственность казны для целей аграрной реформы.

До конца 1944 г. аграрная реформа охватила территории Люблинского, Белостокского, часть Варшавского и часть Жешувского воеводств. Парцелляции подверглись 212 084 га, земельные наделы получили 109 899 семей⁷.

Другой важной задачей, которая встала перед ПКНО, была национализация промышленности. Несмотря на то что закон о переходе в государственную собственность основных отраслей народного хозяйства был принят Крайовой Радой Народовой только 3 января 1946 г., подготовительные работы по проведению этой реформы продолжались уже со времени создания ПКНО.

В начале февраля 1945 г. польский вопрос был одним из наиболее важных на переговорах представителей СССР, США и Великобритании, состоявшихся в Ялте. Однако компромисс по вопросу об объединении Временного правительства в Варшаве с эмигрантским правительством в Лондоне достигнут не был. Представители западных держав, тенденциозно проинформированные польскими кругами в Лондоне, игнорировали фактическую обстановку в Польше. Например, У. Черчилль уверял, что Временное правительство в стране «представляет не более $\frac{1}{3}$ польского народа и не сможет удержаться у власти»⁸.

Дискуссию о требованиях, выдвинутых эмигрантским правительством при посредничестве представителей западных держав, осложнял тот факт, что в стране вооруженное подполье пролондонской ориентации перешло к нападениям на советские войска и народное Войско Польское. Определяя свое отношение к этому вопросу, И. В. Сталин заявил представителям западных держав в Ялте: «Как военный, я требую от страны, освобожденной Красной Армией, чтобы возникновение гражданской войны в ее тылу было предотвращено. Солдатам Красной Армии безразлично, какое правительство в стране, если оно может обеспечить порядок и не позволит стрелять им в спину. Варшавское или Люблинское правительство неплохо справлялось с этой задачей. Однако существуют агенты лондонского правительства, которые считают себя представителями подпольного движения сопротивления. Должен сказать, что они не делают ничего хорошего и причиняют много зла. До настоящего

времени они уже убили 212 наших военнослужащих. Они нападают на наши склады, чтобы добыть оружие. Хотя и объявлено, что все радиостанции должны быть зарегистрированы и для пользования ими требуется специальное разрешение, лондонские агенты нарушают эти инструкции»⁹.

В ответ на это У. Черчилль отметил, что, по его мнению, каждый, кто нападает на Красную Армию, должен быть наказан. При этом он подчеркнул, что стремится к такому решению польского вопроса, при котором можно избежать столкновения между вооруженным подпольем эмигрантского правительства и властью Народной Польши. Вместе с тем он продолжал придерживаться (как и Рузвельт) позиции непризнания созданных демократическими силами органов власти в Польше¹⁰, хотя делегации США и Великобритании под нажимом советской делегации были вынуждены согласиться с тем, что о замедлении темпов совершающихся в Польше перемен уже не может быть речи. На переговорах советская делегация подчеркнула, что если бы дело дошло до создания Правительства национального единства, СССР не позволил бы умалить роль и значение Временного правительства при образовании нового правительства.

В относительно короткий срок в Ялте было достигнуто соглашение по вопросу о будущих границах Польши. После того как Рузвельт и Черчилль отказались от оговорок в отношении Львова, польско-советская граница была установлена ориентировочно по линии Керзона. Западные державы в принципе согласились и на проведение западной границы Польши по Одре и Нысе Лужицкой. Это было чрезвычайно важно для будущего польского народа, ибо приближалось время окончательного разгрома третьего рейха. Актуальным стал вопрос об участии поляков в этих решающих для народов Европы событиях. Принимая участие в разгроме гитлеровских захватчиков, польский солдат стремился завоевать себе полное право на пястовские земли по Одре, Нысе Лужицкой и побережью Балтийского моря. В этой обстановке только политические и военные успехи могли предопределить характер будущей власти в Польше.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. от имени немецкого верховного главнокомандования Кейтель, Фриденбург и Штумпф подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии. Народы, измученные войной и гитлеровской оккупацией, праздновали свой триумф. Произошло это благодаря победе союзнических войск над гитлеровскими войсками, в ко-

торой Красная Армия сыграла решающую роль. Большой вклад в разгром гитлеровского фашизма внесли и поляки, которые сражались на всех фронтах второй мировой войны, и прежде всего солдаты народного Войска Польского, прошедшие бок о бок с Красной Армией боевой путь от Ленино до Берлина. Ведь именно офицер 1-й армии Войска Польского Миколай Троицкий водрузил бело-красный флаг на Колонну Победы (Siegessäule) в Берлине, продемонстрировав тем самым право польского солдата разделить триумф победителей¹¹.

На проходившем 20—21 мая 1945 г. пленуме ЦК ППР были предварительно определены размеры разрушений и ущерба, нанесенного Польше во время войны и оккупации. На пленуме, в частности, подчеркивалось, что из всех стран, бывших под гитлеровской оккупацией, больше других пострадала Польша, что в ходе последней войны немецкие оккупанты применяли в Польше наиболее хищнические формы хозяйствования в земледелии, промышленности и на транспорте. При отступлении с польских земель и во время оккупации гитлеровцы вывезли в Германию оборудование многих польских промышленных предприятий и мастерских, почти весь подвижной железнодорожный состав, большую часть научного и медицинского оборудования, ценные библиотеки и произведения искусства, разрушили и сожгли столицу Польши — Варшаву¹².

Оккупанты применяли на польских землях не только наиболее опустошительную систему экономической эксплуатации и грабили национальное достояние, но и осуществляли «наиболее кровавую власть зверского террора и насилия над польским народом, стремясь к его физическому уничтожению»¹³. Только благодаря молниеносному наступлению Красной Армии в январе 1945 г. были спасены много людей и остатки материальных ценностей. Это подчеркивалось в решении пленума ЦК ППР от 21 мая 1945 г. В нем, в частности, было отмечено, что «Советская Армия спасла польский народ от систематически проводимого гитлеровцами уничтожения и сделала возможным возвращение польского народа к свободному и независимому национальному существованию»¹⁴.

Приступив к ликвидации опустошительных разрушений в стране, причиненных гитлеровскими оккупантами¹⁵, польский народ одновременно осуществлял социальную революцию. Принимая в государственное управление ключевые отрасли национальной экономики и последовательно осуществляя постановления ПКНО об аграрной реформе, народ-

ная власть закладывала прочные основы нового общественного строя.

Окончательный разгром гитлеровского фашизма, как и последующее развитие событий, открывали для польского народа возможность ликвидировать военные разрушения и строить социализм в справедливых границах, что было следствием правильной политики Польской рабочей партии и демократических сил в стране и в эмиграции. Благодаря этой политике возрожденная Польша заняла достойное место в Европе. Переломное значение изменений, совершавшихся в возрожденном Польском государстве, отмечалось в обращении демократических партий к польскому народу, опубликованном 22 июля 1945 г.: «На всех землях Польской Республики до Одры и Нысы Лужицкой сегодня действует польская государственная администрация, работают польские воеводы и старосты. Перешла в крестьянские руки помещичья земля, с лица Польши исчезли магнатские усадьбы — центры реакции и мракобесия. В руки Польского государства, в руки народа перешли большие фабрики и промышленные предприятия. Выросло могучее Войско Польское, более сильное и лучше вооруженное, чем наша армия в 1939 г. Дивизии Войска Польского своими штыками определили новые границы Польши на западе, бок о бок с союзной Красной Армией вступили в Берлин, в столицу агрессивных пруссаков. Вернулись к Польской Республике наши западные земли, сотни тысяч поляков уже поселились в Западном Поморье, Силезии, Любушской земле и на Мазурах»¹⁶.

Внешняя политика Временного правительства Польской Республики, как и ПКНО, основывалась на польско-советском союзе. Этот союз, в основе которого лежат братство по оружию и кровь, совместно пролитая в борьбе с гитлеровскими захватчиками, 21 апреля 1945 г. был оформлен Договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Польшей и Советским Союзом¹⁷. В генезисе польско-советского союза «переплелись фундаментальные акты Великой Октябрьской социалистической революции с драматическим опытом двадцатипятилетней истории польского народа»¹⁸. Он создавал неограниченные возможности для дружественного сотрудничества между Советским Союзом и Народной Польшей, в интересах обоих государств.

Польско-советский союз, наряду с чрезвычайно благоприятным для польского народа развитием событий, в ходе которых Польше были возвращены западные и северные

земли, перечеркивал политические планы лондонского лагеря. Именно премьер-министр эмигрантского правительства Т. Арцишевский 17 декабря 1944 г. в интервью для «Санди таймс» заявил: «Мы выдвинули наше требование в отношении Германии, добиваясь присоединения к Польше Восточной Пруссии, Верхней Силезии и части Поморья, и оцениваем положительно точку зрения союзников, включая Советскую Россию, которые обещали нам помочь в этом вопросе. Но мы не хотим расширять нашу границу на запад так, чтобы она охватила от восьми до десяти миллионов немцев. Мы не хотим ни Вроцлава, ни Щецина. Мы просто требуем наши этнические и исторические территории, которые оказались под властью Германии»¹⁹.

Несмотря на то что политическая программа эмигрантского правительства была скомпрометирована, лондонские круги решили развязать в Польше гражданскую войну. В основе их действий лежали стремление захватить власть, классовая ненависть к прогрессивным переменам в Польше и враждебное отношение к Советскому Союзу.

Политики из лондонского лагеря рассчитывали на поддержку привилегированных до 1939 г. общественных классов, представленных политическими центрами в Польше и в эмиграции. Эти классы не хотели добровольно сойти с политической арены, в то время как левые силы, объединенные вокруг программы ППР, освободили в стране могучие массы рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, мобилизуя их еще в период немецкой оккупации на борьбу с гитлеризмом и победу над ним, а позднее — на строительство в Польше нового общественного строя, основанного на демократических и прогрессивных принципах.

Как союзник СССР и тем самым представитель мирной и интернационалистской политики Польша вступила на путь борьбы с антикоммунизмом и международным империализмом. Нет ничего удивительного в том, что этот коренной поворот в истории польского народа враждебно восприняли политики из лондонских кругов, которых поддерживали антисоциалистические силы на Западе. Для возвращения утраченных позиций предполагалось начать вооруженную борьбу с народной властью в Польше. Эта борьба должна была проводиться с помощью действующих в подполье политических и военных организаций.

Руководящие центры польского подполья, связанные с эмигрантским правительством в Лондоне, располагали хорошо вооруженными группами, которые скрывались в лесах и на явочных квартирах в городах и селах по всей

территории Польши. Эти группы вместе с законспирированной разведывательной сетью использовались для борьбы против законной польской власти ²⁰, народного Войска Польского и Красной Армии. Посредством братоубийственной борьбы, саботажа, диверсий и враждебной пропаганды реакционное подполье в 1944—1945 гг. (период ПКНО и Временного правительства) пыталось добиться следующих целей:

подорвать доверие польского народа к ПКНО, Временному правительству и, прежде всего, к объявленным и осуществляемым социальным реформам;

дать искаженное представление о Советском Союзе, чтобы остановить растущую популярность социалистического строя в широких кругах трудящихся Польши;

создать видимость временного характера народной власти, одновременно подчеркивая, что законные польские власти находятся в Лондоне и после окончания войны вернутся в страну;

подрывать веру в правоту и прочность решений о послевоенных границах Польши между Бугом, с одной стороны, и Одрой, Нысой Лужицкой и Балтийским морем — с другой;

сохранять существующие и создавать новые вооруженные группы, а также гражданскую агентурную сеть в подполье как силы, противодействующие органам безопасности и милиции и народному Войску Польскому;

завоевывать и упрочивать авторитет и популярность у польского народа, укрепив его в убеждении, что подполье является единственной политической и военной силой, борющейся за независимость Польши.

Таким образом, эмигрантское правительство придавало большое значение проведению дальнейшей подпольной деятельности в стране. Главный комендант АК и делегат правительства придерживались мнения, что полностью обнаруживать себя перед Красной Армией и народной властью нельзя. Они считали, что руководящее ядро подполья пролондонской ориентации должно переместиться на запад, оставив на освобожденной территории запасную сеть командования. В директивах на зиму 1944—1945 гг., направленных отрядам АК на местах, генерал Окулицкий указывал на необходимость оставаться в подполье солдатам АК и представителям административной власти лондонского правительства. «Без сомнения, вести конспиративную работу на территории, занятой Советами, тяжелее, чем против немцев... До сих пор выход из подполья приносил нам потери, ничем не изменив враждебного отношения

Советов. В связи с этим ни АК, ни административные органы власти не обнаруживают себя перед вступающими советскими властями...»²¹ Данный приказ генерала Окулицкого оканчивался следующими распоряжениями:

1. Повысить организацию и дисциплину конспиративных сил.

2. Ориентироваться на длительную борьбу.

3. Борьбу с немцами ограничить диверсиями и охраной польского населения от гитлеровских карательных и реквизиционных экспедиций.

4. Держать в готовности небольшие, но хорошо вооруженные и оперативные отряды.

5. В зимний период полностью сохранить только те вооруженные отряды, которым местные условия могут обеспечить существование.

6. В случае освобождения Красной Армией польских земель действовать небольшими группами в тылу немецких войск, чтобы добыть оружие и завоевать популярность.

7. Обучать командиров от роты до дивизии и их штабы, делая упор на хорошую подготовку в радиоделе.

8. Обратит внимание на пропагандистскую и воспитательную работу. Стараться подчинить себе все военные организации.

9. Тесно сотрудничать с представителями подпольных административных властей эмигрантского правительства²².

Указания и приказ генерала Окулицкого были расширены директивами эмигрантского правительства от 14 ноября 1944 г. Последние ясно указывали на необходимость продолжения конспиративной работы на освобожденной территории, а также передачи в Лондон разведанных политического, военного и экономического характера; рекомендовали проникать на различные посты в государственных и административных органах для саботажа распоряжений народной власти²³.

Кроме того, 16 декабря 1944 г. эмигрантское правительство направило из Лондона в страну депешу, адресованную делегатуре в подполье, в которой определялись задачи разведывательной работы против СССР. В этой депеше содержались, в частности, следующие указания: «...Организовать специальную конспиративную сеть на территории Польши, на советской стороне., передавать правительству (эмигрантскому в Лондоне.— Авт.) сведения прежде всего политического характера, которые позволят ему правильно оценить ситуацию и облегчат принятие принципиальных решений...»²⁴

Директивы эмигрантского правительства и указания генерала Окулицкого видоизменялись в зависимости от положения на фронте и общественно-политических изменений в стране. К действующим в 1944—1945 гг. более 1200 нелегальным вооруженным группам²⁵ они доходили часто в искаженном виде. Вооруженные группы подполья, отличаясь программами, интеллектуальным уровнем своих членов и тем, что не все они были связаны с лондонским лагерем, в общем стремились к одной цели — противодействовать упрочению народной власти в Польше.

Для того чтобы обеспечить осуществление социальных реформ, порядок и спокойствие в стране, ПКНО приступил к созданию органов общественной безопасности и гражданской милиции²⁶. Этот аппарат имел огромное значение, особенно в период, когда политическая ситуация в стране еще не стабилизировалась. Он создавался на базе идеологически выдержанных кадров, главным образом из рабочих и крестьян. Только немногие работники службы безопасности и МО (Милиция обывательска — Гражданская милиция) имели определенный опыт, полученный во время подпольной работы, партизанской деятельности или службы в Войске Польском. Отсутствие профессионального и общего образования молодых работников Управления общественной безопасности и гражданской милиции в значительной степени затрудняло четкие действия, однако благодаря идейной преданности эти люди оказались на высоте задач — вели тяжелую борьбу с подпольем, чтобы не допустить развязывания гражданской войны в Польше.

Начиная вооруженную борьбу против молодой народной власти, руководящий центр лондонских кругов пытался базироваться главным образом на солдатах АК, а позднее на так называемом послеаковском подполье²⁷. Оно представляло нелегальные Стронництво праци, Стронництво людове «Рох»*, Стронництво народове, ППС-ВРН**, несколько небольших организаций и реакционные группировки высшего духовенства. Крайне правое крыло национального лагеря только формально оставалось вне лондонской ориентации и объединяло Национально-радикальный лагерь (ОНР) и подчиненные ему Народове силы збройне (НСЗ—

* Правая часть крестьянской партии, выступавшая против народной власти.

** В октябре 1939 г. партия правых социалистов, отколовшаяся от ППС, «Вольность, Рувность, Неподлежность» (ВРН) снова включила в свое название прямое указание на связь с ППС. С 1944 г. она именовалась ППС-ВРН.

Национальные вооруженные силы) и Национальное военное объединение (НЗВ), возникшее в результате объединения НСЗ и НОВ (Национальной военной организации). Пилсудчиковские и «санационные» группировки делились на две большие организации — Лагерь борющейся Польши (ОРВ) и Конвент независимых организаций (КОН). В юго-восточной Польше действовали вооруженные организации украинских буржуазных националистов²⁸, а на западных и северных землях Польши — послегитлеровское подполье.

Уже в июле 1944 г. генерал Бур-Коморовский, действуя в соответствии с инструкцией генерала Соснковского, приказал своему заместителю генералу Окулицкому предпринять определенные шаги для создания на базе АК новой военно-политической организации под названием «Не» (независимость). Официальное решение лондонского правительства о создании организации «Не» было принято 14 ноября 1944 г.

Перед организацией стояли следующие задачи²⁹:

создание террористических групп для убийства политических противников в стране и представителей командования Красной Армии;

подготовка и проведение диверсий;

проведение военной разведки в тылу Красной Армии;

проведение подготовительной работы к вооруженному выступлению против ПКНО.

19 января 1945 г. Армия Крайова была распущена. Это означало завершение того периода в истории польского движения Сопротивления, когда основной целью конспиративной работы была борьба с гитлеровскими оккупантами. Несмотря на то что некоторые организации АК по указанию Лондона предприняли попытки частичной реализации плана «Буря», совершив ряд политических демонстраций против ПКНО и Красной Армии, солдаты АК вошли в историю прежде всего как участники вооруженной борьбы против гитлеровских оккупантов. Их вклад в борьбу за свободу Польши, патриотический порыв и отвага, скрепленные кровью, пролитой совместно с солдатами левых организаций, освобождавшими Польшу солдатами Красной Армии и солдатами народного Войска Польского, отодвинули на дальний план в оценке деятельности АК бесславные политические демонстрации, осуществленные в рамках плана «Буря». В конечном счете этот план был разработан ловкими политическими игроками из лондонского лагеря в эгоистических интересах — стремлении захватить власть в Польше в свои руки. Следовательно, эти факты

не свидетельствуют о вине солдат АК, тем более, что большинство из них неодобрительно относились к концепциям, содержавшимся в плане «Буря».

Роспуск организации АК помог силам реакции очистить свои ряды от лиц, разочарованных в продолжении дальнейшей борьбы *, вышедших из подполья, и прежде всего тех, кто не был противником строя Народной Польши. Необходимо упомянуть и о том, что если Армия Крайова возникла поначалу, главным образом, для борьбы с немцами, то организация «Не» была создана в период уже неминуемого разгрома гитлеровской Германии с одной целью — для борьбы с органами власти Временного правительства и СССР.

Генерал Окулицкий как глава вновь созданной организации «Не» получил полную поддержку со стороны делегата эмигрантского правительства (псевдоним «Соболь») и со стороны представителей политических организаций, входивших в состав РЕН. Однако развернуть деятельность этой организации так, как это планировалось ее основателями, не удалось. Причина состояла в организационном расколе АК, вызванном поражением Варшавского восстания, успехами наступления Красной Армии и всевозрастающей поддержкой, оказываемой общественностью на освобожденной территории народной власти, а также в том, что эта организация существовала недолго.

В марте 1945 г. руководство организации «Не» было арестовано, что положило конец ее деятельности.

В связи с невыполнением организацией «Не» поставленных задач и арестом ее руководства эмигрантское правительство создало в стране делегатуру вооруженных сил (ДСЗ — Делегатура сил збройных). Комендантом ДСЗ был назначен полковник Ян Желецкий (псевдонимы «Презес», «Ожуг»), который с 23 марта 1945 г. исполнял обязанности первого заместителя главного коменданта «Не» **. Как ДСЗ, так и ее предшественница — организация «Не», опирались на организационную систему АК, а также частично на ее кадры, материально-техническую и финансовую базу.

В депеше L.dz. 252/HJ комендант ДСЗ так определил задачи делегатуры:

а) организация вооруженного сопротивления и ликвидации лиц, оказывающих поддержку народной власти;

* Против народной власти.

** Я. Желецкий в 1940—1944 гг. был руководителем Бюро информации и пропаганды ЗВЗ и Армии Крайовой.

- б) совершение актов саботажа и диверсий;
- в) проведение враждебной пропаганды среди населения³⁰.

В ответ на эту депешу генерал Андерс как главнокомандующий Польскими вооруженными силами в эмиграции утвердил все предложения коменданта ДСЗ и, кроме того, рекомендовал проводить враждебную агитацию в рядах народного Войска Польского. Так родилась начатая в конце мая 1945 г. акция «Ż»³¹.

Избранное название — делегатура вооруженных сил — должно было подчеркивать, что деятельность организации в стране тесно связана с существующими в эмиграции польскими воинскими частями. С другой стороны, название оттеняло ее чисто военный характер. Создание военной конспиративной организации в условиях существования независимого польского государства фактически означало начало борьбы лагеря реакции с существующим политическим строем.

Комендант ДСЗ делал упор на организацию всех ступеней командования и, следовательно, на создание руководящих центров районов и округов. Одновременно был образован штаб ДСЗ, который установил связь со всеми окружающими руководящими центрами.

В июне 1945 г. командование ДСЗ разработало директивы для акции «В». Эти директивы касались определения личного состава аппарата безопасности, социального происхождения сотрудников учреждений общественной безопасности, применения к служащим органов безопасности и милиции методов психического и физического террора, как массового (листовки, предостережения, обвинения), так и индивидуального (рассылка предупреждений и приговоров)³².

Однако прежде всего цель акции «В» заключалась в непосредственной борьбе с аппаратом безопасности путем исполнения смертных приговоров «...наиболее активным работникам безопасности»³³. Однако в результате ареста начальника штаба ДСЗ полковника «Станислава» в июне 1945 г. органы безопасности перехватили план акции «В», что позволило провести успешный ответный удар.

Приказ о роспуске АК одобрили не все коменданты округов. «Мечислав» — комендант Белостокского округа АК — не подчинил свой округ организации «Не». В феврале 1945 г. «Мечислав» изменил прежнее название АК на Гражданская Армия Крайова (ОАК — Обывательска Армия Крайова), стремясь таким образом подчеркнуть граж-

данско-военный характер организации³⁴. Несмотря на изменение названия, ОАК вела непримиримую борьбу с народной властью и прежде всего с аппаратом безопасности.

Национальный лагерь делился на две группировки — одну, имевшую характер мафии, Польскую организацию (ОП — Организация польска), которой подчинялись Народовые силы збройне, и вторую — Стронництво народове, руководившее деятельностью военной организации под названием Национальное военное объединение. На рубеже 1944—1945 гг. обе группировки переживали глубокий политический и организационный кризис, вызванный общим крахом подпольной деятельности лондонских кругов, созданием народного государства и осуществлением этим государством общественно-политической программы.

После освобождения от гитлеровской оккупации польских земель по Висле центром деятельности НСЗ и ОП стал Ченстохов. В частности, там находились «Буни»-«Профессор», «Вонсовский» и «Богуцкий». В январе 1945 г. они создали Политический комитет ОП, руководивший военной и политической деятельностью НСЗ³⁵ под началом «Буни».

Политический комитет ОП предусматривал, что в зависимости от развития внутривластной обстановки будут созданы легальные организации, руководимые законспирированной группой деятелей ОП. Вместе с тем будет продолжаться и конспиративная деятельность НСЗ и ОП. Учитывая то, что ОП действовала в глубокой конспирации, не обнаруживая себя перед общественностью, ее программу осуществляли НСЗ, которые вели непосредственную борьбу против Временного правительства³⁶. Политический комитет ОП считал, что деятели ОП должны работать в административных и хозяйственных органах для саботажа каждого распоряжения народной власти³⁷.

Стремясь расширить влияние НСЗ, Исполнительный комитет ОП в середине февраля 1945 г. поручил «Вонсовскому» организовать Познаньский и Поморский округа НСЗ. В мае 1945 г. «Вонсовский» создал, во-первых, новую организацию под названием Польская армия (АП — Армия польска) и, во-вторых, в университете им. А. Мицкевича в Познани молодежную организацию Поколение независимой Польши (ППН — Поколене Польски неподлеглой). Эти организации находились под идейным влиянием ОП и НСЗ. Деятельность АП и ППН заключалась прежде всего в проведении пропагандистской кампании против Временного правительства и народно-демократического строя,

а также в сборе сведений политического, военного и экономического характера.

В июне 1945 г. в Познани органы безопасности раскрыли антигосударственную деятельность АП и ППН. В следующем месяце были арестованы члены руководства этих организаций. Полученные в ходе следствия материалы позволили осенью 1945 г. ликвидировать познаньскую и поморскую окружные комендатуры, а также их местную сеть в Поморье и Познаньщине.

Организационный хаос в рядах НСЗ в феврале 1945 г. привел к созданию в Люблине Временного национального политического совета восточных земель (ТНРПЗВ — Тымчасова народава рада политычна земь виходних), который образовал Командование восточных земель (КЗВ — Коменда земь виходних), руководившее работой двух округов — XVI (Люблинского) и XVII (Седлецкого). Целью деятельности ТНРПЗВ было создание «...военного антикоммунистического фронта»³⁸ и проведение пропагандистской работы.

Командованию восточных земель в обоих округах удалось восстановить руководящие уездные центры, а также организовать сильные партизанские отряды и подразделения Помощи особой деятельности (ПАС — Поготове акции специальной). Подразделения ПАС убивали работников Управления общественной безопасности, политических и административных деятелей, совершали грабежи. Так, например, отделение ПАС под командованием «Яра» по приказу «Роза» — коменданта ПАС Люблина, в мае-июне 1945 г. совершило в Люблине три нападения: на Земельную палату, Национальный хозяйственный банк и другие государственные учреждения, награбив при этом денег на общую сумму 272 тыс. злотых³⁹.

С марта по май 1945 г. «Зенон» — начальник ПАС XVI округа НСЗ — инспектировал подчиненные ему отряды. В указанный сборный пункт явились отряды: поручика «Яська», подпоручика «Романа», старшего сержанта «Земсты» и сержанта «Сокола», всего приблизительно 300 человек. Общее командование принял капитан «Шарый». Исполняя приказ Главного командования ПАС, он повел отряды в направлении села Верховины. 6 июня эти отряды совершили ужасное злодеяние — в Верховинах они убили 194 человека, в том числе 65 детей⁴⁰.

Для ликвидации банды «Шарого» в погоню немедленно отправились оперативные группы службы безопасности из Хелма и Красныстава, а также отряды 3-й пехотной

дивизии. После четырехдневного преследования группа была окружена и разгромлена около населенных пунктов Войславце и Гута (уезд Красныстав). Было уничтожено около 60 членов НСЗ, среди них командиры — подпоручик «Ясек» и сержант «Сокол». Был арестован 41 человек⁴¹. В ноябре был арестован комендант района НСЗ Билгорайского округа «Вир», террористическая группа которого напала на тюрьму в Билгорае и выпустила около 2100 политических заключенных. В декабре 1944 г. было арестовано командование НСЗ III округа вместе с комендантом округа полковником «Роля»-«Жемовитым». Был также арестован полковник «Тувар», бывший начальник штаба III округа НСЗ.

Отряды Народовых сил збройных убивали всех, на кого падало подозрение в сотрудничестве или поддержке Польского комитета национального освобождения. 17 ноября 1944 г. выстрелом из-за угла был убит первый секретарь уездного комитета Польской рабочей партии в Красныставе Константин Красовский. В этот же день в гмине Сугув (уезд Замостье) было убито шесть милиционеров. 26 ноября банды НСЗ убили Войцеха Попюлка — начальника поста МО (Милиция обывательска — Гражданская милиция) в Коньсковом (уезд Пулавы), бывшего партизана АЛ, члена ППР.

2 декабря 1945 г. вблизи Жешува банда НСЗ убила активистов аграрной реформы в Жешувском уезде Бронислава Козу, Бронислава Бакере и Бронислава Бидоня. В тот же день у населенного пункта Майдан-Ситавецкий (уезд Замостье) были убиты 12 сотрудников службы безопасности⁴².

В связи с этим общественно-политические организации Замойщины опубликовали совместное воззвание, в котором говорилось: «...Врагам нашей государственности, врагам демократии, врагам трудового народа городов и сел покажем нашу мощь, продемонстрируем сильный, закаленный в боях подпольной работы, закаленный в труде кулак рабочих и крестьян. Независимо от следствий и судов мы, общественность Замойщины, клеймим жестоких преступников, лишаем их права не только называться поляком, лишаем их права называться человеком»⁴³.

Одной из наиболее активных террористических организаций была группа НСЗ «Орла», в ночь с 22 на 23 июня 1945 г. совершившая нападение на отделение милиции в Закжувеке (уезд Крашник). Милиционеры пытались обогнаться, но бандиты взорвали забаррикадированный вход,

ворвались в здание и убили 13 милиционеров и 14-летнего мальчика, сына начальника отделения ⁴⁴.

Принимая во внимание рост активности банд НСЗ в XVI (Люблинском) округе, воеводское и городское управления общественной безопасности в Люблине приступили к ликвидации комендатуры этого округа. В результате расследования удалось установить персональный состав комендатур округа и уездов, а также явочные квартиры. Первыми были арестованы: «Высокий»-«Роман» — руководитель I организационного отдела; «Роза» — начальник ПАС города Люблин; «Раслав», за несколько дней до ареста назначенный руководителем I организационного отдела комендатуры XVII (Седлецкого) округа — ранее офицер для особых поручений того же округа. Таким образом, полученные сведения об округах НСЗ, подчиненных Командованию восточных земель ⁴⁵, послужили основанием для дальнейших арестов. В июле-августе были арестованы: начальник II отдела (разведка) «Шерпень», адъютант коменданта XVI округа НСЗ и многие другие. Эти аресты привели к ликвидации созданных в конце июня 1945 г. комендатур III района НСЗ. В частности, среди арестованных находились «Вуйек» — комендант района (до июня — комендант XVI округа), «Зенон» — начальник района ПАС, «Каспер»-«Перкуля» — начальник штаба XVI округа, «Роман» — комендант XVII округа ПАС.

Организационная раздробленность характеризовала и вторую группировку «национального лагеря» — Стронництво народов и Национальное военное объединение. До марта 1945 г. деятельность СН заключалась главным образом в участии в работе Совета единства нации и делегатуре правительства.

Проведенные органами безопасности в марте 1945 г. аресты членов президиума СН в значительной мере затормозили деятельность партии, и прежде всего сделали невозможной ее организационную консолидацию. Были арестованы председатель президиума и председатель СН в РЕН, руководитель военного отдела, член президиума и один из заместителей делегата правительства, а также вице-председатель президиума и председатель окружного правления СН в Варшаве. Попытки восстановить президиум и оживить политико-пропагандистскую работу больших результатов не принесли, потому что очередные руководители президиума СН были арестованы в апреле и июне 1945 г. ⁴⁶

Национальное военное объединение — военная организация СН — возникло за несколько недель до январского

наступления из той части НОВ, которая на рубеже 1942—1943 гг. вошла в состав НСЗ. Первым главным комендантом НЗВ был «Лесиньский», а с февраля 1945 г. — полковник «Куба». Однако главному командованию НЗВ не удалось расширить свою деятельность ввиду нерегулярной связи с низшими организационными звеньями, а также из-за арестов (в марте 1945 г. был арестован руководитель I организационного отдела главного командования). Заметный рост вооруженных акций НЗВ начинается поздней осенью 1945 г., когда были созданы окружные комендатуры в Белостоке, Жешуве и на Мазурах⁴⁷.

В то время как народное Войско Польское, сражаясь вместе с Красной Армией, овладевало Поморским валом, форсировало Одру и Нысу, штурмовало Берлин, а весь польский народ под руководством рабочего класса с энтузиазмом приступил к восстановлению разрушенных оккупантами городов и сел, поборники старого порядка занимались диверсиями в тылу фронта, убивали рабочих и крестьянских активистов, а также советских солдат, грабили государственное имущество. Только за период с 28 июля до 31 декабря 1944 г. от рук участников реакционного подполья в Польше погибло 277 солдат Красной Армии, 94 человека было ранено.

Как мы уже отмечали, одной из форм борьбы польского подполья на освобожденной территории было проведение враждебной пропаганды в народном Войске Польском. Пропагандистская деятельность заметно усилилась после оглашения декрета ПКНО о регистрации граждан призывных возрастов. Однако в результате энергичной и напряженной работы всего политико-воспитательного аппарата Войска Польского удалось настолько овладеть положением, что групповое уклонение от действительной службы в Войске Польском было очень редким явлением.

2 марта 1945 г. в Радзыне произошел крупный случай организованного дезертирства. Расквартированную там воинскую часть самовольно покинули 380 солдат. Дезертиры намеревались создать организованную боевую группу. Об этом свидетельствует нападение на отделение милиции в гмине Комарувка (уезд Влодава), в ходе которого налетчики захватили два ручных пулемета и шесть винтовок. Группа попыталась перейти Буг в районе Долхобродов. Благодаря четким действиям частей Войска Польского и советских пограничных войск было взято в плен более 300 дезертиров, 51 человек убит в бою, захвачено два ручных пулемета, 18 автоматов, 138 винтовок. За время боев

погибло три солдата Войска Польского, десять были ранены ⁴⁸.

В первые месяцы 1945 г. наступила заметная активизация деятельности подполья в районах к востоку от Вислы, что находилось в прямой зависимости от передвижения фронта на запад и вовлечения в борьбу с немцами всех военных сил. 28 февраля служба безопасности в Замостье (Люблинское воеводство) в с. Велонча гмины Мокре арестовала участников конспиративного собрания комендатуры района Мокре. В бою было уничтожено десять членов подполья и шесть арестовано. В ходе акции было ранено два работника службы безопасности ⁴⁹.

Вооруженное подполье пыталось вести борьбу и с помощью индивидуального террора, используя самые вероломные методы. 9 апреля начальник уездного управления общественной безопасности (повятовы ужонд безпеченьства публичного — ПУБП) в Грубешове Феликс Грудек получил пакет с поздравлениями. Внутри него находилась взрывчатка, что привело к смерти адресата ⁵⁰.

В ночь с 27 на 28 апреля вооруженный отряд подполья совершил нападение на г. Янув. Во время нападения были разрушены предприятия связи, здание рады народной, отделение милиции и разгромлена тюрьма, откуда были выпущены политические преступники ⁵¹. Многие акции были сорваны четкими действиями службы безопасности. Например, 11 апреля арестовано восемь человек из группы, готовившей нападение на городское управление общественной безопасности (мейски ужонд безпеченьства публичного — МУБП) в Люблине.

7 апреля банда «Рыся» в количестве 14 человек совершила нападение на казначейскую палату в Люблине, захватила из кассы более миллиона злотых и убила работника службы безопасности поручика Антония Кульбановского.

В апреле был арестован «Ней» из Белгорайского округа. Это позволило арестовать еще семь человек из актива люблинского подполья, в том числе коменданта округа «Шишку». 12 июня в Хелме был арестован «Хураган», который назвал фамилии и псевдонимы 24 подчиненных и местонахождение склада оружия ⁵².

На основе информации, полученной во время следствия от задержанных связных (инспекторат Люблин), 30 июня был арестован «Лот» — член Люблинского инспектората, «Еж» — редактор подпольной газеты «Сигналы», связной

«Витка», в ведении которого находились округа: Люблин-город, Люблин-уезд и Любартов ⁵³.

В мае 1945 г. «Кровавый Роман» из НСЗ, разбойничая в окрестностях Хелма и Хрубешова, со своими людьми напал на солдат Войска Польского и работников милиции.

24 мая оперативные группы органов безопасности и Корпуса внутренней безопасности (Корпус безпеченьства вewnęтжного — КБВ) на полустанке Збедовице гмины Сток (уезд Пулавы) дали бой группе «Орлика» в составе 100 человек. В бою было уничтожено более 40 членов подполья. Потери оперативных групп — девять убитых, в том числе капитан Хенрик Дересевич из воеводского управления общественной безопасности (воеводски ужонд безпеченьства публичного — ВУБП) в Люблине, поручик Александр Лигенза — начальник уездного управления общественной безопасности в Пулавах и подпоручик Тадеуш Банах — сотрудник уездного управления общественной безопасности УБП ⁵⁴.

В конце мая 1944 г. отряды террористов под командованием «Ускока» совершили нападение на село Спичин (уезд Любартов), где проходил танцевальный вечер по случаю окончания войны. Десять человек были убиты и десять — тяжело ранены ⁵⁵.

В Белостоке, освобожденном 27 июля 1944 г. войсками 2-го Белорусского фронта, уже 27—28 июля начали работать уполномоченные ПКНО. Фронт остановился по линии рек Нарев—Бебжа. Таким образом, часть Белостокской земли оставалась в руках у немцев. Экономическое положение на освобожденной территории было исключительно тяжелым, что затрудняло политическую стабилизацию.

На соотношение политических сил в Белостокском воеводстве на рубеже 1944—1945 гг. в значительной степени повлиял тот факт, что в период, непосредственно предшествовавший установлению народной власти, лагерю реакции фактически удалось захватить монополию на политическую деятельность. Хотя эта монополия была сломлена ППР и демократическим лагерем в первые недели после освобождения, однако и в дальнейшем влияние реакции в этой местности было сильнее, чем в других воеводствах.

Как уже говорилось, действовавший в этом районе «Мстислав» не подчинил свой округ организации «Не». Планируя развернуть вооруженный террор в больших масштабах, «Мстислав» в директивах для района от 12 марта 1945 г. приказал расширить «отряды самообороны», вооружиться и развернуть разведывательную работу ⁵⁶. На

«отрядах самообороны» было сосредоточено все внимание командования округа. Их задачи были уточнены в директивах от 15 февраля и в приказе командования округа от апреля 1945 г.

Усиление вооруженной деятельности сопровождалось широкой пропагандистской атакой на народную власть и Советский Союз, который будто бы стремился превратить Польшу в 17-ю республику, а также на ППР, представлявшую якобы «чужие интересы». Эта пропаганда предсказывала быстро надвигающийся вооруженный конфликт между СССР и англосаксонскими державами ⁵⁷.

Весной 1945 г. в Белостокской земле правое подполье усилило кровавый террор. Только в апреле были разоружены 36 отделений милиции, убиты 32 милиционера, 47 человек уведены в леса и 347 — обезоружены. Белостокское подполье стремилось к ликвидации отделений МО, но также и к ликвидации «...учреждений, власти и государственной администрации, стараясь таким образом распространить свою власть на все воеводство» ⁵⁸. Одновременно реакционное подполье усилило жестокий индивидуальный террор. Например, в Августовском уезде в апреле было убито 23 человека, а в мае — 17 ⁵⁹. Положение день ото дня становилось все более серьезным.

С апреля 1945 г. на территории Белостокского воеводства, в котором так и не было обеспечено спокойствие из-за непрерывных террористических акций подполья, начал активно действовать «Лупашко». Со своими вооруженными отрядами он пришел из Виленщины и подчинился коменданту Белостокского округа ОАЛ «Мстиславу». В ночь с 8 на 9 апреля 1945 г. патрули «Лупашко» убили семь демократов-активистов в населенных пунктах Ключо-ниче, Токары, Сутно и Немиров. 14 апреля патруль «Лу-пашко» расстрелял солтыса села Витово, члена ППР Ты-мотеуша Хмеля ⁶⁰. В тот же день отряды «Лупашко» совершили нападения на отделения милиции в Милейчицах и Клешчелах ⁶¹.

17 апреля вооруженные группы «Лупашко» захватили местечко Малая Наревка, где разгромили отделение милиции и уничтожили телефонную станцию. Одновременно по приказу «Лупашко» отряд «Железного» расстрелял четырех человек: Александра Валковицкого, учителя и секретаря местной ячейки ППР; Яна Лешчиньского, члена ППР, начальника отделения милиции, а также Петра Кобера и Миколая Левшу ⁶². 7 мая отряды «Лупашко» овладели населенным пунктом Бочка, Бандиты убили четырех

офицеров и четырех солдат Красной Армии. Они разгромили отделение милиции, а затем в присутствии принудительно согнанных жителей поселка расстреляли 14 человек, в том числе 11 милиционеров⁶³. В ночь с 25 на 26 мая «Лупашко» вновь захватил местечко Малая Наревка. Было разгромлено отделение милиции и убит один милиционер — Ян Еленевич и один активист ППР — Мечислав Щиборовский. 27 мая отряды «Лупашко» возле лесной сторожки Топилы (Беловежская пуца) атаковала оперативная группа из 11-го полка Корпуса внутренней безопасности. После боя, длившегося два с половиной часа, «Лупашко» и его людям удалось выйти из окружения. Однако он потерял 37 человек, количество раненых не установлено. Потери оперативной группы — девять раненых, трое убитых и пять пропавших без вести⁶⁴.

8 мая отряды вооруженного подполья численностью 300 человек напали на г. Граево (Белостокское воеводство), где разрушили здание уездной комендатуры милиции, помещения магистрата и канцелярии старосты. Они также попытались занять здание уездного управления общественной безопасности. На помощь осажденным пришел отряд 11-го полка внутренних войск. В бою бандиты понесли значительные потери и были вынуждены отойти⁶⁵.

11 мая большая вооруженная группа подполья напала на IV эскадрон 11-го полка внутренних войск в Семятычах (Белостокское воеводство). Завязался двухчасовой бой, в котором был убит один солдат и семь тяжело ранены. Потери нападавших составили восемь убитых и больше 20 раненых⁶⁶.

В конце мая и в июне органы безопасности и войска провели много операций, которые значительно ограничили деятельность подполья в Белостокском воеводстве, но полностью ликвидировать его не удалось.

В Варшавском воеводстве действия вооруженного подполья также создали очень трудное положение. Наиболее угрожающая обстановка сложилась в восточных уездах — Соколуве, Венгруве, Острув-Мазовецкой, Пшасныше, Пултуске, Маков-Мазовецком и Гарволине. Подполье предприняло активные нападения на работников государственной администрации, службы безопасности милиции, а также на членов Польской рабочей партии. В мае 1945 г. только в семи уездах воеводства нелегальные вооруженные группы разоружили 21 отделение милиции. В июне 1945 г. было убито 93 члена партии и 150 — ранено. Банды зверски расправлялись с партийными работниками. Например,

в гмине Попелув (уезд Венгров) члену Польской рабочей партии на щеках вырезали буквы «ППР» и «НСЗ», а потом отрубили голову и посадили ее на кол. Предостережением для других должна была стать записка, оставленная возле жертвы: «Такая судьба ждет всех коммунистов»⁶⁷.

В некоторых уездах воеводства ППР вынуждена была действовать конспиративно⁶⁸. В этой обстановке члены Польской рабочей партии стали создавать рейдовые группы и партийные патрули, взаимодействующие с органами безопасности и милиции⁶⁹.

Крупные подразделения подполья нападали и на военные отряды. 18 мая в Смиловс близ Ожарова расквартированную там роту 2-й бригады саперов атаковал вооруженный отряд численностью 120—150 человек. Бандиты окружили здание, в котором размещалась рота, сняли часового и проникли внутрь. Захватив оружие, боеприпасы и снаряжение, они отступили и увели с собой 44 человека — сержантов и солдат⁷⁰.

Ранней весной 1945 г. на территории уезда Груец была создана РОАК, основанная «Юзефом». Вначале в распоряжении организации находились две вооруженные группы по 10—15 человек каждая и сеть отделений в восьми гминах. В июне банда РОАК во главе с «Юзефом» убила начальника уездного управления общественной безопасности в Груйце Владислава Имольского и на варшавском шоссе совершила нападение на машину казначейства. При этом было похищено 7650 тыс. злотых⁷¹.

Реакционное подполье попыталось развернуть деятельность против народной власти и в Келецком воеводстве. Наибольшую опасность представляли группировки НСЗ, имевшие на счету много братоубийственных столкновений, совершенных еще во время гитлеровской оккупации, например убийство 20 солдат АЛ и 73 советских партизан под селом Жабец во Влощовском уезде 8 сентября 1944 г.

Уже в 1944 г. на освобожденной территории Келецкой земли (шесть гмин Сандомирского и три гмины Стопницкого уездов) в течение двух месяцев народная власть смогла организовать аппарат безопасности, милицию и администрацию, а также установить тесную связь с действующими там тремя бригадами АЛ. В момент освобождения Келецкой земли местный актив АЛ и ППР стал основой органов народной власти. Это в значительной мере облегчило ее борьбу с врагами.

Уже в январе 1945 г. аппарат безопасности провел первые аресты членов НСЗ. Тогда был арестован «Алек-

сандр» — руководитель отдела пропаганды Келецкого округа НСЗ. В марте был пойман «Рафал» — редактор прессы лагеря народовцев Келецкого округа. Для руководства деятельностью диверсионных групп в Келецкой земле командование бригады в начале 1945 г. вызвало «Сулимчика», который прибыл в страну 25 марта. Однако через несколько дней он был арестован в Кельце службой безопасности. Были также арестованы 18 членов диверсионных групп НСЗ, которыми должен был руководить «Сулимчик»⁷².

В ночь с 28 на 29 апреля последние две диверсионные группы из бригады «Святого креста» перешли польско-чехословацкую границу примерно в 60 км к западу от Закопане и направились в глубь страны. Одной из них командовал «Завиша», получивший задание связаться с главным командованием НСЗ для передачи по радио сведений о положении подполья, деятельности органов безопасности, отношения общества к эмигрантскому правительству и Временному правительству и т. д. Вместе с этой группой перешел границу и диверсионный отряд «Варецкого» в составе 50 человек. Группа «Завиши» должна была добраться до Келецкой земли, а отряд «Варецкого» — в окрестности Нового Тарга.

3 мая группа «Завиши» была разгромлена под Малой Сопотней оперативной группой воеводского управления общественной безопасности, присланной из Кракова, а 1 июня был арестован ее командир⁷³.

В конце марта 1945 г. в окрестностях Обленгорека возле Кельце 2-я рота 1-й бригады внутренних войск ликвидировала группу НСЗ под командованием «Яблека», арестовав 35 человек. Было захвачено 3 ручных пулемета и 28 винтовок⁷⁴.

Проведенное воеводским управлением общественной безопасности следствие по делу о комендатурах округа НСЗ позволило в июне приступить к аресту руководства отрядов. Тогда были арестованы: «Витольд» — начальник штаба округа; «Бутрым» — руководитель финансового отдела; «Сократ» — руководитель отдела пропаганды; «Гром» — начальник ПАС округа; «Эмес» — редактор и издатель газетки округа «Голос Польши»; «Роман» — связной между отрядами округа и главным командованием НСЗ⁷⁵.

Нелегальные организации и вооруженные отряды подполья действовали и в других районах страны. В Люблинском, Белостокском, Варшавском, Келецком и Жешувском воеводствах реакция была сравнительно лучше организо-

вана и вела ожесточенную борьбу против Временного правительства и демократического лагеря в Польше.

30 мая 1945 г. министр общественной безопасности Станислав Радкевич издал распоряжение, в котором приказывал развернуть пропаганду для того, чтобы «как можно больше людей вывести из леса»; освободить всех арестованных, которые не принимали непосредственного участия в борьбе против Временного правительства, хотя до освобождения всей Польши и роспуска АК могли быть косвенно связаны с организациями, продолжавшими эту борьбу. Распоряжение министра общественной безопасности исключало возможность освобождения руководящих кадров отдельных звеньев организации, а также всех тех, чья вооруженная деятельность была доказана⁷⁶.

Каждый освобожденный получил текст обращения органов безопасности, призывавшего членов подполья прекратить вооруженную деятельность: «Скажите всем,— говорилось в обращении,— кто до сих пор заблуждается и слушает нашептывания главарей из НСЗ и АК, пускай они,— пока есть время, сдадут оружие, полученное от врагов народа, выйдут из подполья, прекратят позорно шататься по лесам и заниматься бандитизмом против собственного народа и государства»⁷⁷.

25 мая 1945 г. Крайова Рада Народова приняла декрет о создании Корпуса внутренней безопасности (Корпус безопасности вевнентжного — КБВ), который должен был принять на себя всю тяжесть борьбы с вооруженным подпольем за обеспечение безопасности в стране.

В состав Корпуса внутренней безопасности вошли части внутренних войск, 4-я Поморская пехотная дивизия им. Я. Килиньского, отдельный штурмовой батальон и две (1 и 2-я) заградительные бригады 1-й армии Войска Польского. Кроме того, в Корпус внутренней безопасности было направлено много командиров ГЛ и АЛ, которые во время оккупации приобрели большой опыт партизанской борьбы. Таким образом, кадровый состав формировавшегося Корпуса внутренней безопасности имел значительный опыт ведения боев на фронте, диверсионной борьбы в тылу неприятеля и партизанской борьбы, а офицеры заградительных отрядов были подготовлены к борьбе с диверсантами.

До середины 1945 г. деятельность Корпуса внутренней безопасности в целом носила оборонительный характер, ибо это воинское формирование находилось еще в стадии организации.

В соответствии с отчетом командующего Корпусом внутренней безопасности на 3 июля 1945 г. в состав соединения входили:

- командование корпуса,
- 15 полков особого назначения,
- 10 отдельных батальонов защиты,
- 1 отдельный батальон связи,
- 1 центр подготовки,
- 1 моторизованный батальон ⁷⁸.

С осени 1945 г. войска Корпуса внутренней безопасности были размещены в стране в зависимости от напряженности обстановки в том или ином районе и с тех пор представляли собой вооруженную силу, непосредственно ведущую борьбу с подпольными организациями при тесном взаимодействии с восводскими управлениями общественной безопасности.

Состояние постоянной опасности в стране вынудило правительство Народной Польши весной 1945 г. для борьбы с вооруженным подпольем в переходной период дополнительно привлечь и части народного Войска Польского. В связи с этим 24 мая главнокомандующий Войска Польского маршал Михал Жимерский издал приказ № 00289/Ор о задачах 1, 3 и 9-й пехотных дивизий в ликвидации вооруженного подполья в восточных районах Польши. Согласно приказу перечисленные дивизии должны были «...в предельно сжатые сроки решительным и энергичным образом уничтожить диверсионные банды и обеспечить местным властям и населению нормальные условия труда» ⁷⁹. Эти дивизии были размещены на территории Варшавского, Люблинского, Белостокского и Жешувского воеводств (1-я пехотная дивизия — Седльце, 3-я пехотная дивизия — Люблин, 9-я пехотная дивизия — Жешув).

Данный приказ включал и директивы о проведении политико-пропагандистской деятельности. С помощью местных властей, партийных организаций и органов безопасности войска должны были вести разъяснительную работу среди гражданского населения, организовывая митинги и распространяя прессу и листовки. Эти формы общественного воздействия вели к изоляции вооруженных отрядов подполья. В соответствии с содержащимися в приказе указаниями следовало также непосредственно обращаться к членам нелегальных организаций для того, чтобы склонить их выйти из подполья и сдать оружие. Командиры Войска Польского получили еще одно задание — в тесном контакте с органами безопасности и милиции установить

районы действия, численность и персональный состав отдельных подпольных организаций⁸⁰.

12 июня 1945 г. министр общественной безопасности издал циркуляр № 9, в котором приказал начальникам управления общественной безопасности в воеводствах, находившихся под контролем 1, 3 и 9-й пехотных дивизий, подготовить подробную информацию о подпольных организациях и передать ее командованию воинских частей, действовавших в данной местности. Согласно циркуляру к каждому полку был прикреплен офицер из органов общественной безопасности, в обязанности которого входил дополнительный сбор информации о подпольных организациях, что имело важное значение для проведения эффективных военных операций⁸¹. Одновременно министр общественной безопасности приказал, чтобы аппарат безопасности вел широкую агитацию среди членов подполья за добровольную сдачу оружия и явку с повинной. Власти на основании распоряжения министра общественной безопасности от 20 мая 1945 г. гарантировали полную неприкосновенность лиц, вышедших из подполья.

Для координации совместных усилий воинских частей и органов безопасности в воеводствах, где проводили свою оперативную деятельность 1, 3 и 9-я пехотные дивизии, были созданы воеводские политические комиссии, председателями которых стали воеводы, а членами — начальники воеводских управлений общественной безопасности и представители политических партий.

За период с 19 июня по 30 июля 1945 г. части 3-й пехотной дивизии провели 73 операции, охватившие около 30 населенных пунктов Люблинского воеводства. Кроме военных действий, оперативные группы проводили и агитационно-пропагандистскую деятельность. В указанный период проведено 160 митингов, в которых участвовало более 40 тыс. человек гражданского населения. Агитационные группы распространили более 550 тыс. листовок и 300 тыс. газет, призывавших членов подполья легализоваться.

В ходе операций, проведенных частями 3-й пехотной дивизии, во время боев было убито 36 членов подполья, шесть — ранено, 371 — арестован и 170 человек, подозреваемых в сотрудничестве с подпольем, задержано⁸².

Во время военных операций в Яновских лесах 3-я пехотная дивизия разгромила банды «Тарзана», «Ежи» и «Орла». Было захвачено два станковых и шесть ручных пулеметов, одно противотанковое ружье, 12 пистолетов-пулеметов, 31 карабин, 35 гранат и другое оружие и снаряжение.

Важными результатами увенчалась политико-пропагандистская работа дивизии, что выразилось в добровольной сдаче оружия местным населением и легализации членов подполья. Всего с 13 июня по 30 июля 1945 г. добровольно явилось 117 человек, сдав при этом два станковых и 13 ручных пулеметов, 42 автомата, 97 винтовок, 36 пистолетов, 115 гранат, три радиостанции. Частично легализовались члены отрядов «Сенпа», «Роли» и «Вилка»⁸³.

Во второй половине 1945 г. в аппарат безопасности Люблинского воеводства явились с повинной 690 членов подполья, которые сдали 13 станковых и 60 ручных пулеметов, 57 автоматов, 388 винтовок, 25 пистолетов. Среди вышедших из подполья были члены отрядов «Запоры», «Заглобы» и «Остои»⁸⁴.

Большой заслугой органов безопасности и воинских частей, а также политических партий демократического блока был вывод из конспирации без братоубийственной борьбы большого числа членов подполья Луковского округа, комендантом которого был «Остоя».

Отряды 1-й пехотной дивизии были размещены в уездах Белостокского воеводства, где обстановка была наиболее угрожающей — Бельске-Подляском, Соколке и Белостоке. Вместе с оперативными группами службы безопасности они арестовали 43 члена ОАК из деревень Шлаки и Хрушневи⁸⁵.

8 июля разведгруппа 1-го пехотного полка захватила пять членов подполья. На тотчас же проведенном допросе удалось установить место пребывания группировки ОАК под командованием «Ежи». Туда была немедленно выслана оперативная группа из 1-го пехотного полка в составе 300 человек. Бой произошел в лесу около Черной Вси. После пятичасового боя отряд «Ежи» потерял 83 человека — 43 убитых, 15 раненых и 25 взято в плен. При этом захвачено: один станковый и пять ручных пулеметов, шесть винтовок и два автомата. Потери оперативной группы — трое убитых, шесть раненых, девять пропавших без вести⁸⁶.

13 июля были частично ликвидированы отряды «Брозы» и «Грома», влияние которых распространялось на Августовский и Сувалкский уезды. Во время операции семь членов вооруженного подполья были убиты и 40 — взято в плен. Было захвачено четыре миномета, 26 автоматов, 82 винтовки и четыре радиостанции⁸⁷.

28 июня в окрестностях села Крашники (уезд Сокулка) оперативная группа 1-й пехотной дивизии вступила в бой с хорошо вооруженным отрядом «Валюся». В ходе

боя было убито 12 членов подполья и четверо — взято в плен. Потери оперативной группы — двое убитых и двое раненых⁸⁸.

23—27 июля силами всей 1-й пехотной дивизии вместе с батальоном моторизованной пехоты 1-й танковой бригады проводилась операция по ликвидации нелегальных вооруженных групп в районе Седльце, Соколув-Подляский, Бочки, Янув-Подляский, Бяла Подляска, Лосице, Морды. В окрестностях Островка был разгромлен штаб «Тура» и часть отряда «Маринажа». Семь человек было убито, 23 — взято в плен и 50 — арестовано по подозрению в сотрудничестве с подпольем. Было захвачено три ручных пулемета, 20 автоматов и 15 винтовок. 25 июля в районе населенного пункта Дрожнев был разбит отряд «Шумного», его начальник штаба «Зджиг» и 32 члена группы попали в плен. Захвачено: один станковый пулемет, три автомата, 14 винтовок, четыре пистолета⁸⁹.

Всего за период с 1 июня по 31 июля 1945 г. отряды 1-й пехотной дивизии во время операций против вооруженного подполья убили 155 и взяли в плен 362 члена подпольных вооруженных организаций. При этом было захвачено четыре станковых и 21 ручной пулемет, 48 автоматов и 305 винтовок⁹⁰.

Против Украинской повстанческой армии (УПА) были направлены части 9-й пехотной дивизии. Весной и летом 1945 г. террор украинских националистов особенно обострил обстановку в восточных и юго-восточных уездах Жешувского воеводства, где разбойничали сотни банд УПА, насчитывающие около 2 тыс. человек. В этот период они усилили диверсионно-террористическую деятельность. Последняя была направлена против переселения украинского населения в СССР, так как польские власти обеспечивали выполнение соглашения о двусторонней репатриации, заключенного между Польшей и правительством УССР. Банды УПА применяли кровавый террор в отношении гражданского населения, разрушали мосты и железнодорожные пути, жгли покинутые села и рассеивали эшелоны репатриантов, избегая, однако, столкновений с воинскими частями. В январе — мае 1945 г. их жертвами стало 458 жителей деревень Жешувской земли⁹¹.

В июле 1945 г. в ходе боевых действий было убито 93 члена банд УПА и 169 — захвачено. В частности, части Войска Польского и Корпуса внутренней безопасности захватили четыре ручных пулемета, шесть автоматов, 14 пистолетов и 236 винтовок. Одновременно в аппарат безопас-

ности явились с повинной 150 членов украинского националистического подполья, которые сдали 14 минометов, 13 ручных пулеметов, 135 винтовок⁹².

Несмотря на политические интриги лондонского правительства и террористическую деятельность вооруженного подполья, в первой половине 1945 г. почти во всей Польше произошло значительное упрочение народной власти. Решающее значение для этого процесса имели такие факторы, как освобождение всех польских земель и победоносное завершение войны, осуществление аграрной реформы и фактическая национализация промышленности, а в связи с этим — расширение социальной базы Временного правительства. Кроме того, на обстановку в стране существенно повлияло организационное укрепление Польской рабочей партии и других партий демократических сил, а также укрепление их связей с массами. Временное правительство доказало, что оно действительно является хозяином страны и пользуется поддержкой большинства общества. Противники строя Народной Польши не смогли противопоставить этим достижениям позитивную программу развития страны, утрачивали влияние на польский народ.

Цели, поставленные перед подпольными организациями в период существования Польского комитета национального освобождения и Временного правительства руководящими центрами в Лондоне и в стране, достигнуты не были. Несмотря на террор подполья, польское общество сплотилось вокруг программы ППР и народно-демократических группировок, видя в ней перспективы развития Польши и обеспечение мирной жизни. Пропаганда лондонского лагеря терпела поражение за поражением ввиду последовательного проведения властями Народной Польши в жизнь прогрессивных социальных реформ, наметивших образ сильной и независимой Польши между Бугом и Одрой, Нысой Лужицкой и Балтийским морем, возглавляемой рабоче-крестьянским правительством.

Несмотря на эти несомненные успехи народной власти, страна терпела значительный урон от деятельности вооруженного подполья, которое тормозило процесс восстановления Польши после военных разрушений и формирование национального сознания в духе прогресса и демократии.

В 1944—1945 гг. около 1200 нелегальных вооруженных отрядов совершили свыше 55 тыс. террористических нападений с целью грабежа и саботажа. Они сожгли десятки деревень, хозяйственных объектов, мельниц, винокуренных и сахарных заводов, гминных и уездных учреждений, взо-

рвали сотни шоссе́йных и железнодорожных мостов, совершили бесчисленное количество нападений на поезда. Только за период с 1 сентября 1944 г. по 1 сентября 1945 г. подполье в стране совершило 12 764 налета, в том числе 4885 террористических акций на политической основе и 7889 грабежей. Всего с 22 июля 1944 г. по 1 января 1946 г. от рук подполья погибло 7372 человека, а с января по октябрь 1946 г. — 2433 человека⁹³.

Действия как руководителей, так и рядовых членов подполья все больше входили в противоречие с законом. Росло число политических преступлений. Поэтому многие из тех, кто сбился с пути, не находили выхода из ситуации. Таким образом, ряды вооруженного подполья редели не быстро, и хотя не все организации и отряды действовали как политические единицы, подчиненные центральному руководящему центру⁹⁴, всех их объединяла борьба против законных польских властей — ПКНО, а впоследствии Временного правительства, надежды на скорое возвращение из Лондона в страну эмигрантского правительства и восстановление капиталистических общественных отношений.

Непризнание ПКНО и Временного правительства западными державами создавало в глазах многих дезориентированных людей видимость временного характера народной власти. На это главным образом и делали ставку политические центры в Лондоне, призывая к братоубийственной борьбе в стране. Это ободряло верхушку подполья, хотя как эмигрантское правительство, так и руководители нелегальных организаций в Польше прекрасно отдавали себе отчет в том, что в ближайшем будущем существование двух польских правительств станет невозможным; причем лучшая исходная позиция для укрепления авторитета у польского народа и на международной арене была у того центра власти, под руководством которого поляки начали восстановление и расширение своей Отчизны, а не у того, который из далекого Лондона руководил братоубийственной борьбой в стране. Это вынудило лондонский лагерь лихорадочно искать новые решения, рассчитывая одновременно на поддержку западных держав и на успехи вооруженного подполья в борьбе с народной властью в Польше.

**СОЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА
НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА
И ТАКТИКА ПОДПОЛЬЯ**

Не согласованная окончательно позиция держав-победительниц по вопросу о правительстве в Польше привела к обострению межсоюзнических отношений сразу же после завершения военных действий в Европе. Существование двух польских правительств не только осложнило положение внутри страны, но и значительно затрудняло решение многих проблем на международной арене. В этой обстановке была предпринята так называемая миссия Гарри Гопкинса, посланного президентом США Г. Трумэнem в Москву. Поручая Гопкинсу вести переговоры в Москве, Трумэн писал И. В. Сталину 20 мая 1945 г.: «Я уверен, что Вы, так же как и я, понимаете, насколько трудно решать сложные и важные вопросы, которые встают перед нами в результате обмена посланиями. Поэтому, пока не представится возможность для нашей встречи, я посылаю в Москву г-на Гарри Гопкинса с послom Гарриманом, с тем, чтобы они могли обсудить эти вопросы лично с Вами»¹.

В ходе миссии Гопкинса вопрос о польском правительстве был решен в духе ялтинских решений. «Я согласен с Вами,— писал У. Черчилль Г. Трумэну 4 июня 1945 г.²,— что самоотверженные усилия Гопкинса сдвинули дело с мертвой точки». В советском коммюнике от 13 июня 1945 г. подчеркивалось, что В. М. Молотов (СССР), Арчибальд Кларк-Керр (Великобритания) и В. А. Гарриман (США), «уполномоченные Крымской конференцией трех союзных держав проконсультироваться... о реорганизации Временного Польского правительства... и об образовании Польского Временного правительства национального единства договорились о том, что для вышеупомянутых консультаций, предусмотренных в Крымском соглашении по Польше, должны быть приглашены... 1. Представители Временного Польского правительства... 2. Демократические

деятели из Польши... 3. Демократические деятели из-за границы...»³.

Результаты консультаций подытоживались в московском коммюнике от 21 июня 1945 г. В нем говорилось: «В течение 17—21 июня между прибывшими в Москву членами Временного Польского правительства и другими демократическими деятелями в Польше и за границей состоялся ряд совещаний по поводу реорганизации Временного Польского правительства и образования Временного Польского правительства национального единства. В результате этих совещаний между членами Временного Польского правительства и упомянутыми демократическими деятелями было полностью достигнуто соглашение об образовании на указанной выше основе Временного Польского правительства национального единства»⁴. Составленный в результате московских консультаций текст соглашения без оговорок был принят комиссией в составе В. М. Молотова, А. Кларк-Керра и В. А. Гарримана⁵.

28 июня 1945 г. в Варшаве было опубликовано следующее коммюнике «Польпресс»: «Утром 28 июня сего года состоялось заседание Совета Министров Временного правительства Польской Республики, на котором председатель Совета Министров гражданин Эдвард Осубка-Моравский ознакомил членов правительства с ходом московских переговоров и соглашением по вопросу о создании Правительства национального единства. В соответствии с соглашением, заключенным в Москве, Временное правительство Польской Республики единогласно решило заявить о своей отставке с целью создания нового кабинета. В полдень президент Крайовой Рады Народовой гражданин Болеслав Берут принял главу правительства Осубку-Моравского, который объявил ему об отставке кабинета. Президент Крайовой Рады Народовой принял отставку и поручил образование нового кабинета гражданину Эдварду Осубке-Моравскому. В 16 час. гражданин Осубка-Моравский представил президенту Крайовой Рады Народовой состав Правительства национального единства. На основании статьи 45-й Конституции президент Крайовой Рады Народовой утвердил следующий состав Правительства национального единства: премьер-министр — Эдвард Осубка-Моравский, заместитель премьер-министра — Владислав Гомулка, заместитель премьер-министра и министр сельского хозяйства — Станислав Миколайчик, министр национальной обороны — Михал Роля-Жимерский, министр иностранных дел — Винценты Жимовский, министр гражданской адми-

нистрации — Владислав Керник, министр общественной безопасности — Станислав Радкевич, министр финансов — Константы Домбровский, министр промышленности — Хилари Минц, министр путей сообщения — Ян Рабановский, министр связи — Тадеуш Капелинский, министр судоходства и внешней торговли — Стефан Ендриховский, министр здравоохранения — Францишек Литвин, министр лесоводства — Станислав Ткачов, министр охраны труда и соцобеспечения — Ян Станьчик, министр просвещения — Чеслав Выцех, министр культуры и искусства — Владислав Ковальский, министр юстиции — Хенрик Швятковский, министр восстановления страны — Михал Качоровский, министр информации и пропаганды — Стефан Матушевский, министр снабжения и торговли — Ежи Стахельский»⁶.

Введение Миколайчика в состав Правительства национального единства было определенной уступкой противникам народной власти, но вместе с тем свидетельствовало об упрочении позиций народной Польши на международной арене и частичной стабилизации политического положения в стране⁷. Ввиду создания Временного правительства национального единства западные державы отказались от признания эмигрантского правительства и установили дипломатические отношения с Временным правительством национального единства. На Потсдамской конференции была окончательно установлена западная граница Польши по Одре и Нысе Лужицкой. В стране были распущены Совет единства нации и делегатура правительства (эмигрантского) в Польше. Тем самым лондонское подполье лишилось своей псевдозаконной основы, на которую могло ссылаться до тех пор, пока существовало польское правительство в эмиграции.

На основании решения Крайовой Рады Народовой от 22 июля 1945 г. Правительство национального единства приняло декрет об амнистии⁸, благодаря которому 42 тыс. «людей из лесов и тюрем» могли вернуться к нормальной жизни. Вышли из подполья политические группировки, связанные с лондонским лагерем, как, например, Стронництво праи, ряд локальных ячеек ППС-ВРН, миколайчиковская фракция Стронництва людowego, Батальоны хлопские, а также часть послеаковского подполья. Важную роль в обеспечении успеха проведения амнистии сыграли ликвидационные комиссии. Например, под руководством полковника «Радослава» в Варшаве была создана ликвидационная комиссия бывшей АК⁹, которая привела к ликвидации ряда вооруженных групп и организационных звеньев, под-

чиненных ДСЗ. Подобная комиссия была образована в Кракове под руководством полковника «Турни»¹⁰. Кроме того, работали комиссии на местах — в Кельцах, Люблине, Лодзи и Жешуве, а также много уездных комиссий. Вначале предполагалось, что проведение амнистии окончится 15 сентября, но в результате настоятельных предложений ликвидационных комиссий этот срок многократно продлевался. Дольше всего амнистия проводилась в Келецком воеводстве, где первые переговоры с командирами вооруженных групп о выходе из подполья начались в июле, еще до официального оглашения декрета об амнистии. В этом воеводстве проведение амнистии завершилось только в декабре¹¹.

В Краковском и Жешувском воеводствах при посредничестве ликвидационных комиссий легализовалось 7455 человек¹². В Жешувском воеводстве раньше других вышли из подполья солдаты Батальонов хлопских¹³. В Келецком воеводстве, кроме членов организаций, возникших из бывшей АК, в ликвидационные комиссии являлись также участники НСЗ. Руководители местных звеньев АК легализовали самые большие группы послеаковского подполья (например, «Барабаш» в Кельцах — 418 человек, «Понурий» в Ченстохове — 1015 человек¹⁴). В большинстве случаев при выходе из подполья сдавалось только небольшое количество оружия. Часто из участников отдельных организационных звеньев подполья являлись лишь те, кто уже был разоблачен органами безопасности, а оставшиеся продолжали свою деятельность. В Люблинском воеводстве многие легализовавшиеся группы сдавали только негодное оружие, а оружие, находившееся в хорошем состоянии, тщательно прятывалось. В таких случаях «легализовавшиеся» не порывали связей с подпольем.

Силы реакционного лагеря не отказались от борьбы против народной власти, а только изменили ее формы. Все свидетельствовало о том, что несмотря на некоторые оговорки относительно Миколайчика, лагерь реакции захочет развернуть легальную деятельность, поддерживая его политическую линию¹⁵. В связи с этим руководство Польской рабочей партии рекомендовало организациям на местах решительно противодействовать таким попыткам, одновременно помогая включению вышедших из подполья в нормальную общественную жизнь и профессиональную деятельность. Руководство ППР считало, что реализация этих принципов возможна лишь при условии развертывания напряженной политической деятельности и репрессивных

акций против нелегальных организаций, все еще действующих в подполье.

После приезда в страну Миколайчика в интеллигентских и управленческих кругах оживились реакционные элементы, а экспроприированные фабриканты и помещики начали обращаться в суд с требованиями вернуть утраченное имущество. Против этих действий решительно выступила Польская рабочая партия, Миколайчик же отнесся к ним благосклонно, стремясь приобрести как можно больше сторонников своих политических планов. Когда Миколайчик в августе 1945 г. решился создать отдельную партию под названием Польское стронництво людове, он мог рассчитывать главным образом на правую фракцию Стронництва людowego и на те социальные прослойки, которые по классовым соображениям недоброжелательно относились к народной власти. Ядро ПСЛ составили богатое крестьянство, мелкая буржуазия, а также бывшие помещики и фабриканты.

Основной целью, которую ставило перед собой ПСЛ, была изоляция ППР в обществе, постепенное овладение государственным аппаратом, а впоследствии — восстановление буржуазно-парламентарного строя и частичная отмена социальных реформ, осуществленных народной властью. ПСЛ выступала за то, чтобы возратить фабрикантам средние промышленные предприятия, открыть доступ в страну иностранному капиталу и ограничить вмешательство государства в вопросы экономики. В области аграрных отношений ПСЛ требовала «улучшения» аграрной реформы путем возвращения части земли помещикам и образования «здоровых», т. е. крупных крестьянских хозяйств площадью не менее 15—20 га. Что касается внешней политики, то ПСЛ высказывалось за укрепление связей Польши с англосаксонскими державами при одновременном охлаждении отношений с Советским Союзом ¹⁶.

Руководители ПСЛ надеялись на то, что благодаря вмешательству западных держав во внутренние дела Польши, а также при поддержке той части подполья, которая не сложила оружия и продолжала братоубийственную борьбу, им удастся захватить власть в стране. Уже в ноябре 1945 г. на воеводском съезде ПСЛ в Варшаве выдвигалось требование расширения участия ПСЛ в правительстве, а деятельность аппарата безопасности и милиции подвергалась резким нападкам ¹⁷. В конце октября 1945 г. в Познани ПСЛ не только выступило против аппарата безопасности, но и явно защищало военные террористические организа-

ции подполья¹⁸. На это были свои причины, так как ПСЛ, поддерживая контакты с подобными организациями, пыталось утаить такого рода факты от общественности. Например, во Влощовском уезде, кроме легального ПСЛ, существовали и тайные отряды, с которыми сотрудничал член уездного правления ПСЛ, бывший делегат лондонского правительства в этом районе¹⁹. То же самое происходило и в Тарнобжегском уезде, где члены ПСЛ тесно сотрудничали с местными нелегальными организациями.

Подполье оказывало поддержку ПСЛ, так как связывало с ним надежды на восстановление прежних общественных отношений. Подпольные организации поддерживали Миколайчика еще и потому, что к его политике с явной благосклонностью относились правительства западных держав. За Миколайчика однозначно высказывалось послесаковское подполье. Эндекское подполье принимало сторону Миколайчика с некоторыми оговорками из-за набора псевдодемократических фраз, время от времени мелькавших в его публичных выступлениях.

Осенью 1945 г. послесаковское подполье было реорганизовано. В приказе от 6 августа 1945 г. делегатура вооруженных сил в стране приняла решение о самороспуске и создании на ее месте новой организации под названием «Свобода и независимость» (Вольность и независимость — ВиН). Однако это не предполагало каких-либо принципиальных изменений в программе деятельности и структуре организации. От своей предшественницы она отличалась лишь тем, что должна была стать политической, а не военной организацией. В связи с этим руководители отдельных организационных звеньев назывались теперь председателями. Главным председателем ВиН стал «Ожуг». Прежние коменданты округов были также переименованы в председателей²⁰. В сентябре—октябре были реорганизованы и местные звенья вплоть до уездов²¹. В ходе реорганизации ВиН приняла в свой состав ряд групп НСЗ, которые потеряли связь со своим командованием, однако в некоторых районах страны (например, в Белостокском воеводстве) многие ячейки ДСЗ перешли в подполье Народовых сил збройных²².

ВиН была контрреволюционной организацией, которая стремилась к восстановлению господства отстраненных от власти господствующих классов. В уставе ВиН говорилось: «Целью объединения является завоевание и воплощение в жизнь в Польше принципов демократии в западноевропейском понимании этого слова»²³. В соответствии с этими

программными положениями ВиН искала опору в покровительстве правительств западных держав и занимала враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу, поднимая среди других и вопрос о восточных границах. ВиН требовала свободы действий для антинародных и антикоммунистических группировок и выступала против народной власти, которая якобы противоречила «христианским идеалам поляков». Революционным социально-экономическим реформам Народной Польши она противопоставляла половинчатую реформу подпольного Совета единства нации от 15 марта 1944 г. Необходимо добавить, что эта реформа не затрагивала основ господства класса капиталистов и помещиков. Кроме того, ВиН требовала ликвидации оргачов безопасности и милиции²⁴. Стремясь облегчить Миколайчику его двойную игру, ВиН добивалась, чтобы выборы в Польше проходили под контролем представителей правительств западных держав²⁵. С помощью террора вооруженных банд и клеветнической пропагандистской деятельности, направленной против ППР и других партий демократического блока, руководители ВиН пытались проложить Миколайчику и ПСЛ дорогу к победе на выборах²⁶.

В области антикоммунистической пропаганды директивы руководства ВиН²⁷ рекомендовали выпускать нелегальную прессу и листовки, а также распространять слухи, которые подрывали бы доверие общества к народной власти и Польской рабочей партии. С этой целью фабриковались поклепы на правительство и деятелей центральных и местных партийных инстанций. Пропаганда ВиН целила в польско-советский союз, что должно было привести к вовлечению Польши в русло антисоветской политики Великобритании и Соединенных Штатов. Наконец, звеньям ВиН было поручено рассылать анонимки с угрозами деятелям демократических партий и активистам общественных организаций для того, чтобы запугать их и вынудить прекратить политическую деятельность.

В организационном плане ВиН полностью взяла за основу кадры и структуру бывших организаций АК, «Не» и ДСЗ. Поэтому сферы влияния ВиН определяли действовавшие на местах организационные звенья ДСЗ. В ВиН были включены бывшие округа и подчиненные им вооруженные отряды ДСЗ. Наиболее сильные низовые организации ВиН приняла в Люблинском и Белостокском воеводствах (центральный округ), а также в Краковском и Жешувском (южный округ). В ряде случаев вооруженные группы подполья не хотели или не могли установить связь с ВиН и действо-

вали на свой страх и риск (прежде всего в Краковском и Келецком воеводствах). В Лодзинском воеводстве действовала организация под названием Подпольное войско польское во главе с «Варшицом», а в Познаньском воеводстве — Великопольская независимая добровольческая группа «Варта» во главе с «Ганкой». Обе эти организации отказались подчиниться ВиН. Впрочем, это не имело большого значения, так как их террористическая и пропагандистская деятельность по сути не отличалась от направления деятельности ВиН.

Несмотря на то что ВиН по замыслу руководства должна была стать политическим объединением, в действительности при создании за ее основу целиком были взяты военные образцы. Это было предопределено тем, что создали организацию и руководили ею кадровые офицеры. В деятельности ВиН стойко преобладали разведывательные и диверсионно-террористические задачи²⁸. В главном командовании ВиН и на всех организационных уровнях существовали специальные группы, которые занимались разведкой и организацией диверсий в рядах народного Войска Польского²⁹. Кроме того, весь организационный аппарат ВиН был нацелен на сбор шпионских сведений политического и экономического характера, а также на внедрение «своих людей» в состав политических партий и организаций, связанных с народной властью. Работая в государственных учреждениях по поручению своей организации, члены ВиН саботировали распоряжения властей для распространения хаоса и компрометации политики правительства. На основании полученной от разведки информации специальные диверсионные группы ВиН убивали деятелей ППР, работников службы безопасности и гражданской милиции, а также всех тех, кто был в каком-то отношении «нежелателен». Вооруженные банды ВиН воровали деньги, грабили общественное и личное имущество, обеспечивая таким образом организацию материальными средствами.

Низовые организации ВиН сотрудничали с властями ПСЛ, а в некоторых воеводствах, например в Белостокском, даже агитировали за создание новых групп ПСЛ. Председатели воеводских комитетов ПСЛ в Люблине и Белостоке тесно контактировали с окружными комендантами ВиН для взаимного обмена информацией и согласования позиций по многим важным вопросам. Таким путем ВиН передавала руководящим кругам ПСЛ рапорты с разведанными, а также государственные и партийные документы, похищенные ее бандами или украденные «своими людьми».

ми» — служащими различных учреждений. Еще более тесными эти контакты были в низовых звеньях организации. Часто наиболее активные члены ВиН удостоверяли свою личность принадлежностью к ПСЛ, а во многих уездах даже входили в состав органов этой партии³⁰. Собранные ВиН шпионские материалы передавались военным разведкам западных держав при посредничестве посольств или по другим каналам через границу³¹. Это делалось с двойной целью. С одной стороны, речь шла о получении материальной помощи в обмен на переданную информацию, а с другой — о предоставлении материалов разведцентрам западных государств, которые использовали их для клеветнических выступлений против Польши и Советского Союза на международной арене.

Сознание идейно-политической общности и единства целей требовали от ВиН сотрудничества не только с ПСЛ, но и с НСЗ и националистически-фашистским украинским подпольем. Конкуренция и локальные недоразумения приводили к спорам между отдельными территориальными звеньями ВиН и НСЗ, однако основное направление сотрудничества различных течений реакционного подполья оставалось неизменным. В центральном округе вопросы взаимодействия постоянно согласовывались комендантом округа и представителем Стронництва народного, который контактировал с другими организациями, связанными с СН. В южном округе члены СН и НСЗ также входили в состав ВиН, благодаря чему названные организации были застрахованы от возникновения каких-либо разногласий. Взаимодействие ВиН и УПА началось со встречи представителей ЗамоЙского инспектората ВиН с представителями 2-го округа ОУН, состоявшейся 2 мая 1945 г. в Томашовском уезде. Затем последовали еще встречи и подписание соглашений об условиях взаимного обмена разведданными и взаимодействии вооруженных отрядов. Характерным примером такого сотрудничества явилось совместное нападение вооруженных групп УПА и ВиН на Хрубешов, во время которого погибло несколько человек, преимущественно сотрудники службы безопасности. В Жешувском воеводстве связь ВиН с УПА заключалась в обмене разведданными.

Во второй половине 1945 г., стремясь приспособиться к существующей в Польше обстановке, подполье Стронництва народного предприняло реорганизацию, которая заключалась в объединении различных вооруженных групп в единую организацию под названием Национальный военный союз (Народовы звѣнзек войсковы — НЗВ), а также

в изменениях в идейно-политическом руководстве СН и его исполнительных органах.

Весной 1944 г. главное правление СН было распущено. С тех пор полномочия исполнительного органа взял на себя президиум, состоявший из нескольких человек. Состав президиума неоднократно менялся. В декабре 1945 г. был образован новый президиум, а летом 1946 г. возобновило деятельность главное правление СН. Через отделения и организационные отделы главное правление руководило деятельностью Стронництва народового в странс. В состав вновь созданного президиума вошли: «Север», «Прус», «Горчица», «Броницкий» и некоторые другие.

В 1945 г. в Кракове, Катовицах и Лодзи под опекой СН возникли так называемые делегатуры или разведывательные посты, действовавшие от имени лондонского правительства. Они занимались сбором и пересылкой за границу разведанных, в то время как осуществление политического курса Стронництва народового паходилось в компетенции президиума СН. В обязанности последнего входили организация политико-пропагандистской деятельности и расширение влияния партии в обществе. Президиум также придавал большое значение внедрению «своих людей» в государственные учреждения и партии демократического блока для проведения в них политических диверсий. Как и ВиН СН поддерживало Миколайчика, исходя из того, что политика раскола крестьянского движения и создание легальной платформы для оппозиционной деятельности могут способствовать смене правительства в Польше.

За реализацию программы СН в военной области нес ответственность главный комендант НЗВ, выступавший под псевдонимом «Куба». Однако фактическое руководство вооруженным подпольем эндеков осуществляло Главное командование НСЗ во главе с «Богущим». Действовавшие в стране отряды СН назывались по-разному — в Жешувском воеводстве — НОВ, в Варшавском и Белостокском — НЗВ, в остальных — НСЗ, за исключением Познаньского воеводства, где временно употреблялось название Подпольная армия.

Наиболее сильные вооруженные отряды подполья СН существовали в Белостокском и юго-восточной части Варшавского воеводства. Эти отряды проводили жестокий террор, направленный против демократических деятелей, главным образом против членов ППР, а также против сотрудников службы безопасности и гражданской милиции.

Ситуация, возникшая в стране в конце 1945 г., требовала противопоставить блоку Миколайчика объединенные народные силы, которые не допустили бы захвата им власти в Польше. Программу такого объединения прогрессивных сил под руководством рабочего класса разработала Польская рабочая партия на своем первом съезде в декабре 1945 г.

Изменения в соотношении классовых и политических сил, происшедшие во второй половине 1945 г., сильно повлияли на организационное положение и тактику подполья, а также на общее состояние безопасности в стране. Прежде всего сократилась социальная база правых группировок — как из-за политического наступления демократического лагеря, так и вследствие ликвидации послевоенного хаоса и достигнутого прогресса в нормализации общественных и экономических отношений. Кроме того, подполье понесло значительные потери в результате операций, проведенных службой безопасности и частями Войска Польского на территории страны. В этой ситуации подполье было вынуждено отказаться от попыток прочно закрепиться даже в тех районах Польши, где оно было наиболее многочисленным. В воеводствах, где сложилась наиболее угрожающая обстановка, были введены военные части и специальные оперативные группы, восстанавливались разгромленные отделения МО. Это вынудило подпольные организации действовать более мелкими группами и чаще менять их местонахождение.

Главную роль в террористической деятельности подполья играли отряды Помощи особой деятельности, образовавшие в организационной структуре НСЗ и НЗВ специальный сектор. Его задача состояла в руководстве террористическими акциями в отношении деятелей ППР, сотрудников аппарата безопасности и гражданской милиции, а также в организации нападений на банки, железнодорожные кассы и почтовые вагоны. Оставшиеся банды НСЗ и НЗВ развили интенсивную террористическую деятельность, увеличили число грабежей. Вооруженные отряды ВиН выступали, как правило, меньшими группами, стремясь при этом сохранить все лучшее — связь, разведку, тайники, склады оружия. Значительная часть членов ВиН, особенно в селах, была организована в группы, члены которых лишь по специальному приказу своих командиров доставали спрятанное оружие и участвовали в отдельных нападениях для поддержки отрядов, постоянно занимавшихся бандитизмом. Эти группы выполняли также и самостоятельные

задания, такие, как террористические нападения и грабежи в ближайших окрестностях, вымогательство у населения так называемой контрибуции в пользу ВиН, а также распространение листовок и развертывание «пропаганды слухов»³².

Украинское националистическое подполье³³ стремилось к созданию своего прочного тыла на территории охваченной деятельностью УПА, а также к увеличению численности уже существовавших банд. Для этого в тех уездах, где УПА пыталась найти опору среди украинского населения, предпринимались попытки принудительной всеобщей мобилизации в банды. Осенью 1945 г. эта деятельность приняла наибольший размах на территории Хрубешовского уезда. Банды УПА усилили кровавый террор как против поляков, так и против украинцев, лояльно относившихся к распоряжениям государственной власти. Они нападали на польские и украинские села, население которых выступало против подполья, чтобы с помощью убийств и грабежей принудить жителей к покорности и даже сотрудничеству. Противодействуя репатриации, банды уничтожали мосты, совершали нападения на железнодорожный транспорт, жгли целые деревни, а также систематически громили отделения милиции, заставы войск пограничной охраны и учреждения общественной безопасности.

Наиболее слабым послегитлеровское подполье* было прежде всего на западных и северных землях. Небольшие группы и банды террористов и грабителей создавались большей частью из укрывавшихся бывших гестаповцев и полицейских, эсесовцев и остатков разгромленных частей вермахта. Независимо от них существовали также хорошо законспирированные послегитлеровские организации под общим названием «Вервольф», которые ориентировались прежде всего на продолжительную диверсионную и разведывательную деятельность. Члены этих организаций проходили систематическую подготовку, накапливали оружие, совершали нападения на польских поселенцев, вели антипольскую пропаганду и совершали различные акты саботажа, такие, как поджоги и уничтожение государственных объектов³⁴.

В тесной связи с послегитлеровским подпольем свирепствовали банды из разгромленных частей Власова.

* Речь идет о действовавших на территории Польши неразоружившихся бандах офицеров и солдат германского вермахта и СС, функционеров фашистской партии и фольксдойче.

Деятельность «власовцев» была наиболее опасной, так как в большинстве случаев они появлялись в мундирах, снятых с убитых советских солдат, и поэтому своим разбоем разжигали неприязнь и недоверие к Красной Армии³⁵.

Усиление деятельности подполья произошло во второй половине 1945 г. в Белостокском, Люблинском, Жешувском и восточной части Варшавского воеводства. Здесь находились многочисленные вооруженные группировки НСЗ, НЗВ, ВиН, а в Люблинском и Жешувском воеводствах — еще и УПА.

По данным командования Корпуса внутренней безопасности в этот период число постоянных вооруженных отрядов подполья равнялось: в Белостокском воеводстве — 41, Люблинском — 26, Варшавском — 18, Жешувском — 18. Несомненно, эти цифры занижены и характеризуют лишь наиболее крупные и активные вооруженные группировки. По данным командования Корпуса внутренней безопасности общее количество членов подполья в Белостокском и Люблинском воеводствах приблизительно составляло по 6 тыс., а в Жешувском — около 13 тыс. человек. В центре страны наиболее угрожающая обстановка сложилась в Келецком и Краковском воеводствах, где большую активность проявляло подполье ВиН и НСЗ. В Лодзинском воеводстве действовало семь групп «Варшица», в Познанском — десять отрядов ВиН и НСЗ, в Быдгощском кроме польского подполья давало о себе знать и послегитлеровское подполье³⁶.

Однако перед референдумом контрреволюционная деятельность в северных и западных воеводствах не получила большого размаха. Положение стало меняться уже в конце 1945 г., когда тут стали появляться остатки разгромленных отрядов НСЗ и ВиН из восточных и центральных воеводств. Они тотчас же предприняли попытку воссоздать свои банды³⁷. Типичным примером является группировка «Лупашко», которая, покинув Белостокское воеводство, переехала в Олштынское и Гданьское, где на рубеже 1945—1946 гг. возобновила свою деятельность. Командование Корпуса внутренней безопасности считало, что в то время на территории страны действовало 158 вооруженных отрядов, в которых насчитывалось около 25 тыс. человек. Эти отряды представляли серьезную угрозу для безопасности граждан и в значительной степени затрудняли нормализацию жизни и восстановление экономики страны. Данная проблема имела большое политическое значение, так как существование вооруженного подполья подрывало у многих

людей веру в прочность народной власти. Вооруженные группы подполья стали подлинным бедствием для мирного населения. Посредством убийств, угроз и грабежей бандиты силились не допустить расширения политического влияния партий демократического блока. Во многих уездах восточных воеводств сельские организации ППР были вынуждены законспирироваться. Подполье препятствовало нормальной работе административных органов и тормозило выполнение делом государственных поставок.

Террор подполья резко усилился в конце 1945 г. Если в октябре на территории всей страны зарегистрировали 62 террористических нападения, то в ноябре их стало 188, а в декабре — 225. К этому надо прибавить не меньшее количество случаев грабежа. В октябре члены подполья убили и похитили 83, в ноябре — 206 и в декабре — 112 человек³⁸. Несомненно, что это не полные данные.

Аппарат безопасности решительно боролся с вооруженным подпольем, однако он не располагал силами, которые позволили бы ему быстро одолеть врагов народной власти. Эффективные действия против подполья требовали расширения карательного аппарата и разработки методов борьбы. В летние месяцы 1945 г. в борьбу с подпольем включились возвращавшиеся с фронта части Войска Польского. Начиная со второй половины июня и до конца сентября 1, 3, 8 и 9-я пехотные дивизии Войска Польского провели ряд операций против подполья, большей частью в восточных воеводствах. В результате этих акций было ликвидировано 23 вооруженных отряда подполья, арестовано около 2500 членов нелегальных организаций и отрядов, а также много лиц, подозреваемых в оказании им помощи. В боях было убито 694 члена подполья, захвачено более тысячи единиц оружия. Наибольшего размаха эти действия достигли в июле 1945 г.³⁹ В октябре 1945 г. для борьбы с подпольем вместо регулярных частей Войска Польского были введены большие, чем прежде, контингенты войск КБВ. С 1 октября по 15 ноября они провели 128 операций, в ходе которых было арестовано 2602 члена подполья и подозреваемых в принадлежности к нелегальным организациям, а также захвачена 251 единица оружия⁴⁰.

Тормозом для мобилизации всех сил на борьбу с нелегальными вооруженными организациями был недостаток материальных средств. Армейские части и корпус внутренней безопасности испытывали трудности с обмундированием и питанием. Слишком мало было транспортных средств и горючего⁴¹. В некоторых учреждениях службы безопас-

ности было очень мало сотрудников, поэтому они, помогая друг другу, постоянно вынуждены были перебрасывать часть своих работников из одного конца страны в другой ⁴².

Процесс разработки аппаратом безопасности на рубеже 1945—1946 гг. методов борьбы с подпольем был значительно ускорен, но не завершен. Действуя в исключительно трудной политической обстановке первых лет существования народного государства, сотрудники аппарата безопасности больше других подвергались непосредственным ударам врагов. Поэтому они чаще всего становились жертвами братоубийственной борьбы.

До референдума бои с противниками народной власти велись главным образом в восточных воеводствах. Например, во многих уездах Белостокского воеводства — Бельском, Щучинском, Высокомазовецком или Августовском — террористическая деятельность подполья привела к далеко идущему застою в общественной и хозяйственной жизни и даже частично затормозила работу органов государственной администрации. Подполье распространяло слухи о временности всех распоряжений органов власти, а также агитировало за невыполнение селом государственных поставок.

В ноябре 1945 г. на территории Белостокского воеводства разбойничало 36 крупных отрядов подполья с личным составом более 2 тыс. человек. Больше всего отрядов действовало в Бельском и Августовском уездах — соответственно 11 и 9. В ноябре 1945 г. на протяжении десяти дней они совершили 56 нападений, в том числе 18 убийств ⁴³. 19 ноября 40 бандитов напали на местечко Сематыче, где разоружили отделение милиции, ограбили несколько частных магазинов и разгромили здание гминного правления. Нападавшие увели с собой и затем убили заместителя начальника отделения милиции ⁴⁴. 23 ноября отряд НСЗ «Сен-па» в составе 80 человек возле местечка Едвабне напал на оперативную группу уездного управления общественной безопасности из Ломжи. В бою с бандитами погибли сотрудники безопасности — Зигмунт Шливиньский и Станислав Грабчик, а также работники милиции — Мариан Новацкий, Ян Матушевский, Стефан Вонсовский и Эугениуш Бачиньский ⁴⁵. В ночь с 24 на 25 августа бандиты из подполья в поселке Костюшко Белостокского уезда расстреляли семью Полко из четырех человек ⁴⁶. 11 декабря в Белостоке бандиты из ВиН убили члена ППР, учителя гимназии Дмитрия Гасевича. Вооруженная группа ВиН «Хуса-

ра» в ночь с 23 на 24 ноября на железнодорожной станции Шепетово убила поручика Станислава Каню, коменданта отделения милиции в Высоком Мазовецком.

В Варшавском воеводстве наибольшую активность проявляли группы подполья, действовавшие в восточных уездах. Однако несколько больших отрядов было и в западной части воеводства, как, например, отряд «Юзсфа» (РОАК), совершивший 21 ноября нападение на уездное управление общественной безопасности в Груйце. Правда, нападение было отражено, но в бою погибло два сотрудника органов безопасности⁴⁷.

На границе Белостокского и Варшавского воеводств сосредоточилось много вооруженных отрядов НЗВ, которые терроризировали местное население и совершали грабежи. Отряд НЗВ «Грота» трижды — 23, 24 и 25 ноября — напал на железнодорожную станцию в Остроленце и каждый раз грабил поезда и магазины. Другая группа вооруженных членов подполья в ночь с 21 на 22 ноября реквизировала в с. Студзянка 21 лошадь, 12 телег, большое количество продуктов питания⁴⁸.

В Гарволынском уезде базировался отряд «Орлика», который находился в распоряжении Пулавского инспектора ВиН. Вместе с подчинявшимися ему бандами в отряде насчитывалось около 300 человек. Отряд грабил поезда и железнодорожные станции. До декабря 1945 г. банды «Орлика» убили несколько десятков активистов ППР и других партий демократического блока, 40 сотрудников органов безопасности и гражданской милиции, а также 31 солдата Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского. Кроме того, они захватили 31 сотрудника службы безопасности, 25 солдат и несколько гражданских лиц. Большинство из них было убито. В бандах «Орлика» господствовала дезорганизация, поэтому многие из его людей грабили на свой страх и риск. И сам «Орлик» занимался обыкновенными грабежами⁴⁹. Банды «Орлика» также вели пропаганду в пользу ПСЛ и, как потом оказалось, многие бандиты одновременно являлись членами ПСЛ⁵⁰.

По данным командования Корпуса внутренней безопасности в Люблинском воеводстве действовало 46 вооруженных отрядов, из которых 24 были связаны с ВиН, десять — с НСЗ, восемь — с УПА и четыре не принадлежали к какой-либо определенной антинародной организации. Общее число их членов составляло более 3500 человек⁵¹. Вооруженные группы постоянно угрожали безопасности сел и местечек. Вооруженные отряды ВиН «Костки» в ночь с 13

на 14 ноября напали на город Томашов Люблинский. Нападавших было 300 человек вооруженных автоматами и минометами. Бой в городе длился около полутора часов. Были разгромлены здания уездного управления общественной безопасности, канцелярии старосты, уездного комитета ППР⁵². 26 ноября банда ВиН «Крука» на линии Люблин—Луков напала на пассажирский поезд и отобрала у пассажиров деньги, драгоценности и часы. Во время нападения были убиты две женщины⁵³. В юго-восточной части Люблинского воеводства действовали также банды УПА. Одной из наиболее крупных была банда «Черника», разбойничавшая в Хрубешовском уезде, где сжигала польские и украинские села⁵⁴. Она состояла из трех подразделений численностью приблизительно 400 человек каждое. УПА вела и интенсивную пропаганду, призывая к сотрудничеству реакционные элементы польского общества.

Как мы уже отмечали, летом 1945 г. для борьбы с подпольем на территории восточных воеводств использовались воинские части. Вследствие этого многие вооруженные отряды были рассеяны или разгромлены, а проведенные одновременно аресты (большей частью на низших организационных ступенях) дали материал для проведения следствия по делу о руководящих центрах подполья. В начале августа 1945 г. одновременно в двух уездах Белостокского воеводства органы безопасности напали на след руководящих центров подполья. В Сокольском уезде была ликвидирована явка округа и арестовано пять связных. В Бельском уезде был арестован «Сенп». Кроме того, была раскрыта связь банды с членом уездной комендатуры НЗВ. Это привело к раскрытию 13 членов местных отрядов НЗВ, которые сдали 16 единиц оружия, включая 4 пулемета⁵⁵.

В середине сентября в Ломжинском уезде органы безопасности арестовали 22 члена НЗВ, в том числе трех человек из уездной комендатуры. С 4 по 7 сентября были арестованы: заместитель коменданта Граевского округа ОАК и 12 членов организации⁵⁶. В октябре обнаружена нелегальная типография Ломжинского округа ОАК и арестован начальник отдела пропаганды. В Граевском уезде был арестован начальник разведки ОАК. В Бельском уезде разгромлено несколько отрядов ВиН, 23 человека арестовано, конфисковано значительное количество оружия и боеприпасов. Был также захвачен начальник разведки Ломжинской уездной комендатуры НЗВ и многие члены местной организации НЗВ⁵⁷. В ноябре и декабре аресты членов НЗВ в Ломжинском уезде продолжались.

В поселке Жендзян гмины Тыкоцин был убит скрывавшийся там комендант округа НЗВ в Высоком Мазовецком — «Тжаска»⁵⁸. В ноябре оперативная группа службы безопасности разгромила отряд «Комара», действовавший в Бельском уезде. Из 18 членов отряда 15 было взято в плен, троим удалось ускользнуть⁵⁹.

Из операций, проведенных в Варшавском воеводстве, наиболее крупными были акции органов безопасности, осуществленные в ноябре и декабре в уезде Остув-Мазовецка. 16 ноября был арестован комендант уездного НЗВ, а 22 ноября — несколько его сотрудников. В декабре был раскрыт так называемый «отряд самообороны», подчиненный уездному руководству ВиН, что повлекло за собой дальнейшие аресты. В это же время были схвачены 53 члена НЗВ, в том числе три командира отрядов. В конце декабря была ликвидирована банда «Роли»⁶⁰.

В сентябре — октябре на территории Остроленкского уезда действовала оперативная группа органов безопасности, которая под видом отряда подполья содействовала разведке и частичному разгрому скрывавшихся там отрядов НЗВ⁶¹. Этот метод успешно применялся много раз. Разумеется, он не был легким. Успех операции определяли такие факторы, как хорошая подготовка, отвага и идейная увлеченность разведчиков. Однако это было всегда сопряжено с большим риском.

В ноябре была проведена задуманная в широком масштабе акция против группировки «Орлика», прижившейся в окрестностях Демблина. Тогда же арестовали 16 людей «Орлика» и 106 членов НСЗ, которые находились в его распоряжении. Отдельные операции против «Орлика» были проведены в Гарволынском уезде, где благодаря помощи вышедших из подполья членов Батальонов хлопских было ликвидировано несколько его отделений и явок⁶².

Летом 1945 г. городские органы общественной безопасности в Люблине разгромили банду грабителей «Мужина», в состав которой входили и лица, сотрудничавшие с «Запорой». На основании показаний арестованных в декабре была задержана связная отряда «Орлика», которая на следствии раскрыла систему взаимодействия обеих организаций и сообщила сведения об их личном составе. Это позволило провести дальнейшие успешные операции против группы «Орлика». По данным воеводского управления общественной безопасности в Люблине было арестовано 24 члена отряда «Запоры» и раскрыты детали его сотрудничества с «Орликом»⁶³.

В августе 1945 г. на территории Люблинского воеводства значительных успехов в борьбе с вооруженным подпольем достиг 10-й полк Корпуса внутренней безопасности. Тогда на основании сведений, добытых органами безопасности, было ликвидировано несколько десятков отрядов НСЗ и других групп, а также арестовано более 600 человек⁶⁴ — членов вооруженных организаций или подозреваемых в пособничестве им. Успешные операции ускорили легализацию многих членов подполья. В течение октября в ликвидационную комиссию бывшей АК, работавшей в Люблине, и ее отделения в уездах явилось 6288 человек — как поодиночке, так и группами⁶⁵. Однако в большинстве случаев явка с повинной была неискренней, а сданное властям оружие — непригодным для пользования. Кроме того, бывали случаи, когда разговоры о выходе из подполья велись лишь для того, чтобы притупить бдительность органов безопасности⁶⁶.

В ноябре действия против подполья усилились и принесли положительные результаты — в Томашовском уезде было захвачено 105 членов подполья и 60 единиц оружия. Трое погибли. В бою с отрядом НСЗ «Сокола» в поселке Кубик Хелмского уезда было убито 19 человек⁶⁷. Во время операции в Люблинском уезде был схвачен «Шершень», или «Каня». После этого поражения его отряд распался⁶⁸.

На территории Хрубешовского и Влодавского уездов против банд УПА действовали части Войска Польского и Корпуса внутренней безопасности. Их главная задача заключалась в охране репатриационной деятельности и противодействии переходам банд через государственную границу. В осуществлении поставленных задач участвовали 3-й пехотный полк Войска Польского и 10-й полк Корпуса внутренней безопасности, а с ноября — 5-й пехотный полк Войска Польского. Благодаря оперативности названных частей была разгромлена банда «Лиса» и частично банда «Черника»; арестовано 160 человек — членов банды, связанных и скупщиков краденого⁶⁹.

Наиболее активную террористическую и диверсионную деятельность банды УПА развернули в Жешувском воеводстве — Пшемысльском, Леском и Любачовском уездах; в меньшей степени ею были охвачены Ярославский, Санокский, Бжозовский и Кросненский уезды. В первых трех банда сделали почти невозможной работу государственной администрации. Пылали села, гибли их жители. К ноябрю 1945 г. количество сожженных деревень достигло 52. В то время в Пшемысле находилось около 10 тыс. беженцев и

погорельцев с территории, где действовали сотни банд УПА. В связи с обменом населения между Польшей и Украинской ССР банды УПА начали жечь оставленные украинские села, уничтожать урожай на полях, взрывать мосты и железнодорожные пути. Украинские буржуазные националисты не останавливались даже перед нападениями на сильные воинские отряды. Желая запугать местное население, они уводили в леса в качестве «заложников» мужчин, которых, как правило, зверски убивали ⁷⁰.

С появлением на политической арене ПСЛ и в Жешувском воеводстве сразу же оживились силы реакции, активизировалось подполье. В ноябре 1945 г. бандиты из отряда «Жубрида» убили сотрудника органов безопасности Эмиля Роговского, которого вначале зверски избили, а затем выбросили из мчавшегося поезда. Это происходило на глазах у запуганных пассажиров ⁷¹. В Ярославском уезде действовала группа НСЗ «Радвана», который 4 ноября заключил формальное соглашение о взаимодействии с главарями банд УПА, разбойничавших в Любачовском уезде. Здесь же аналогичное соглашение заключили «Грот» из НСЗ и «Когут» из УПА. В Тарнобжегском и Нижанском уездах действовал крупный отряд НСЗ «Тарзана», а в Лежайском — группы НЗВ «Воляняка». Они убивали членов ППР, громили отделения МО и совершали массовые угоны людей в леса. Такую же деятельность развернула в Колбушовском и Мелецком уездах банда «Лиса» ⁷².

Создавшееся положение требовало решительных действий аппарата безопасности, обеспечивавших спокойствие и безопасность на данной территории. Усилившийся террор делал невозможной стабилизацию жизни в городах и селах, прошедших сквозь горнило войны и немецкую оккупацию.

Необходимо добавить, что в этот период возраставшей агрессивности подполья органы безопасности, овладевая положением, сталкивались с серьезными трудностями, возникавшими, главным образом, из-за отсутствия соответствующих кадров и опыта борьбы с законспирированными вооруженными группами. Часто действия ограничивались только борьбой с бандами УПА, хотя и другие вооруженные группировки представляли собой серьезную угрозу, потому что террором и диверсионной деятельностью наносили большой материальный и моральный ущерб. Немалым препятствием была также нехватка кадров в отделениях гражданской милиции ⁷³. Несмотря на это, органы безопасности сумели провести много успешных операций против подполья.

В сентябре 1945 г. оперативная группа уездного управления общественной безопасности и милиции в Ланьцуте разгромила банду НСЗ «Кудлатого», действовавшую в уезде⁷⁴. В ноябре были разоблачены несколько членов подполья, которые проникли в ряды гражданской милиции и укомплектовали два отделения в Ярославском уезде. Благодаря оперативности службы общественной безопасности оба отделения были очищены от врагов, 27 человек арестовано, что нанесло сильный удар по отряду «Радвана»⁷⁵. В Леском уезде также была пресечена попытка вооруженной группы овладеть отделением милиции в местности Лукавица⁷⁶. В Пшемысле ликвидирована разведывательная сеть УПА и арестовано 17 человек⁷⁷.

В боях с бандами УПА принимали участие 3 и 9-я пехотные дивизии. В сентябре 3-я пехотная дивизия участвовала в репатриации более 20 тыс. украинцев, выразивших желание выехать в СССР. Дивизия провела операции, направленные против банд УПА, которые пытались помешать нормальному течению репатриации. В частности, 20 сентября войска окружили и разгромили группировку из нескольких банд УПА в районе Горинец и Старе Брушно. В бою было убито 140 членов УПА и 107 — арестовано. Было захвачено значительное количество оружия, снаряжения и боеприпасов. Части 9-й пехотной дивизии провели восемь операций против банд УПА, в ходе которых было арестовано 85 человек. В боях погибло 72 члена украинского националистического подполья. Одна из банд была полностью разгромлена⁷⁸.

Осенью 1945 г. в Краковском воеводстве в результате активного политического наступления ПСЛ отмечалось общее оживление деятельности реакционных центров и предпринимались попытки массового саботажа распоряжений органов власти людьми, связанными с подпольем. «Черная пропаганда», инспирированная ВиН, привела к росту неуверенности и недовольства у населения многих уездов воеводства. Особенно рьяно ВиН агитировала против амнистии, но, несмотря на это, кампания успешно завершилась⁷⁹. В Краковском воеводстве подполье было намного слабее, чем на востоке страны, но оно тем не менее представляло серьезную проблему и требовало усиления активности органов безопасности. В ноябре 1945 г. на территории Краковского воеводства действовало 13 крупных террористических отрядов и несколько банд грабителей. Наиболее опасное положение сложилось в Вадомицком и Новотаргском уездах. На территории последнего действовала банда

«Огня», имевшая на своем счету много политических убийств и грабежей. В Новосондецком уезде большую активность проявляла банда УПА «Лемка» и группа ВиН «Вилка»; в Бохненском и Мышленицком — отряд НСЗ «Сальвы»; а в Тарновском — банда НСЗ «Икара». В Донбровском уезде даже члены ПСЛ создали группу, которая занималась террором и грабежами⁸⁰.

В августе и сентябре 1945 г., в ходе экстренных действий против вооруженных отрядов подполья, аппарат безопасности ликвидировал шесть нелегальных вооруженных организаций в Краковском, Меховском, Мышленецком и Олькуском уездах. В результате действий уездного управления общественной безопасности в Мехове была расформирована группа «Семярского», а 10 из 16 ее членов явились с повинной. То же самое произошло и с отрядом «Сенка» — после ареста части его членов, остальные явились в уездное УБП в Мехове. В Кракове были обнаружены нелегальная радиостанция и явочная квартира главного командования ДСЗ. В Лимановском уезде органы безопасности обезвредили руководство округа ДСЗ. В декабре воеводское управление общественной безопасности в Кракове завершило расследование по делу о банде «Сальвы» и арестовало 25 человек⁸¹.

В июле—августе 1945 г. органами безопасности была раскрыта группа, которая по указанию ДСЗ пыталась возобновить деятельность послеаковского подполья на территории Келецкого воеводства. Был арестован «Болеслав» — бывший инспектор АК в Скаржиске-Каменной, а также другие лица из аппарата связи и пропаганды бывшей АК. Были ликвидированы четыре радиостанции (в том числе две действующие), две типографии и несколько явок. В частности, в квартире начальника штаба Келецко-Радомского округа ДСЗ в Радоме были конфискованы большие денежные суммы в злотых и американских долларах⁸². Попытки возобновить деятельность руководства послеаковского подполья в Келецком воеводстве оказались тщетными, однако отдельные послеаковские отряды продолжали представлять опасность. Одной из наиболее сильных была хорошо вооруженная группа «Шарого», насчитывавшая приблизительно 300 человек. В ночь с 4 на 5 августа отряд «Шарого» совершил нападение на тюрьму в Кельцах и освободил 376 заключенных⁸³. Аналогичное нападение на тюрьму в Радоме совершили объединенные банды НСЗ «Бея» и «Сокола» вместе с послеаковской группой «Гарнаша»⁸⁴.

Нападения на тюрьмы в Кельцах и Радоме вынудили органы безопасности провести операции против подполья на территории всего воеводства, в ходе которых были уничтожены крупные вооруженные группировки. Преследуя отряды «Сокола», в Пшитыке оперативная группа арестовала двух его связных. На основании их показаний были проведены аресты, охватившие Радомский, Козеницкий и Илжецкий уезды. До 20 сентября изолировали 64 человека, которые 9 сентября принимали участие в нападении на тюрьму в Радоме, а также участников нападения на банк в Скаржиске-Каменной⁸⁵. Отряды «Гарнаша» были разбиты, а командир и его заместитель «Сенп» — арестованы. Были пойманы и члены комендатуры Радомского округа НСЗ: «Роман» — комендант округа, «Януш» — начальник организационного отдела, его заместитель «Заглоба» и «Поважный» — начальник разведки. Была разгромлена и группа «Бея», а ее руководитель и командиры некоторых других отрядов НСЗ — арестованы⁸⁶. Наконец, была ликвидирована нелегальная вооруженная организация, действовавшая в Радоме и специализировавшаяся на грабежах. 22 ее члена арестованы⁸⁷.

За период с конца августа до конца декабря 1945 г. Келецкое воеводство было очищено от 25 вооруженных групп общей численностью приблизительно 1500 человек⁸⁸. Среди них было 11 послеаковских отрядов, восемь от НСЗ и шесть без определенной принадлежности к какой-либо организации. Из названных групп 18 были полностью или частично разгромлены, а семь, воспользовавшись амнистией, явились с повинной в органы безопасности. Позитивные результаты в борьбе с подпольем в Келецком воеводстве были достигнуты прежде всего благодаря постоянному совершенствованию методов работы аппарата безопасности, Корпуса внутренней безопасности, армии и милиции.

Несмотря на несомненные успехи в борьбе с подпольем, положение в Келецком воеводстве продолжало оставаться серьезным. На месте разгромленных крупных организаций возникло много небольших, но очень активных групп. В октябре-ноябре эти группы совершили 124 нападения, в том числе 30 — террористического характера. В это же время они убили 22 человека, в частности Францишка Млынарчика, секретаря уездного комитета ППР во Влошчовой. Наиболее опасные очаги подполья находились во Влошчовском уезде, где размещалось несколько небольших, хорошо законспирированных групп НСЗ, а также в Козинецком

уезде, где действовали бандиты «Орлика», совершавшие набеги со «своей» территории за Вислой (Пулавский уезд).

Развертыванию деятельности подполья способствовала антиправительственная пропаганда ПСЛ. Поэтому с ноября 1945 г. аппарат безопасности сконцентрировал внимание как на борьбе с вооруженным подпольем, так и на выступавших все более агрессивно группах ПСЛ. Это привело к раскрытию связей между ПСЛ и подпольем. Уже в октябре было распущено уездное правление ПСЛ в Пиньчове после того, как было доказано, что деятельность правления финансировалась деньгами, похищенными бандами из касс местных винокуренных заводов⁸⁹.

Самым крупным очагом подполья в Лодзинском воеводстве была организация, основанная «Варшицом», под названием Конспиративное войско польске (КВП). Организация «Варшица» базировалась на послеаковских группах и подобно ВиН открыто поддерживала ПСЛ и Миколайчика. Однако КВП не подчинялось ВиН, так как «Варшиц» считал, что ВиН разработала неверную тактику борьбы. Вероятно, немалую роль сыграло тут и честолюбие. «Варшиц» пытался сам установить контакт со штабом Андерса. По приказу «Варшица» разведка КВП подготовила материалы для посольств западных держав⁹⁰. Вооруженные отряды и группы «Варшица» находили поддержку главным образом в Пиотрковском, Радомшчаньском, Велуньском, Леском и Серадзском уездах. Оттуда «Варшиц» пытался распространить свое влияние на территории других воеводств. Таким образом он подчинил себе большие группы подполья в Конинском, Ченстоховском и Влощовском уездах. Кроме того, вооруженные группы «Варшица» действовали также в Катовицком воеводстве (например, в Люблинецком уезде). Группы «Варшица» занимались террором и диверсиями. Они убивали активистов ППР и сотрудников безопасности, разрушали здания гминных правлений, разоружали отделения МО и грабили общественное и частное имущество⁹¹.

Террористическая и пропагандистская деятельность «Варшицы» сыграла решающую роль в том, что в Лодзинском воеводстве лишь незначительная часть подполья воспользовалась законом об амнистии, принятом в августе 1945 г.⁹² Поддерживая связь с органами ПСЛ в уездах и на местах, а также насчитывая в своих рядах много членов ПСЛ, «Варшиц» стремился террористической деятельностью проложить Миколайчику дорогу к власти.

Объединенные силы реакции в Лодзинском воеводстве ставили перед собой цель оторвать важный рабочий центр в Лодзинском промышленном округе от сельскохозяйственной базы⁹³.

Военные операции против «Варшица», проведенные летом 1945 г., не принесли желаемых результатов. Только в ноябре того же года после детального расследования уездным управлением общественной безопасности в Радомске дела об организации «Варшица» в Радомшчанском уезде были предприняты действия, которые привели к аресту 92 членов КВП. В частности, были схвачены командиры подразделений «Гром», «Ураган» и «Варта». Оперативные группы захватили 25 единиц оружия, много боеприпасов и радиостанцию. В декабре операции против «Варшица» были временно приостановлены, но в конце месяца возобновились с еще большим размахом. В начале 1946 г. продолжались аресты лиц, связанных с КВП в Радомшчанском уезде и в районе Сулмежиц⁹⁴.

Познаньское воеводство было территорией активной деятельности Великопольской самостоятельной добровольческой группы «Варта» (Велькопольска самоджельна група охотнича «Варта» — ВСГО «Варта»), которая возникла в мае 1945 г. Вначале она развернула свою деятельность в южных уездах воеводства, а затем расширила влияние на всю его территорию. По данным коменданта «Варты», в сентябре 1945 г. организация насчитывала около 6 тыс. человек. Комендант западного округа ВиН «Славбур» более двух месяцев вел переговоры с руководством «Варты» о присоединении этой организации к ВиН. Однако к тому времени большинство членов «Варты» отказалось от дальнейшей борьбы⁹⁵, а остальные продолжали ее разрозненными вооруженными группами без центрального руководства. К наиболее опасным относились банды «Отто», разбойничавшие в Кенпновском уезде, и отряд «Блыска», развернувший активную деятельность в Калиском уезде. В Конинском уезде действовали вооруженные группы КВП, а в других — разрозненные послеаковские банды, особенно сильные в Кольском и Турецком уездах⁹⁶.

В Познаньском воеводстве вооруженное подполье вело широкую пропаганду против аграрной реформы, стараясь, в частности, помешать севу на разделенных помещичьих землях⁹⁷. Это сопровождалось политическим наступлением ПСЛ, что способствовало сильному ослаблению воеводской организации СЛ⁹⁸.

Наступление вооруженного подполья против народной власти поддерживали объединенные силы богатого крестьянства и мелкой буржуазии, сплотивавшиеся вокруг политической программы ПСЛ. В Кошчаньском уезде возникла террористическая организация «Акция католическая», которая нападала на членов ППР и СЛ, чтобы запугать их и отвлечь от политической деятельности⁹⁹.

Совершались нападения на небольшие местечки, сжигались документы в учреждениях, громились помещения ППР, разоружались малочисленные отделения милиции. 27 сентября 1945 г. вооруженный отряд «Урагана» напал на населенный пункт Островит в Конинском уезде. Бандиты сожгли документы гмины, разоружили отделение милиции и избили членов ППР. 5 октября группа подполья из 30 человек напала на населенный пункт Тренбачув в Кенпновском уезде. Налетчики зверски избили членов ППР. Только за первую неделю декабря отряд «Джелнего» совершил три нападения в Конинском уезде. В Турецком уезде бандиты захватили и убили секретаря гмишной ячейки ППР в Добрей Юзефа Пацину, а также напали на местечко Тылишкув¹⁰⁰.

Организация Польской рабочей партии в Познаньском воеводстве была одной из самых многочисленных в стране и поэтому смогла дать энергичный отпор подполью. Партия повела широкую идеологическую кампанию и усилила аппарат безопасности новыми людьми. Была проведена реорганизация милиции¹⁰¹. К действиям против подполья был привлечен 14-й полк Корпуса внутренней безопасности, что оказало большое влияние на эффективность борьбы с подпольем. Вследствие этого в августе было ликвидировано несколько вооруженных групп, насчитывавших 80 человек, и банда НСЗ из 30 человек. В конце сентября уездное управление общественной безопасности в Острове Велькопольском провело расследование по делу о группировке ВСГО «Варта» в составе 60 человек под командованием «Шарого». В ходе трех операций — 25, 26, 27 и 28 сентября — группировка была полностью разбита¹⁰². Под воздействием этих поражений легализовался действовавший в подполье послеаковский округ «Палюки 315». Командант округа «Бялы» содействовал явке с повинной 108 членов своей организации, которые сдали 30 единиц оружия, значительное количество боеприпасов и военного снаряжения¹⁰³. В ноябре была очищена большая часть Кольского уезда. Банды, которые там находились, были раскрыты уездным управлением общественной безопасности

в Коле и с помощью отрядов Корпуса внутренней безопасности разгромлены в ходе двух операций. Небольшие группы из этих отрядов выявляло местное население ¹⁰⁴.

Вооруженная организация «Блыска» в составе приблизительно 70—80 человек действовала на территории уезда Острув Велькопольский. Она располагала широко разветвленной сетью сотрудников, членов ВСГО «Варта». С 24 сентября по 16 октября оперативные группы аппарата безопасности вели борьбу с отрядами «Блыска». 22 октября в ходе очередной операции отряды «Блыска» были частично разбиты — они потеряли 25 человек: 24 убитых и один тяжело раненый. После этого поражения члены организации попытались переждать опасность, укрывшись в потайных местах. Однако аресты, проведенные аппаратом безопасности, привели к окончательной ликвидации группировки. До 5 ноября было арестовано 224 человека, захвачено много оружия и снаряжения. Сам «Блыск» был арестован 17 декабря в Познани. Аресты членов организации «Блыска» продолжались до конца декабря ¹⁰⁵.

Одной из наиболее опасных группировок в Познаньском воеводстве была выделившаяся из ВСГО «Варта» организация, которой руководил «Отто» и его заместитель «Рудый». Она действовала на стыке четырех воеводств — Познаньского, Лодзинского, Вроцлавского и Опольского в Кенпновском, Велюньском, Ключборском и Намысловском уездах. Численность организации вместе с сетью сотрудников составляла около 500 человек ¹⁰⁶. В ночь с 26 на 27 октября 1945 г. вооруженные банды «Отто» напали на Нову Весть Ксенженцу в Кенпновском уезде, где убили двух членов ППР. Солтыс — Антони Пайонк умер вследствие побоев, его семья ограблена ¹⁰⁷. 21 ноября банды «Отто» напали на Кенпно. Они разгромили здания уездных комендатуры милиции и управления общественной безопасности. Бой в городе продолжался 45 мин. Налетчиков изгнали из Кенпно сотрудники уездных управления безопасности и комендатуры милиции, действовавшие вместе с оперативной группой воеводского управления общественной безопасности из Познани. В бою погибли сотрудники уездного управления общественной безопасности в Кенпно: Владислав Вудзяновский, Тадеуш Яблоньский, Юзеф Смолис и Станислав Шледзена, а также один советский солдат. Кроме того, бандиты убили жену и двоих детей начальника отдела по борьбе с бандитизмом Леона Весоловского ¹⁰⁸.

После нападения на Кенпно «Отто» действовал в Кенпновском и Ключборском уездах, совершая убийства и

грабежи. В течение декабря бандам «Отто» удалось разгромить три отделения милиции. Из-за отсутствия необходимых сведений о передвижениях вооруженных групп «Отто» органы безопасности вначале были вынуждены ограничиться лишь их преследованием. В ходе операции, проведенной 24 ноября, убито четверо и арестован 41 бандит из организации «Отто». При этом было захвачено 24 единицы оружия. 17 декабря оперативная группа снова настигла банду и нанесла ей значительный урон. Было убито 12 человек и захвачено 19 единиц оружия¹⁰⁹.

В Быдгощском воеводстве также было много небольших и крупных послеаковских групп, которые во второй половине 1945 г. пытались возобновить конспиративную деятельность. Однако они не были связаны между собой и не имели централизованного руководства. Попытка создания Поморского округа ВиН не удалась — ликвидация первого главного командования ВиН в ноябре означала и ликвидацию Поморского округа прежде, чем он сумел развернуть широкую деятельность. В результате успешных действий аппарата безопасности уже до конца ноября семь уездов были очищены от нелегальных послеаковских организаций¹¹⁰.

Наиболее крупные центры подполья были ликвидированы в Торуни и Быдгоще. В Торуни в октябре 1945 г. была арестована группа из 46 человек, которая занималась разведкой и саботажем в государственном административном аппарате. В ноябре была разгромлена группа, действовавшая под кодовым названием «Швит», совершавшая диверсии на территории Торуни и Быдгощи. В декабре была раскрыта группа «Движение сопротивления» («Рух опору»), связанная с НСЗ. В сентябре добровольно вышла из подполья послеаковская группа «Вестерплатте», не прекратившая, однако, подпольной деятельности. Эта группа поддерживала связь с ПСЛ. Она развернула антинародную пропаганду, а также пыталась внедрить «своих людей» в государственный административный аппарат. Однако органы безопасности вынудили эту группу свернуть свою деятельность, а ее членов в Липновском и Вроцлавском уездах — явиться с повинной. Такие же послеаковские группы ликвидировались в Шубинском и Выжиском уездах. На территории Быдгощи, а также в Хойницком и Тухольском уездах конспиративную деятельность пытались продолжать группы организации «Гриф Поморский», насчитывающие около 800 человек. Частично они были арестованы или явились с повинной в органы безопасности¹¹¹.

Кроме того, в Быдгощском воеводстве действовало много вооруженных групп террористов и грабителей, среди которых преобладали банды численностью до 20 человек. К самым опасным относилась «Блыскавца», действовавшая в районе местности Барцин Шубинского уезда. Эта банда была частью большой вооруженной группы во главе с «Мадеей», которая разбойничала в Шнинском и Могиленском уездах Познаньского воеводства. В Нешавском уезде действовала банда НСЗ «Валигуры», однако в декабре она была частично разбита после операции, проведенной уездным управлением общественной безопасности во Влоцлавке ¹¹².

В Бродницком и Вонбжегском уездах действовал отряд «Грома-Опашко», который вместе в «Ойцем Яном», известным по деятельности в Жешувском округе НОВ, предпринимал попытки организовать вооруженное послеэндекское подполье в Поморье. Во Вроцлавском уезде большую активность проявляла банда «Шарого», которая «прославилась» нападением на Пиотркув Куявский, совершенным 29 октября. Бандиты убили войта гмины Винценты Выпыха и его жену Валерию, референта по государственным поставкам Владислава Василевского и тяжело ранили секретаря ячейки ППР Зигмунта Челядзиньского. В ходе преследования оперативная группа органов безопасности вместе с активистами ППР и ЗМВ окружила и частично разгромила банду.

В результате расследования, проведенного уездным управлением общественной безопасности во Влоцлавке, «Шарый» был арестован в ноябре в Лодзи. Из остатков его организации образовалась банда грабителей, действовавшая еще несколько месяцев ¹¹³.

Быдгощское воеводство было тем местом, где недобитые остатки ликвидированных в восточных воеводствах отрядов пытались продолжить свою преступную деятельность. Среди них была банда «Тарзана», который попал в Липновский уезд из отряда НСЗ, разгромленного в Люблинском воеводстве. Отряд «Тарзана» был разбит в октябре, а самого командира убили его же подчиненные во время ссоры из-за дележа награбленной добычи. В сентябре уездное управление общественной безопасности во Влоцлавке ликвидировало банду из 15 человек, перебазировавшуюся из Люблинского воеводства. Таковую же вооруженную группу, до того действовавшую в Келецком воеводстве, ликвидировали сотрудники безопасности уездного управления общественной безопасности в Хелме. В ноябре

после двухдневного преследования была разгромлена банда немецких мародеров, которая пыталась разоружить отделение милиции в Злото́ве ¹¹⁴.

В октябре 1945 г. органы безопасности Катовицкого воеводства частично ликвидировали округ НСЗ-НОВ, которому подчинялись вооруженные группы в Бельском, Чешинском и Живецком уездах. Этими группами руководил непосредственно «Бартек». Отряды «Бартека», насчитывавшие около 250 человек, делились на десять подразделений. Благоприятные местные условия и хитрость «Бартека» позволяли его бандам долгое время избегать ликвидации. В августе «Бартека» вместе с его людьми застигла оперативная группа уездного управления общественной безопасности в Бельске. Тогда он потерял восемь человек. В ноябре было разгромлено подразделение «Игнаца», а в декабре — группа «Орлика» — во время подготовки к нападению на отделение Национального польского банка в Бендзине ¹¹⁵. Другим центром деятельности НСЗ был Заверчанский уезд, где действовало несколько вооруженных отрядов. Самый сильный из них отряд «Болка» был известен по многочисленным убийствам членов ППР ¹¹⁶. В конце 1945 г. в Силезии законспирировались группы КВП, которые активно развернули свою преступную деятельность весной 1946 г. ¹¹⁷

Для органов безопасности в Катовицком воеводстве особой проблемой была деятельность послегитлеровского подполья, состоявшего из бывших членов гитлерюгенда и фашистской национал-социалистической партии. В районе Бытома действовала банда «Шульца» (приблизительно 20 человек), которую отряды Корпуса внутренней безопасности разгромили лишь в ноябре 1945 г. ¹¹⁸ В октябре была ликвидирована группа саботажников из «Верфольфа». За несколько месяцев своего существования она нанесла значительный экономический ущерб ¹¹⁹. В декабре была ликвидирована группа послегитлеровского подполья, которая занималась неонацистской пропагандой и готовилась к вооруженным выступлениям ¹²⁰.

Во Вроцлавском воеводстве на территории Ключборского уезда совершала бандитские вылазки уже упоминавшаяся вооруженная организация «Отто», перебравшаяся сюда из Познаньского воеводства. Здесь временно появилась и группа НСЗ «Улана», сотрудничавшая с «Отто» ¹²¹. Бичом воеводства были небольшие банды грабителей, часто создаваемые из членов разгромленных вооруженных организаций из центральных и восточных воеводств, а так-

же банды мародеров из разбитых частей вермахта. Такие банды находили поддержку у немецкого населения, в то время еще остававшегося в Силезии. Тут действовали и группы «Вервольфа», которые поддерживали связь с разведывательными центрами в Западной Германии. Послегитлеровское подполье вело широкую антипольскую пропаганду, а также совершало террористические нападения и грабежи ¹²². Наиболее опасная организация послегитлеровского подполья прикрывалась названием «Свободная Германия». Она была ориентирована на долгосрочную разведывательную, диверсионную и террористическую деятельность. Ликвидирована весной 1946 г. Деятельность банд грабителей и мародеров пресекалась находившимися в Нижней Силезии отрядами КБВ и Войска Польского. К концу 1945 г. большая часть банд была разгромлена.

В конце 1945 г. в Щецинском воеводстве уже существовали сильные партийные организации ППР и СЛ. В то же время ПСЛ возникло здесь позднее и поэтому не смогло широко развернуть свою деятельность. Реакционное вооруженное подполье также не имело тут достаточно сильного тыла ¹²³. Летом 1945 г. воеводское управление общественной безопасности в Щецине провело операцию по очищению территории воеводства от послегитлеровских элементов, в ходе которой было арестовано значительное количество членов бывшей фашистской партии, гитлерюгенда, СА и СС ¹²⁴, вследствие чего послегитлеровское подполье в воеводстве было решающим образом ослаблено. Лишь в Свиноуйсце значительную активность проявляла группа «Свободная Германия». Однако в ноябре-декабре 1945 г. аппарат безопасности обнаружил и ликвидировал ее ¹²⁵. Было разгромлено и несколько банд немецких мародеров. Наибольшее же беспокойство причиняли банды грабителей, с которыми органы безопасности боролись долгие месяцы ¹²⁶.

В Гданьском воеводстве самой крупной вооруженной организацией политического характера была группа террористов и грабителей «Ольчака», действовавшая осенью 1945 г. в западных уездах воеводства. В декабре она была окружена и ликвидирована на территории Слупского уезда. Было арестовано девять членов группы и 18 сотрудничавших с ними ¹²⁷. В Тчевском уезде безуспешно искал организационных контактов «Грот» из НСЗ. В сентябре в Старградском уезде пыталась действовать вооруженная группа «Икара», но уже через несколько дней, преследуемая отрядами КБВ, она распалась. В декабре уездное

управление общественной безопасности в Квидзуне ликвидировало послегитлеровскую банду из шести человек, грабившую польских поселенцев. Было разгромлено и несколько других банд грабителей ¹²⁸.

Аналогичная ситуация сложилась и в Ольштынском воеводстве, где скрывались банды немецких мародеров. Однако их быстро ликвидировали части Корпуса внутренней безопасности ¹²⁹. Значительно дольше продолжалась борьба с вооруженными группами подполья, пробравшимися сюда из Варшавского и Белостокского воеводств. В результате четких действий воеводского управления общественной безопасности в Ольштыне в октябре удалось разгромить ряд вооруженных банд на территории Нидского, Острудского и Гижиского уездов, связанных с подпольем Пшасныского и Млавского уездов. В Шпытновском уезде была частично ликвидирована группа «Маслы» — начальника штаба Белостокского округа НЗВ и банда НЗВ «Бокса» ¹³⁰. Энергичные действия уездного управления общественной безопасности в Оструде предотвратили дальнейшую деятельность отряда «Лупашко», перебравшегося в Острудский уезд из Белостокского воеводства.

Помимо названных, действовали и другие отряды ВиН и НСЗ. Их жертвами чаще всего становились деятели ППР, а также сотрудники службы безопасности и гражданской милиции. Например, банда НСЗ «Совы» убила Блазея Козака, коменданта милиции в Петжилясе Острудского уезда. В бою с группой ВиН погиб начальник уездного управления общественной безопасности в Гижыске Зигмунт Шелонсовский ¹³¹.

Борьба с вооруженным подпольем в отдельных воеводствах в большей мере способствовала свертыванию террора против демократических деятелей, однако обеспечить полную безопасность населения было невозможно до тех пор, пока действовало центральное руководство нелегальных организаций, поддерживавшее связь с диверсионными центрами на Западе и пользующееся их финансовой поддержкой. Таким образом, ликвидация руководящих центров ВиН и НСЗ имела решающее значение для пресечения вооруженных действий подполья.

Аресты, проведенные летом и осенью 1945 г., привели к частичной деконспирации руководства ВиН. На основании показаний одного из перехваченных курьеров были установлены явки руководителей ВиН в Познани. 23 ноября в Познани был арестован «Брадл», начальник разведки западного округа ВиН, а затем и комендант этого

округа «Славбур». Во время следствия «Брадл» дал обстоятельные показания, которые привели к ликвидации руководящего центра западного округа ВиН¹³².

В других районах страны также последовательно обезвреживались деятели ВиН. Прежде всего, органы безопасности воспользовались деконспирацией связей ВиН. Благодаря этому в органы безопасности попал курьер «Герольд», прибывший из Лондона уже после ареста «Ожога». «Герольд» принес на явку в Кракове (ул. Боручковская) 11 тыс. долларов и почту для «Ожога» из главного штаба в Лондоне, спрятанную в тайнике¹³³. 22 декабря были арестованы «Бенедикт»¹³⁴, а также «Мацей» — председатель центрального округа ВиН — вместе со связной «Ганкой». Найденные при обыске документы расширили информацию о руководящих звеньях нелегальных организаций¹³⁵.

В январе — феврале 1946 г. были арестованы руководители и члены ВиН в Люблинском воеводстве во главе с комендантом округа «Стером». Были также ликвидированы две нелегальные типографии ВиН — в Бялой Подляске и Хрубешовском уезде. К концу февраля число арестованных в связи с разоблачением первого главного командования ВиН достигло 63 человек. В марте 1946 г. воеводское управление общественной безопасности в Люблине продолжило следствие по делу о Люблинском округе ВиН и произвело ряд арестов¹³⁶. Полученная информация позволила подготовить операцию против «Орлика», которая была проведена в апреле-мае 1946 г.

В результате напряженных усилий всего аппарата безопасности было собрано много информационных материалов об организационной структуре и методах деятельности реакционного вооруженного подполья. Он использовался при разработке операций против руководящих центров нелегальных политических и вооруженных организаций.

Ликвидация руководящих центров ВиН и НСЗ имела решающее значение для дальнейшей успешной борьбы с пропагандой и вооруженными диверсиями подполья. Нелегальные организации в значительной степени были лишены возможности скоординированных в масштабе всей страны акций против народной власти.

**ВООРУЖЕННОЕ ПОДПОЛЬЕ
И ЛЕГАЛЬНАЯ МИКОЛАЙЧИКОВСКАЯ
ОППОЗИЦИЯ В ПЕРИОД,
ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ РЕФЕРЕНДУМУ
В ПОЛЬШЕ**

В первой половине 1946 г. экономическое положение Польши было необычайно тяжелым. В конце 1945 г. выпуск продукции основных отраслей промышленности достиг значительных размеров, однако сельскохозяйственное производство не удовлетворяло потребностей населения в продовольствии. Причины крылись в огромных военных разрушениях, общей по всей стране нехватке тягловой силы, отсутствии удобрений, сокращении поголовья скота, а также в трудностях освоения пахотных земель, особенно в западных и северных воеводствах, еще не полностью заселенных. Таким образом, весной 1946 г. население большинства городов ощущало значительную нехватку продовольствия. В результате трудностей с транспортом (разрушения на железных дорогах во время войны, отсутствие автопарка) почти повсеместными были перебои в снабжении топливом.

Преодоление экономических трудностей стало для молодой народной власти основной политической проблемой, так как реакция воспользовалась трудностями для ведения враждебной деятельности. Был принят ряд решений по ограничению активности спекулятивных элементов и вовлечению в процесс восстановления страны капиталов и средств, находившихся в распоряжении частного сектора. Весной 1946 г., благодаря государственным кредитам, предоставлению государством селу семенного зерна и тягловой силы в Польше была проведена посевная кампания. Созданные ППР общественные комиссии справедливо, по классовому признаку распределяли задания по сельскохозяйственным поставкам. Большое значение для успеха государственных мероприятий по преодолению хозяйственных трудностей имела помощь Советского Союза, предоставившего Польше семенное зерно, продовольствие, промышленное сырье.

В первые месяцы 1946 г. обострились политические противоречия и классовая борьба. На 9-й сессии Крайовой Рады Народовой в ходе обсуждения закона о национализации основных отраслей промышленности депутаты ПСЛ выступили в защиту капиталистической собственности, предложив оставить в руках у частных лиц промышленные предприятия с численностью работающих от 50 до 100 человек в одну смену. Однако под давлением депутатов демократического блока закон о национализации промышленности в конце концов был принят. Вместе с тем это вовсе не означало отказ лагеря Миколайчика от дальнейших легальных попыток противодействовать созданию нового общественного строя. Состоявшийся в январе 1946 г. конгресс ПСЛ стал манифестацией в защиту капиталистических форм хозяйствования в Польше. В предложенной на конгрессе политической программе ПСЛ содержались положения о сохранении в неизменном виде конституции 1921 г., проведении аграрной политики в интересах богатого крестьянства, а также полной свободы частной инициативы в промышленности и торговле.

В феврале 1946 г. в стране велись переговоры о создании на приближавшихся выборах блока демократических партий. Идея избирательного блока была одобрена ППР, ППС, СЛ и СД. В этой ситуации демократический лагерь обратился к партийным органам ПСЛ с предложением вступить в блок. Демократический лагерь рассчитывал на то, что часть рядовых членов ПСЛ, а также некоторые члены руководства ПСЛ с наиболее демократическими взглядами захотят присоединиться к блоку. Однако демократические силы в ПСЛ оказались слабыми и нерешительными. В ответ на упомянутое предложение ПСЛ потребовало для делегатов от села 75 % мандатов в будущем сейме. Этот открытый вызов со стороны Миколайчика окончательно предопределил расстановку политических сил в стране. Сформировалось два блока — блок демократических партий, готовых защищать совершавшиеся в Польше перемены, и блок ПСЛ, который поддерживало вооруженное подполье.

Противопоставление ПСЛ всему демократическому лагерю создало ситуацию, в которой борьба с политической платформой Миколайчика стала одной из главных задач 1946 г. Второй проблемой большого политического значения было преодоление диверсионной и террористической деятельности вооруженного подполья, пытавшегося проложить ПСЛ дорогу к победе на выборах.

Для политической изоляции сил реакции демократический блок по инициативе Польской рабочей партии выступил с предложением провести народный референдум, который еще до выборов предоставил бы всему населению возможность определить свое отношение к главным проблемам общественного и социально-экономического строя Польши. 26 апреля на 10-й сессии Крайовой Рады Народовой был принят закон о проведении 30 июня 1946 г. референдума. Во время референдума граждане должны были ответить на три вопроса: 1) Хотите ли Вы упразднения сената? 2) Одобряете ли Вы национализацию основных отраслей промышленности и аграрную реформу? 3) Одобряете ли Вы установление западной границы Польши по Одре и Нысе Лужицкой? Ответ народа на эти три вопроса должен был предопределить направление развития Польши.

За ответ «трижды — да» агитировали партии демократического блока, в то время как ПСЛ рекомендовало отрицательно ответить на первый вопрос. К голосованию «нет» по первому и второму вопросам призывала ВиН, защищая тем самым экспроприированные господствующие классы, а НСЗ, СН и НЗВ требовали «трижды — нет», чтобы таким образом полностью отвергнуть новую польскую действительность, сформировавшуюся в 1944—1946 гг.

Мероприятия, направленные на политическую изоляцию реакции, не могли принести положительных результатов без последовательной борьбы со все еще активным вооруженным подпольем. Для централизации руководства всеми силами, вовлеченными в борьбу за обеспечение спокойствия в стране, и унификации действий против подполья в марте 1946 г. был создан Государственный комитет безопасности. В его состав вошли: министр общественной безопасности, министр общественной администрации и как председатель министр национальной обороны. Государственному комитету безопасности подчинялись все силы аппарата безопасности, гражданской милиции, Корпуса внутренней безопасности и части Войска Польского, принимавшие участие в борьбе с подпольем. Исполнительный аппарат Государственного комитета безопасности состоял из воеводских комиссий безопасности и оперативного отдела генерального штаба Войска Польского.

Кроме ПСЛ, которое весной 1946 г. развило лихорадочную политико-пропагандистскую активность, в стране заметно оживилась деятельность различных правых группи-

ровок. В поддержку ПСЛ выступила часть актива Стронництва праці. Вооруженное подполье также усилило атаки на народную власть, используя все имеющиеся силы и средства. Возросло количество террористических нападений, убийств и грабежей, увеличилось число распространяемых нелегальных прокламаций, усилилась тайная пропаганда противников строя Народной Польши. Укрепились связи нелегальных организаций с иностранными разведывательными центрами. Разведцентры западных держав оказывали подполью в Польше значительную помощь в обмен на разведывательные данные и вооруженные диверсии против народной власти.

На рубеже 1945—1946 гг. произошли существенные организационные изменения в политическом и военном подполье Стронництва народового. После разгрома органами безопасности в ноябре 1945 г. главного командования НСЗ, а также арестов многих ведущих деятелей Польской организации, часть национального лагеря лишилась своего центрального руководства. Члены прежнего руководства НСЗ, избежавшие ареста, предприняли шаги для возобновления деятельности центрального руководства организации. В политическом и организационном отношении они подчинились созданному в конце 1945 г. новому президиуму главного правления Стронництва народового. В результате этой реорганизации в национальном лагере под единым руководством президиума СН сформировалось два крыла — политическое и военное. К военному принадлежали НЗВ, НОВ и НСЗ¹.

С января 1946 г. президиум СН развернул интенсивную деятельность, направленную на развертывание территориальных звеньев по всей стране. К середине 1946 г. были созданы новые окружные правления. Они возникли в Жешуве, Познани, Кракове, Люблине, Радоме, Кельцах, Лодзи и Ченстохове. Во второй половине 1946 г. произошло дальнейшее расширение низовых организаций. Наиболее сильным был Жешувский округ, который располагал четко действовавшими уездными правлениями, а также хорошо организованной военной организацией. В то же время другие окружные правления, расширяя свою деятельность, сталкивались с различными препятствиями. Так, например, в распоряжении правлений в Лодзи и Ченстохове не было ни одной организационной ячейки.

В первой половине 1946 г. президиум СН принял ряд организационных решений, направленных на углубление конспирации. С января до конца марта предпринимались

попытки создания так называемой «Внутренней организации» — законспирированных в самой партии руководящих кадров СН. Создание «Внутренней организации» оказалось неосуществимым, так как из-за интенсивных действий органов безопасности СН не смогло расширить свое влияние настолько, чтобы превратиться в массовую организацию.

В июле 1946 г. президиум СН постановил образовать Главный совет, который должен был заниматься разработкой общих директив для работы партии в соответствии с обстановкой, сложившейся в стране².

Второй важной проблемой, стоявшей перед руководством СН, было развертывание его военной деятельности. В январе 1946 г. президиум СН создал военную комиссию для проведения реорганизации НЗВ. Члены комиссии встретились с представителями главного командования НЗВ и рекомендовали расширить военную организацию, глубже законспирировать ее и теснее координировать ее деятельность с деятельностью СН. Осуществляя эти решения, руководство СН хотело усилить политико-воспитательное воздействие на общество, частично расширить разведывательную деятельность, одновременно не отказываясь от вооруженных выступлений против народной власти. Однако планы реорганизации вооруженных сил СН не были осуществлены, так как через несколько недель после получения директив члены главного командования НЗВ были арестованы³.

Главное командование НЗВ не имело прочной связи с низовыми звеньями, организовано действовали только Жешувский и Белостокский округа⁴. Аресты, проведенные осенью 1945 г., не коснулись II отдела главного командования НЗВ. В полном составе он перешел в главное командование НЗВ. С начала 1946 г. развернула оживленную деятельность разведка, которой руководил «Войцех». Он собирал сведения о политике, вооруженных силах и экономике государства и передавал их английской и американской разведкам. В январе того же года через своих представителей в Варшаве «Войцех» вел переговоры с сотрудниками названных разведок с целью передачи им информации и установления форм контактов. Важную роль в руководстве разведывательной деятельностью играл также «Томаш», который как руководитель организационного отдела обеспечивал связь шпионской сети на местах с центром в Варшаве⁵.

Кроме разведки в главном командовании НЗВ существовал также отдел ПАС под руководством «Хенрика».

В декабре 1945 г. члены главного командования НЗВ приняли решение об усилении деятельности ПАС как путем террора против политических противников, так и посредством грабежей для того, чтобы раздобыть средства на финансирование преступной деятельности. «Хенрик» добивался расширения уже существовавших и создания новых террористических групп НЗВ везде, где этому благоприятствовали местные условия, и прежде всего в Жешувском и Белостокском округах⁶. Особенно интенсивную деятельность банды ПАС под командованием «Ляса», «Бленкита», «Бурого», «Млота» и многих других развернули на границе Белостокского и Варшавского воеводств.

Несмотря на многочисленные аресты и добровольную легализацию отрядов послеаковского подполья, на местах продолжали существовать сильные центры ВиН, которые не собирались отказываться от борьбы. После арестов в ноябре 1945 г. во главе ВиН стал «Франек»-«Жеймнян». Комендантом Южного округа стал «Островский», Центрального — «Летний»⁷. Новые руководители ВиН главное внимание уделяли усилению террористическо-диверсионной деятельности, разведывательной и пропагандистской работе. Боязнь новых арестов привела к углублению конспирации ВиН. В связи с этим руководство ВиН приказало принимать новых членов только по рекомендации лиц, пользующихся доверием, а также строго соблюдать внутреннюю дисциплину. Любые проявления своеволия членов ВиН сурово карались специальными организационными судами и вооруженными группами, созданными специально для исполнения приговоров⁸. Руководство ВиН предостерегало членов организации от самостоятельных вооруженных акций из-за опасности разоблачения. В то же время оно рекомендовало поддерживать другие вооруженные организации, действующие без тесной связи с ВиН на основании полученных от собственной разведки сведений, предупреждать о планируемых органами безопасности действиях⁹.

Готовясь усилить подрывную пропагандистскую деятельность против демократического блока в период, предшествующий референдуму, руководство ВиН рекомендовало подчиненным ему организационным звеньям не отказываться от воздействия на все группы, находившиеся в оппозиции к народной власти, действующие как в подполье, так и в легальных партиях и организациях. Одной из важнейших задач низовых организаций ВиН было неуклонное поддержание связи с людьми, солидаризировавшимися

мися с целями подполья и занимавшими различные посты в государственных учреждениях. Организационные инструкции предписывали систематическую подготовку этих людей по актуальным политическим вопросам и использование их для проведения скрытой пропаганды¹⁰.

По мере развития классовой и политической борьбы в Польше отчетливее проявлялось политическое обличье ВиН, которая стремилась к «спасению» капитализма и возвращению к власти господствующих классов, лишенных возможности влиять на управление страной. Поэтому в программе ВиН выдвигались требования поддержки капиталистического крестьянства, укрепления польской городской буржуазии и обеспечения им благоприятных условий развития, в частности продолжения политики старых буржуазно-помещичьих правительств, а следовательно, и угнетения украинских, литовских и белорусских земель. По мнению руководителей ВиН, для осуществления этой программы необходимо было образовать блок, основой которого был бы союз между миколайчиковским ПСЛ и ППС, если бы руководство в последней захватили правые деятели¹¹. Таким образом, ВиН ставила своей целью изолировать ППР, которая была ядром демократического блока и одновременно наиболее грозным и последовательным противником попыток правых группировок захватить власть в Польше.

Руководство ВиН стремилось к тому, чтобы выступать в качестве представителя всех правых группировок. Отсюда и усилия ведущих деятелей ВиН, направленные на организационную и политическую консолидацию всего подполья в Польше.

Уже осенью 1945 г. предпринимались попытки создания центра, координирующего действия против народной власти. Лидеры ВиН предлагали создать при главном командовании ВиН и при комендатурах округов «консультативные комитеты», в состав которых включались бы представители других нелегальных организаций. Предполагалось, что в эти комитеты войдут и представители ПСЛ. Однако этот план не был осуществлен¹².

В марте 1946 г. возник Согласительный комитет организаций подпольной Польши (КПОПП), который составили представители ВиН и СН. Во второй половине 1946 г. в КПОПП был кооптирован руководитель отдела пропаганды центрального округа ВиН.

На первом заседании КПОПП, состоявшемся в марте, присутствовали представители СН и ВиН. Здесь обсужда-

лись вопросы отношения КПОПП к референдуму и выборам, а также политическая платформа комитета. По вопросу о референдуме и выборах было решено оказать полную поддержку Миколайчику и ПСЛ, исходя из того, что по наиболее важным вопросам между легально действовавшей миколайчиковской оппозицией и вооруженным подпольем расхождений не было. Политическая платформа КПОПП, как, впрочем, и платформа Миколайчика, базировалась на антикоммунизме. Члены КПОПП ободрялись надеждой, что народная власть не получит на выборах поддержки большинства населения ¹³.

В январе 1946 г. на совещании руководства ВиН начальнику разведывательной сети «Стомилу» было приказано систематически передавать руководству ПСЛ материалы, собранные разведкой ВиН. Донесения разведки ВиН, выдержки из документов и различные пропагандистские материалы предоставлялись ПСЛ в течение 1946 г. Позднее делегаты ПСЛ использовали их на заседаниях КРН в выступлениях, направленных против народной власти ¹⁴.

Весной 1946 г. руководство ВиН начало широко задуманную пропагандистскую акцию под шифром «О» («оплюсквяне» — «клевета»). Эта акция, осуществляемая по всей стране, должна была длиться 13 недель. Ее цель состояла в распространении в обществе клеветы и различных сплетен, очернявших народную власть, связанное с нею политическое движение и прежде всего ППР. Известным своей активностью деятелям демократических партий приписывались вымышленные преступления и аморальные поступки, чтобы таким образом подорвать их авторитет и отбить стремление к дальнейшей работе. В ходе психологической борьбы активно использовались и такие испытанные методы запугивания, как, например, письма с угрозами. План «клеветы» был утвержден в мае 1946 г., а его осуществление начато в июне ¹⁵. В тех районах страны, где ВиН располагала сильной поддержкой вооруженных организаций, акция «О» достигла значительных размеров. Осенью 1946 г. она возобновилась.

Уже в 1945 г. некоторые члены ВиН получили задание вступить в ППР, ППС или СЛ для сбора разведанных, воздействия на формирование политической линии этих партий, инспирирования их деятельности в направлении, соответствующем намерениям ВиН. Согласно более поздним показаниям одного из руководителей разведки ВиН, в отношении ППР такие действия в основном быстро завершались разоблачением «агентов» подполья ¹⁶. В этой си-

туации ВиН сконцентрировала усилия на попытках расколоть единство действий ППР и ППС. В то же время характерно, что в ВиН не стремились к внедрению диверсантов в ряды ПСЛ, ибо «это была братская партия»⁷.

Средством раскола единства рабочих партий должно было служить распространение сфабрикованных документов, создававших видимость существования фракций в этих партиях. ВиН стремилась прежде всего расколоть изнутри ППС. В частности, для этого тиражом 5 тыс. экз. была напечатана брошюра «К товарищам из ППС», якобы изданная, как было указано на титульном листе, не существующим в действительности «Центральным Комитетом ППС». В брошюре возводилась напраслина на ППР. Таким образом инициаторы акции хотели подорвать доверие рабочих — членов ППС — к братской рабочей партии¹⁸.

С осени 1945 г. пропаганда ВиН все настойчивей муссировала слухи о существовании якобы «тайной ППР», которая выдавалась в качестве организации типа мафии, будто бы осуществлявшей программу «искоренения польского духа». Эта ложь была сфабрикована разведкой Южного округа ВиН — «Стефаном» и «Казимежем». Она получила дальнейшее развитие в подготовленной во второй половине 1946 г. к печати брошюре «Наши глаза прозрели», в которой говорилось о существовании в ППР фракции под названием «Польская рабоче-демократическая партия». Целью этой провокации было ослабление политической активности части членов ППР¹⁹.

Одним из наиболее важных участков деятельности ВиН была разведка. Разведданные использовались руководством организации при утверждении плана пропагандистской работы и подготовке террористических акций. Шпионским центром ВиН была ячейка, действовавшая под шифром «Стомил», а потом «Искра». Южный округ располагал своей шпионской группой под названием «Бюро студиув», сеть которой действовала под шифром «Изба контроли» («Контрольная палата»). Она охватывала не только Южный округ, но также Лодзь и Варшаву²⁰. Указанные разведывательные центры пользовались отдельными донесениями руководителей организационных звеньев ВиН на местах и командиров вооруженных групп.

Объем разведывательной деятельности ВиН был очень велик. Инструкция центра ВиН, составленная в феврале 1946 г., предписывала сбор политических сведений, в особенности об отношениях внутри политических партий, сведений экономического (внешняя торговля, промышленная

продукция) и военного (состояние вооружения, личный состав) характера, а также информации об аппарате безопасности и МО²¹.

По мере укрепления связей ВиН с разведкой англосаксонских стран, основной упор делался на сбор военных сведений. Рассматривалась также возможность выполнения ВиН шпионских и диверсионных заданий американской разведки на территории СССР, граничившей с Польшей²².

Обострение классовой и политической борьбы в начале 1946 г. значительно активизировало террористическую деятельность подполья. Действия органов безопасности, отрядов КБВ и Войска Польского против вооруженных организаций осенью 1945 г. привели к временному ограничению выступлений против народной власти, однако с ростом агрессивности ПСЛ и усилением пропагандистской деятельности реакции угроза спокойствию в стране снова возросла. Вооруженное подполье намеревалось в ходе приближавшегося референдума терроризировать население страны и парализовать органы народной власти, создав тем самым миколайчиковскому ПСЛ благоприятные условия для генерального предвыборного наступления.

В 1946 г., как и в 1945 г., деятельность подполья на территории Белостокского, Люблинского, Жешувского и в восточной части Варшавского воеводств. В других частях страны тоже четко обозначился рост активности сохранившихся еще в большом количестве группировок, отдельных отрядов и банд подполья.

В январе 1946 г. органы безопасности Белостокского воеводства отмечали, что обстановка в воеводстве напряженная, вызывает тревогу, в большинстве уездов вооруженные действия подполья полностью парализуют нормальное течение общественной и политической жизни. Вследствие террора противников народной власти многие демократические деятели были вынуждены искать убежища вне своего постоянного места жительства. В воеводстве разбойничало около 36 крупных отрядов НСЗ и ВиН, а также много мелких банд грабителей²³.

Аналогичная ситуация сложилась в восточных уездах Варшавского воеводства. Наиболее опасными местными организациями подполья являлись: группировка НСЗ «Мечислава», действовавшая в Островском и Соколовском уездах, а также группировка ВиН «Корвина», действовавшая в Седлецком и совершавшая набеги в Венгровский и Минский уезды. У «Коврина» «под ружьем» было около

160 человек, кроме того, он располагал поддержкой значительного числа банд ВиН, бродивших по территории названных уездов²⁴. В Люблинском воеводстве действовали группы ВиН: «Ускока» — в Люблинском уезде, «Млота» — в Хелмском и «Орлика» — в Пулавском. Влияние «Орлика» распространялось также и на юго-восточную часть Варшавского воеводства.

Обнаглевшие банды подполья совершали террористические нападения и зверские убийства. В ночь с 23 на 24 января отряд «Орлика» напал на уездное управление общественной безопасности в Лукове. Из-за предательства одного из административных работников учреждения налетчикам удалось ворваться в здание, которое было разгромлено, документы — уничтожены. В бою погибли начальник управления и двое часовых²⁵.

В Варшавском воеводстве только в одном Гарволинском уезде в течение февраля было убито четверо человек и совершено 12 террористических нападений на семьи демократических деятелей. В гмине Длугоседло была вырезана вся семья Бурдзинских²⁶. В Белостокском воеводстве в начале 1946 г. подполье провело много террористических акций против проживавшего там белорусского населения, известного своей приверженностью к народной власти. 29 января и 2 февраля отряды НЗВ «Бурого» сожгли два белорусских села. После поджога построек бандиты стреляли по убегавшим жителям. Таким образом они убили или сожгли живьем 46 человек, среди них приблизительно 15 детей в возрасте до 10 лет. Несколько десятков человек были ранены и получили ожоги. Жители сожженных деревень потеряли все свое имущество. Без средств к существованию осталось 104 семьи — 459 человек²⁷.

Террористическая деятельность «Бурого», которому подчинялись группы НЗВ «Рекины», «Битного», «Вяруса» и «Сталового», угрожала не только безопасности представителей народной власти, но и населению сел и местечек Белостокского воеводства. Поэтому органы безопасности были вынуждены предпринять энергичный ответный удар. Действия против банд НЗВ привели к окружению главных сил «Бурого» — около 150 человек.

Бой с группировкой «Бурого» длился 16 февраля целый день. Только в районе окружения было убито 25 человек «Бурого»²⁸. Окруженные в панике разбежались по близлежащим лесам. Группировка лишилась лагерей, большого количества оружия и боеприпасов. Заслуживает внимания тот факт, что местное население оказало властям

заметную помощь, одновременно обратившись с просьбой о защите от террора подполья ²⁹.

Вооруженные выступления подпольных организаций в Варшавском, Белостокском и Люблинском воеводствах привели к значительному росту влияния ПСЛ и во многих случаях сделали невозможной деятельность партий демократического блока. В Гарволынском уезде ПСЛ для ведения антикоммунистической пропаганды пользовалось фактической помощью подполья. Неопровержимые связи ПСЛ с подпольем обнаружили в Пултуске, где уездное управление общественной безопасности обнаружило склад оружия, что повлекло за собой многочисленные аресты членов нелегальных вооруженных организаций, среди которых были и члены ПСЛ. На территории Люблинского воеводства деятели ПСЛ решительно противодействовали акциям против подполья. В Белостокском воеводстве члены подполья, среди них и люди «Бурого», агитировали за образование ячеек ПСЛ и декларировали свою поддержку ку Миколайчику на выборах ³⁰.

Нарушение общественного порядка и спокойствия населения вооруженными отрядами подполья вынудило органы безопасности начать крупномасштабную операцию, одновременно охватившую три воеводства: Варшавское, Белостокское и Люблинское. Она проходила 5—27 февраля, а в некоторых районах продолжалась и в марте. В проведении акции участвовали десять оперативных батальонов Корпуса внутренней безопасности, два пехотных полка Войска Польского и три батальона 3-й пехотной дивизии Войска Польского ³¹. В это же время на территории проведения акции учреждения общественной безопасности вместе с гражданской милицией создали оперативные группы, которые в отдельных операциях взаимодействовали с военными отрядами или совершали самостоятельные операции. Задача военных отрядов и оперативных групп, принимавших участие в очищении территории, состояла в проведении арестов на основании данных, полученных от аппарата безопасности и в военных действиях против группировок, скрывавшихся в лесах.

Воеводские комитеты Польской рабочей партии также участвовали в акции, организуя пропагандистские группы, которые занимались распространением газет и листовок, проведением митингов. В Белостокском воеводстве населению было передано 93 тыс. листовок и специальный тираж местной газеты, разоблачавшие гнусные действия «Бурого». В Люблине под председательством воеводы была со-

здана комиссия, координировавшая военные действия против банд с пропагандистскими мероприятиями ³².

27 января начались военные действия в Белостокском воеводстве. Поначалу ими был охвачен только Бельский уезд, где до 17 февраля было проведено 26 операций и задержано 135 человек, из них 37 освобождены после предварительного следствия. С 5 февраля операции распространились и на другие уезды. До 20 февраля было арестовано более 800 человек, конфисковано 158 единиц различного оружия и несколько десятков тысяч патронов ³³. В частности, было ликвидировано подразделение отряда ВиН «Хузара», а также обнаружены склад оружия и архив местной организации ВиН в Соколовском уезде. 26 февраля произошло столкновение с группой ВиН «Пжелотного». В результате погибло семь членов подполья, три человека были арестованы, захвачено три ручных пулемета и значительное количество боеприпасов ³⁴.

В Варшавском воеводстве борьба велась главным образом с отрядами группировки «Орлика», «Мечислава», «Млынажа» и «Жубра». В Маковском уезде было разгромлено подразделение «Маринажа» и захвачен склад оружия. Во время боя с группой «Жубра» в Соколовском уезде четыре человека было убито и 122 арестовано. Захвачено значительное количество оружия и боеприпасов, в том числе четыре ручных пулемета и миномет. В результате операции против «Орлика» было арестовано 45 членов организации и 92 подозреваемых в сотрудничестве с ними. Массированные действия против подполья в Варшавском воеводстве продолжались до 28 марта ³⁵. Так же было и в Люблинском воеводстве, где операция против подполья продлилась до конца марта. 27 февраля была разгромлена группа «Кропки» (подразделение «Зрыва»). Ее потери составили 42 человека и 57 единиц оружия.

До 28 февраля, т. е. в период наибольшего размаха операции, было ликвидировано девять вооруженных группировок подполья и семь — частично разгромлены. В ходе боев убито 107 членов нелегальных вооруженных организаций подполья, кроме того, они потеряли 751 единицу оружия. На большей части территории, охваченной действиями против подполья, местное население оказывало оперативным группам и органам безопасности значительную помощь, в частности показывало места, где скрывались банды. Акция способствовала свертыванию террористических действий в районе, а также оживлению демократического движения. На митингах, которые проводились в

Варшавском воеводстве, крестьяне часто критически высказывались о ПСЛ и политике Миколайчика. Одновременно происходил рост рядов СЛ³⁶.

Несмотря на значительный размах операции по очищению территории, многие вооруженные группы переживали в укрытии, чтобы после ухода воинских частей возобновить действия против народной власти. В апреле в Луковском уезде убили двух членов ППР и одного члена ПСЛ, который критиковал политическую программу Миколайчика. То же случилось и в Красноставском уезде, где погибло два активиста ППР³⁷. В результате действий аппарата безопасности в Замойском уезде была ликвидирована Замойская комендатура ВиН. Оказалось, что многие члены ВиН этой комендатуры одновременно являлись членами ПСЛ, считая его «своей партией». Например, секретари ячеек ПСЛ в Вербковицах и Неверкове были членами ВиН³⁸.

Благодаря усилиям аппарата безопасности явились с повинной часть руководства ВиН и отряд «Млота» в Хелмском уезде. При этом вышло из подполья 500 членов ВиН, которые сдали 338 единиц оружия³⁹.

Сотрудничество ПСЛ с ВиН и НСЗ отчетливо проявилось в Белостокском воеводстве. Располагая весомыми доказательствами, партийные власти и воеводское управление общественной безопасности в Белостоке составили докладную записку, которая в апреле 1946 г. была представлена на сессии воеводской рады народной, а впоследствии передана центральным властям. Эта докладная записка, разоблачавшая сотрудничество миколайчиковской оппозиции и подполья, была также опубликована в печати и передана по радио⁴⁰.

19 апреля в местности Гибы был разгромлен отряд ВиН «Тадеуша». Тогда же был арестован комендант Сувалкского округа «Демон» и несколько его ближайших сотрудников. В этот же день воеводское управление общественной безопасности в Белостоке арестовало «Дзикового» — заместителя коменданта Белостокского округа ВиН и инспектора организации в северных уездах воеводства. «Дзиковый» сообщил факты о сотрудничестве ВиН и ПСЛ, что подтверждалось и материалами архивов организации, захваченными в ходе ликвидации Сувалкского округа ВиН⁴¹. На основании указанных сведений в мае 1946 г. деятельность уездных правлений ПСЛ в Августове и Сувалках была приостановлена⁴².

В это время на территории Белостокского воеводства

шли тяжелейшие бои. Только в третьей декаде апреля органы безопасности провели 37 операций, в ходе которых было убито 39 и арестовано 72 члена подполья. Одной из самых опасных организаций подполья, действовавших на Белостокской земле, все еще оставалась группировка НЗВ «Бурого». 27 апреля под Ляпами одна из его банд напала на оперативную группу уездного управления общественной безопасности в Высоко-Мазовецком. Сотрудник службы безопасности был убит, а 12 уведенных в лес работников МО в тот же день были отбиты второй оперативной группой. Через два дня снова произошла стычка с «Бурым», во время которой погибло десять работников милиции и два сотрудника уездного управления общественной безопасности в Высоко-Мазовецком. 30 апреля 1946 г. рога Корпуса внутренней безопасности разгромила под селом Модзеле группировку, состоявшую из групп НЗВ «Бурого», «Рекина», «Дунаевского» и «Виктора». В бою было убито 25 членов подполья, 13 — арестовано, остальные — разбежались, бросив оружие (63 единицы) и боеприпасы, а также лагерь и архив «Бурого»⁴³.

В период, предшествующий референдуму, тяжелые бои с подпольем шли также в Жешувском воеводстве. Местная воеводская организация ПСЛ особо агрессивно относилась к предложению ППР и ППС о создании избирательного блока демократических партий. Такая вызывающая позиция объяснялась полной поддержкой польским подпольем местных звеньев ПСЛ (Денбицкий и Колбушовский уезды). Подполье в Жешувском воеводстве призывало в своих листовках голосовать за ПСЛ всех, «независимо от политических убеждений». Против СССР также велась тайная пропаганда, которая сопровождалась террористическими выступлениями отрядов УПА, ВиН и НСЗ, а также многочисленных банд грабителей⁴⁴.

5 апреля отряд НСЗ «Волянка» напал на пассажирский поезд под Лежайском. В бою один солдат Войска Польского погиб, а второй был ранен. В тот же день на железной дороге были открыты борта у 17 вагонов с углем для СССР, что вызвало продолжительный перерыв в железнодорожном движении⁴⁵. 19 апреля банда НСЗ на шоссе под Камборней напала на легковой автомобиль и убила четырех сотрудников уездного управления общественной безопасности в Бжозове⁴⁶. 3 апреля отряд НСЗ «Тарзана» напал на уездное управление общественной безопасности в Тарнобжеге. Однако бандиты были отброшены, потеряв при этом двоих людей. 4 апреля банда УПА сожгла

отделение милиции в Шчапном и уничтожила два моста — шоссейный и железнодорожный ⁴⁷.

За период с 1 марта по 15 апреля оперативные группы Корпуса внутренней безопасности и аппарата безопасности на Жешувской земле провели шесть операций против подполья, в ходе которых было убито четыре человека и 172 — арестовано ⁴⁸. 8 апреля в Ярославле было ликвидировано подразделение НСЗ «Грома» в составе 24 человек ⁴⁹.

Во второй половине марта подразделения 9-й пехотной дивизии Войска Польского на основании данных аппарата безопасности провели акцию против банд УПА в Пшемысльском уезде. Был ликвидирован отряд УПА в Кжечовой, а также уничтожено пять бункеров. В боях погибло 30 членов УПА, 18 — было арестовано ⁵⁰.

В это же время отряды КБВ проводили аналогичную акцию на границе Жешувского и Люблинского воеводств против банд НСЗ «Пайака» и «Жбика», а также группировок ВиН «Запоры» и «Вира». Было арестовано 200 членов подполья и захвачено 187 единиц оружия ⁵¹.

С 8 апреля по 28 мая в Жешувском воеводстве было проведено 218 операций против банд УПА. В них приняли участие 8 и 9-я пехотные дивизии Войска Польского, а также местные силы Корпуса внутренней безопасности, управления общественной безопасности и гражданской милиции. В ходе операций было убито 184 члена подполья и 306 — арестовано; захвачено 343 единицы оружия. Эти операции в значительной степени способствовали ослаблению банд УПА и изменению тактики их действий ⁵².

В Люблинском воеводстве шли тяжелые бои и с украинским националистическим подпольем. Здесь к числу наиболее опасных относилась банда «Железняк», действовавшая на территории Томашовского уезда. В начале 1946 г. эта банда провела мобилизацию украинской молодежи, и ее численность достигла приблизительно 1300 человек. Особо опасным был отряд УПА, насчитывавший около 450 человек, который рыскал по Хрубешовскому уезду ⁵³. 9 марта банда УПА «Железняк» напала на с. Лубыча Крулевска, где находилось подразделение 8-го пехотного полка Войска Польского. В бою 16 солдат погибли, 13 были ранены, кроме того, бандиты увели с собой 12 солдат. Село было сожжено ⁵⁴. 28 апреля сотня УПА из засады напала на автоколонну 18-й пехотной дивизии Войска Польского на шоссе Хрубешов—Варнж. Бандиты убили 40 человек гражданского населения, 26 солдат и офицера Войска Польского. Часть колонны пропала без вести, и только три

автомашины возвратились в Хрубешов⁵⁵. Утром 28 мая объединенные отряды УПА «Прывы» и ВиН «Виктора» общей численностью около 500 человек совершили нападение на г. Хрубешов. Их атака была направлена на местное управление общественной безопасности, уездный комитет Польской рабочей партии и военные казармы. Бой длился 3 часа. В результате контрнаступления воинских частей налетчики были вытеснены из города. Погоня за ними продолжалась до 29 мая. Во время боя в городе погибло десять солдат и пять сотрудников службы безопасности. Было разрушено несколько домов, в частности здание уездного управления общественной безопасности и шесть жилых домов. Потери бандитов составили до 20 убитыми и столько же ранеными⁵⁶.

В борьбу с бандами УПА в южных уездах Люблинского воеводства в первую очередь были вовлечены воинские части, что объяснялось большой территорией воеводства и проводимой здесь в это же время переселенческой кампанией, требовавшей постоянной защиты населения. Воинские части провели ряд успешных операций, в результате которых была существенно ограничена деятельность банд. Население отказалось оказывать им помощь. В ходе совместных действий отрядов Войска Польского и оперативных групп аппарата безопасности и гражданской милиции в апреле 1946 г. было убито 57 и арестовано около 145 членов УПА, а также захвачено 63 единицы оружия. В мае было проведено 54 военные операции, в ходе которых погибло 85 членов УПА и 229 было арестовано⁵⁷.

Проводимая весной 1946 г. интенсивная акция по очищению территории Польши от нелегальных вооруженных организаций охватила и Лодзинское воеводство. Тут действовали подчиненные «Варшицу» группы КВП и отряды «Блыскавицы» и «Отто», базы которых находились в соседних уездах Познаньского воеводства. Операции в Лодзинском воеводстве основывались на данных, собранных уездными управлениями общественной безопасности. В ходе этих действий накапливались следственные материалы, позволившие арестовывать членов подполья и уничтожать склады оружия. С 31 января по 17 февраля в Радомшчанском уезде проводилась операция против организаций КВП. Было арестовано 78 членов подполья и ликвидировано два склада оружия. В ходе операции погибло два солдата Корпуса внутренней безопасности, попавших в засаду⁵⁸.

Более широкомасштабной была операция против подполья, проведенная с 10 по 26 марта. В ней приняли участие 614 солдат и офицеров Корпуса внутренней безопасности, а также сотрудники службы безопасности, направленные отдельными воеводскими управлениями. Операцией были охвачены Радомшчанский, Пиотрковский, Конинский, Серадзский, Ленчицкий и Велуньский уезды. Для осуществления боевых заданий к шести оперативным группам органов безопасности были прикреплены 20 активистов ППР и ППС, а также 15 курсантов школы политико-воспитательных офицеров для проведения пропагандистской работы среди населения районов, где подполье представляло серьезную опасность. Во время акции было организовано более 100 митингов, в которых приняло участие около 45 тыс. человек, а также распространено 53 тыс. экз. газет. Пропагандистская работа имела огромное значение для развития военных операций и привела к тому, что население оказывало группам заметную помощь. Всего было арестовано 162 члена подполья, конфисковано 113 единиц оружия и значительное количество боеприпасов и взрывчатки. В частности, в Велуньском уезде разгромлено подразделение «Тарзана» из группировки «Блыскавицы»⁵⁹. В апреле продолжались операции против отрядов КВП, в ходе которых арестован 31 человек⁶⁰. Оперативные группы в Турке и Бжезинах ликвидировали вооруженную организацию под кодовым названием «Абажур-101»⁶¹.

Положительные результаты борьбы с подпольем в Лодзинском воеводстве позволили органам безопасности прекратить действия в данном районе. Используя это подполье попыталось перейти в контрнаступление. 20 апреля объединенные отряды КВП численностью 200 человек атаковали г. Радомско и овладели им. Бандиты выпустили из местной тюрьмы 57 заключенных и напали на здания гражданской милиции. Одна из групп задержала на шоссе автомобиль с двумя советскими офицерами и шестью солдатами из службы охраны телефонных линий, которых вначале обезоружили, а затем убили. Отряд КВП «Лонгинуса» столкнулся за городом с оперативной группой Корпуса внутренней безопасности. В бою было убито три члена подполья, оставшиеся рассеялись, бросив 37 единиц оружия. Прибывшая из Лодзи в Радомско группа солдат и офицеров Корпуса внутренней безопасности оказалась под перекрестным огнем противника. Пять офицеров и

11 солдат погибли в бою, остальных разоружили. На следующий день отряды КВП разоружили гарнизон в населенном пункте Житно и убили начальника гарнизона поручика Ногалевского. 22 апреля оперативная группа Корпуса внутренней безопасности настигла банду в с. Одоровонж и конфисковала часть добычи, награбленной в Радомско⁶².

Нападение на Радомско стало переломным моментом в борьбе с отрядами КВП в Лодзинском воеводстве. В конце апреля оперативные группы Корпуса внутренней безопасности и уездного управления общественной безопасности провели ряд акций, в ходе которых был арестован 91 член подполья. Во всем воеводстве ППР организовала ОРМО, численность которого на 1 мая превысила 2 тыс. человек. 7 мая военно-полевой суд Корпуса внутренней безопасности вынес приговоры 12 членам КВП, из них пятеро были осуждены на смертную казнь. В мае было проведено несколько операций против отрядов КВП, в которых участвовали части Войска Польского. В связи с праздником 1 Мая, и в последующий период, уездные комитеты Польской рабочей партии развернули широкую пропагандистскую работу среди населения, что в значительной степени способствовало ограничению влияния подполья в данном районе⁶³. Была предпринята также попытка склонить часть членов группы «Килофа» прекратить борьбу. 8 мая в Радомско между органами безопасности и представителями «Килофа» состоялись переговоры. До 11 мая здесь вышли из подполья 12 человек, которые сдали десять единиц оружия. В течение следующих недель с повинной явилось 395 членов КВП. Во многих организационных звеньях КВП в мае и июне появились признаки внутреннего разложения, например самовольный побег нескольких членов руководства с присвоенными «деньгами организации», убийства членов организации, совершаемые по личным мотивам⁶⁴.

В первой половине 1946 г. воеводское управление общественной безопасности в Лодзи достигло заметных успехов в разоблачении руководства КВП. Было ликвидировано отделение КВП по Лодзи. Показания арестованных позволили обнаружить явку в Пиотркове, где был арестован организатор нападения на Радомско. В результате дальнейших поисков схвачено 12 человек — связанных и ближайших сотрудников «Варшица». Наконец, 28 июня в Клумницах под Ченстоховом был арестован «Варшиц» вместе с адъютантом и личной секретаршей. После заключения

«Варшица» в тюрьму и разоблачения основных руководящих звеньев КВП подполье в Лодзинском воеводстве утратило прежнюю силу⁶⁵.

В Келецком воеводстве борьба проходила главным образом в двух районах: Радомском и Козеницком уездах, где были расположены опорные базы группы ВиН под командованием «Загоньчика» и сотрудничавшей с ней банды «Орлика», а также в южных уездах, где действовали остатки отрядов НСЗ. В обоих районах было раскрыто тесное взаимодействие ПСЛ и подполья. Из 665 членов подполья, арестованных органами безопасности в течение первых двух месяцев 1946 г., 47 были членами ПСЛ. В марте органы безопасности в Ченстоховском уезде ликвидировали вооруженный отряд ПСЛ, который его создатели пытались выдать за «почетную милицию». В мае была приостановлена деятельность уездного управления ПСЛ во Влощовском уезде. Органы безопасности арестовали членов управления и многих рядовых членов ПСЛ за нелегальное владение оружием и распространение издаваемых ВиН листовок. Банды ВиН убили секретаря ППР в Пиньчове Петра Корнаша и секретаря ППР в гмине Медзно (Ченстоховский уезд) Игнация Гоншора⁶⁶. В Заверчанском уезде аппарат безопасности ликвидировал группу НСЗ, во главе которой стоял член ПСЛ. Следствие по делу об убийстве выявило контакты уездного правления ПСЛ с вооруженным подпольем, что привело к приостановке его деятельности⁶⁷.

В первой половине 1946 г. в Келецком воеводстве были ликвидированы отряды «Тигрися», «Кудеры», «Орловского» и «Ламы» общей численностью около 130 человек, а также группы НСЗ «Доленги» и «Загуры», насчитывавшие вместе приблизительно 60 человек⁶⁸. На территории Радома органы безопасности разгромили банду, занимавшуюся грабежами и диверсиями — «Орган свободы детей Радома». В апреле были ликвидированы инспекторат НОВ и местная организация СН, охватившие своим влиянием Сандомирский, Сташовский, Опатовский и Островецкий уезды. Тогда же было арестовано 300 членов СН и НСЗ и конфисковано 140 единиц оружия⁶⁹.

В северных уездах Келецкого воеводства действовало много банд, подчинявшихся приказам «Орлика». Последний руководил диверсионной деятельностью подполья ВиН на территории Пулавского, Гарволынского и Луковского уездов, а до конца 1945 г. пытался распространить свое влияние и на Радолеский, Козеницкий и Илжецкий уезды.

По указанию коменданта Люблинского округа ВиН «Стера» и по соглашению с «Орликом» с января 1946 г. в северных уездах Келецкого воеводства действовал бывший комендант ВиН в Бялой Подляске «Загоньчик», который организовал там инспекторат ВиН под шифром «ЗЗК». Несмотря на многочисленные акции аппарата безопасности против вооруженного подполья, ВиН создала здесь сильные низовые организации. Подчинявшиеся им отряды совершали широкомасштабные террористические нападения и грабежи, особенно в Козеницком уезде. В январе оперативная группа, состоявшая из солдат Комитета внутренней безопасности и сотрудников воеводского управления общественной безопасности в Кельцах и уездного управления общественной безопасности в Козеницах, ликвидировала несколько отделений ВиН на территории Козеницкого уезда. В ходе вооруженных столкновений убито восемь участников подполья, 58 человек схвачено. В феврале оперативная группа уездного управления общественной безопасности в Козеницах в с. Ляски обнаружила отряды «Орла» и «Бжозы», подчиненные «Орлику». В бою было убито 16 членов банд, ранено — восемь. При этом было захвачено 11 единиц оружия⁷⁰.

В апреле значительные военные силы Комитета внутренней безопасности и Войска Польского начали операции против группировки «Орлика». Операциями руководил штаб, которому подчинялись все части, действовавшие на территории Гарволинского, Пулавского и Козеницкого уездов. Действия военных отрядов сначала не были скоординированы, поэтому главная цель операции, а именно ликвидация отделений «Орлика» в селах названных уездов, была достигнута лишь частично. В боях погибло 28 бандитов, было захвачено 393 единицы оружия. Полностью ликвидированы отряды «Крука», «Акции», «Вихря», «Литвиньского», «Зжута» и «Зайонца».

24 мая органы безопасности в Радоме ликвидировали одну из банд «Орлика», прибывшую в Радом из Козеницкого уезда. При этом два человека было убито и три арестовано. Среди арестованных было два члена ПСЛ⁷¹.

В Краковском воеводстве в марте 1946 г. действовало около 30 вооруженных групп подполья. Наиболее опасное положение создалось в Живецком, Лимановском и Новотаргском уездах. В двух последних хозяйничали известные своими террористическими действиями отряды «Огня». С начала 1946 г. на территории воеводства отмечалось постоянное возрастание напряженности обстановки. Иллю-

страцией этого служат следующие цифры: в январе в Краковском воеводстве было зарегистрировано 37 террористических нападений и 10 убийств; в феврале — 57 нападений и 18 убийств; в марте — 67 нападений и 22 убийства. Многие из них совершили группы ВиН, хорошо законспирированные и умело заметавшие следы. В Меховском уезде действовал отряд, которым руководили члены ПСЛ. Он совершил ряд террористических нападений на деятелей ППР. Из 41 члена подполья, арестованных с 1 по 10 апреля, 29 было членами ПСЛ⁷².

В начале 1946 г. руководство ППР и аппарата безопасности в Краковском воеводстве всесторонне изучили кадры аппарата безопасности и гражданской милиции. При участии органов ППР были набраны новые люди, готовые к борьбе с подпольем. Самые тяжелые бои шли в Новотаргском уезде, где за период с 15 февраля по 23 марта погибло 18 сотрудников органов безопасности и 15 солдат КБВ⁷³. В то же время против группировки «Огня» было проведено 12 операций, в ходе которых убито девять бандитов, 38 арестовано, а также захвачено 134 единицы оружия.

Весной 1946 г. наибольшую активность в Познаньском воеводстве проявляли вооруженные организации, которые действовали в южных и западных уездах, граничащих с Лодзинским и Вроцлавским воеводствами. Наиболее опасные террористические группы были ликвидированы в январе — июне 1946 г.

В ходе нескольких операций против отряда «Грозного» (11 января — 15 марта) было арестовано пять членов его штаба вместе с командиром. Однако отряд не отказался от борьбы, и в уменьшившемся составе продолжил ее под командованием «Орла» — заместителя «Грозного»⁷⁴. Очень активной была и группа «Тарзана» из 32 человек, действовавшая в Гнезненском уезде. Против нее также было проведено несколько операций, завершившихся 23 июля. «Тарзан» был застигнут врасплох в момент планирования очередного нападения⁷⁵.

К самым опасным в воеводстве относилась вооруженная группировка «Отто». В январе — феврале 1946 г. органы безопасности и отряды Корпуса внутренней безопасности провели против него совместные акции. Первая из них была проведена 12—17 января оперативной группой Корпуса внутренней безопасности и уездным управлением общественной безопасности в Велуне. Попытка окружения группировки не увенчалась успехом, так как «Отто» со

своими людьми спрятался в хорошо замаскированных тайниках. В конце января уездное управление общественной безопасности в Познани начало решающую борьбу с группой «Отто». За период с 9 по 23 февраля было арестовано 86 бандитов и конфисковано 65 единиц оружия. Однако части членов организации удалось уйти, и они продолжали свою деятельность под руководством заместителя «Отто» «Рудого». В августе «Рудый» был убит в бою, а его группа окончательно ликвидирована ⁷⁶.

В феврале 1946 г. в Кротошинском и Яроцинском уездах возобновил свою деятельность отряд ВСГО «Варта» под командованием «Бура». 25 мая бандиты «Бура» убили начальника уездного управления общественной безопасности в Кротошине — Игнация Сыновца. Оперативная группа, преследовавшая банду после убийства, попала в засаду. Семь сотрудников уездного управления общественной безопасности в Кротошине погибли. Было убито десять человек из банды, в том числе и сам «Бур». С помощью отрядов 4-й пехотной дивизии Войска Польского банда «Бура» была полностью разбита ⁷⁷. Ликвидированы также группы «Джелнего», «Тома» и «Бурого».

Весной 1946 г. в западных воеводствах активизировалось послегитлеровское подполье. В марте-апреле органы безопасности раскрыли пять вооруженных групп, состоявших из бывших гитлеровских солдат и членов гитлерюгенда, рыскавших по Опольской Силезии. Эти группы занимались грабежами и террором. Подобная группа и два склада оружия были обнаружены и на территории Быстрицкого уезда.

В первой половине 1946 г. была раскрыта послегитлеровская диверсионно-террористическая организация «Свободная Германия», имевшая свои отделения на всей территории Болеславского уезда. В марте 1946 г. неонацисты из «Свободной Германии» подожгли кирпичный завод в Болеславце и заминировали пляж, в результате чего погибли или были ранены 17 человек. Энергичное расследование привело к аресту руководителя организации и 85 ее членов. Кроме того, группы «Свободной Германии» были ликвидированы в Бобрке, на заводе «Юлия», та также несколько групп в Западном Поморье. «Свободная Германия» насчитывала приблизительно 1400 человек. Большинство из них ушло от правосудия, выехав составами для репатриантов в западные оккупационные зоны Германии. Весной 1946 г. «Свободная Германия» получила поддержку от отделений американской разведки в обмен за

предоставление разведданных⁷⁸. Кроме того, за период с марта по июнь 1946 г. аппарат безопасности ликвидировал в Силезии несколько групп «Вервольфа», а также неонацистские организации «Эдельвейс-Пиратен» в Бжеге и Любани и «Грин Крос» в Валбжиге⁷⁹.

Борьба с реакционным подпольем НСЗ и ВиН, с нелегальными политическими организациями и их диверсионной пропагандой, с националистическим подпольем ОУН-УПА и гитлеровским «Вервольфом» была тесно связана с проходившей в стране весной 1946 г. классовой и политической борьбой между партиями демократического блока во главе с Польской рабочей партией и легальной оппозицией, сгруппировавшейся вокруг ПСЛ. В ряде случаев органы безопасности выявили тесные связи ПСЛ с подпольем, обнаруживая факты, свидетельствующие о принадлежности многих членов ПСЛ к нелегальным вооруженным организациям.

Многочисленные данные об этих связях содержались в выступлении 26 апреля на десятой сессии Крайовой Рады Народовой министра общественной безопасности Станислава Радкевича⁸⁰. Он привел много конкретных фактов о сотрудничестве ПСЛ с вооруженным подпольем и нелегальными политическими организациями. Он рассказал также о борьбе аппарата безопасности за упрочение народной власти. По данным, приведенным министром, до апреля 1946 г. аппарат безопасности ликвидировал 191 вооруженную организацию и группу и захватил 15 тыс. единиц оружия. За это время от рук бандитов погибло приблизительно 7 тыс. человек, из них около тысячи сотрудников аппарата безопасности и милиционеров. Террор, грабеж государственного имущества, разведывательная деятельность, тайная пропаганда против народной власти — вот те средства, с помощью которых реакция пыталась проложить себе дорогу к власти. Эта деятельность была инспирирована разведцентрами некоторых западных держав.

Постепенное укрепление связей между миколойчиковским ПСЛ и вооруженным подпольем было типичным проявлением усиливавшегося наступления реакции против Народной Польши. В связи с приближавшимся референдумом оппозиция мобилизовала все силы, чтобы сеять хаос, подорвать доверие к народной власти и ограничить политическое влияние партий демократического блока.

В условиях растущей активности лагеря реакции, и главным образом террористической деятельности подполья, принципиальное значение приобретал вопрос о проведении

референдума в спокойной обстановке. Органом, координировавшим усилия разных правительственных ведомств по обеспечению порядка, спокойствия и безопасности населения во время голосования, был Государственный комитет безопасности. Главными звеньями комитета на местах были охранные группы, прикрепленные к отдельным окружным комиссиям и насчитывавшие от 5 до 20 человек в зависимости от степени напряженности обстановки в районе. Предусматривалась и охрана транспортировки документов. Кроме того, на местах действовали группы охраны, обеспечивавшие безопасность пропагандистам, выделенным партиями демократического блока⁸¹.

Группы охраны были усилены военными отрядами и, прежде всего, частями Корпуса внутренней безопасности. Большую роль в укреплении сил общественной охраны порядка сыграл также Добровольный резерв гражданской милиции, созданный декретом Совета Министров от 21 февраля 1946 г. ОРМО состоял из рабочих и крестьян, которые по призыву народной власти с оружием в руках выступили против террора подполья. Во время референдума ОРМО насчитывал свыше 40 тыс. человек, из них более половины являлись членами ППР⁸².

Акция охраны референдума была очередным этапом в борьбе с подпольем и ограничила его террористическую деятельность. В ходе ее значительно увеличились потери подполья. В течение первых шести месяцев 1946 г. погибло 1527 членов вооруженных организаций, 13 808 было арестовано. Было захвачено 6822 единицы оружия. Если по данным главного штаба Корпуса внутренней безопасности в январе 1946 г. на территории всей страны действовало 222 вооруженные организации и группы, то в июне их число уменьшилось до 125. В первом полугодии 1946 г. подполье совершило 4234 нападения, из них 2074 террористических и 2160 грабежей, вследствие этих нападений 639 человек было ранено и 502 — уведено в лес. В большинстве случаев эти люди были убиты. В ходе борьбы с вооруженным подпольем погибли 1693 человека, в их числе 430 сотрудников аппарата безопасности и МО, 385 солдат и офицеров, 152 демократических деятеля, 119 из них — члены ППР⁸³.

Во время референдума вооруженные банды подполья совершали акты террора против активистов партий демократического блока и окружных комиссий. Только за период с 15 июня по 2 июля органы безопасности зарегистрировали 250 нападений, целью которых было помешать

проведению референдума. От пуль бандитов погибло 14 членов окружных комиссий, семь были ранены. В день голосования совершено 22 бандитских нападения. Было сорвано и много попыток похитить избирательные урны. Во время акции охраны референдума был ликвидирован штаб «Орлика», погиб и руководитель организации. В Белостокском воеводстве органы безопасности разгромили банду ВиН «Ор-Ота»⁸⁴. В ходе референдума были успешно проведены и многие другие акции, о которых уже упоминалось выше.

Акция охраны референдума защитила население от террора подполья и не позволила сорвать народное голосование. Агитация и пропаганда, которую проводили во время подготовки и проведения референдума партии демократического лагеря, ослабили влияние реакционной «черной пропаганды» и нелегальных листовок, ограничив тем самым политическое воздействие ПСЛ и вооруженного подполья. Подавляющее большинство народа высказалось за Народную Польшу, ответив на вопросы референдума «трижды — да»⁸⁵.

Победа демократического блока в референдуме 30 июля предопределила окончательное поражение миколайчиковского ПСЛ и всех реакционных сил, включая вооруженное подполье, и укрепление народной власти в Польше.

**ВООРУЖЕННОЕ ПОДПОЛЬЕ
И ЛЕГАЛЬНАЯ МИКОЛАЙЧИКОВСКАЯ
ОППОЗИЦИЯ В ПЕРИОД,
ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ВЫБОРАМ
В СЕЙМ ПОЛЬШИ**

С победой партий демократического блока в референдуме в Польше сложилась новая политическая ситуация. В миколайчиковском лагере четко обозначился политический и организационный распад, суживалась его социальная база. Широкие круги польского общества в то время уже смогли проследить связь между легальной миколайчиковской оппозицией, сосредоточенной в ПСЛ, и нелегальным террористическим подпольем. Поражение в общенародном референдуме положило начало массовому переходу членов ПСЛ в Стронництво людове и сокращению численности ПСЛ.

Выступлением государственного секретаря США Джеймса Бирнса в Штутгарте 6 сентября 1946 г. западные державы (США, а затем и Великобритания) начали кампанию открытой поддержки германского ревизионизма и антипольской политики по вопросу о границе по Одре и Нысе¹. Эта кампания натолкнулась на резкий протест политических партий демократического блока, всего польского общества, а также поляков за границей². Однако ПСЛ не определило своего мнения по данному вопросу. Миколайчик продолжал выдвигать прозападные декларации, поставив тем самым собственные политические интересы выше интересов народа. Он не выступил с ясным заявлением в защиту западной границы, что повлияло на дальнейшее ослабление позиций ПСЛ.

Падение влияния ПСЛ повлекло за собой существенные изменения в тактике этой партии. Во второй половине 1946 г. ПСЛ не только пошло на углубляющееся сотрудничество с подпольем, но и само начало переходить к конспиративной деятельности, чтобы шире использовать нелегальные формы политической борьбы. Одновременно на II-й сессии КРН делегаты ПСЛ открыто выступили в

защиту вооруженного подполья. Руководители ПСЛ пытались оправдать террор подполья необходимостью «самообороны общества» от мнимых репрессий государственной власти. Выступления делегатов ПСЛ натолкнулись на решительный отпор делегатов ППР, ППС и СЛ и повлекли за собой дальнейшую изоляцию миколайчиковского лагеря.

Политика Миколайчика и компрометация ПСЛ, вызванная его связями с подпольем, привели к образованию оппозиционной группы в Верховном исполнительном комитете ПСЛ. Показателем усиливавшихся стремлений к разрыву с политическим направлением Миколайчика был выход из ПСЛ части его деятелей во главе с Тадеушем Рекем и создание еще во время проведения референдума отдельной партии под названием ПСЛ-«Новое освобождение» (ПСЛ-«Нове wyzwolenie») ³.

Резко негативная позиция Миколайчика в отношении новых предложений Польской рабочей партии по вопросу о создании совместного избирательного блока повлияла на обострение классово-борьбы в стране. Во второй половине 1946 г. возросло число террористических нападений и грабежей, совершаемых подпольем, которое таким образом пыталось пресечь любые проявления лояльности населения по отношению к народной власти. В то время реакционные группировки рассчитывали на вооруженную интервенцию западных государств, обострение международной обстановки и начало третьей мировой войны. За месяц до выборов в сейм Миколайчик направил правительствам держав, которые подписали Ялтинское соглашение, меморандум по вопросу о контроле над выборами в Польше, что вызвало ноты Великобритании и США, представлявшие собой грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

Тем временем в связи с наступившими выборами в сейм приближалась решающая схватка с противниками народно-демократического строя в Польше.

На передовой линии фронта находились активисты Польской рабочей партии, которые не щадили сил, чтобы наладить массовую пропагандистскую работу и непосредственным участием в мероприятиях аппарата безопасности и армии, направленных против вооруженного подполья, содействовать стабилизации жизни в стране. Под руководством ППР все демократические партии объединились на борьбу с силами реакции.

В сентябре 1946 г. пленум ЦК Польской рабочей партии выступил с инициативой проведения широкой полити-

ческой кампании против ПСЛ, за упрочение единства действий ППР и ППС. После вторичного отказа руководства ПСЛ от предложения создать совместный избирательный блок ППР, ППС, СЛ и СД подписали соглашение об общем избирательном списке. С этого момента и началась предвыборная кампания.

В июле Государственная комиссия безопасности издала директивы по борьбе с подпольем, подписанные главным командующим Войска Польского и министром общественной безопасности, явившиеся одновременно основой для координации действия аппарата безопасности, Корпуса внутренней безопасности, гражданской милиции и Войска Польского⁴. В директивах предусматривались три этапа подготовительной работы с целью охраны избирательной кампании. Первый этап (до 15 августа) — подготовка к акции воинских частей, реорганизация и количественное расширение ОРМО, который оказался очень ценной политической силой, несмотря на неизбежные ошибки, происходившие из-за отсутствия подготовки, а также укрепление кадров МО и аппарата безопасности. Второй этап (с 15 августа до конца сентября) — подготовка пропагандистского актива к проведению разъяснительной работы среди населения и материальное обеспечение воинских частей. И, наконец, третий этап (с конца сентября до выборов) — период решительной борьбы с подпольем. Комиссия предусматривала, что в результате поражения оппозиции на референдуме и сужения социальной базы подполье усилит террор непосредственно перед выборами. Что касается борьбы с украинским буржуазно-националистическим подпольем, то комиссия предписывала максимально ускорить переселение украинского населения и не допускать, чтобы борьба с бандами УПА велась только воинскими частями.

Во время референдума вооруженные организации подполья были принуждены ограничить свою деятельность, но сразу же после референдума усилили террор и грабежи, особенно в тех районах, откуда временно были отозваны части Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского. Отдельные группировки, отряды и банды подполья, исходя из опыта предыдущего периода, стали действовать небольшими группами численностью до 20 человек. Таким группкам было легко найти убежище в различных тайниках и часто менять местонахождение. Кроме того, происходило дальнейшее расширение разведывательной сети подполья. В связи с усилением активности банд во многих уездах, еще недавно спокойных, напряженность обстановки

значительно возросла. Это проявилось уже в июле 1946 г., когда было совершено 924 нападения — 355 террористического характера и 569 грабежей. Тогда же было убито 356 демократических деятелей. Объектами атак подполья часто становились отделения МО, на которые в июле было совершено 70 нападений. В тот же период в боях погиб 91 милиционер, а 24 уведены в лес. Во время грабежей члены подполья захватили около 12 млн. злотых. В последующие месяцы эти цифры систематически возрастали: в сентябре они достигли приблизительно 16,5 млн., а в октябре — 33,5 млн. злотых. Грабежами занимались не только большие банды, действовавшие в воеводствах, где складывалась наиболее угрожающая обстановка, но и мелкие группы, состоявшие из уголовников. Например, в Познанском воеводстве, где во второй половине 1946 г. было относительно немного подпольных организаций, резко увеличилось количество нападений, и прежде всего грабежей.

В июле 1946 г. отряды Корпуса внутренней безопасности провели в стране 187 операций, из них основные на территории Жешувского (33), Варшавского (26), Белостокского (22) и Келецкого (26) воеводств. Силами аппарата безопасности, армии и МО в июле всего была проведена 641 операция, в ходе которой был уничтожен 271 член подполья, 97 — ранено и 44 арестовано. Захвачено большое количество военного снаряжения — 1020 единиц оружия и более 150 тыс. штук боеприпасов⁵.

Наиболее активную деятельность нелегальные вооруженные организации развернули в последнем квартале 1946 г. — непосредственно перед выборами. Этот же период характеризовался напряженной деятельностью аппарата безопасности и воинских частей. Террор вооруженных отрядов подполья, и особенно массовые зверства в отношении гражданского населения, усиливали изоляцию и осуждение подполья всем народом. В то же время органы народной власти, решительно выступая против нарушения общественного порядка, спокойствия и безопасности граждан, завоевывали все большие симпатии общества, и прежде всего бедного крестьянства, которое подвергалось террору бандитов.

В октябре 1946 г. по всей стране подполье совершило 1214 нападений (324 — террористического характера и 890 грабежей), в ноябре — 1340 (369 — террористического характера и 971 грабеж), а в декабре их число снизилось до 866 (террористического характера — 316, грабежей —

550). Количество убитых соответственно составляло в отдельные месяцы 234, 271 и 117, в целом 622 человека. В течение этих трех месяцев было захвачено 140 и ранено 365 человек. Наибольшее число грабежей совершено в октябре. В последующие месяцы в результате мер, принятых аппаратом безопасности, снизилось количество нападений на банки, железнодорожные кассы и конвои, сопровождавшие большие суммы денег. Однако за эти три месяца было награблено приблизительно 100 млн. злотых ⁶.

В октябре 1946 г. аппарат безопасности провел всего 729 операций против подполья. В ходе этих операций в боях было убито 214 членов нелегальных вооруженных организаций, 47 — ранено, 821 — арестован; захвачено 979 единиц оружия. Аналогичные данные за ноябрь: операций — 700, убитых в боях — 130, раненых — 34, арестованных с оружием в руках — 1019, подозреваемых — 753. Захвачено 735 единиц оружия. В декабре: операций — 601, убитых в боях — 139, раненых — 333, арестованных — 1428. Захвачена 91 единица оружия. По данным главного штаба Корпуса внутренней безопасности в июле в стране действовали 162 подпольные организации и вооруженные группы, а в декабре — 107 ⁷. Произошло не только сокращение числа организаций, но и их значительное распыление. Именно это создавало дополнительные трудности при организации военных операций, которые до сих пор были нацелены прежде всего на борьбу с большими группами подполья ⁸.

Тяжелые бои шли в течение всей второй половины 1946 г. в Варшавском воеводстве. На территории воеводства очень четко обозначились две тенденции, характерные для того периода, а именно: вместе с явным ростом агрессивности подполья одновременно резко сужалась его социальная база. Нарастали тревога и беспокойство в широких слоях общества, особенно среди крестьянства, которое все более отчетливо стремилось к мирной жизни. Население требовало, чтобы государственные власти положили конец вооруженным действиям подполья. В это же время члены многочисленного в этом районе ПСЛ переходили в другие партии. В Гостыненском уезде — одном из тех, где ПСЛ прочно обосновалось, активисты и члены этой организации массово перешли в СЛ уже в августе. Определенную роль сыграли разоблачения органами безопасности связей местной ПСЛ с подпольем, особенно в северо-западных уездах, и аресты скомпрометированных членов ПСЛ. В ноябре во всех уездах воеводства происходили

дальнейшее падение влияния ПСЛ и переход ячеек и гминных правлений в СЛ⁹.

В последнем квартале 1946 г. нелегальные организации усилили террор во всем воеводстве. От пуль противников народной власти погибло 35 членов ППР, из них 8 — в Маковском уезде¹⁰. Подполье развернуло широкую пропагандистскую деятельность. В октябре в восточной части воеводства ВиН продолжала акцию «О», в большом количестве рассылая членам ППР и ППС, а также сотрудникам МО и аппарата безопасности анонимки с угрозами. Согласно организационным отчетам ВиН в октябре — ноябре намеревалась распространить 17 тыс. клеветнических листовок. В одном только Остроленском уезде окружная организация ВиН должна была разослать по почте 150 анонимок с угрозами¹¹.

Деятельность подпольных организаций встречала решительный отпор сил безопасности. За период с сентября по декабрь 1946 г. отряды Корпуса внутренней безопасности провели 302 операции против подполья на территории Варшавского воеводства. Большой вклад в борьбу с противниками народной власти внес также ОРМО, численность которого в ноябре возросла до 7440 членов¹².

С июля по ноябрь 1946 г. был разоблачен, а затем и ликвидирован округ ВиН в Остров-Мазовецкой. В августе была частично разгромлена банда «Понурого», а в октябре — банда «Пжелотного», которые подчинялись названному округу. В ноябре разведывательные операции завершились, и в декабре округ ВиН был полностью ликвидирован¹³. В Гостынинском, Джалдовском и Липновском уездах с августа по ноябрь обезвреживали членов вооруженной организации РОАК. В частности, при деятельном участии ОРМО в Джалдовском уезде была разгромлена банда «Баля», насчитывавшая 28 членов¹⁴. В июле отряды Корпуса внутренней безопасности окружили и частично разгромили группу НЗВ «Рекина» из 36 бандитов¹⁵. В Остроленском, Островском, Маковском и Пшасниском уездах было проведено много операций против разбойничавших там вооруженных отрядов НЗВ. В отдельных акциях в августе и сентябре были разбиты четыре подразделения группы «Мечислава». В результате сведений, полученных уездным управлением общественной безопасности в Шчитне, был обнаружен штаб инспектората округа НЗВ «Мазовше» и Остроленский округ ВиН. В самом начале января 1947 г. был арестован один из руководителей НЗВ «Млот»,

его ближайшие сотрудники и члены подчиненных ему групп — всего 88 человек ¹⁶.

Очередным поражением подполья стала добровольная явка членов ВиН и НЗВ в органы безопасности. Только в течение сентября и октября 1946 г. в Остроленкском уезде легализовалось свыше 600 членов названных организаций ¹⁷.

Стремясь продемонстрировать свою силу, отряды ВиН под командованием «Пжелотного» 25 ноября напали на Пултуск, захватили тюрьму и освободили 48 заключенных. Во время боев в городе погибло шесть человек. Потери «Пжелотного»: трое убитых и несколько раненых ¹⁸. 13 декабря остававшиеся еще в подполье бандиты «Млота» задержали под Соколов-Подляским три автомашины, в которых ехали активисты ППР, работницы Ходаковской фабрики искусственного шелка, направленные партией на проведение предвыборной кампании в Соколовский уезд. Бандиты увели, а затем убили восьмерых рабочих и двух солдат Корпуса внутренней безопасности ¹⁹. Оба нападения, в особенности убийство рабочих из Ходакова, решительно осудило общественное мнение.

В районе, где действовали разоблаченные группы «Млота», служба безопасности арестовала 58 членов подполья ²⁰. В ноябре — декабре оперативные группы аппарата безопасности, Корпуса внутренней безопасности, Войска Польского и гражданской милиции провели еще много операций против группировок ВиН, РОАК и НЗВ в Варшавском воеводстве. В ходе этих акций было убито 45 членов вооруженных организаций, 1977 — арестовано и 39 по приговору военно-полевых судов расстреляно. Было конфисковано 635 единиц оружия и значительное количество боеприпасов и взрывчатки ²¹.

В результате этих решительных шагов подполье понесло ощутимые потери, что привело к ограничению террористических нападений во время выборов. Варшавский воеводский комитет Польской рабочей партии так оценивал позицию и деятельность аппарата безопасности: «Во время избирательной кампании органы безопасности — УБ, МО и ОРМО — работали с большой самоотверженностью, содействуя ликвидации банд и предоставляя нашим агитационным группам возможность ведения пропаганды на местах» ²². Такую же оценку аппарат безопасности заслужил и в других воеводствах, где во второй половине 1946 г. тоже шли тяжелые бои с нелегальными вооруженными организациями.

Одним из наиболее опасных центров подполья были западные уезды Белостокского воеводства. В Бельском, Высокомазовецком, Ломжинском и Белостокском уездах ВиН и НЗВ прочно закрепились. Члены ПСЛ, действовавшие в подполье, продолжали состоять в сговоре с нелегальными организациями. Пропаганда подполья вызывала политическую дезориентацию населения и неуверенность, которая усугублялась террористической деятельностью²³.

В Белостокском воеводстве подполье продолжало совершать кровавые преступления. В ночь с 3 на 4 июля в с. Каменка были убиты Юзеф Пашка с двумя дочерьми и Бронислав Зулко с сыном²⁴. Отряд ВиН «Крета» 21 августа на шоссе Милейчице — Сематыче убил Теодора Янушевича — секретаря гминной ячейки ППР из Милейчиц. На захваченной автомашине бандиты поехали в Ключкович, где убили секретаря гминной ячейки ППР Ежи Бурыча²⁵. Навещая семью, в с. Слойники погиб сотрудник уездного управления общественной безопасности в Граеве Станислав Брошко²⁶.

2 сентября на железнодорожной станции в Ляпах группы подполья похитили 750 тыс. злотых²⁷. 17 ноября там же подразделение ВиН «Бартоша» напало на кооперативные магазины. Бандиты захватили 600 тыс. злотых и товаров на сумму 400 тыс. злотых. Оставшуюся часть товаров они уничтожили. С осени 1946 г. кооперативные магазины все чаще становились объектами нападения²⁸.

За период с июля до конца ноября на территории Белостокского воеводства аппарат безопасности провел 160 операций против подпольных организаций, в ходе которых 24 бандита были убиты в бою и 756 — арестованы²⁹. В июле органы безопасности Белостокского воеводства раскрыли группу членов ВиН из 35 человек, среди которых находился начальник разведки Белостокского округа ВиН «Валериан» и несколько его ближайших сотрудников. В тот же период была ликвидирована нелегальная типография округа ВиН³⁰. Непосредственно перед выборами аппарат безопасности и гражданской милиции вместе с отрядами Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского провели на территории Белостокского воеводства 119 операций, в ходе которых 17 членов нелегальных организаций было убито и 577 — арестовано³¹.

Осенью 1946 г. в Люблинском воеводстве действовали 32 крупные вооруженные группы подполья: 21 из них, численностью около 1100 человек, подчинялась ВиН и РОАК; семь, численностью около 280 человек, — НСЗ и четыре,

насчитывавшие около 960 человек,— УПА. Всего в подполье оставалось приблизительно 2300 человек. С 1 по 20 июля подпольные организации совершили на территории воеводства 203 нападения, в том числе 77 террористического характера, в ходе которых было убито 77 человек — 14 членов ППР, 32 сотрудника аппарата безопасности и МО, 21 солдат и десять граждан. Уведено в лес 15 человек. В августе—декабре было совершено 768 нападений и убито приблизительно 250 человек³². В ночь с 23 на 24 сентября вооруженный отряд ВиН «Запоры» под Бельжицами напал на оперативную группу, состоявшую из солдат Корпуса внутренней безопасности и сотрудников милиции. В бою погибли 14 солдат и шесть милиционеров³³. В ночь с 31 октября на 1 ноября группа ВиН «Ястжеба» напала на Лончню. Были убиты 61-летний Михал Волча с двумя сыновьями, Станислав Ситка с женой Хеленой, Болеслав Краевский, а также Мачановский, Кушлинский, Кунак и Рейтер. Это было уже второе нападение на Лончню (первое было организовано в августе). В ноябре отряды «Ястжеба» и «Ускока» совершили два нападения — 23 ноября на Хелм, а через несколько дней — на с. Розкопачев, которое подожгли из мести за участие местной части Добровольного резерва гражданской милиции в операциях против подполья³⁴.

Люблинская организация Польской рабочей партии и местные органы безопасности неутомимо боролись с разбойничавшими в воеводстве бандами. В августе на основании специального приказа (№ 70) министра общественной безопасности были созданы оперативные группы для борьбы с особо агрессивными отрядами подполья³⁵.

В августе 1946 г. в результате операций, проведенных аппаратом органов безопасности и отрядами Корпуса внутренней безопасности, были ликвидированы группы ВиН «Цыгана» и «Ягеллоньчика», а также банда НСЗ «Боруты». В боях было убито четыре члена подполья и 297 — арестовано. Было также ликвидировано подразделение «Льва». Оперативная группа захватила его врасплох. Утром «Лев» пытался выйти из окружения. После многочасового боя было убито шесть человек вместе с командиром и четверо — взято в плен. В Томашовском уезде местное уездное управление общественной безопасности раскрыло два отделения ВиН и арестовало 31 члена этой организации³⁶.

В сентябре уездное управление общественной безопасности в Лукове ликвидировало действовавшую в уезде

организацию РОАК. Во время арестов выяснилось, что все члены РОАК являются одновременно и членами ПСЛ. 25 сентября было разгромлено подразделение «Запоры», которое под командованием «Била» разбойничало в Красноставском уезде. В бою погиб «Бил» и четверо его людей, остальным удалось уйти³⁷. В октябре произошло столкновение с отрядом ВиН «Клоса», действовавшим в Седлецком уезде. Было уничтожено десять бандитов, четверо — арестовано. Оперативная группа захватила десять единиц оружия и два грузовика, нагруженные добычей, награбленной «Клосом» накануне на железнодорожной станции Шанявы. Вскоре после этого оперативная группа уездного управления общественной безопасности снова атаковала отряд «Клоса» в Лукове. В ходе боя, который длился 2 часа, было убито девять бандитов и схвачен — один. Кроме того, отряд потерял 45 единиц оружия. 13 декабря во время очередного столкновения шесть человек «Клоса» были убиты, 15 — арестованы³⁸. В октябре-ноябре было ликвидировано подразделение «Жоржа» из отряда «Запоры», его потери составили трое убитых и пять арестованных. Оперативная группа разгромила и банду «Шатана», действовавшую в Любартувском уезде³⁹.

В течение ноября-декабря на основании разведанных и обширных следственных материалов воеводское управление общественной безопасности провело акцию по ликвидации руководящего актива нелегальных организаций Люблинского воеводства. В ноябре арестовали «Януша», заместителя коменданта Люблинского округа ВиН, а также начальника разведки того же округа. Вместе с ними было задержано несколько человек, связанных с комендатурой округа. Были арестованы: комендант Любартувского и Крашницкого округа ВиН, а также штаб Люблинского инспектората ВиН. В Красноставском уезде в результате операции, продолжавшейся 18—23 ноября, были арестованы: комендант местного округа РОАК и 28 членов РОАК и НСЗ. Были схвачены и многие представители руководящего актива организации ВиН в Замойском и Хрубешовском уездах⁴⁰. Характерно, что в декабре органы безопасности Люблинского воеводства зарегистрировали спад активности всех крупных подпольных организаций⁴¹.

Во второй половине 1946 г. банды УПА начали очередные, широко запланированные акции сожжения оставленных репатриантами сел и кровавых террористических нападений, направленных против представителей государ-

ственной власти, армии, политических деятелей, против гражданского населения. Зверские убийства всех, на кого лишь падала тень подозрения в доброжелательном отношении к Народной Польше, применение бандами тактики «сожженной земли» — все это должно было сделать невозможной нормальную жизнь в этих районах. Таким образом украинское буржуазно-националистическое подполье хотело укрепить свои позиции, рассчитывая на скорое начало мировой войны и выступление западных держав против Советского Союза и Народной Польши.

В ожидании развития событий банды УПА принялись запасаться продовольствием и одеждой на зиму, а также прятать эти запасы в хорошо замаскированных бункерах в лесах и других труднодоступных местах. Они собирали урожай на оставленных полях, запрещая появляться там жителям соседних сел, или облагали население данью натурой, прежде всего зерном и одеждой. Члены УПА готовили себе и зимние квартиры в бункерах, намереваясь таким образом преодолеть трудности, вызванные переселением из района их действий значительной части украинского населения⁴², на которое они пытались опереться. Руководители отдельных организационных единиц УПА и ОУН сознавали нежелание значительной части оставшегося еще в этом районе украинского населения продолжать сотрудничество с бандами и пораженческие настроения у членов УПА. Это сопровождалось ослаблением повиновения главарям банд и все более частыми случаями дезертирства из подпольных отрядов⁴³. В этой ситуации руководящий состав УПА и ОУН главный упор делал на развертывание широкой подрывной пропаганды среди местного населения и солдат воинских частей, участвовавших в борьбе с бандами. Содержанием пропаганды была клевета на Советский Союз и Народную Польшу, а целью — разобщение польского и украинского народов.

Несмотря на ряд ликвидационных акций, проводимых оперативными группами органов безопасности, а также отрядами Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского, осенью 1946 г. банды УПА были все еще достаточно многочисленны. В Пшемысльском уезде под общим командованием «Бурлака» действовали шесть банд УПА общей численностью около 700 человек. В Любачовском и Ярославском уездах действовало пять банд УПА во главе с «Железняком». Их численность составляла более 500 человек. В Санокском уезде во главе группировки из трех банд УПА стал «Бир». В целом в них насчитывалось

около 250 человек. Своими действиями они охватывали и южные районы Кросненского и Бжозовского уездов ⁴⁴.

Борьба с бандами УПА имела своей целью ликвидацию вооруженных отрядов и их тылового обеспечения. Только в октябре 1946 г. во время операций против УПА было уничтожено 64 бункера и шалаша, отведенных под жилье, а также конфискованы значительные запасы зерна и других продовольственных продуктов, спрятанных в хорошо замаскированных складах. В вооруженных столкновениях было убито 62 бандита, 168 — арестовано, захвачено 93 единицы оружия ⁴⁵.

Обычно курени и сотни избегали открытых боев с воинскими частями, чаще нападая из засады. Поэтому борьба с ними требовала необычайной физической и психологической стойкости. Оперативные группы аппарата безопасности, Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского почти в каждой операции наталкивались на несколько засад. Несмотря на ощутимые недостатки в снабжении продовольствием, обмундированием и обеспечении снаряжением и горючим, они должны были изо дня в день вести бои с бандами, участвуя в операциях по трое, четверо суток без отдыха ⁴⁶. Банды УПА неоднократно совершали нападения на заставы войск пограничной охраны. Например, 21 сентября сотня УПА численностью 200—300 человек напала на заставу в районе Команьчи. Целую ночь солдаты выдерживали осаду и не сдались, несмотря на то что их было только 37 и они имели ограниченный запас боеприпасов ⁴⁷.

Кроме банд УПА, на территории Жешувского воеводства действовало много вооруженных групп ВиН и НСЗ. Одной из наиболее опасных считалась банда НСЗ «Жибрида», которая располагала базами в Санокском уезде, охваченном действиями банд УПА. Поэтому она неоднократно вела тайные переговоры с украинскими националистами и вместе с ними организовывала нападения, целью которых были зверские убийства и грабежи. Группы НСЗ несли серьезные потери в боях с оперативными группами, поэтому во второй половине 1946 г. они уже старались не нападать на отделения милиции и военные отряды, а безжалостно грабили и терроризировали население сел в районе их действий. Для местного крестьянства, особенно для сельской бедноты, они были настоящим бедствием. В этой ситуации население охотно сотрудничало с органами безопасности в поисках защиты от бандитов.

Четкие действия аппарата безопасности, и прежде всего самоотверженность его работников и помощь местного населения, привели к тому, что осенью 1946 г. подполье в Жешувском воеводстве понесло чувствительные потери. С территории воеводства были изгнаны отряды ВиН «Запоры» и НСЗ «Воляняка». Было ликвидировано несколько более мелких вооруженных групп, а также банда НСЗ «Короны» — «Кракуса», действовавшая в Кросненском уезде, и отряд НСЗ «Мундека». Группа «Жибрида», которая еще разбойничала в Санокском уезде, подверглась значительному организационному распаду. Самого «Жибрида» выгнали из банды, и он был вынужден скрываться один ⁴⁸.

В Жешувском воеводстве бои с бандами УПА, НСЗ и ВиН вела оперативная группа «Жешув», состоявшая из отрядов Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского. Она существовала с апреля до конца октября 1946 г. Когда оперативная группа «Жешув» завершила свою деятельность, число подпольных организаций, действовавших в воеводстве, сократилось наполовину, а число членов этих организаций уменьшилось с 8 до 2 тыс. Сократилось и количество нападений — в июне их было 91, в октябре — 30. В ходе боев, проведенных оперативной группой «Жешув», было уничтожено более 910 членов подпольных организаций и более тысячи арестовано. Солдаты ликвидировали большое число тайников и бункеров противника, а также захватили 1220 единиц оружия ⁴⁹.

В ноябре и декабре воинские части, откомандированные аппаратом безопасности для охраны выборов, вновь активизировали акции против подполья в Жешувском воеводстве. В это время оперативные группы аппарата безопасности произвели 657 обысков, в ходе которых было обнаружено много оружия, листовки и часть архива нелегальных организаций. Кроме того, были раскрыты связи ПСЛ с нелегальными организациями вооруженного подполья в Жешувском, Ясельском и Пшемысльском уездах. В частности, в помещении уездного правления ПСЛ в Пшемысле было найдено 50 антисоветских и антигосударственных листовок. В предвыборный период органы безопасности арестовали на территории воеводства 1387 человек — членов нелегальных организаций или банд грабителей, а также подозреваемых в сотрудничестве с ними ⁵⁰.

В августе 1946 г. в Келецком воеводстве действовало девять крупных вооруженных групп ВиН и НСЗ, вместе насчитывавших около 300 человек, а также много банд

грабителей⁵¹. С 20 июня по 10 июля в воеводстве было совершено 41 нападение и убито 12 человек. Ущерб, нанесенный тогда грабежами подполья, превысил 1 млн. злотых. В августе было зарегистрировано 66 нападений, в ходе которых погибло 13 человек. Деятельность подполья была особенно ощутима в Радомском, Илжецком и Козинецком уездах, а также в некоторых гминах Ченстоховского, Келецкого и Пеньчовского уездов⁵². В результате массового перехода членов ПСЛ в Стронництво людове и полной потере влияния ПСЛ наиболее агрессивные деятели-миколайчиковцы вошли в еще более тесный контакт с подпольем. В Сандомирском уезде член уездного правления ПСЛ организовал вооруженную группу членов ПСЛ, которая в ночь со 2 на 3 ноября напала на кооператив в Климонтове и награбила товаров на 3,5 млн. злотых. Эти суммы должны были пополнить фонды местной организации ПСЛ в предвыборный период. В результате немедленно организованной погони банда была ликвидирована, а украденные товары — найдены. Кроме того, органы власти провели обыски, во время которых у членов ПСЛ было конфисковано 57 единиц оружия, а также боеприпасы, гранаты и взрывчатка. Уездное правление ПСЛ в Сандомире было распущено⁵³.

Поворотным моментом в обнаружении и ликвидации отрядов ВиН в северных уездах Келецкого воеводства был арест «Загоньчика» — руководителя Радомского инспектората ВиН, а также нескольких его ближайших сотрудников и связных, произведенный в самом конце июля оперативной группой воеводского управления общественной безопасности в Кельце. На основании данных, установленных следствием в начале июля, аресты продолжались. В частности, были арестованы комендант Радомского округа и его заместитель, ведавший разведкой. Заместитель «Новака» по оперативным вопросам «Алох» был убит при попытке к бегству во время ареста. Независимо от этих арестов воеводское управление общественной безопасности в Кельцах запланировало ряд операций отрядов Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского против групп ВиН. В этой ситуации «Загоньчик» решился пойти на соглашение с органами безопасности и вывести из подполья подчиненные ему вооруженные организации. По просьбе «Загоньчика» был освобожден его брат, который связался с «Орионом» (он стал руководить организацией ВиН Радомского инспектората после «Загоньчика»). Затем «Орион» и начальник уездного управления общественной без-

опасности встретились в Радоме, а 30 августа состоялось совещание. В нем приняли участие руководство воеводского управления общественной безопасности в Кельце, «Загончик», «Орнон» и несколько его сотрудников. На совещании было выработано соглашение, по которому отряды ВиН, подчинявшиеся «Загончику» и «Ориону», должны были расформироваться, а члены отрядов — явиться с повинной и сдать оружие. Со своей стороны, органы безопасности гарантировали вышедшим из подполья возможность воспользоваться амнистией, а также обещали рассмотреть вопрос об освобождении арестованных членов ВиН⁵⁴.

Выход из подполья вооруженных отрядов ВиН осуществлялся в два этапа: с 6 по 10 сентября и с 11 по 21 сентября. В ликвидационные пункты явилось 415 членов организаций ВиН, сдавших 374 единицы оружия и значительное количество боеприпасов, гранат и военного снаряжения⁵⁵. Сдача «Загончика» и его подчиненных получила широкую огласку. Под влиянием этих событий в уездное управление общественной безопасности в Радоме пришли посланцы «Завои» и заявили о своей готовности выйти из подполья. Отряды «Завои» легализовывались с 15 по 23 ноября в отделении милиции в Едлинке. Всего явилось 48 человек, сдавших 56 единиц оружия⁵⁶. Деконспирация такого значительного количества членов подполья была большим политическим успехом и привела к ослаблению террористической деятельности вооруженных групп подполья. Однако не все легализовавшиеся искренне хотели использовать предоставленную им народной властью возможность возвратиться к нормальной жизни. В ноябре 1946 г. часть из них возобновила конспиративную деятельность. Так, например, явившийся с повинной «Игла» завербовал несколько бывших членов своей группы и некоторых членов отряда «Завои» и снова образовал террористическую группу из 20 человек. Аналогично поступил «Запора», создавший новую банду из 15 человек. «Орион» также попытался возобновить конспиративную деятельность, основав в Радоме молодежную организацию «Молодая Польша»⁵⁷. Однако в декабре 1946 г. вместе с несколькими своими сотрудниками он был арестован. В ходе этих арестов было обнаружено несколько складов оружия⁵⁸.

В Краковском воеводстве подполье прочно обосновалось в южных уездах, в частности в Новотаргском и Живецком, где действовали соответственно «Огень» и «Бартек». Летом 1946 г. в воеводстве было 30 подпольных организаций, в которых насчитывалось около 650 человек. Для борьбы

с этими организациями были созданы оперативные группы, расквартированные непосредственно на территории действий подполья. В зависимости от численности подполья и размеров территории, находившейся под контролем, эти группы состояли из 30—150 человек — солдат и милиционеров. Кроме того, к каждой группе было прикреплено от 2 до 11 сотрудников аппарата безопасности. За период с августа до половины ноября оперативные группы полностью очистили от подпольных организаций шесть уездов в северо-западном районе воеводства⁵⁹.

Население уездов северной части воеводства оставалось под сильным влиянием ПСЛ, которая опиралась здесь на старые традиции консервативного крестьянского движения. Во многих случаях органы безопасности установили факты сотрудничества между ПСЛ и подпольем. Например, в Вадомицком уезде убийства демократических деятелей вдохновлялись членами ПСЛ. В Бжеском уезде члены ПСЛ также поддерживали связи с подпольем и нелегально хранили оружие⁶⁰.

У действовавшей в Живецком уезде банды НСЗ «Бартека» были свои базы в Бельском и Чешиньском уездах Катовицкого воеводства. По данным органов общественной безопасности в июне — ноябре отряды Корпуса внутренней безопасности провели 23 операции, в ходе которых были ликвидированы девять подразделений «Бартека», вместе насчитывавших 202 человека. В боях были убиты 20 человек «Бартека» и 163 — арестованы⁶¹.

В предвыборный период прекратила свое существование группа ВиН «Грома». Все ее члены — 20 человек — принадлежали к ПСЛ. 4 января они выступили с заявлением о лояльности в отношении государственной власти и одновременно вышли из ПСЛ⁶².

После ареста «Варшица» его вооруженные отряды, действовавшие в Лодзинском воеводстве, утратили организационное единство. Часть из них ликвидировали оперативные группы, часть — рассеялась. Из остатков организации образовались банды грабителей, которые еще долго терроризировали местное население. Во второй половине 1946 г. в воеводстве существовало два опасных очага КВП. Это были группировки «Правдицы» и «Мурата». В то время наиболее активно действовала банда «Правдицы» из 15 человек, которая на железнодорожной станции в Розпше (Пиотрковский уезд) захватила 650 тыс. злотых. В сентябре члены подполья КВП совершили много террористических нападений в Пиотрковском уезде. Среди убитых бы-

ли Ян Вонер, секретарь воеводского комитета Стронництва людowego, и Юзеф Собехарт, второй секретарь уездного комитета ППР в Пиотркове⁶³. В августе на территории Пиотрковского и Радомшчанского уездов было проведено несколько операций против отрядов КВП. Тогда же 29 бандитов было арестовано и четверо — убито. Кроме того, были ликвидированы вооруженные группы КВП «Ежика» и «Хмуры». 31 декабря работники воеводского управления общественной безопасности в Лодзи арестовали «Януша» (он пытался восстановить КВП) и пять его сотрудников⁶⁴.

Во второй половине 1946 г. в северных воеводствах, а также в Познаньском аппарат безопасности получил возможность приступить к очищению своей территории от остатков вооруженных групп подполья. В результате мероприятий, проведенных с августа по ноябрь совместно органами безопасности Гданьского, Быдгошского и Ольштынского воеводств, была частично разбита, а впоследствии вынуждена прекратить свою деятельность одна из наиболее опасных и хорошо организованных групп в северных воеводствах банда «Лупашко». На границе Быдгошского и Варшавского воеводств действовал отряд «Вали». Для борьбы с ним была создана специальная оперативная группа. В июле 1946 г. воеводское управление общественной безопасности в Быдгощи ликвидировало группу «Бохуна» из 18 человек, которая перебралась в Быдгошское воеводство из Бялой Подляски по приказу местного коменданта округа ВиН «Зенона». Также были разгромлены банды: в Сенполинском уезде — «Ендруша» и в Серпецком — «Юзефа» — «Лиса»⁶⁵. В Познаньском воеводстве одной из наиболее опасных была послеаковская вооруженная группа «Джелнего». В результате проведенной органами безопасности работы она явилась в уездное управление общественной безопасности в Гостынине и сложила оружие. Всего пришло 28 человек. В сентябре оперативные группы воеводского управления общественной безопасности в Познани ликвидировали банды «Рыся» и «Короны». Несмотря на это, обстановка в Познаньском воеводстве была неудовлетворительной, так как здесь действовало много банд грабителей, которые наносили государству и обществу огромный ущерб⁶⁶.

Последовательная борьба аппарата безопасности против реакционного вооруженного подполья, а также прогрессивные перемены во внутренней жизни страны привели к постепенному организационному разложению подполья. После ликвидации главного командования НЗВ в

марте-апреле 1946 г. президиум СН, в то время руководивший всем «национальным лагерем», уже не предпринимал попыток возобновить деятельность руководящего аппарата НЗВ, а главный комендант этой организации фактически не имел никаких контактов с еще действовавшими на территории страны вооруженными отрядами и комендатурами НЗВ. В послеаковском подполье процесс дезорганизации проходил медленнее, но постоянно углублялся. Руководство ВиН сталкивалось со значительными трудностями в поддержании связи с отрядами на местах.

Организационное разложение ВиН проявилось в отказе командиров местных отрядов ВиН выполнять распоряжения руководителей районов и округов. Пытаясь приспособиться к новой ситуации, сложившейся в результате активизации деятельности аппарата безопасности, руководство ВиН издало приказ, в соответствии с которым вооруженные организации рассредоточивались и действовали небольшими группками, а также расширяли пропагандистскую работу. Это распоряжение не нашло поддержки у руководителей крупных группировок. Например, группировка ВиН «Млота», действовавшая на границе Варшавского, Белостокского и Люблинского воеводств, уже с весны 1946 г. стремилась подчинить себе все отряды и организационные звенья ВиН, существовавшие на территории четырех смежных уездов. В конце концов «Млот» отказался подчиниться приказам командования Белостокского округа, в частности не выполнил приказ о рассредоточении и действии мелкими группами. В Люблинском воеводстве также пришлось предоставить самостоятельность низовым организациям ВиН, что приводило к внутренним вооруженным столкновениям⁶⁷. Комендант Соколовского района ВиН распорядился не раскрывать высшему руководству организации размеры награбленных сумм и охарактеризовал ВиН как «паршивую и развалившуюся организацию». Поэтому бандиты из отдельных группировок ВиН, оставляя места своих преступных акций, обладали значительными суммами награбленных денег, которые использовались по личному усмотрению⁶⁸.

Организационное разложение и все менее четкая работа связи побуждали руководство центрального округа ВиН в целях безопасности свести до минимума контакты с низовыми звеньями организации⁶⁹. В циркуляре от октября 1946 г. комендант Белостокского округа ВиН «Юхас» приказал противодействовать явке с повинной в органы безопасности членов ВиН⁷⁰. Стремясь сдержать разложение

организации, руководство ВиН призывало подчиненных к стойкости и предсказывало скорое начало третьей мировой войны. Осенью 1946 г. комендант центрального округа ВиН издал приказ, согласно которому низовые звенья организации должны были подготовиться к началу войны. Речь шла об усилении террора и саботаже призыва в армию⁷¹. В то же время большое значение придавалось внедрению «своих людей» в Войско Польское для диверсионной работы и противодействия влиянию ППР⁷².

Как и в ВиН, во второй половине 1946 г. в СН углубилось далеко идущее разложение. Стремясь предотвратить возможное раскрытие государственным властям организационной сети подполья кем-то из своих, руководство СН создало специальный отдел информации во главе с «Бжозовским», целью которого было наблюдение за дисциплиной членов СН⁷³. Руководство СН ориентировалось прежде всего на разведывательную работу, рассматривая ее как главную задачу низовых организаций⁷⁴. Эти замыслы активно старался осуществить руководитель организационного отдела СН «Прус». В соответствии с утвержденными президиумом СН планами он должен был по всей стране организовать 28 окружных правлений СН, которые, в свою очередь, должны были создать уездные правления.

До ареста «Пруса» было образовано 11 окружных правлений. Значительно трудней оказалось установить контакты в уездах. Даже в Познаньском воеводстве, где существовали благоприятные условия для развития движения СН, организаторам округа удалось создать зачатки правлений лишь в половине уездов. Инструкции «Пруса» предусматривали, что окружное правление должно состоять из 14 человек, однако, за исключением Жешувского воеводства, где продолжал существовать округ, созданный во время оккупации, почти нигде укомплектовать правления полностью не удалось. Эти трудности объясняются опасениями членов СН перед разоблачением, которое должно было стать неминуемым результатом широких операций аппарата безопасности⁷⁵. В Краковском и Катовицком воеводствах СН удалось, однако, создать несколько ячеек «Молодежи великой Польши» (МВП — Млодзерж велькой Польски) — молодежной организации СН.

Одобрение ВиН и СН политической линии Миколайчика выразилось в соответствующем решении Согласительного комитета, куда входили представители обоих течений подполья. Считая в последние дни декабря, что шансы ПСЛ на победу в выборах все уменьшаются, Согласитель-

ный комитет организаций подпольной Польши (Комитет порозумевачи организации Польски поджемней — КПОПП) 3 января принял решение о бойкоте выборов. В духе этого решения было составлено и письмо Миколайчику⁷⁶. Однако оно не попало в руки адресата из-за ликвидации КПОПП органами безопасности. Сыграло свою роль и то, что по требованию Миколайчика главный исполнительный комитет ПСЛ 8 января принял решение о частичном бойкоте выборов (в округах, где избирательные списки ПСЛ были объявлены недействительными).

Поражение подполья во время выборов было бы невозможным, если бы аппарат безопасности не ликвидировал руководящие центры реакционного подполья, т. е. руководство ВиН и СН, а также КПОПП. Следует отметить, что подполье находилось в стадии организационного разложения, но пока продолжали действовать общепольские центры подполья, и особенно Согласительный комитет, существовала серьезная опасность, что в канун выборов нелегальная оппозиция мобилизует все свои силы для совместной акции в блоке с ПСЛ. Ликвидация центров подполья накануне выборов в значительной мере способствовала нормализации обстановки в стране и одновременно имела огромное политическое значение.

Воеводское управление общественной безопасности в Кракове напало на след разведывательной сети, действовавшей под шифром «Изба контроли» («Контрольная палата»). Эта сеть собирала материалы, добытые членами ВиН, работавшими в различных учреждениях и в армии. Донесения «Избы контроли» передавались английскому посольству в Варшаве и Миколайчику. Разоблачив лиц, действовавших в системе «Избы контроли», аппарат безопасности раскрыл несколько явок ВиН, а также связи организации на высшем уровне. Это привело к аресту главного командования ВиН. Информация, собранная органами безопасности в Кракове, послужила основанием и для ликвидации президиума СН.

В сентябре 1946 г. воеводское управление общественной безопасности в Жешуве завершило ликвидацию организации «Молодежь великой Польши» в Жешувском воеводстве. Всего было арестовано 23 человека, в том числе представители организации МВП в Саноке, Бжозове и Кросно и раскрыта группа из 50 членов МВП. В тот же период правления СН были ликвидированы и в других воеводствах. Прекратили свою деятельность окружные правления в Радоме, Ченстохове и Катовицах. Были также ликви-

рованы организации МВП в Гданьске и Гливицах. Кроме того, было разгромлено много небольших групп НСЗ в Живецком уезде⁷⁷.

В первой декаде января 1947 г. аппарат безопасности завершил ликвидацию руководящих центров ВиН и СН, а также общего органа руководства всем реакционным вооруженным подпольем — Согласительного комитета организаций подпольной Польши. Подполье в стране лишилось центрального руководства, что значительно ограничило его возможности воздействовать на результаты выборов. Миколайчик уже не мог рассчитывать на то, что организованный массовый террор подполья станет его сильным козырем в борьбе на выборах.

Несмотря на серьезное ослабление нелегальных организаций с 5 декабря 1946 г. по 24 января 1947 г. вооруженные группы подполья совершили 40 нападений на членов избирательных комиссий, 71 нападение на избирательные участки и 837 других террористических нападений и грабежей. Во время этих нападений было убито 262 человека. Защищая народную власть, погибли 89 сотрудников аппарата безопасности и гражданской милиции, 26 членов избирательных комиссий, 64 солдата Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского, в большинстве — члены Польской рабочей партии. Против подполья была проведена 851 операция, в ходе которой в столкновениях уничтожено 341 и арестовано 2528 человек, среди них члены вооруженных организаций и их сообщники. Конфисковано 1427 единиц оружия⁷⁸.

В конце декабря на границе Варшавского и Ольштын-ского воеводств появилась банда НСЗ «Тигриси» из 12 человек, которая совершила большое число нападений на отделения милиции и избирательные участки. Оперативная группа воеводского управления общественной безопасности в Ольштыне несколько дней преследовала банду и 2 января разгромила ее. 1 января оперативная группа воеводского управления общественной безопасности в Белостоке на территории Высокомазовецкого уезда ликвидировала группу НСЗ «Грифа» из 15 человек⁷⁹. В ночь с 31 декабря на 1 января оперативная группа, размещавшаяся в Радзыне, вместе с местным управлением общественной безопасности и уездной комендатурой милиции после трехчасового боя отразили нападение отрядов ВиН «Клоса» и «Ястжеба». Такое же столкновение произошло в селе Вилколас между оперативной группой и подразделением «Мизия» из группировки ВиН «Запоры». В бою

погибло четыре человека вместе с командиром, после чего банда сняла окружение с избирательного участка. В Пшемысльском уезде активизировала деятельность банда УПА «Бурлака», которая кроме нападений пыталась также проводить предвыборную пропаганду в пользу ПСЛ⁸⁰.

Попытки нарушить спокойствие в стране, бойкотировать выборы и терроризировать избирателей нигде не принесли ожидаемых результатов. Противники строя Народной Польши оказались не в состоянии осуществить свои планы.

Результаты выборов в сейм, проведенных 17 января 1947 г., предопределили победу демократических сил в стране. Партии, которые под руководством ППР создали Польский комитет национального освобождения и тем самым положили начало созданию народной польской государственности, добились на выборах полного успеха⁸¹. В результате выборов в состав сейма вошли: 394 делегата от партий демократического блока — ППР, ППС, СЛ и СД, и только 28 делегатов ПСЛ. Оппозиция Миколайчика потерпела поражение. Победа на выборах предопределила и судьбу вооруженного подполья, которое, не имея поддержки основной части польского общества, уже не могло рассчитывать на успех действий, направленных на свержение народной власти в Польше.

ЛИКВИДАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ПОЛЬШЕ

Победа демократического блока на выборах в сейм 19 января 1947 г. продемонстрировала доверие польского народа к предложенной этим блоком программе, программе восстановления и хозяйственного развития страны.

Демократические силы победили на выборах потому, что они внесли решающий вклад в борьбу за независимость, выдвинули правильную и необходимую программу и сумели успешно реализовать ее в труднейший послевоенный период.

Победа демократических партий на выборах способствовала упрочению народной власти и политической стабилизации в стране, а также росту авторитета Польши на международной арене. Создались условия для осуществления одобренного одиннадцатой сессией Крайовой Рады Народовой трехлетнего плана восстановления, охватывавшего период с января 1947 г. по декабрь 1949 г. Реализация этого плана происходила в условиях острой классовой борьбы, в ситуации, которая складывалась благоприятно для демократических сил¹.

Преодолев оппозицию ПСЛ, демократическое правительство получило возможность сконцентрировать все силы на хозяйственной деятельности, осуществлении задач трехлетнего плана в интересах дальнейшей стабилизации и нормализации жизни в Польше.

Стабилизации и политической нормализации в стране, несомненно, способствовал закон об амнистии. Он был единогласно одобрен сеймом 22 февраля 1947 г. и преследовал цель облегчить возвращение к нормальной жизни лицам, вовлеченным во враждебную деятельность и преступления против польского государства. Он явился проявлением гуманности народной власти и в то же время был свидетельством ее силы и прочности общественно-политических отношений в Польше. Комиссии по амнистии.

состоявшие из представителей органов общественной безопасности, местной администрации и органов самоуправления, начали свою деятельность 25 февраля 1947 г., а завершили 25 апреля того же года.

Еще перед вступлением закона об амнистии в силу по инициативе Министерства общественной безопасности состоялась межведомственная конференция, в которой приняли участие представители Министерства общественной безопасности, министерств труда и общественного призрения, общественной администрации, воссоединенных земель, торговли и снабжения, финансов и Министерства обороны. На конференции была создана Комиссия по оказанию помощи амнистированным², где общественность была представлена польским Красным крестом.

Комиссия детально определила формы помощи амнистированным, а именно: бесплатный проезд к месту проживания или работы, направление на работу в случае, если амнистированный этого пожелает. Кроме того, в особых случаях помощь могла оказываться деньгами, предоставлением обуви, одежды и т. д. Комиссии помощи амнистированным были образованы также в воеводствах и уездах. Лица, пожелавшие воспользоваться амнистией, как правило, являлись с повинной в индивидуальном порядке, заявляя, что они еще раньше порвали с преступной деятельностью. Только отдельные личности признавались в том, что они принимали участие в преступной деятельности вплоть до момента явки с повинной³.

Амнистия вызвала интерес и оживленные комментарии польской общественности. В целом, она была встречена с большим удовлетворением. Об этом свидетельствуют доклады руководителей воеводских управлений общественной безопасности, присланные в Министерство общественной безопасности. Так, руководитель Краковского воеводского управления общественной безопасности писал: «Закон об амнистии встречен с большим удовлетворением; население отзывается о нем как об акте великодушия со стороны правительства, которое предоставляет виновным возможность вернуться к нормальной жизни. Население выражает удовлетворение тем, что, наконец, наступит порядок, не будет грабежей и убийств, и верит, что это повлияет в положительном смысле на созидательную работу по восстановлению страны. Раздаются, однако, голоса, что объявленная амнистия носит слишком широкий характер, что совсем недавно совершалось много зла, которое должно быть наказано. В то же время силы подполья вследствие

частичного разгрома в некоторых уездах терпят крах. Об этом свидетельствуют факты явки с повинной участников банд еще до объявления амнистии»⁴.

О такой же реакции общественности сообщали и из других воеводств. Несмотря на это, число лиц, явившихся с повинной в первые дни, оказалось не слишком большим. С 25 февраля по 6 мая 1947 г. с повинной явилось 1443 человека, было сдано 1125 единиц оружия. Наибольшее количество людей оставило банды в Люблинском (451 человек), Варшавском (276) и Краковском (302) воеводствах. Причинами медленного развития акции явки с повинной оказались слабая пропаганда закона об амнистии, а также недоверие со стороны участников подполья, усиливавшееся проводимой ВиН агитацией против деконспирирования. Руководство ВиН предписывало лишь роспуск вооруженных отрядов, допуская явку с повинной исключительно в тех случаях, когда деятельность их участников была раскрыта органами безопасности⁵.

В целом же контрреволюционное подполье заняло выжидательную позицию, особенно в тех районах, где оно сохраняло сильное влияние. В Ломже, Высоком Мазовецком, Граеве и Бельске-Подляском распространялись листовки с призывами остаться в подполье и угрозами суровых репрессий — вплоть до смертной казни — за явку с повинной⁶. Банды НЗВ готовили даже специальные засады, чтобы уничтожать участников подполья, направлявшихся в города для явки с повинной⁷.

Отношение НЗВ к акту амнистии изменилось лишь после 10 апреля 1947 г. Это произошло из-за раскола, который возник среди командования округа НЗВ. На совещании командования округом, которое состоялось 17 марта 1947 г., произошла стычка между командиром округа (псевдонимы «Искра», «Бленкит») и его заместителем (псевдонимы «Грот», «Ханка»).

Раздоры между «Гротом» и «Искрой», возникшие вследствие злоупотреблений, совершенных «Искрой», привели к распаду окружной организации на две части. «Грот» избрал объектом своей деятельности Граевский и часть Ломжинского уезда, а «Искра» — остальные уезды воеводства⁸. После раскола «Грот» поначалу занял враждебную позицию в отношении явки с повинной. Однако, убеждаясь в том, что, несмотря на запреты со стороны начальников, члены ВиН и НЗВ сдаются властям, решил вместе со своими людьми явиться в ликвидационную комиссию⁹. Добровольный выход из подполья его участников начал приобре-

тать массовый характер лишь после 25 марта 1947 г. На такое развитие событий влияло, прежде всего, широкое разъяснение существа и целей амнистии.

Особенно многочисленными были явки с повинной в последние дни объявленного срока амнистии¹⁰. Всего за время объявления амнистии из подполья вышло 54 623 человека; ими было сдано 13 883 единицы оружия¹¹.

Показательным оказался социальный состав многотысячной массы легализовавшихся участников подполья. Среди явившихся с повинной было¹²:

- крестьян — 33 915,
- рабочих — 14 178,
- интеллигенции — 2915 (в том числе 582 учителя и 42 духовных лица),
- молодежи — 3613 (в том числе 1450 учащихся высшей школы, 1999 учащихся средних школ и 164 харцера).

Приведенные цифры подтверждают тот факт, что большинство участников нелегальных организаций составляли выходцы из сельского населения, которые поддались антикоммунистической и антисоветской пропаганде.

Одновременно с акцией по деконспирации подполья была объявлена амнистия для лиц, находившихся в заключении. Всего в результате амнистии из тюрем выпущено 26 285 заключенных, кроме того, многим срок заключения был сокращен, а 64 приговоренным к смерти это наказание заменили различными сроками тюремной изоляции.

О помощи, которую государство оказало явившимся с повинной и амнистированным, дают представление следующие данные:

всего предоставлена помощь	26 563 лицам,
оказана помощь одеждой и обувью	12 349 »,
продовольствием снабжались	10 137 лиц,
железнодорожные билеты предоставлены	9590 лицам,
денежная помощь на общую сумму	
7 060 597 злотых	
оказана	10 700 »,

Кроме того,

в учреждения по найму рабочей силы направлено
трудоустроено

2694 лица,
1884 ».

Как видно из приведенных цифр, амнистия принесла существенные результаты. Это в особенности относилось к Белостокскому, Варшавскому, Люблинскому, Жешувскому и Краковскому воеводствам. В Келецком воеводстве

акция явки с повинной происходила ранее — в сентябре 1946 г. Тогда из подполья вышло более 1200 участников нелегальных организаций. Малочисленными были явки с повинной во Вроцлавском, Лодзинском, Катовицком, Познаньском, Щецинском и Ольштынском воеводствах. Необходимо подчеркнуть, что количество сданного оружия составляло малую часть его общих значительных запасов, которыми обладало реакционное подполье. Более того, только 5 % сданного боевого снаряжения оказалось годным к употреблению. Это обстоятельство было неоспоримым доказательством того, что лучшее оружие осталось в распоряжении контрреволюционных банд. В подполье продолжали действовать грозные вооруженные группировки «Млота», «Ускока», «Запоры», «Мурата», «Огня», «Лупашко» и «Бурого», а также ряд других банд, которые и в дальнейшем занимались террористическо-грабительской деятельностью. В январе 1947 г. общее число бандитских нападений достигло 500, в том числе террористических — 213, грабежей — 287; в феврале количество бандитских нападений возросло до 564, в том числе актов террора — до 195, а грабежей — до 369. Сумма награбленных денег в январе и феврале была почти одинаковой и составила около 6,5 млн. злотых. В феврале было убито бандами вооруженного подполья 125, в январе — 179 человек, среди них 29 членов ППР. В марте 1947 г. количество нападений снизилось до 463, от рук бандитов погибло 104 человека.

Последовавшая вслед за выборами в сейм амнистия привела к тому, что контрреволюционное подполье утратило большинство своих членов, и прежде всего свой резерв. С этого момента оно оказалось не в состоянии предпринимать в широком масштабе ни вооруженную, ни пропагандистскую деятельность. Вооруженные организации, сохранившиеся на местах, обладали теперь ограниченными возможностями действий и передвижения. Кроме того, они лишились существовавшей ранее организационной сети, среди оставшихся в подполье бандитов наблюдались деморализация и взаимная подозрительность. Арестованные в основном не пытались защищать свои политические взгляды, просили лишь о смягчении наказания, объясняя противозаконную деятельность террором со стороны предводителей банд, часто сообщали все требуемые от них сведения¹³.

Всеобщая капитуляция политического подполья после выборов в сейм и амнистия, которая предоставила возможность вернуться к нормальной жизни каждому, кто брал

на себя обязательство прекратить дальнейшую нелегальную деятельность в подполье, создали новую ситуацию. С этого момента оставшиеся в подполье участники различных антинародных группировок и банд не могли уже именовать себя солдатами подпольной Польши. Эти лица, продолжавшие заниматься грабежом и террором, превратились в обычных уголовных преступников, а вооруженные группировки — в банды, источником существования которых были грабежи. Их деятельность не могла более оправдываться политической борьбой. Однако и в дальнейшем их характеризовала ненависть к Народной Польше и демократическим деятелям, а также жажда мести за понесенное политическое поражение.

Одной из таких банд, состоявших из членов ВиН, руководил «Ускок». Злодеяния «Ускока» вызывали глубокое возмущение всей польской общественности. К числу наиболее зверских деяний «Ускока» следует отнести убийство семи членов союза сельской молодежи из деревни Розкопачево, совершенное вблизи с. Серники (Любартовский уезд). Члены союза сельской молодежи возвращались с празднования 1 Мая, состоявшегося в Любартове. Они были схвачены бандитами и после жесточайших пыток убиты; уцелел лишь Роман Чубацкий, которому, несмотря на полученные ранения, удалось вырваться из лап бандитов. Самому юному из зверски замученных, Мечиславу Езенку, едва минуло 16 лет ¹⁴.

Похороны погибших от рук бандитов превратились в манифестацию населения против злодеяний вооруженных банд. Траурное шествие растянулось на пять километров; вся страна отдала последние почести жертвам кровавых убийств.

«Валька молодых» обращалась 18 мая 1947 г. к читателям с такими словами: «...Внимательно взгляните в лица наших ближайших товарищей, замученных бандитами. Прочтите на них не только боль, прочтите непримиримость и ненависть к преступлениям, справедливый гнев и жажду отомщения за чудовищные злодеяния» ¹⁵.

В июне 1947 г. банда «Ястжеба» совершила нападение на деревню Пухачев. Жертвой нападения пал 21 человек, в том числе 12 женщин и детей. В числе погибших было три члена ППР ¹⁶. Продолжал заниматься бандитскими похождениями «Млот». Поле его деятельности распространялось на северо-восточные уезды Белостокского, Варшавского и Люблинского воеводств (Семетичский, Бельскопод-

ляский, Высокомазовецкий, Седлецкий, Ломжинский, Соколовоподляский и Бялоподляский уезды).

После поражений, понесенных в результате действий органов безопасности и армейских подразделений на рубеже 1946—1947 гг., и явки с повинной части участников банд «Млот» принял под свое начало всех, кто не решился прекратить преступной деятельности.

Это были члены разбитых отрядов ВиН, НСЗ и НЗВ¹⁷. «Млот» принимал в свою банду также тех, кто, выйдя на свободу в результате амнистии, не порвал окончательно с преступным прошлым¹⁸.

Многие из сообщников «Млота», воспользовавшись весной 1947 г. амнистией, поддерживали с ним контакт и в дальнейшем предоставляли убежище и обеспечивали продовольствием. В отношении не желавших сотрудничать доверенные «Млота» использовали средства принуждения, в то время как безотказным сообщникам платили деньгами или одаривали награбленными в результате бандитских налетов товарам¹⁹. В середине 1947 г. с бандой «Млота» сотрудничало около 300 человек²⁰.

Банда «Млота» состояла из двух подразделений. В каждом из них насчитывалось около 25 бандитов. Над одним начальствовал «Бартош», над другим — «Лех», занявший место убитого в феврале «Жвирки». Кроме этого, в состав банды входили подразделения «Брашка» и патруль «Вихуры», который зачастую действовал самостоятельно²¹.

Группы «Бартоша» и «Леха» осуществили ряд грабительских нападений на кооперативы и частных лиц, отбирая деньги, товары, одежду и скот. Эти нападения приобрели особый размах в июле и августе 1947 г. Благодаря успешным действиям органов безопасности многие из них провалились. Так, например, 4 июня 1947 г. во время нападения на кооператив в Седльцах один из пяти участников нападения был ранен. Из награбленных 345 тыс. злотых было возвращено 174 тыс.²²

В этот же период систематически отражались нападения на отделения милиции. 2 июня 1947 г. благодаря самоотверженной обороне, которую выдержали пять милиционеров в Виннице Влодавского уезда, а затем и вмешательству оперативной группы нападавшие бандиты понесли потери и были вынуждены отступить²³.

19 мая 1947 г. в ходе 45-минутного боя отражено нападение вооруженной бандитской группы, которая совершила налет на отделение милиции в Пошветнем (Высокомазовецкий уезд). Во время перестрелки погиб милицио-

нер Владислав Буры²⁴. Также стойко оборонялась на железнодорожной станции в Семятичах 19 марта 1947 г. группа из семи солдат корпуса безопасности, на которую напала банда «Леха»²⁵.

Ликвидация группировки «Млота», действовавшей в приграничных уездах Белостокского, Люблинского и Варшавского воеводств, была одной из наиболее неотложных задач органов безопасности. Такая операция начала разрабатываться 4 мая 1947 г. на совещании представителей соответствующих воеводских управлений безопасности и командиров корпуса безопасности, в котором приняли участие руководители управлений безопасности тех уездов, где деятельность банд приняла особо угрожающий характер. Был создан главный штаб оперативных групп, занятых ликвидацией бандитской группировки, подчиненный командованию Белостокского воеводского корпуса безопасности. Его резиденцией избрали Семятичи. В состав штаба вошли сотрудники воеводских управлений безопасности и воеводских отделений корпуса безопасности. Кроме этого, были созданы уездные штабы в Седльцах, Бельске-Подляском и Соколове-Подляском.

Каждая оперативная группа насчитывала 50 солдат. Перед ними — была поставлена задача патрулирования окрестностей²⁶. Директивы Корпуса безопасности предписывали теснейшее сотрудничество командиров войсковых частей с соответствующими воеводскими управлениями общественной безопасности и оперативными подгруппами.

Наступление, запланированное против группировки «Млота», сначала натолкнулось на серьезные трудности, объяснимые слабым знанием местности²⁷. В связи с этим была создана комиссия, которая в начале июня занялась инспекцией оперативных групп, направленной на устранение существовавших недостатков и упущений. К акции против группировки «Млота» был привлечен и вновь созданный оперативный полк «Буг», кроме этого доукомплектованы оперативные группы. В июне произошло несколько столкновений с группировкой «Млота». Так, 2 июня после совершенного бандой нападения на отделение милиции в Вишнице оперативная группа 50 км преследовала банду, настигнув ее в колонии Утратовка возле Мендзыречья. Во время боя было уничтожено шесть бандитов. Захвачено два ручных пулемета, автомат, боевая винтовка, противотанковое ружье. Погиб участник оперативной группы, сотрудник воеводского управления общественной безопаснос-

ти в Люблине Станислав Кузьма, два солдата получили ранения²⁸.

Столкновение с бандами «Млота» произошло также 22 июня в местности Гранне на Буге в Бельскоподляском уезде. Тогда было уничтожено три бандита, остальные затерялись среди участников ярмарочных празднеств. В последующие дни оперативные группы арестовали более десятка участников банды «Млота». Однако полностью уничтожить ее не удалось²⁹.

Энэсзетовское подполье располагало в рассматриваемый период еще 13 крупными вооруженными группировками, которые занимались бандитизмом в Варшавском и Белостокском воеводствах. Здесь сохранились также руководящие штабы округов. В других районах страны они были ликвидированы органами безопасности. Не существовало и центрального руководства, которое не удалось восстановить после ликвидации главного командования Народовых сил збройных.

Прибывший 23 декабря 1946 г. в Польшу Адам Добошиньский предпринял попытку реактивизировать всепольское руководство Стронництва народного. Он провел ряд бесед с оставшимися еще на свободе деятелями СН, а затем попытался вступить в контакт с «Бурым» — командиром НСЗ в Белостокском воеводстве. Осуществить это не удалось, так как 3 июля 1947 г. Добошиньский был арестован органами безопасности³⁰.

На территории Белостокского и Варшавского воеводств уже после амнистии продолжали свою деятельность несколько вооруженных групп НСЗ: «Ляса» в районе Остроленка—Пшаснислав—Маков; «Шмялего»—«Слоны» в районе Серпц—Плоньск—Млава; «Вжоса» в Ломжинском уезде и «Збыха» в Острувмазовецком. Вооруженные группы «Вяруса», «Чумы», «Рекина» являлись подразделениями группировки «Бурого», который был назначен руководителем ПАС Белостокского округа НСЗ. По данным органов безопасности Варшавского и Белостокского воеводств все действовавшие там банды НСЗ насчитывали в то время около 500 человек³¹. Они занимались кровавым террором, убивая членов демократических партий, прежде всего сотрудников органов общественной безопасности и гражданской милиции. Убивали также граждан, не участвовавших в деятельности демократических политических партий, только за то, что они отказывались сотрудничать с бандитами.

Организационные инструкции НСЗ того периода особо подчеркивали необходимость создания сети сообщников и тщательной конспирации. Кроме того, обращалось внимание на желательность ограничить грабежи и хищения³². Командирам отрядов НСЗ предписывалось следить за своими подчиненными, контролировать их, а также карать смертью тех, кто намеревался прекратить бандитскую деятельность, не выполнял приказов. Предписывалось также добивать раненных в боях с воинскими частями или милицией, если не представлялось возможным забрать их с собой в места, где скрывались банды³³.

В других районах страны в то время действовали лишь немногочисленные группы НСЗ, остатки разбитых ранее органами общественной безопасности или сдавшихся властям в период амнистии. К ним принадлежали в числе других группы «Вонсатого» и «Словика», действовавшие в Жешувском воеводстве, а также «Клоса» — «Адама» — в Люблинском³⁴.

Не была ликвидирована и не явилась с повинной в рассматриваемый период и группа КВП «Мурата», которая состояла из пяти вооруженных подразделений, носивших с конца 1946 г. условные названия: «Вавель» — командир «Муха»; «Дзвон» — командир «Выва» — «Сынек»; «Балон» — командир «Марианек» — «Ендрус»; «Турбина» — командир «Бояр»; «Балтык» — командир «Запора». Местом деятельности этих подразделений были смежные районы Познаньского, Келецкого, Лодзинского и Шленско-Домбровского воеводств.

Захваченный органами безопасности архив «Мурата» красноречиво свидетельствовал о методах действий его подчиненных и целях деятельности группы: безудержной ненависти бандитских главарей к народной власти, неслыханном цинизме и жестокости совершавшихся убийств.

Вот выдержки из донесения «Запоры» от 15 августа 1947 г.: «За принадлежность к «Союзу борьбы молодых» и диверсионную агитацию группа «Балтик» наложила наказание по десять плетей членам ЗВМ Мариану Шайце, Станиславу Яняку, Эдварду Копошке и Роману Кошалиньскому, все из деревни Содакежице Врублевской гмины Велунского уезда». И далее: «...Предпринята акция против члена ППР Антона Пачковского за наведение органов безопасности на членов КВП... разгромлено жилище, семья изгнана и ей запрещено появляться в этой окрестности». В другом донесении от 28 мая 1947 г. сообщалось: «...Акцией охвачено местечко Буженин Серадзкого уезда, рас-

стрелян секретарь комитета Антон Стенпень, разоружено отделение милиции и его начальник...»³⁵

В приказах, которые направлялись руководителям вооруженных банд, «Мурат» определял методы и средства их выполнения. В приказе «Бояру» указывалось: «...Господин поручик «Бояр», я слышал, что вы были недовольны последним приказом, а именно... начать наступление... прежде всего разъединить и разбить отряды общественной безопасности, милиции и Добровольного резерва гражданской милиции... взорвать два милицейских поста, в первую очередь пост Вигельзув... всех милиционеров расстрелять, охотиться на более важную птицу... захватывать такси, подлинных коммунистов уничтожать... Добровольный резерв гражданской милиции разоружать, отдельных членов резерва расстреливать... я желал бы примерно троих повесить для серьезного устрашения...»³⁶

Осуществляя на практике предписания подобных инструкций, группировки КВП за период с августа 1946 г. по ноябрь 1947 г. совершили более 240 диверсионных и террористических акций, в том числе 70 убийств, в основном общественных и партийных деятелей, работников органов безопасности, милиции и ОРМО награбили более 22 млн. злотых³⁷.

Наибольшую активность проявляла банда «Бояра». Реестр ее злодеяний и разного рода преступлений был особенно «обширен». Назовем только некоторые из них: 24 августа 1947 г. «Бояр» узнал, что в деревне Недошин Петровского уезда рабочим, занятым на строительстве высоковольтной линии электропередач, должна выплачиваться заработная плата. Было принято решение напасть на конвой, сопровождавший деньги. Нападение удалось. Было захвачено 298 тыс. злотых.

Прежде чем завоевать доверие главаря, новые члены банды должны были доказать своими преступлениями, что они готовы выполнить любой его приказ. «Бояр» особо требовал от своих подчиненных убийств сотрудников органов общественной безопасности, гражданской милиции, а также солдат Корпуса общественной безопасности. 19 октября два новых члена банды под надзором ее главаря направились в Белхатов. Они встретили на улице солдата Корпуса общественной безопасности капрала Владислава Гарницарка, который шел со своей невестой. «Бояр» приказал убить солдата и завладеть его документами. Один из бандитов исполнил это приказание, убив солдата выстре-

лом в затылок. 26 октября 1947 г. «Бояр» убил одного из жителей деревни Воля Маковска Тадеуша Вожняка, который вызвал неудовольствие сообщника бандитского главаря³⁸.

Примеры такого рода многочисленны. Ведь не только «Бояр» со своими подчиненными совершал бандитские нападения и убийства. Другие банды КВП поступали также.

5 мая 1947 г. группа «Кубы» совершила в деревне Станислав Злочевской волости нападение на работника милиции, который приехал в отпуск к своему отцу. Его сильно избили и отобрали оружие. Не пощадили и отца, который «разрешил своему сыну служить в гражданской милиции». 4 июня 1947 г. был убит секретарь ячейки ППР Бжезининской волости Серадзкого уезда, а 27 июля 1947 г. — Владислав Кужник в Шкляной Гуте³⁹.

Органы безопасности вели решительную борьбу с остатками различных банд, занимавшихся террором и разбоем, опираясь на возрастающую помощь со стороны населения.

Отдельную проблему представляла борьба против все еще опасного украинского буржуазно-националистического подполья. Банды УПА являлись настоящим бедствием для населения юго-восточной части Польши⁴⁰. Они разрушали и жгли села, делая невозможным хозяйствование и нормальное функционирование администрации в этих районах. Наибольшую активность среди банд УПА проявляла сотня «Гриня». Натолкнувшись на устроенную ею засаду, 28 марта 1947 г., погиб вице-министр национальной обороны генерал брони Кароль Сверчевский. Создавшееся положение требовало применения самых радикальных средств, которые могли бы привести к стабилизации положения в этом районе страны⁴¹.

Как следует из письма на имя «Рена», подписанным «Я», автором которого предположительно был руководитель банд «Закерзонского края», отряды УПА получили специальные указания относительно тактики действий весной-летом 1947 г. Они предусматривали:

«запасться обувью, одеждой за счет польского населения, отбирать и продавать коров, ускоряя реквизиции;

не вести наступательных боев, разве что при необходимости запасться чем-либо, или время от времени сдерживать активность врага (Войска Польского.— *Авт.*); в этом случае организовывать засады;

экономить боеприпасы, но в то же время не убегать все время при появлении воинских частей;

вместо того, чтобы заниматься политической работой среди польского населения, совершать рейды на местности, где проживают поляки. Вести себя «корректно». Не заниматься акциями отомщения, не находиться в одном лесу или районе;

определить каждому отряду район для проведения операций в местностях, где проживает польское население; отряд должен находиться в этом районе как можно дольше, а в район своего постоянного расположения возвращаться только для отдыха;

в случае, если какая-либо группа окажется вынужденной перейти на другую сторону, не обнаруживать там признаков своего присутствия, вести себя без шума, всячески избегая разглашения»⁴².

В директивах много места уделялось хозяйственным вопросам и проблемам продовольственного снабжения. Об этом свидетельствует письмо, которое направил «Демба» из сотни «Гриня» на имя «Блудного». В нем отмечалось: «Неоднократно случается, что мы несколько дней подряд не едим, не говоря уже об удовлетворении самых скромных потребностей. Войско наше так измучено, что имеет чрезвычайно изнуренный вид. Мы выглядим ободранными, не достает обуви и белья, наиболее чувствительна нехватка одежды...»⁴³

В соответствии с распоряжением Государственного комитета безопасности № 00189/III от 17 апреля 1947 г. и приказа главнокомандующего Войска Польского было решено приступить к проведению специальной операции «Висла», которая развернулась на территории, где действовали банды УПА. Согласно решению правительства воинские части, которые принимали участие в операции «Висла», должны были одновременно помочь государственному управлению по репатриации в переселении украинского населения на северо-западные территории Польши. Учитывая обширные территории, охваченные операцией «Висла», в действовавшую оперативную группу были включены достаточно крупные силы. В операции приняли участие следующие тактические соединения:

3-я пехотная дивизия в составе 3, 5 и 14-го пехотных полков;

6-я пехотная дивизия в составе 2, 6 и 12-го пехотных полков;

7-я пехотная дивизия в составе 10 и 11-го пехотных полков;

8-я пехотная дивизия в составе 1, 8 и 36-го пехотных полков;

9-я пехотная дивизия в составе 26, 28 и 30-го пехотных полков.

А также 1-я дивизия Корпуса внутренней безопасности в составе 1, 2 и 3-й бригады Корпуса внутренней безопасности. Войскам были приданы 5-й саперный и 1-й автополки. Территория проведения операции «Висла» была разделена на два района: «С» — Санок и «Ж» — Жешув. Руководство занятыми в операции воинскими силами располагалось в Жешуве.

Дивизия Корпуса внутренней безопасности получила задание ликвидировать сотни «Гриня», «Стаха», «Бира» и «Орленко» в Лесковском уезде. Помимо боевых операций и участия в переселенческой акции она занималась хозяйственной деятельностью в районе пребывания. Строились мосты (около 30), солдаты занимались сенокосом и уборкой урожая, завоевывая всеобщие симпатии населения. Другие войсковые подразделения размещались в Любачевском, Кросненском, Горлицком, Новосандецком, Ярославском, Санокском и Пшемышльском уездах. На первом этапе операции, который продолжался около шести недель — до половины июня 1947 г., предусматривались ликвидация находившихся в указанных местностях наиболее активных куреней — «Байды» и «Рена», а также переселение украинского населения. С начала боевых действий оперативных групп банды УПА, изменив тактику, разбились на малые группки и, опираясь на поддержку и помощь местного украинского населения, пытались переждать военные действия. В этой ситуации особое внимание уделялось переселенческой акции. После ее окончания дивизия Корпуса внутренней безопасности приступила силами своих бригад к систематическому прочесыванию лесов и организации засад. Такие действия не привели, однако, к желаемым результатам. Только информация, полученная от захваченного бандита из сотни «Бира», навела на след банды.

Именно с целью более полного ознакомления с местностью и получения детальных сведений о противнике в составе каждого батальона был выделен разведывательно-ударный взвод, непосредственно подчиненный командир батальона.

4 мая 1947 г. разведывательный взвод батальона «Вроцлав» обнаружил 16 членов банды. В ночь с 8 на 9 мая 1947 г. рота разведки дивизии захватила богатый архив

банды в районе Тысковского леса. В это же время взвод обнаружил сотню «Орленки», насчитывавшую около 50 человек, которая затем в районе Ступостан была разбита. 8 июня 1947 г. было установлено место расположения банды «Громенко», однако целиком ликвидировать ее не удалось, так как она успела рассредоточиться ⁴⁴.

Благодаря деятельности разведывательных взводов была получена информация о силах, тактике и намерениях банды «Бира», который в этот период пытался собрать воедино разбитые сотни и чоты, приняв над ними командование.

Между тем в бандах УПА наблюдался быстро развивавшийся процесс деморализации, вызванный физическим истощением, болезнями и голодом. Все чаще отмечались случаи дезертирства. Сотни лишились баз снабжения, была нарушена система связи и деморализована гражданская сеть ОУН. В этой ситуации «Реп» издал приказ пробиться через территорию Чехословакии в американскую оккупационную зону Германии. Однако благодаря информации, полученной органами безопасности, удалось пресечь эти намерения. 19 июня 1947 г. в ходе совместной операции польских и чехословацких воинских подразделений сотни УПА понесли серьезные потери и были разбиты на более мелкие группы. Несколькими днями позже эти группы собрались в районе Беявы, чтобы снова предпринять попытку перехода польско-чехословацкой границы и пробиться в западные зоны Германии.

В ночь с 29 на 30 июня сотням «Бира», «Гриня» и «Стаха» удалось пробиться на территорию СССР. Однако они были быстро обнаружены советскими пограничниками, окружены и через несколько дней разоружены ⁴⁵.

В это же время на территорию боевых операций дивизии Корпуса внутренней безопасности перешла преследуемая 8-й пехотной дивизией сотня «Громенко». Несмотря на тяжелые потери, нанесенные частями польской пехотной дивизии, ей удалось перебраться на территорию Чехословакии. Вместе с ней границу перешли сотни «Бурлака» и «Романа» ⁴⁶.

На первом этапе боевых операций против вооруженного украинского националистического подполья оперативная группа «Висла» добилась таких результатов:

уничтожено в боях	289	бандитов УПА
захвачено с оружием	145	« »
захвачено без оружия	51	бандит УПА
сдались добровольно	18	бандитов УПА

Помимо этого, части оперативной группы «Висла» захватили четыре станковых и 45 ручных пулеметов, противотанковое ружье, два миномета, 90 автоматов, 59 пистолетов, 379 винтовок, 255 гранат, около 20 тыс. патронов и много другого военного снаряжения. Одновременно было уничтожено 759 блиндажей, 255 шалашей и 16 продовольственных складов.

На втором этапе борьбы с УПА изменилась тактика боевых действий, расширился район операций оперативной группы «Висла» на запад от Новосандецкого уезда, охватив Томашовский и Хрубешовский уезды ⁴⁷.

Утвержденная маршалом Жимерским инструкция предписывала:

Создать сеть разведывательных взводов, которые должны непрерывно прочесывать местность, обнаруживать бункеры, захватывать пленных и на основе сообщаемых ими сведений определять места сосредоточения банд. Разведывательные взводы должны насчитывать не менее 25—30 человек; в состав взвода должен входить представитель управления безопасности. При проведении операций следует использовать собак-ищеек, которые облегчают обнаружение бункеров и мест расположения стоянок. С целью повышения маневренности и улучшения связи взводы, помимо этого, должны быть оснащены автомашинами и радиостанциями.

Организовать подвижные маневренные группы численностью по 100 человек, которые должны быть обеспечены транспортными средствами с целью быстрого передвижения на местности.

Организовать оперативные группы в составе 100—150 человек, которые, тесно сотрудничая с другими находящимися в районе их действий оперативными группами, были бы в состоянии, получив сведения о местопребывании банды, немедленно приступить к ее разоружению. В состав разведывательных взводов и маневренных групп необходимо выделять лучших солдат и офицеров ⁴⁸.

На втором этапе операции расширились районы действий отдельных тактических соединений оперативной группы «Висла».

3-я пехотная дивизия действовала в Томашовском и Хрубешовском уездах. В ее задачи входила полная ликвидация сотен «Прирвы», «Рылоты», «Дуды», «Гурнего», «Давыда» и «Шума».

6-я пехотная дивизия оперировала в Горлицком, Ново-

сандецком, Новотаргском и Яслонском уездах. Ее целью было уничтожение банд «Романа» и «Смирного».

Задачей 7-й пехотной дивизии был разгром сотен «Гучи», «Калиновича» и «Крука», действовавших в Ярославском и Любачувском уездах.

8-я пехотная дивизия должна была взаимодействовать с 1-й пехотной дивизией Корпуса внутренней безопасности и 9-й пехотной дивизией, чтобы ликвидировать группы «Громенко» и «Бурлака», находившиеся еще на территории Пшемысльского уезда. Кроме того, на 1-ю пехотную дивизию Корпуса внутренней безопасности была возложена задача уничтожения вооруженных групп «Бира» и «Орленко», орудовавших в Кросненском уезде.

Действия тактических соединений в указанных выше районах продолжались до 10 июля 1947 г. В этот период сотням УПА были нанесены тяжелые потери:

уничтожено в боях	167	бандитов УПА
захвачено с оружием	132	»
захвачено без оружия	76	»
сдались добровольно	14	»

Всего за период с 21 апреля по 7 июля 1947 г. уничтожено в боях и взято в плен около 3 тыс. бандитов УПА и их сообщников. Захвачено 11 станковых пулеметов, 103 ручных пулемета, шесть минометов, три противотанковых ружья, 171 пистолет-пулемет, 701 винтовка, 128 пистолетов, 303 гранаты, около 50 тыс. патронов, две радиостанции, два телефонных узла, 20 пишущих машинок, уничтожено 1178 бункеров⁴⁹.

На территории Жешувского и Люблинского воеводств остались лишь скрывавшиеся в лесах мелкие группы УПА, которые избегали открытых столкновений, ограничиваясь единичными актами саботажа и грабительских нападений. В соответствии с приказом министра национальной обороны задача окончательной ликвидации вооруженных групп УПА была передана военным округам «Жешув» и «Люблин», а оперативная группа «Висла» 31 июля 1947 г. перестала существовать⁵⁰.

Согласно данным Корпуса внутренней безопасности и Министерства общественной безопасности в июне 1947 г. в стране существовали 53 крупные вооруженные группы польского контрреволюционного подполья. В мае 1947 г. ими было совершено 453 разбойничьих нападения. Значительную часть их составили нападения на промышленные объекты, диверсии и саботаж⁵¹. Показательным для перемен, совершавшихся в середине 1947 г. в польском анти-

народном подполье, стало включение вооруженных групп ВиН в отряды НСЗ. Примером этого характерного явления может служить вооруженная группа «Шмялого», действовавшая на территории Островмазовецкого уезда. До амнистии эта группа была карательным органом Белостокского округа ВиН. После легализации ВиН в Белостоке она оказалась в рядах НСЗ и выступала с тех пор как подраздел ПАС. Реорганизовалась и перешла в НСЗ и вооруженная группа «Яцка», действовавшая в Хелмском и Влодавском уездах Люблинского воеводства⁵².

Весной и летом 1947 г. возобновили деятельность некоторые ранее разбитые или раскрытые вооруженные силы подполья. Например, в Краковском воеводстве возобновила свою деятельность банда «Роха», входившая в качестве составной части в группировку «Огня». Одновременно подполье изменило тактику борьбы. Оно действовало малыми вооруженными группами, которые после выполнения заданий возвращались на свои тайные квартиры.

Летом 1947 г. подполье не представляло собой уже ни политической, ни военной силы. Действовавшие еще в Белостокском воеводстве и других районах страны группировки НСЗ и ВиН превратились в обычные террористические и грабительские банды, которые занимались грабежами и убийствами демократических деятелей и представителей государственной администрации. Действия этих групп характеризовались неприкрытым бандитизмом и неистребимой ненавистью к народной власти.

Государственные власти не могли допустить, чтобы в период прогрессирующей стабилизации в стране подполье продолжало свои активные вылазки. Поэтому Государственная комиссия безопасности предпринимала новые усилия для того, чтобы окончательно ликвидировать эту проблему. Общественность все настойчивее требовала, чтобы власти полностью покончили с террором, не имеющим ничего общего с политической борьбой. Выборы в Законодательный сейм, происшедшие в январе 1947 г., в основном показали всем полякам, что единственной центральной властью в Польше является демократический лагерь, реализующий положения и принципы, провозглашенные в Манифесте ПКНО. Оставалась, однако, задача ликвидации шпионской сети НСЗ и ВиН, которая продолжала действовать в стране во вред интересам польского государства.

Арест «Вонсовского» положил конец существованию носившей характер мафии «Организации польской» («Вонсовский» был ее главарем), которая занималась шпионской

деятельностью в пользу американского разведывательного центра в Регенсбурге. Из наиболее значительных энэзетовских деятелей на свободе оставался лишь генерал «Гурны» — «Ламиглова», который руководил так называемыми «Силезскими вооруженными силами» (ШСЗ — Шленське силы збройне). Со времени амнистии 1947 г., когда «Бартек» вместе со своей группой сдался властям, ШСЗ перестали играть какую бы то ни было политическую и военную роль. Они могли представлять опасность только в связи со своими контактами с разведывательным центром в Регенсбурге. Однако их деятельность находилась под строгим контролем органов безопасности, что впоследствии было использовано для окончательной ликвидации энэзетовского подполья в этом районе страны.

Фиаско потерпела также попытка восстановления в различных районах Польши делегатур, подчиненных Президиуму СН в эмиграции. Такие делегатуры были созданы в Кракове, Катовицах и Вроцлаве. Предпринимались также попытки организации делегатур в Варшаве, Познани, Лодзи и Щецине, однако арест органами безопасности видных деятелей СН воспрепятствовал разворачиванию их шпионской деятельности в стране⁵³.

Перед органами безопасности стояло еще одно важное задание: ликвидировать IV комендатуру ВиН, возглавляемую «Богданом». Решение этой задачи требовало не только захвата руководства, но и раскрытия разведывательной сети этой организации в провинции, при посредстве которой осуществлялась разведывательная деятельность комендатуры. Органы безопасности справились, однако, с этой проблемой. Ликвидация IV комендатуры ВиН привела к тому, что реакционное подполье в стране лишилось тщательно организованного руководящего центра, а преданные гласности факты о сотрудничестве ВиН с иностранными шпионскими службами вызвали всеобщее осуждение деятельности этой подпольной организации.

В период с июля по октябрь 1947 г. были арестованы члены бывшего легализованного комитета СН, которые не отказались от ведения конспиративной деятельности и поддерживали контакт с представителями посольств США и Великобритании. Они пытались через посредство западных дипломатов повлиять на изменение политики польского правительства и легализацию СН. Эта их деятельность оплачивалась из фондов, принадлежавших эмигрантским организациям в Лондоне и предназначавшихся для помощи скрывавшимся в подполье деятелям.

Осенью 1947 г. органы безопасности приступили также к окончательной ликвидации руководства ОУН и УПА в Польше. Главные усилия были направлены на установление места, где скрывался руководитель ОУН «Старух» («Стяг»), и его арест. Подготовительные действия начались 23 июля 1947 г. Показания двух связных «Стяга», захваченных 4 сентября 1947 г., позволили установить место, где он скрывался⁵⁴. 8 сентября 1947 г. силами трех рот был окружен участок леса близ местечка Духна, где находились бункеры «Стяга» и его охраны под командой «Цыгана». Для того, чтобы обеспечить прочную связь между правительственными войсками и сделать невозможным прорыв окруженных групп, а также оказание им помощи извне, вдоль всего окруженного района была налажена система сигнализации, а некоторые участки леса заграждены рядами колючей проволоки. Несмотря на эти меры предосторожности, взятая в кольцо группа четырежды предпринимала попытки выйти из окружения. 14 сентября в результате заградительной операции было уничтожено 15 бандитов УПА, стремившихся на помощь «Стягу». 17 сентября был обнаружен тщательно замаскированный бункер «Стяга». Его гарнизон, видя безнадежность своего положения и не желая сдаваться, высадил бункер в воздух. Оперативная группа захватила лишь «Дантыча», который был заместителем «Стяга».

В течение последующих недель были арестованы члены руководства ОУН-УПА. Только командиру группы «Сан» «Оресту» удалось скрываться до 2 марта 1948 г. Арест «Ореста» ускорил полную ликвидацию гражданской агентуры и вооруженных групп украинских буржуазных националистов в Польше.

Систематически прогрессирующая стабилизация политических и экономических отношений в Польше обеспечивала условия для постепенной ликвидации остатков антинародного подполья⁵⁵. С точки зрения угрозы, которую оно продолжало представлять для отдельных районов Польши в конце 1947 г., страну можно было разделить на три зоны⁵⁶:

Зона «А» — западные и центральные воеводства,

Зона «В» — Краковское, Жешувское и Люблинское воеводства,

Зона «С» — Варшавское, Белостокское и Олыштынское воеводства.

Политическое положение в зоне «А» складывалось в направлении непрерывно нарастающей демократизации на-

строений общественности, что наиболее ярко проявлялось в промышленных районах, таких, как Лодзь, Верхняя и Нижняя Силезия. Антинародное подполье потерпело в этих районах сокрушительное поражение, однако полностью его ликвидировать не удалось. Оно сохраняло еще определенное влияние среди городских обывателей и богатого крестьянства.

Остатки нелегальных организаций, действовавшие в Гданьском, Лодзинском и Келецком воеводствах, лишились политической базы вследствие того, что ПСЛ полностью себя скомпрометировала. Поэтому их деятельность в конце 1947 г. ограничивалась по существу отдельными нападениями с целью грабежа.

В зоне «В» в результате оперативной группировки «Висла» и продолжавшейся деятельности отдельных воинских частей, а также благодаря более эффективной пропаганде демократических партий положение изменилось коренным образом как с точки зрения обеспечения безопасности, так и в соотношении политических сил.

Разгром террористических банд УПА привел к тому, что за исключением Хрубешовского, Томашовского и Влодавского уездов, где укрывались остатки куреня «Беркута» и сотни «Максима», а также уездов Новый Тарг и Новый Сонч, где продолжал действовать «Смирный», на территории зоны «В» перестали существовать компактные уповские группы. Остались лишь небольшие вооруженные группки, насчитывавшие в своем составе от двух до пяти бандитов, которые решались лишь на мелкие грабежи.

Эта зона была очищена также от антинародных польских подпольных организаций. Появлявшиеся в отдельных местах небольшие вооруженные группы ограничивались грабежами.

В отличие от зон «А» и «В», где насчитывалось всего около 450 лиц, принадлежащих к вооруженному подполью и к его гражданской агентуре, в зоне «С», т. е. Варшавском и Белостокском воеводствах, только в бандах состояло примерно 500 человек, не считая сотрудничавших с ними лиц. В этих воеводствах, несмотря на проведение демократическими партиями энергичных пропагандистских мероприятий, наблюдалось усиление враждебных выступлений, которые выражались в провокациях и призывах к забастовкам на промышленных предприятиях, ведении «черной» пропаганды, нападениях с целью грабежа.

Наступательные действия против вооруженного антинародного подполья в этих воеводствах не могли увенчать-

ся желаемыми результатами без широко поставленной политической и пропагандистской работы, которая привела бы к принципиальным изменениям в сознании общественности. Ввиду этого директивы Комиссии государственной безопасности на период зимы 1947—1948 гг. предусматривали проведение интенсивной пропагандистской кампании прежде всего в зоне «В»; в остальных зонах эти директивы касались только тех местностей, где разбойничали вооруженные группы антинародного подполья.

В 1947 г. на территории Польши всего было зарегистрировано 7053 бандитских налета: 1834 террористических и 5219 с целью грабежа⁵⁷. Среди террористических акций главное место заняли нападения на государственные учреждения и их сотрудников — 182, служащих милиции, органов безопасности и членов гражданского резерва милиции — 419 (из них нападений на отделения МО — 98), на членов Польской рабочей партии — 199. Отмечено также 712 нападений на лиц, не занимавшихся политической деятельностью. В последней категории бандитских налетов значительную часть составили ограбления. Остальные нападения террористического характера предпринимались на членов других партий и общественно-политических организаций. Среди этих нападений всего лишь одно на члена ПСЛ. Среди бандитских налетов, квалифицируемых как грабительские, наибольшее число составили нападения на частных лиц — 3308 и на кооперативы — 1002.

Данные, которыми располагали органы общественной безопасности, указывали на то, что в августе 1947 г. в Белостокском воеводстве совершено всего 29 бандитских нападений: 14 террористических и 15 с целью грабежа, в Быдгощском — 17, из них четыре террористических и 13 — с целью грабежа, в Щецинском — 30: 13 террористических и 17 с целью грабежа. Необходимо добавить, что в результате бандитских налетов оказалось разгромленным много государственного имущества, а также имущества частных лиц. В Белостокском воеводстве сумма награбленного составила 279,3 тыс. злотых, в Быдгощском — 105,4 тыс. злотых, а в Щецинском — 45 тыс. злотых⁵⁸. Следует учитывать и тот факт, что если в Быдгощском или Щецинском воеводствах фиксировались случаи грабежей, то в Белостокском велся учет лишь тех, которые сопровождались человеческими жертвами.

Потери, которые понесли государственные организации и общество вследствие террористических и грабительских актов антинародного подполья, выражаются следующими

цифрами: убито 1351 человек, ранено — 606, похищено — 219, награблено 138 760 222 злотых, захвачено 629 единиц оружия. Среди погибших было 268 служащих милиции, органов безопасности и членов ОРМО, а также 731 гражданское лицо. Среди погибших от рук антинародного подполья большой была доля членов ППР — 101 человек. Из приведенных подсчетов следует, что террор подполья во второй половине 1947 г. был направлен не только против лиц, активно боровшихся за упрочение народной власти. Он также распространялся и на тех, кто в течение длительного времени не имел ничего общего с политической деятельностью. Предпринятый антинародным подпольем террор имел своей целью устрашение гражданского населения и подрыв его доверия к народной власти.

Наибольшее число налетов и наибольшие жертвы в 1947 г. понесли Белостокское, Варшавское, Люблинское, Жешувское, Гданьское и Келецкое воеводства.

Безопасности населения Жешувского и Люблинского воеводств продолжали еще угрожать остатки банд украинских националистов. В этих воеводствах было совершено 4376 налетов (из общего числа 7053), в том числе 1166 террористических (всего 1834) и 3210 ограблений. Их жертвами пали 922 человека; сумма награбленного составила 80 млн. злотых.

Наиболее угрожающим было положение в Люблинском воеводстве, где зарегистрировано 1188 бандитских налетов, в том числе 281 террористический, в результате которых погибло 249 человек. Бандиты награбили около 30 млн. злотых. Активное участие в налетах принимали банды УПА. Наиболее кровавым деянием банд УПА во второй половине 1947 г. была засада, устроенная 28 августа 1947 г. против группы солдат Войска Польского, возвращавшейся после операции в местность Варенж. Уповцы заминировали шоссе; вследствие взрыва мин и пулеметного обстрела автомашин погибло 19 и было ранено 35 солдат. Бандиты отступили, не понеся потерь.

В Белостокском воеводстве в 1947 г. было совершено 391 бандитское нападение, в том числе 138 террористических (из них на отделения милиции — 16). Кроме того, было предпринято 235 налетов с целью грабежа. Убито 177 человек, в том числе 118 гражданских лиц.

В Катовицком воеводстве в результате бандитских нападений погибло 62 человека, среди них — 39 гражданских лиц; во Вроцлавском воеводстве совершено 87 нападений, убито 84 человека. Почти все бандитские налеты в Като-

лицком и Вроцлавском воеводствах были совершены с целью ограбления; только некоторые из них можно отнести к группе террористических нападений, направленных против народной власти и демократических деятелей. Органы народной власти в названных воеводствах в 1947 г. представляли надежную силу. Поэтому они могли предпринимать быстрые и успешные действия против участников антинародных бандитских вылазок.

В 1947 г. органы безопасности совместно с армейскими подразделениями провели против банд 4878 операций. В завязавшихся боях было убито 1486 участников антинародного подполья, ранено 178, а 6165 захвачено с оружием в руках. Всего было изъято 7370 единиц оружия, в том числе 1248 автоматов, 32 станковых и 476 ручных пулеметов.

Наибольшее количество операций проведено в Люблинском — 1409, Жешувском — 791, Белостокском — 499 и Варшавском воеводствах — 603. Наименьшее число операций проводилось в Гданьском (11), Щецинском (31) и Ольштынском воеводствах (29). Потери, которые понесли народные силы в ходе предпринятых против бандитов действий, выражались следующими цифрами: 136 убитых, в том числе 14 сотрудников органов безопасности и милиции, и 128 раненых. Достигнутые результаты свидетельствовали о тщательной подготовке каждой операции.

Состоявшийся в сентябре 1947 г. в Кракове процесс против шпионской сети, скрывавшейся под шифром «Изба контроля», раскрыл общественности факты, свидетельствовавшие о сотрудничестве ПСЛ с антинародным подпольем. Судебное разбирательство показало, что это сотрудничество опиралось на общность политических целей руководства ПСЛ и подпольной организации ВиН. Именно вследствие этого между ПСЛ и ВиН существовали персональные связи, а также был налажен взаимный обмен информацией с целью теснейшей координации действий, направленных против народной власти и единства демократического лагеря в стране.

В первых числах октября 1947 г. левое крыло ПСЛ созвало конгресс в Варшаве, на котором присутствовало 200 делегатов, представлявших тринадцать воеводств. Подвергнув острой критике деятельность Станислава Миколайчика, они потребовали от него ухода в отставку.

С. Миколайчик со своими ближайшими сотрудниками все явственнее сознавал, что неуклонно приближается день его окончательной политической компрометации. Поэтому

он решил тайком бежать из Польши. Вслед за ним бежали Корбоньский и Багиньский.

Следствие, предпринятое в связи с бегством Миколайчика, установило, что 17 октября 1947 г. бывший вице-премьер обсудил с секретарем американского посольства в Варшаве способ переброски его за границу. Еще раньше Миколайчик совещался по этому вопросу с другим сотрудником посольства. План побега был осуществлен 20 октября 1947 г.

Законодательный сейм ПНР создал специальную комиссию, которая расследовала политические причины побега. Комиссия пришла к выводу, что «иностранные органы, направлявшие политику Миколайчика, пришли к выводу, что необходимо вывезти его из Польши до того, как полнейшая политическая компрометация сделает его совершенно непригодным для дальнейшего использования». Законодательный сейм постановил лишить Станислава Миколайчика депутатского мандата и польского гражданства.

Участие американцев в побеге Миколайчика из Польши было официально подтверждено в книге Стентона Гриффитса, тогдашнего посла США в Варшаве⁵⁹. Вот что он засвидетельствовал по интересующему нас вопросу:

«Вечером 17 октября 1947 г. ...раздался громкий звонок в двери посольства, который означал приход Джорджа Эндрюса, выполнявшего роль связного между посольством и Миколайчиком... Миколайчик просил нашего совета и помощи. Он был нашим человеком, наши обязанности перед ним были очевидными и мы не тянули с оказанием помощи.

В течение всего следующего дня — в субботу, восемнадцатого — мы обсуждали план и способ выпутаться из этой невероятно сложной дипломатической ситуации. Наши обязанности в отношении Миколайчика были бесспорны. Мы подготовили его возвращение в Польшу и побуждали его к этому; он был надеждой великих демократических государств...

Мы разузнали, что рано утром во вторник, в начале восьмого, из порта Гдыня, расположенного на северном побережье Польши, должен отплыть корабль, направлявшийся в Англию. Военно-морской атташе экстренно сообщил капитану корабля о наших планах. Мик⁶⁰ должен был к вечеру в понедельник поставить в известность своих коллег о грозящей ему опасности и о своем отъезде, а в тот же понедельник в 18.30, после наступления сумерек на углу

одной из улиц Варшавы должна была остановиться из-за неисправности грузовая машина, нагруженная домашней утварью, якобы предназначенной для отправки морским судном. Шофер, который являлся одним из наших служащих, пользовавшихся особым доверием, должен был ковыряться в моторе. В свою очередь, прогуливавшийся переодетым по улице Миколайчик должен был, выбрав подходящий момент, проскользнуть в грузовик и спрятаться среди груза.

Мик согласился с этим планом. План удался. После того как сгустились сумерки, грузовик помчался в сторону балтийского побережья... Без четверти семь трое мужчин — Миколайчик, шофер и мой гдыньский приятель — взошли по трапу на корабль и выпили по чашечке кофе с капитаном...

В начале восьмого двое мужчин сошли на берег. Миколайчик остался в капитанской каюте, а еще через несколько мгновений корабль поднял якорь и направился к берегам Англии».

11 ноября 1947 г. Государственная комиссия безопасности приняла «Оперативные директивы по борьбе с бандитизмом в период зимы 1947—1948 гг.». Они указывали на необходимость окончательного решения этой проблемы в стране. Главные усилия концентрировались в зонах «В» и «С», где, несмотря на поражения банд контрреволюционного подполья, еще продолжали существовать отдельные вооруженные группы и их местная агентура. Силы, которые выделялись для ликвидации остатков подполья, представляли в зоне «Б» — Краковское воеводство — 6-я пехотная дивизия, бригада Корпуса внутренней безопасности и оперативные группы, состоявшие из сил общественной безопасности, МО и ОРМО; Жешувское воеводство — 9-я пехотная дивизия; Люблинское воеводство — 13 и 14-й пехотные полки, расположенная здесь бригада Корпуса внутренней безопасности, а также оперативные группы из сил общественной безопасности, милиции и ОРМО. В зоне «В» — Варшавское воеводство — 1-я пехотная дивизия и бригада Корпуса внутренней безопасности; Белостокское воеводство — 18-я пехотная дивизия и бригада Корпуса внутренней безопасности.

«Директивы» предписывали командирам вооруженных соединений и начальникам воеводских управлений общественной безопасности максимально использовать в течение зимы время и возможности для обеспечения порядка в подведомственном им районе. Речь прежде всего шла о Лу-

ковском, Седлецком, Бялоподляском, Хрубешовском и Томашовском уездах Люблинского воеводства, Любачевском Пшемысльском и Лесковском уездах Жешувского воеводства, Новотаргском и Новосондецком уездах Краковского воеводства, Млавском, Серпцском, Остроленкском, Островмазовецком и Венгровском — Варшавского, Бельскоподляского, Ломжинском и Высокомазовецком — Белостокского.

Руководство действиями в зоне «В» с помощью представителей Министерства общественной безопасности, Корпуса внутренней безопасности и милиции осуществлял командующий I военным округом. Воеводские комитеты общественной безопасности в этой зоне ежемесячно собирались на совместное совещание, чтобы проанализировать положение и согласовать общие планы деятельности. Помимо этого, создавались соответствующие штабы в уездах, где продолжали действовать банды. Они были призваны осуществлять руководство густой сетью немногочисленных и в то же время подвижных оперативных групп. Части пограничной охраны наладили тесный контакт и сотрудничество с пограничниками СССР и Чехословакии, обменивались с ними данными о бандах, разбойничавших в приграничной полосе. Благодаря принятым мерам безопасности уменьшилось количество террористических нападений, которые сопровождались человеческими жертвами. В первом квартале 1948 г. на территории всей страны было совершено 1448 бандитских налетов. Из них к террористическим можно было отнести лишь 331 нападение. Они привели к смерти 175 человек. 1025 налетов составили нападения на кооперативы и частных лиц. Бандиты захватили 40 млн. злотых и товаров на сумму 26 млн. злотых.

Налеты носили откровенно грабительский характер. Совершаемые отдельными лицами или небольшими группами, они тем не менее представляли угрозу безопасности граждан и приводили к огромным материальным потерям.

В период зимы 1947—1948 гг. уделялось особое внимание выявлению и ликвидации более маневренных и грозных групп антинародного подполья в Краковском (банда «Вяруса»), Келецком (банда «Иглы») и Лодзинском воеводствах (банда «Мурата»).

Банда «Вяруса», созданная из бывших участников группировки «Огня», действовала в Новотаргском, Лимановском и частично Мышленницком уездах. Вначале главарем ее был «Пуцула», а затем последовательно «Чарны», «Сребны» и «Дзельны». В разные периоды она насчитыва-

ла от 16 до 18 человек, разбитых на патрули по три—пять участников. Банда совершала нападения на милиционеров, а однажды 3 февраля 1948 г. осмелилась даже атаковать отделение МО в Рабе Выжней Новотаргского уезда. Тогда погибли два милиционера, а начальник отделения был схвачен бандитами⁶¹. Однако чаще всего банда совершала налеты на кооперативные магазины в небольших гуральских селах, грабя находившиеся там товары и деньги. Трудные условия местности делали невозможной организацию немедленного преследования банды, и ей удалось скрываться еще несколько месяцев в труднодоступных горных районах. 21 октября 1948 г. банду окончательно ликвидировали. Однако она была не единственной на территории Краковского воеводства. Кроме нее, здесь рыскали вооруженные группы «Чарного», «Земсты» и «Мщицеля». Общая численность этих банд достигала 40 человек⁶².

В Келецком воеводстве наибольшую активность проявляла банда «Иглы». В 1945—1948 гг. она совершила более 50 убийств сотрудников органов общественной безопасности и милиции, солдат Войска Польского и Корпуса внутренней безопасности. Показательно, что в период амнистии 1947 г. банда заявила о выходе из подполья, однако ее участники продолжали свою преступную деятельность, особенно начиная с осенних месяцев 1947 г. Осенью 1947 г. и в первой половине 1948 г. органы общественной безопасности провели несколько операций⁶³. Банда была окончательно ликвидирована 14 июня 1948 г. на территории Скарышевской гмины (уезд Радом). В этом уезде осталась еще вооруженная группка «Дрангалы» из четырех бандитов.

В результате предпринятых действий в первом квартале 1948 г. Келецкое воеводство было в основном очищено от банд. Об этом свидетельствовало уменьшение числа террористических вылазок. В январе 1948 г. в этом районе было зарегистрировано 87 бандитских налетов (4 террористических), а в феврале уже только 21 (4 террористических), в марте же — 33 (1 террористический). В этот период за участие в вооруженных акциях органами общественной безопасности было арестовано: в январе — 54, в феврале — 39 и в марте — 19 человек⁶⁴.

В Белостокском воеводстве положение было намного сложнее. В начале 1948 г. здесь действовали еще несколько банд. В Бельскоподляском уезде преступной деятельностью занималась группа «Млота» в составе 15 человек и поддерживавшие ее банды «Леха» — 25, «Бартоша» —

30, «Яскулки» — 10 человек. В Высокомазовецком уезде рыскали банды «Хузара» — 10 и «Ноцы» — 20 участников. В Ломжинском уезде действовали следующие вооруженные группы: «Бужи» — восемь, «Збыха» — шесть, «Вяруса» — четыре человека, а в Граевском уезде — банда «Рога», насчитывавшая десять человек. Кроме этого, существовали еще мелкие грабительские группы, например «Шпаки», состав которых постоянно менялся⁶⁵.

В принципе центрального руководства бандами уже не существовало. Фактическое руководство большинством из них пытался осуществлять «Млот».

Подполье НЗВ осталось довольно хорошо организованным. Здесь существовали три округа НЗВ. Одним из них был округ 23, которым командовал «Роман». В состав округа входило три района. Округ делился на два сектора: военный и разведки. Начальник района одновременно командовал боевым отрядом, в задачи которого входило добывание денег на организационные цели и убийства «неудобных» для бандитов граждан. При командовании округа существовали отделы разведки и пропаганды, которые издавали газетку «Мазовецкий бюллетень», а также листовки и воззвания. Здесь же действовали отдел легализационный и отдел по заброске агентов⁶⁶.

Руководство округом 16 (криптоним «Ожел») осуществляли «Лас» и его заместитель «Сенп». Банда «Ласа» состояла из семи подгрупп и уездных команд, действовавших в качестве отдельных боевых единиц. Это были банды «Романа», «Роя», «Дамба II», «Ожича», «Демба», «Мрувки». Они насчитывали всего около 70 человек⁶⁷. В округе издавались листки «Глос Балтики» и «Пуща шумит». Местная агентурная сеть была особенно развернутой в уездах, которые находились на стыке Варшавского, Белостокского и Быдгошского воеводств. Эта сеть создавалась с дальним прицелом — чтобы в случае смены государственной власти в стране немедленно принять на себя политико-административные функции; пока же она полностью сосредоточивалась на выполнении шпионских функций, снабжая разведывательными данными вооруженные отряды НЗВ.

Округ 15 (криптоним «Хробры») формально охватывал три уезда, а фактически действовал лишь в одном — Замбровском. Его начальником был «Ноц», который осуществлял общее руководство ПАС в Островмазовецком уезде и подчинялся приказам своего отца «Бленкита». Банда «Ноцы» состояла из трех подвижных групп: «Пломеня», «Заглобы» и «Чарного». Они насчитывали около 30 банди-

тов. «Ноц» организовал агентурную сеть в местностях, где он действовал, по воинским образцам: с делением на батальоны, роты и взводы. Она также занималась шпионской деятельностью. В Седлецком, Минскмазовецком, Бельскподляском и Бялоподляском уездах довольно оживленно действовал еще ряд мелких групп грабителей.

На 1 апреля 1948 г. в Варшавском воеводстве насчитывалось 26 банд, политическая направленность которых подавалась определению. Они насчитывали 242 участника. Кроме того, в 11 бандах неопределенного характера состояло 119 человек. Таким образом, всего действовало 39 банд, насчитывавших 361 участника⁶⁸. В этой ситуации Варшавское воеводское управление общественной безопасности оказалось перед необходимостью предпринять энергичные действия для обеспечения порядка на территории воеводства. Во втором квартале 1948 г. было проведено две акции: одна под криптонимом «Z», другая «P». Акция «Z» началась 10 апреля и проводилась на территории Венгровского, Соколовского, Седлецкого и частично Высокомазовецкого, Минскмазовецкого, Бельскподляского и Бялоподляского уездов.

Занятые в операции силы были выделены 1, 2 и 3-й бригадами Корпуса внутренней безопасности, к которым присоединились сотрудники управления общественной безопасности и милиции. Всего было сформировано 49 оперативных подгрупп, каждая численностью во взвод, которым выделялись один-два сотрудника милиции или управления безопасности. Всей операцией руководил штаб, располагавшийся в Соколово-Подляском. Ему были подчинены три штаба участков, созданные в соседних воеводствах.

Инструкция для командиров оперативных подгрупп особо подчеркивала политический характер операции, разъясняя также основные принципы и методы деятельности подгрупп. Во всех местностях, где действовали оперативные подгруппы, предусматривались распространение печатных изданий, проведение митингов и собраний граждан.

В первые дни мая подчиненные «Млоту» банды «Леха» и «Соколика» предприняли попытки вырваться из окружения и пробиться в окрестности Сточка, Венгровского уезда — район, который был определен «Млотом» в качестве места концентрации своих сил. Бандиты пробирались небольшими группками, по два-три человека, вечерами и ночью. 7 мая 1948 г. были убиты при попытке выбраться из окружения «Лех» и один из членов его банды. 27 мая

в лесу под Головичами (Бельский уезд) были обнаружены и захвачены шесть остальных участников банды «Леха». Так «Млот» лишился одной из своих групп. Одновременно оперативная подгруппа, действовавшая в Соколовоподляском уезде, разгромила банды «Соколика» и «Кукулки»⁶⁹.

На первом этапе операции, который продолжался до 31 мая 1948 г., были ликвидированы 13 отдельных банд и боевых групп, подчиненных «Млоту». В вооруженных схватках было убито 11 участников антинародного подполья, ранено пять, взято в плен 90 бандитов и арестовано 263 их сообщника. Добровольно сдались 11 бандитов. Было захвачено 318 единиц оружия. После этого в указанных уездах сразу же начали действовать 45 ячеек ППР, 42 группы молодежных организаций и много групп Крестьянской взаимопомощи. Обозначились и глубокие изменения в общественно-политическом сознании жителей этого района страны. Эти изменения нашли свое выражение в радикализации взглядов граждан и в изоляции участников вооруженного подполья.

Второй этап операции длился от 10 июня до конца июля 1948 г. Его цель — окончательная ликвидация «Млота», который в середине июня перешел Буг и остановился в лесах около Корчева (Соколовоподляский уезд). В ходе акций, предпринятых органами безопасности, банда была полностью разгромлена. Сам «Млот» скрывался еще в Бельскоподляском уезде до 27 июня 1948 г. В тот день он погиб от пули одного из своих подчиненных в ходе возникшего спора. Труп «Млота» был брошен в лесу и лишь 19 августа 1949 г. найден и идентифицирован.

Операция «Р» разворачивалась на территории шести северных уездов Варшавского воеводства и Ломжинского уезда Белостокского воеводства. Она началась 20 мая и продолжалась до 15 августа 1948 г. В первой фазе операции «Р» была поставлена задача разгромить остатки банд с помощью армейских частей. Однако примененная ими тактика окружения не принесла желаемых результатов. Хорошее знание местности позволяло небольшим бандитским группам избегать столкновений с частями Войска Польского. 15 июня 1948 г. органы безопасности обнаружили местонахождение бункера, в котором скрывался «Лас» со своим штабом. 25 июня 1948 г. бункер был окружен и после часового сражения уничтожен. Штаб 16 округа НЗВ был уничтожен вместе с охраной. Захваченный архив позволил установить лиц, входивших в состав уездных комендатур округа. Дальнейшие усилия Варшавского

воеводского управления безопасности привели также к ликвидации четырех уездных комендатур 23 округа НЗВ, которые были подчинены «Бленкиту», и банд, входивших в состав этого округа. Неся всевозрастающие потери, группы вооруженного подполья вынуждены были ограничить свою террористическую деятельность. Это привело к сокращению числа разбойничьих налетов бандитов: в январе их количество составило 82, а в августе сократилось до 32. Энергичные действия Варшавского воеводского управления общественной безопасности привели в конечном итоге к установлению порядка и спокойствия в воеводстве.

В 1948 г. прекратила свое существование и банда «Мурата», которая разбойничала в Лодзинском воеводстве. Каждая ее разбойничья вылазка наталкивалась на немедленные контрдействия органов безопасности. 3 октября 1948 г. «Мурат» совершил нападение на почтовую карету в Велуньском уезде, захватив 236 тыс. злотых. Арестованный во время нападения один из сообщников банды в ходе следствия сообщил данные о месте, где скрывался главарь банды. Информация оказалась достоверной. Поначалу «Мурат» оказывал сопротивление, однако после трехчасовой беседы с начальником Велуньского уездного управления общественной безопасности согласился сдаться органам безопасности. В ходе следствия «Мурат» выдал адреса остальных членов банды и ее сообщников, а во время суда просил сохранить ему жизнь. Реестр его злодеяний был так велик, что приговор мог быть только одним — смертная казнь.

В мае 1949 г. Люблинское воеводское управление общественной безопасности окончательно справилось с бандами, разбойничавшими в воеводстве. Осуществленная 19 мая 1949 г. операция в с. Вулька Нова Киянска Любартовского уезда позволила задержать одного из членов банды «Ускока», который указал место, где находился бункер главаря. «Ускок» не пожелал сдаться; видя безнадежность своего положения, он покончил жизнь самоубийством. В бункере было обнаружено 11 ручных пулеметов, семь автоматов, четыре боевых винтовки и девять пистолетов⁷⁰.

Ликвидация вооруженных групп «Мурата» и «Ускока», а также группы «Жандармерия» и других мелких бандитских групп привела к тому, что состояние безопасности в стране к концу 1948 г. значительно улучшилось. Налеты террористического характера отмечались уже редко, убийства совершались отдельными бандитами или бандитскими группами во время грабежей. В некоторых случаях они

предпринимались с целью мести, поэтому часть убитых составляли члены ППР и государственные служащие.

1948 г., когда состоялся I съезд Польской объединенной рабочей партии, принес сокрушительное поражение врагам государственного строя Народной Польши и их руководящим центрам в стране и за границей. Правда, в течение определенного времени отдельные члены организации вооруженного подполья продолжали скрываться, однако они были рассредоточены и не могли уже подняться на борьбу. Политическое и вооруженное подполье как организованная сила перестало существовать. Закончился период братоубийственной борьбы в Польше, что стало возможным благодаря самоотверженной деятельности активистов демократических партий, в особенности ППР, сотрудников органов безопасности и гражданской милиции, солдат Войска Польского, ормовцев и тысяч беспартийных граждан. Органы народной власти сдали в этот период политический экзамен, защищая завоевания людей труда, государственный строй Народной Польши.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После завершения трудных боев 1944—1948 гг. за упрочение народной власти на территории Польши от пуль скрывавшихся участников разгромленных вооруженных банд еще долго погибали представители народной власти, партийные активисты, а зачастую и мирное население городов и сел. Те, кто не воспользовался амнистией или не был арестован в период интенсивной борьбы против политического подполья, жили грабежом, нанося вред обществу. Ими руководили жажда мести и ненависть к существующей в Польше действительности. В течение последующих лет проблема ликвидации преступной деятельности бывших участников вооруженного подполья была полностью решена.

В период борьбы за упрочение народной власти в Польше органы общественной безопасности ликвидировали около 3,5 тыс. вооруженных антинародных групп¹. За это заплатили жизнью 12 тыс. сотрудников милиции и службы безопасности, солдат Войска Польского и ормовцев². В их число не включены 10 тыс. гражданских лиц³ — активистов ППР и общественных организаций, а также беспартийных, которые погибли от рук бандитов, став на защиту народного достояния, или будучи подозреваемыми в сотрудничестве с органами безопасности. Если к этим неполным данным добавить около 8 тыс. уничтоженных в боях участников вооруженного подполья⁴, то можно утверждать, что в братоубийственных боях в Польше погибло около 30 тыс. граждан нашего государства⁵. Кроме этого, от рук бандитов из антинародного подполья погибло около тысячи находившихся в тот период на территории Польши советских солдат⁶.

До сегодняшнего дня не представляется возможным установить точное количество погибших членов Польской рабочей партии. Во многих уездах и гминах не сохрани-

лись их учетные карточки, часть документов была уничтожена в результате бандитских палестов. В Люблинском, Жешувском и Белостокском воеводствах, где деятельность антинародного подполья приобрела особый размах, сельские партийные организации, вследствие террора банд, действовали часто в полуконспиративных условиях. Наблюдались случаи, когда члены ППР уничтожали партийные документы, а партийный учет не велся. Члены партии составляли большую часть погибших солдат и офицеров частей Корпуса общественной безопасности, войск пограничной охраны, Войска Польского, которые принимали участие в уничтожении вооруженных банд, однако в рассматриваемый период в воинских частях официально не создавались ячейки ППР и других политических партий.

Среди погибших преобладают сотрудники гражданской милиции, органов общественной безопасности, добровольного резерва гражданской милиции, активисты демократических партий, главным образом ППР. Являясь руководящей силой революционных преобразований в Польше, Польская рабочая партия стала главным объектом концентрированных атак правых сил и вооруженного подполья. Сам факт ношения воинского мундира, принадлежности к коммунистической партии, участия в разделе земли и осуществлении земельной реформы грозил смертным приговором, который приводился в исполнение антинародным подпольем.

Анализ классовой принадлежности лиц, погибших при защите Народной Польши, свидетельствует о том, что большинство из них были выходцами из рабоче-крестьянской среды. Из представителей этих общественных классов формировались очаги народной власти, прежде всего органы общественной безопасности и милиции⁷.

Характерно, что на стороне врага, в подполье, наибольшую по численности группу составляли крестьяне, не сумевшие разобраться в развитии событий в Польше. Они оказались под влиянием пропаганды реакционных кругов, группировавшихся вокруг миколайчиковской ПСЛ. Братоубийственная борьба, носившая черты гражданской войны, что особенно проявлялось в центральных и восточных воеводствах, была «крестьянской войной», искусно инспирированной так называемым «лондонским лагерем». В ней принимало участие свыше 100 тыс. лиц, принадлежавших к нелегальным политическим организациям и вооруженным бандам⁸.

В 1944—1948 гг. политическое и вооруженное подполье в 54 800 случаях прибегало к антигосударственным актам. В их числе: 17 152 убийства, 1030 разбойничьих налетов на железные дороги и мосты, 10 тыс. сожженных сельских усадеб и около 8 тыс. га леса, другие террористические и грабительские действия.

Революционные процессы, происходившие в Польше в 1944—1948 гг., должны были привести к вооруженному столкновению сил прогресса с силами реакции. Но эта борьба не была бы такой кровавой, если бы не деятельность враждебных польскому народу внешних сил, которые выступали против принципиальных основ внутренней политики Польской рабочей партии, против программы дружбы, взаимной помощи и добрососедских взаимоотношений между Польшей и Советским Союзом. Польский вопрос неоднократно вызывал серьезные расхождения между СССР, с одной стороны, и Великобританией и США — с другой. Английское и американское правительства были заинтересованы в том, чтобы восстановить буржуазную Польшу, которая играла бы роль вассала английского и американского империализма в Восточной Европе.

Правящие круги Великобритании и США усиленно настаивали на ликвидации Временного правительства Польской республики, созданного демократическими силами. Американская и английская дипломатия предпринимали сложные маневры, чтобы воспрепятствовать установлению справедливых границ новой Польши.

Советский Союз не допустил, однако, принятия решения о «незаконности» Временного правительства Польской республики и о «законности» лондонского правительства, представлявшего интересы реакционных кругов эмиграции. Было достигнуто соглашение о создании Временного правительства национального единства на базе Временного польского правительства, образованного Крайовой Радой Народовой. Таким образом, вопрос был решен с учетом стремлений и воли польского народа.

Реакционный лагерь не отказался, однако, от борьбы за власть. С этой целью были организованы вооруженные выступления бывших членов подполья и относительно большей части сельского населения, особенно в Белостокском, Люблинском, Жешувском, Краковском и Келецком воеводствах. Для расширения своих позиций реакция стремилась навязать общественности мнение, будто причиной всех зол в стране являются коммунисты. Такими методами разжи-

гались настроения вражды к народной власти в Польше, к Советскому Союзу.

Эта тактика проявилась на многих направлениях политической жизни в Польше. Она тщательно применялась при фальшивой интерпретации возвращения Станислава Миколайчика в Польшу, в распространении среди крестьянства и мелких владельцев пропаганды о якобы существующей угрозе их собственности и личной свободе. Широко использовались экономические трудности, вызванные разрушениями в период войны, а также недостатки в организационной работе, существовавшие в первый период деятельности народной власти. Неурегулированность жизненных и бытовых условий людей труда, низкий уровень образования и политического воспитания, т. е. трудности, вызванные войной и фашистской оккупацией, которые нельзя было устранить в первые же месяцы деятельности народной власти,— вот дополнительные факторы, которые содействовали дезориентации определенной части польского народа, создавая почву для антигосударственных действий.

В результате распространения неразберихи в сознании общественности в борьбу против народной власти включились и люди, в классовом отношении близкие тем, кто эту власть отстаивал. Именно поэтому тяжкая ответственность за участие обманутых поляков в братоубийственных акциях ложится прежде всего на вдохновителей и политических дельцов из реакционного лагеря, действовавших, главным образом, за пределами страны.

Существенную роль в ограничении масштабов братоубийственных сражений в Польше сыграла амнистия, провозглашенная 2 августа 1945 г. Ею воспользовались свыше 42 тыс. граждан, в том числе почти все остававшиеся в то время в подполье бойцы Батальонов хлопских, большинство бывших солдат Армии Крайовой, а также незначительное число членов Народовых сил збройных и Национального военного объединения. Амнистией воспользовались также бывшие деятели Стронництва людowego «Рох», Стронництва праці и ППС-ВРН. Важное значение имели также оглашавшиеся позже амнистии, которые позволили политически дезориентированным гражданам найти свое место в обществе.

Внутреннее разложение польского лагеря пролондонской ориентации происходило одновременно с устойчивым укреплением внутренних и международных позиций молодой народной власти. Административный и государственный аппарат с каждым днем улучшал свою деятельность.

В его совершенствовании, в преодолении трудностей и недостатков, имевших место в первый период существования народной власти, принимали активное участие — помимо членов партий, входивших в состав правительственной коалиции, — искренне преданные Народной Польше демократы, которые своим честным трудом выражали поддержку новой рабоче-крестьянской власти. Набирало силу народное Войско Польское и укреплялись органы общественной безопасности. Все успешней действовали органы гражданской милиции и Добровольный резерв гражданской милиции, а также народное правосудие. Медленно, но неуклонно происходила также перестройка общественного сознания.

Осуществление коренных общественных реформ, достижения в восстановлении страны, начало культурной революции, широкое выдвижение трудящихся на ответственные участки государственной и общественной деятельности, реальные перспективы развития Польши — все это окончательно определило победу прогрессивных сил, которыми руководила Польская рабочая партия.

С течением времени и укреплением социалистического строя давние участники и вдохновители братоубийственной борьбы и политики антикоммунистического эмигрантского лагеря перестали представлять такую же опасность для народной власти в Польше, какую они представляли в первые годы народной власти. Нынешнему поколению, однако, необходимо рассказать всю правду о тех временах, о которых идет речь в настоящей книге. Только в этом случае оно сможет понять значение единства народа, значение независимости и безопасности социалистической Родины, осознать, как следует ее беречь. Взгляд в недалекое прошлое, в первые послевоенные годы должен, помимо всего прочего, привести к решительному выводу: никогда больше поляк не должен убивать поляка *.

* Это, основанное на анализе огромного, скрупулезно приведенного автором фактического материала о вооруженных преступлениях реакции против польского народа и его власти, обращение автора к нынешнему поколению поляков приобрело особое значение в период 1980—1981 гг., когда подталкиваемая извне экстремистская верхушка «Солидарности» вела дело к развязыванию братоубийственной войны в стране, призывала к террору против коммунистов, против строителей социализма в Польше.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

¹ Устав СЗП, присланный руководителем СЗП главнокомандующему вместе с рапортом в середине января 1940 г., в первой части так определял цели и задачи организации: «а) Развертывание решительной и упорной борьбы с захватчиком в каждой сфере его деятельности в Польше и проведение ее [борьбы] всеми средствами до освобождения Польши в предвоенных границах; б) Реорганизация кадровых боевых подразделений нашей армии и улучшение их моральной и физической подготовки; в) Создание иерархически связанных между собой и гармонично взаимодействующих органов временной национальной власти в стране». — *Polskie Siły Zbrojne w Drugiej Wojnie Światowej*. Londyn, 1959, t. 3, s. 99.

² В уставе ЗВЗ особо подчеркивается однородный, общенациональный, надна партийный и несословный характер организации: «а) ЗВЗ как военный руководящий центр, действующий на территории страны, является единой, однородной организацией и ни в коем случае не может быть союзом нескольких подобных организаций. Отсюда следует, что все подобные организации в стране должны подчиняться комендантам ЗВЗ, которых назначает главнокомандующий; б) ЗВЗ является общенациональной, надна партийной и несословной организацией, объединяющей в своих рядах независимо от политических и социальных убеждений всех честных поляков, которые стремятся к активной борьбе с оккупантами в условиях конспиративной работы и во всех отношениях отвечают высоким моральным требованиям, предъявляемым к личности такой работой». — *Ibid.*, s. 102.

³ Комитет по делам страны (КСК) был рабочим органом правительства. В состав комитета входили представители (министры) от Совета министров и главный комендант ЗВЗ. После перемещения Главного командования ЗВЗ в Польшу генерал Соснковский, бывший до этого момента главным комендантом, остался в ранге министра и входил в состав Комитета до августа 1941 г.

⁴ *Ibid.*, s. 53.

⁵ *Ibid.*, s. 54.

⁶ В приказе главнокомандующего от 14 февраля 1942 г. о переименовании ЗВЗ в Армию Крайову, подписанном генералом В. Сикорским, говорилось: «1. Для внутреннего пользования название ЗВЗ изменяется на Армия Крайова. Все солдаты действительной военной службы в стране составляют Армию Крайову, подчиненную Вам как ее командующему. 2. Ваша должность называется командующий Армией Крайовой. 3. Ваши особые полномочия как командующего АК будут определены в отдельной инструкции... 4. Название ЗВЗ или другие конспиративные названия могут быть сохранены для внутреннего пользования по Вашему усмотре-

нию. 5. Данный приказ прошу довести до сведения делегата правительства».

⁷ Ibid., s. 56.

⁸ Dziennik Ustaw RP.— Warszawa, cz. 3, nr 1 z 20 lip. 1944. Доведен до сведения общественности только во время восстания в Варшаве, приблизительно 20 августа 1944 г.

⁹ Ibid., art. 5.

¹⁰ Ibid., art. 6.

¹¹ Ibid., art. 11.

¹² Polskie Siły Zbrojne..., t. 3, s. 60.

¹³ Польская Армия Людова (ПАЛ) была создана 7 апреля 1943 г. Вначале во вновь сформированную армию вошли народная милиция Рабочей партии польских социалистов (РППС) и часть левых членов Команды защитников Польши (КОП—Коменда обронцов Польски), которые не хотели находиться под руководством ЗВЗ. На рубеже 1939—1940 гг. КОП была наиболее многочисленной военной организацией. Кроме людей правых убеждений среди членов этой организации было много социалистов и людовцев. «Польша живет» — печатный орган КОП, издавался рекордным тиражом 30 тыс. экз. В организации отрицательно относились к кадрам из бывших санационных группировок. После 1940 г. КОП понесла большие потери из-за провала местных ячеек. Оставшиеся в живых члены организации продолжали борьбу в рядах ЗВЗ (АК), ПАЛ и других польских подпольных организаций.

¹⁴ В 1940—1941 гг., после того как Польша потеряла независимость, в стране действовали разрозненные антифашистские группы, объединившиеся вокруг газет «Молот и серп» и «Знамя свободы». В это же время из представителей демократической интеллигенции было создано Общество друзей СССР. Осенью 1941 г. эти группы сделали попытку объединиться и издавать общую газету «Мы победим». В январе 1942 г. находившиеся в стране коммунисты создали Польскую рабочую партию (ППР). Они опирались на бывший актив КПП, а также организации рабочих и левой части интеллигенции, выступавшие под разными названиями, в частности Союз освободительной борьбы (ЗВВ—Звёздек вальки вызволенчей), Рабоче-крестьянская боевая организация (РХОБ—Роботниччо-хлопска организация бойова), Общество друзей СССР (СПЗСРР—Стоважищене лшияцул ЗСРР), Молот и серп, Пролетарий, Народная Польша, Народная военная организация (БОЛ—Бойова организация людова), Фронт борьбы за нашу и вашу свободу, Рабоче-крестьянское дело, Рабоче-крестьянское объединение (ЗРХ—Зъєднoчeнe роботниччо-хлопске). Новая партия выдвинула лозунг объединения в национальный демократический фронт для проведения бескомпромиссной борьбы с немецкими оккупантами. Она наладила связь с действующей на территории СССР польской эмиграцией, впоследствии объединившейся в Союз польских патриотов. Благодаря решительным действиям и прогрессивной программе Польская рабочая партия получила признание и поддержку в стране и за границей, стала фактическим выразителем интересов народа и главной силой борьбы за освобождение Польши. Позднее она взяла на себя ответственность за мобилизацию народа на восстановление страны и осуществление прогрессивных общественно-политических реформ в направлении, указанном польской левицей в стране и в эмиграции и узаконенном июльским Манифестом ПКНО 22 июля 1944 г.

¹⁵ Польская рабочая партия в тесном контакте с Союзом польских патриотов создала Крайову Раду Народову. Проект декларации КРН был обнародован 15 декабря 1943 г. В нем содержались те принципы, которые в дальнейшем легли в основу исторического Манифеста Поль-

ского комитета национального освобождения. Декларация КРН решительно порывала с лондонским правительством, отменяла конституцию 1935 г. и вновь вводила в действие демократическую конституцию 1921 г. В состав Крайовой Рады Народовой кроме Польской рабочей партии, главного инициатора ее создания, вошла также часть РППС, которая подписала Манифест КРН как «социалистическая группа». Кроме того, в состав КРН вошла находившаяся в оппозиции к политике Миколаячика радикальная группа людовцев. В марте 1944 г. эта группа начала издавать газету «Воля люду» и приняла на себя главное руководство Стронництвом людовым. Крайова Рада Народова сформировала Армию Людову. В состав вновь образованной армии вошли Гвардия людова ППР, часть народной милиции РППС, часть Батальонов хлопских и отрядов АК, которые порвали со своим антидемократическим командованием. Во главе Армии Людовой встал генерал Роля-Жимерский. Обязанности начальника штаба АЛ выполнял генерал Юзьвяк Витольд. Политическое руководство от имени КРН осуществлял людовец Чеховский. Создание Крайовой Рады Народовой и Армии Людовой активизировало борьбу с гитлеровскими оккупантами. Ранней весной 1944 г. делегация КРН, которую возглавил Осубка-Моравский, перешла Восточный фронт и прибыла в Москву, где вступила в непосредственный контакт с Союзом польских патриотов. Она была принята и представителями высшей государственной власти СССР.

¹⁶ Por.: Prawda o żołnierzach BCh.— Warszawa, 1948, s. 15—16; Nowark J., Tarnogrodzki T. Bataliony Chłopskie.— In.: Problemy wojny i okupacji. Warszawa, 1966, s. 373—392; Góra W. Powstanie władzy ludowej w Polsce.— Warszawa, 1973, s. 20—21.

¹⁷ В СОЕ были следующие секции для работы в оккупированных районах: албанская, бельгийская, чехословацкая, датская, французская (отдельно секция генерала де Голля), греческая, голландская, югославская, норвежская, польская. Кроме того, необходимость развертывания разведывательной работы, саботажа и диверсий на других территориях и, прежде всего в третьем рейхе, привела к созданию новых секций — немецкой, итальянской и Иберийского полуострова. В 1944 г. в распоряжении СОЕ находилось значительное число сотрудников — почти 10 тыс. мужчин и 3200 женщин, среди сотрудников СОЕ было много офицеров.

¹⁸ Политические курьеры принимали другую присягу и с момента прибытия в Польшу подчинялись конспиративной делегатуре правительства.

¹⁹ Cyt za: Garliński J. Politycy i żołnierze.— Londyn, 1968, s. 20.

²⁰ Ibidem.

²¹ В приказе начальника штаба главнокомандующего от 9 октября 1941 г. (L. dz. 1782/tjn. 41) задачи и компетенция VI отдела определены следующим образом: «...VI отдел штаба главнокомандующего — выразитель задач и потребностей страны в военной области. Он является представительством коменданта ЗВЗ в штабе главнокомандующего и таким образом находится в курсе всех его дел и потребностей. Одновременно он является рабочим органом штаба главнокомандующего по этим вопросам. VI отдел штаба — главное звено связи между главнокомандующим и его штабом в стране (комендантом ЗВЗ). Все письма и депеши, присланные в штаб из страны и посылаемые из штаба в страну, проходят через VI отдел штаба... Задачи и круг обязанностей VI отдела: урегулирование всех вопросов, связанных с поддержанием связи со страной; отбор кандидатов для текущей работы в стране, для различных заданий и соответствующая их подготовка».— Cyt. za: Garliński J. Op. cit., s. 33.

²² Всего обучено: на стрелковых курсах — 282; на курсах конспиративной борьбы — 630; саботажа и диверсий — 325; связи — 75; разведки — 50; пропаганды — 64; на курсах танкистов — 161; на курсах дипломированных офицеров для подготовки руководящих кадров — 91; на курсах инструкторов — 606; парашютистов — 703; курьеров по политическим вопросам — 28; отобрано для переброски 579 солдат и курьеров.

²³ Выборы в Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии состоялись 22 октября 1939 г.

²⁴ В основу этого решения легли статьи советско-литовского договора от 10 октября 1939 г.

²⁵ В. Т. Ковальский пишет об этом так: «...Ни советско-германские соглашения, ни народные референдумы или более поздние акты внутреннего законодательства не определяли польские восточные границы, в частности не могли заменить соглашения о границе, заключенного *lege artis* непосредственно между заинтересованными сторонами; соглашения, заключенного между правительством СССР и ПКНО 26 июля 1944 г., положения которого были повторены в договоре от 16 августа 1945 г. Каким же было правовое положение восточных земель между 17 сентября 1939 г. и 26 июля 1944 г. на фоне истории польских восточных границ? Не касаясь правового анализа, трудно, однако, не поддаться впечатлению, что с точки зрения определенных общих принципов Рижский договор и в дальнейшем имел силу. Но события 1939 г. и более позднего периода, очевидно, поставили под сомнение обоснованность Рижского договора, т. е. того документа, который можно было пересмотреть лишь при условии добровольного согласия непосредственно заинтересованных сторон».— *Kowalski W. T. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939—1945)*.— Warszawa, 3 wyd., 1970, s. 770—771.

²⁶ *Zabielto S. O rząd i granice*.— Warszawa, 1970, s. 28—29; *Basiński E. Sprawa linii Curzona w polityce mocarstw zachodnich podczas II wojny światowej*.— In.: *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich: Studia i materiały*. Warszawa, 1970, t. 6, s. 99.

²⁷ Ibidem.

²⁸ *Poland in the British Parliament, 1939—1945 / Compiled and ed. by W. Jędrzejewicz*.— New York, 1946, vol. 1, p. 299—300.

²⁹ *Notatka sprawozdawcza z rozmów m. in. A. Zaleskiego w Londynie*. Arch. Microfilm. PISM, lok. nr 68.— In.: *Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej: Zbiór dokumentów*. PISM. Warszawa, 1965, s. 111—113.

³⁰ *W sojusznicy Londynie: Dziennik ambasadora Edwarda Raczyńskiego, 1939—1945*.— Londyn, 1960, s. 49.

³¹ Ср. прим. 1 и 2.

³² *Meldunek dowódcy AK*, nr 54, z 5 Luł. 1941. Por.: *Polskie Siły Zbrojne...*, t. 3, s. 172—183.

³³ Ibid., s. 175.

³⁴ Ibidem.

³⁵ *Depesza szefa Sztabu Naczelnego Wodza do komendanta ZWZ z 20 listop. 1941*, L. dz. 3853. Por.: *Polskie Siły Zbrojne...*, t. 3, s. 185.

Глава вторая

¹ *Dziennik Polski*. 1941, nr 335.

² Ibidem.

³ Ibid., nr 324.

⁴ Ibid., nr 326.

⁵ Ibid., nr 318.

⁶ Wiadomości Polskie, 1942, nr 134.

⁷ Ibid., nr 26.

⁸ Mackiewicz S. Październik.— Londyn, 1941, s. 13.

⁹ Nowy Świat, 1942, nr 18, 19, 21.

¹⁰ Wiadomości Polskie, 1942, nr 135.

¹¹ Ibid., nr 134.

¹² Ibidem.

¹³ Jutro Polski, 1942, nr 12.

¹⁴ В соглашении подчеркнуто, что «1. Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 г. относительно территориальных перемен в Польше утратившими силу. Польское правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза. 2. Дипломатические сношения будут восстановлены между обоими правительствами по подписании настоящего соглашения и будет произведен немедленный обмен послами. 3. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии. 4. Правительство СССР выражает свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным польским правительством с согласия Советского правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии. Все детали относительно организации командования и применения этой силы будут разрешены последующим соглашением... К соглашению приложен протокол, в котором отмечено, что со времени восстановления дипломатических сношений Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях...». Русский текст: Внешняя политика, т. 1, с. 121—122; текст польский цит. по: Dziennik Polski, 1941, nr 324; *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski: Okres 1939—1945.— Londyn, 1960, s. 189; *Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej: Zbiór dokumentów.* PISM.— Warszawa, 1965, s. 226.

¹⁵ Dziennik Polski, 1941, 24 czerw.; *Sprawa polska...*, s. 218—219.

¹⁶ *Nowe Widnokregi*, 1941, nr 7, s. 9—10. Русский текст см.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений.— М., 1973, т. 7, с. 212—213.

¹⁷ Official Documents concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations (DPSR) 1939—1945, vol. 1, dok. nr 112, p. 147—148. Польский текст, несколько отличающийся от приведенного, поместил *Kot S.* Listy z Rosji do gen. Sikorskiego.— Londyn, 1955, s. 449—451. См. также: *Sprawa polska...*, s. 230—232.

¹⁸ Кроме такого события, как обмен послами между правительствами СССР и Польши, заслуживают внимания указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии для всех польских граждан, содержащихся в заключении на советской территории, Декларация правительства Польской Республики и правительства СССР о дружеском согласии и боевом сотрудничестве от 4 декабря 1941 г., сообщение из Куйбышева от 31 декабря 1941 г. о подписании польско-советского соглашения о займе, предоставляемом правительству Польши для оказания помощи польским гражданам, сообщение из Куйбы-

шева от 22 января 1942 г. о подписании польско-советского соглашения о займе на содержание польской армии на территории СССР.

¹⁹ Kot S. Op. cit., s. 169—179.

²⁰ Mitkiewicz L. Z gen. Sikorskim na obczyźnie (fragmenty wspomnień).— Paryż, 1968, s. 376—378.

²¹ Ibidem.

²² Pobóg-Malinowski W. Op. cit., s. 214.

²³ Ibidem.

²⁴ Сикорский отослал инструкцию 28 ноября 1942 г. депешой из Лондона для командующего Армии Крайовой. См.: L. dz. 5060 (tjn) 42.— In.: Polskie Siły Zbrojne..., t. 3, s. 186—196.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Удачно охарактеризовал генерала В. Сикорского сенатор Джеймс М. Мид в своем выступлении в сенате 8 июля 1943 г.: «Генерал Сикорский был призван сыграть особенно трудную роль, которую он исполнил, проявив большую решимость и истинное достоинство государственного деятеля. Генерал Сикорский как глава польского правительства находился между тиранией нацизма, порабовавшего польский народ, и возрастающей мощью Советского Союза, между колеблющейся, нерешительной политикой западных союзников и тупым упрямством и политическим расколом среди собственных соотечественников. Таким образом, для генерала Сикорского было нелегко найти разумное и практически осуществимое направление польской политики. Несомненно, очень немногие политические лидеры Польши могли бы, как генерал Сикорский, понять и так успешно и эффективно защищать интересы Польши. Генерал Сикорский превосходно чувствовал, в каком направлении нужно действовать. Польско-русское соглашение, заключенное им 30 июля 1941 г., через неполных шесть недель после немецкого удара по России, полностью изменившего облик этой войны, было актом большой государственной важности, за что все члены антигитлеровской коалиции глубоко признательны. С самого начала своей политической деятельности генерал Сикорский понимал неотложную необходимость для Польши установления отношений с Россией, и от этого принципа не отступал до конца своей жизни».— Cyt. za: Mitkiewicz L. Op. cit., s. 358.

³⁰ Polskie Siły Zbrojne..., t. 3, s. 196—211.

³¹ В знак протеста из эмигрантского правительства вышел тогдашний (с 30 сентября 1939 г.) министр иностранных дел А. Залеский. 27 июля 1941 г. он разослал циркуляр руководителям польских дипломатических представительств, в котором говорилось: «Из-за того, что я не могу согласиться с содержанием предложенного польско-советского соглашения, я попросил освободить меня от занимаемой должности». Отставка была принята, и с 22 августа 1941 г. по 14 июля 1943 г. Министерством иностранных дел руководил Эдвард Рачиньский, одновременно сохраняя за собой пост посла в Лондоне.

³² Trybuna Wolności, 1942, nr 7, 1 maj.

³³ Por.: Ibid., 1943, nr 25, 1 luty. Январская (1943 г.) резолюция Пленума ЦК ППР о военно-политической ситуации и задачах партии всецело подтверждала оценку генерала Сикорского, сделанную в заявлении ЦК ППР от 1 мая 1942 г.

³⁴ Dziennik Polski, 1942, nr 534, 7 kwiec. Ср.: Документы и материалы..., т. 7, с. 293.

³⁵ Смерть генерала Сикорского катастрофически повлияла на соот-

ношение политических сил Польши. «Санация» использовала этот момент и перехватила желанный пост главнокомандующего. Владислав Рачкевич доверил его генералу Казимиру Соснковскому. Тот факт, что генерал Соснковский принял командование армией, в то время предопределил гегемонию «санации» в лондонском лагере.

Глава третья

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (далее — Переписка...). М., 1976, т. 2, с. 61.

² Там же, т. 1, с. 153—154.

³ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза.— М., 1952, с. 105.

⁴ *Nowe Widnokregi*, 1943, nr 9, 5 maj. См. также: Документы и материалы..., т. 7, с. 360—361.

⁵ *Wolna Polska*, 1943, nr 15, 16 czerw.; *Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945.*— Warszawa, 1958, s. 449—456. См. также: Документы и материалы..., т. 7, с. 390—391.

⁶ Там же.

⁷ Воззвание Центрального Комитета Польской рабочей партии от 1 мая 1943 г. См.: *W dziesiątą rocznicę powstania Polskiej Partii Robotniczej (Materiały i dokumenty)*, styczeń 1942 — grudzień 1948.— Warszawa, 1952, s. 148—153.

⁸ 14 июля 1943 г. президент Владислав Рачкевич сформировал новое польское правительство в эмиграции в следующем составе: председатель Совета Министров — Станислав Миколайчик, заместитель председателя Совета Министров, министр промышленности, торговли и навигации — Ян Квапиньский, министр иностранных дел — Тадеуш Ромер, министр национальной обороны — генерал Мариан Кукель, министр внутренних дел — Владислав Баначик, министр информации и документации — профессор Станислав Кот, министр финансов — Людвик Гросфельд, министр работ и социального обеспечения — Ян Станьчик, министр юстиции — профессор Вацлав Комарницкий, министр по вопросам будущей мирной конференции — Мариан Сейда, министр административных работ — Кароль Попель, министр вероисповеданий и общественного просвещения — ксендз Зигмунт Качиньский, министр государства по делам Востока — Генрик Страсбургер. Главнокомандующим польских вооруженных сил стал генерал Казимеж Соснковский. Посты главы правительства и главнокомандующего, которые до этих пор занимал генерал В. Сикорский, были разделены.

⁹ *Dziennik Polski*, 1943, nr 935, 28 lip.

¹⁰ Запись министра Т. Ромера о беседе с послом А. Дрекслер-Биддлем и послом Овеном О'Маллеем по вопросу об англо-американском посредничестве в Москве.— *Arch. Mikrofilm. PISM, dok. nr 24; Sprawa polska...*, s. 396—397.

¹¹ *Mikolajczyk S.* The Pattern of Soviet Domination.— London, 1946, s. 300—303.

¹² *Международная жизнь*, 1961, № 8, с. 157—158.

¹³ *Kowalski W. T.* Op. cit., s. 390—425.

¹⁴ *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.*— М., 1946, т. 1, с. 424—425.

¹⁵ *Churchill W.* The Second World War.— London, 1953, t. 5, s. 400.

¹⁶ Benesz E. The Memoirs of Doctor Eduard Benesz, from Munich to New War and New Victory.— Boston, 1954, p. 265—268.

¹⁷ Rożek E. Allied Wartime Diplomacy: A Pattern in Poland.— New York, 1958, p. 195—196.

¹⁸ Polskie Siły Zbrojne..., t. 3, s. 552—554.

¹⁹ Приказ от 20 ноября 1943 г., посланный в рапорте коменданта АК главнокомандующему в Лондон 26 ноября 1943 г.— Ibid., s. 559.

²⁰ Ibid., s. 646—648.

²¹ Из этого же источника вытекает, что «Буря» была осуществлена также в Полесском округе во второй половине июля и в августе 1944 г. (более подробных данных нет), а впоследствии во второй половине 1944 г. в округах Варшава, Радом, Краков, Лодзь, Белосток и Люблин.

²² Манифест подписали: Комитет народной инициативы, Центральный Комитет Польской рабочей партии, группа социалистических деятелей, группа деятелей Стронництва людowego и Батальонов хлопских, Главное командование Гвардии Людовой, представители подпольного профсоюзного движения, группа беспартийных демократов, представители свободных профессий: научные работники, врачи, учителя, инженеры, архитекторы, юристы, группа деятелей бывш. Унии профессионального союза работников умственного труда, группа польских писателей, группа офицеров и унтер-офицеров Польской армии, группа представителей ремесленников, группа солдат Армии Крайовой, Союз борьбы молодых.

²³ W dziesiątą rocznicę powstania PPR..., s. 251—263.

²⁴ Ibid., s. 263—264.

²⁵ Protokół pierwszego plenarnego posiedzenia KRN: Warszawa 31 grud. 1943 — 1 stycz. 1944.— Warszawa (bdw.), s. 6—9; Sprawa polska..., s. 443—444.

²⁶ Ibidem.

²⁷ 5 января 1944 г. эмигрантское правительство в Лондоне сделало заявление в связи с переходом Советской Армией предвоенной (до 1939 г.) польско-советской границы, в котором подтверждало свою позицию по вопросу о правомочности предвоенной польской границы на востоке в соответствии с положениями Рижского договора (Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza, 1944, nr 4, 6 stycz.; *Pobóg-Malinowski W.* Op. cit., t. 3, s. 496). В ответ на это 11 января 1944 г. ТАСС заявил следующее: «5 января в Лондоне опубликовано заявление эмигрантского Польского правительства по вопросу о советско-польских отношениях, в котором содержится ряд неправильных утверждений, в том числе неправильное утверждение о советско-польской границе. Как известно, Советская Конституция установила советско-польскую границу в соответствии с волей населения Западной Украины и Западной Белоруссии, выраженной в плебисците, проведенном на широких демократических началах в 1939 г. При этом территории Западной Украины, населенные в своем подавляющем большинстве украинцами, вошли в состав Советской Украины, а территории Западной Белоруссии, населенные в своем подавляющем большинстве белоруссами, вошли в состав Советской Белоруссии. Несправедливость, допущенная Рижским договором 1921 г., который был навязан Советскому Союзу, в отношении украинцев, населяющих Западную Украину, и белоруссов, населяющих Западную Белоруссию, была таким образом исправлена. Вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Советского Союза не только не нарушило интересов Польши, а наоборот — создало надежную основу для прочной и постоянной дружбы между польским народом и соседними с ним украинским, белорусским и русским народами.

Советское правительство неоднократно заявляло, что оно стоит за

воссоздание сильной и независимой Польши и за дружбу между Советским Союзом и Польшей. Советское правительство вновь заявляет, что оно стремится к тому, чтобы установить дружбу между СССР и Польшей на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения и, если этого пожелает польский народ,— на основе союза по взаимной помощи против немцев, как главных врагов Советского Союза и Польши. Осуществлению этой задачи могло бы послужить присоединение Польши к советско-чехословацкому Договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве.

Успехи советских войск на советско-германском фронте с каждым днем ускоряют освобождение оккупированных территорий Советского Союза от германских захватчиков. Самоотверженная борьба Красной Армии и разворачивающиеся боевые действия наших союзников приближают разгром гитлеровской военной машины и несут освобождение Польше и другим народам из-под ига германских оккупантов. В этой освободительной борьбе уже выполняют свои славные задачи «Союз польских патриотов в СССР» и созданный им польский армейский корпус, действующий на фронте против немцев рука об руку с Красной Армией.

Теперь открывается возможность возрождения Польши как сильного и независимого государства. Но Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель. Только таким образом можно было бы установить доверие и дружбу между польским, украинским, белорусским и русским народами. Восточные границы Польши могут быть установлены по соглашению с Советским Союзом. Советское правительство не считает неизменными границы 1939 г. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона, которая была принята в 1919 г. Верховным Советом союзных держав и которая предусматривает вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Советского Союза. Западные границы Польши должны быть расширены путем присоединения к Польше исконных польских земель, ранее отнятых Германией, без чего нельзя объединить весь польский народ в своем государстве, которое получит тем самым и нужный выход к Балтийскому морю. Справедливое стремление польского народа к своему полному объединению в сильном и независимом государстве должно получить свое признание и поддержку.

Эмигрантское Польское правительство, оторванное от своего народа, оказалось неспособным установить дружественные отношения с Советским Союзом. Оно оказалось также неспособным организовать активную борьбу против германских захватчиков в самой Польше. Более того,— своей неправильной политикой оно нередко играет на руку немецким оккупантам. Между тем интересы Польши и Советского Союза заключаются в том, чтобы между нашими странами установились прочные дружественные отношения и чтобы народы Польши и Советского Союза объединились в борьбе против общего внешнего врага, как этого требует общее дело всех союзников.— *Wolna Polska*, 1944, nr. 2, 16 stycz.; *Внешняя политика...*, т. 2, с. 59—61.

²⁸ *CA KC PZPR, Rada Narodowa*, t. 1, poz. 45, k. 1; *W dziesiątą rocznicę powstania PPR...* s. 284—285.

²⁹ Сообщение от 28 мая 1944 г., опубликованное в Москве, о признании Крайовой Рады Народовой Союзом польских патриотов.— *Rada Narodowa*, 1944, nr 10, 25 czerw.

³⁰ Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945.— Warszawa, 1958, s. 244—248.

³¹ Protokół pierwszego plenarnego posiedzenia KRN..., s. 59—60.

³² Официальное сообщение по этому вопросу было опубликовано 19 марта 1944 г.

³³ Anusiewicz M., Czarnogórski C. XXV lat Ludowego Wojska Polskiego.— Warszawa, 1968, s. 60—63.

³⁴ Заявление уполномоченных Крайовой Рады Народовой от 14 июня 1944 г. о пребывании в Советском Союзе. См.: Внешняя политика..., т. 2, с. 148.

³⁵ Dziennik Urzędowy RP, 1944, nr 1, 15 sierpnia, poz. 2.

³⁶ Polskie Siły Zbrojne..., т. 3, s. 557.

³⁷ Ibidem.

³⁸ В состав ПКНО вошли: председатель и руководитель ведомства иностранных дел — Эдвард Осубка-Моравский, заместитель председателя и руководитель ведомства земледелия и аграрной реформы — Анджей Витос, заместитель председателя — Ванда Василевская, руководитель ведомства национальной обороны — Михал Роля-Жимерский, заместитель руководителя ведомства национальной обороны — Зигмунт Берлинг, руководитель ведомства гражданской администрации — Станислав Котек-Агрошевский, руководитель ведомства народного хозяйства и финансов — Ян Стефан Ханеман, руководитель ведомства юстиции — Ян Чеховский, руководитель ведомства общественной безопасности — Станислав Радкевич, руководитель ведомства охраны труда, социального обеспечения и здравоохранения — Болеслав Дробнер, руководитель ведомства возмещения за военные убытки — Эмиль Зоммерштейн, руководитель ведомства просвещения — Станислав Скушевский, руководитель ведомства по делам культуры и искусства — Винценцы Жимовский, руководитель ведомства информации и пропаганды — Стефан Ендриховский. В то время ПКНО не исключал возможности соглашения с правительством Миколайчика в Лондоне по вопросу о создании объединенного правительства. «Отказ от формального наименования — Временное правительство, а также то, что подчеркивался комитетный характер исполнительного органа КРН, указывало на готовность проведения переговоров с другими политическими центрами перед созданием Временного правительства. Дверь была открыта, а каким образом использовать эту возможность, зависело только от позиции правительства Миколайчика».— Kowalski W. T. Op. cit., s. 502.

³⁹ Rzeczpospolita, 1944, nr 1, 23 lipca.

⁴⁰ Dziennik Urzędowy RP, 1944, nr 2, 22 sierpnia, poz. 6.

⁴¹ Ibid., poz. 8.

⁴² Ibid. nr 5, 20 wrzesnia, poz. 22.

⁴³ 24 августа 1944 г. ПКНО принял декрет о роспуске на освобожденной территории тайных военных организаций. Этот декрет призывал всех членов конспиративных организаций (кроме НСЗ, которые считались фашистской организацией) вступать в Войско Польское, где они смогут отдать свои силы, знания и талант Польше. Декрет гарантировал членам вооруженного подполья признание в рядах народного Войска Польского всех званий и отличий, полученных в конспирации.— Ibid., nr 3, 31 sierpnia, poz. 12.

⁴⁴ Obwieszczenie Komendy Okręgu AK Lublin z 31 sierpnia 1944.— AZH, sygn. 203 (Okręg Lubelski AK).

⁴⁵ Zarys historii polskiego ruchu robotniczego, 1944—1947.— Warszawa, 1961, s. 45.

⁴⁶ Переписка..., т. 1, с. 287—288.

⁴⁷ Rożek E. Op. cit., s. 230—321.

⁴⁸ Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza, 1944, nr 174, 25 lip.

⁴⁹ Переписка..., т. 1, с. 292.

Глава четвертая

¹ Arch. Mikrofilm. PISM, dok. nr 13; Sprawa polska..., s. 552.

² Rożek E. Op. cit., s. 237—242.

³ Ibidem. Второй пункт, о котором вспоминал Миколайчик, дословно звучит так: «2. Дополнение польско-советского договора от 1941 г. соглашением, которое регулировало бы процедуру передачи территории, освобожденной Красной Армией. Я отмечаю, что после того, как я выехал из Лондона, произошли события, которые немного меняют дело (подписание соглашения между Москвой и Люблином.— Авт.)».

⁴ Cut. za: A. Przygoński.— Prawo i Życie, 1971, nr 16, 8 sierp.

⁵ Wolna Polska, 1944, nr 28, 3 sierp. Внешняя политика..., т. 2, с. 156—159.

⁶ Polskie Siły Zbrojne..., т. 3, s. 657—661.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Депеша коменданта АК главнокомандующему от 21 июля 1944 г.— L. dz. 5916/tjn.— In.: Polskie Siły Zbrojne..., т. 3, s. 656—657.

¹⁰ Донесение фон дем Баха о Варшавском восстании см. в: Dzieje Najnowsze: Kwartalnik Instytutu Pamięci Narodowej, Warszawa, 1947, т. I, z. 2, kwiec.— czerw. 1947. Por.: Polskie Siły Zbrojne..., т. 3, s. 822—824.

¹¹ Ibid., s. 809—817.

¹² Таким образом, было собрано или изготовлено: около 150 огнеметов емкостью 15 л и дальностью струи 20 м (мастерская по ул. Сенаторской), около 200 автоматов типа «молния» (мастерская по ул. Гжибовских), около 100 автоматов типа «Стен» (мастерская по ул. Лешно), 5 тыс. взрывателей для ручных гранат (мастерская в школе Конопчиньского), 1200 ручных гранат типа «филиппинка» (мастерская по ул. Вилчей), около 40 тыс. ручных гранат различных типов, изготовленных в разных мастерских (по ул. Кручей, Маршалковской, 71, Злотой, Мокотовской, Сенной, угол Хожей и Познаньской и др.), 17 заменителей огнеметов (мастерская по ул. Видок, 10), несколько минометов и гранат (мастерская по ул. Хожей, 55 и в здании ПКО).

¹³ «Согласно имеющимся сегодня данным,— пишет В. Т. Ковальский,— над Варшавой совершали вылеты всего 296 самолетов западных союзников, которые потеряли 34 машины, т. е. 12 %. Что касается количества советских самолетов, которые 13 ночей сбрасывали повстанцам продовольствие, военное снаряжение и боеприпасы, то таких сводных цифр у нас нет. В соответствии с советскими документами, опубликованными в «Wojskowym Przeglądzie Historycznym» в ночь с 13 на 14 сентября было совершено 282 самолетовылета, с 14 на 15 сентября — не меньше 381 самолетовылета, 30 сентября — 156 самолетовылетов. Часть вылетов была проведена с оперативной целью, а именно: борьбой с немецкой авиацией и бомбардировкой указанных повстанцами объектов» (Kowalski W. T. Op. cit., s. 538—540). Оценивая действия англичан по сбрасыванию с самолетов оружия и снаряжения в первый месяц восстания, В. Побуг-Малиновский писал: «...В течение месяца повстанцам — в Варшаву и в леса в районе города было направлено 159 самолетов, которые, потеряв 27 машин с экипажами, совершили 77 выбросов груза, из них только 46 удачных». — Pobóg-Malinowski W. Op. cit., s. 703.

¹⁴ Armia Ludowa, 1944, 26 sierp.

¹⁵ Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945.— Warszawa, 1958, s. 267—268.

¹⁶ Armia Ludowa, 1944, 19 sierp.

¹⁷ Polskie Siły Zbrojne..., t. 3, s. 819.

¹⁸ Historia wielkiej wojny Związku Radzieckiego, 1941—1945.— Warszawa, 1965, s. 284.

¹⁹ Rzeczypospolita, 1944, nr 12, 14 lip.; Внешняя политика..., т. 2, с. 342—343.

²⁰ Armia Ludowa, 1944, nr 26, 28 sierp.

²¹ Ibid., nr 31, 15 wrzes.

²² *Zaluski Z.* Czterdziesty czwarty.— Warszawa, 1968, s. 205.

²³ Знамя, 1968, № 10, с. 151—152; Zeszyty Historyczne.— Paryż, 1969, 15, s. 141—142.

²⁴ Дешеша главного командования АК в Лондон № 1562 от 6 августа 1944.— AZHR, 202/I, т. 9, к. 49.

²⁵ Докладную записку Гражданский комитет передал делегату правительства Кулешу 15 августа 1944 г.— *Skarżyński A.* Powstańcza Warszawa w dniach walki.— Warszawa, 1965, s. 27—28.

²⁶ Walka, Londyn, 1943, listop.

²⁷ Monitor Polski, 1945, nr 76.

²⁸ Nowa Polska, 1946, nr 1.

²⁹ Например, Анджей Помян Даумунт: «Варшава не могла остаться бездейственной, не погубив всех ценностей многолетней борьбы всего народа. Ее бездействие было бы отречением. Варшава не могла и не хотела отречься».— *Dawmunt A. P.* Powstanie warszawskie 1944: Zarys problematyki.— Londyn, 1946, s. 78.

³⁰ Dziennik Polski, Detroit, 1946, 1 sierp.

³¹ Wiadomości, Londyn, 1946, nr 14/15.

³² Trybuna, Londyn, 1946, wrzes.

³³ Wiadomości, 1947, nr 43.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Kultura, 1951, nr 48.

³⁶ *Kisielewskim S.*— Polityka i Sztuka, 1949, s. 38.

³⁷ Życie, 1954, nr 380.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Kultura, 1958, nr 126, s. 145.

⁴⁰ Księga zażaleń pielgrzymstwa polskiego.— Bruksela, 1949, s. 150.

⁴¹ Życie, 1954, nr 380.

⁴² Ibidem.

⁴³ *Pobóg-Malinowski W.* Op. cit., s. 667.

⁴⁴ Ibid., s. 683.

⁴⁵ Ibid., s. 625 (это касается беседы Миколайчика со Сталиным 3 августа 1944 г., цитируемой в начале данного раздела).

⁴⁶ Ibid., s. 626.

⁴⁷ Ibid., s. 691—692.

Глава пятая

¹ Данные взяты из секретного доклада И. Славика от 20 октября 1944 г.— Arch. czechosl. MSZ w Pradze; Sprawa polska..., s. 586.

² *Rožek E.* Op. cit., s. 277—284.

³ 15 декабря 1944 г. в палате общин У. Черчилль так разъяснял эти вопросы: «Надежды, которые в октябре я считал оправданными и не скрывал этого, не оправдались. Когда господин Миколайчик покинул Москву, я ожидал, что где-то в течение недели он возвратится туда,

уполномоченный польским правительством в Лондоне согласовать вопрос о границах на основе линии Керзона и ее продолжения в южном направлении под названием линии Керзона «А», согласно которой Львов остается у русских. Я неоднократно обращал внимание господина Миколайчика на опасность промедления. Если бы господин Миколайчик смог возвратиться к очень дружественным беседам с маршалом Сталиным и Люблинским комитетом национального освобождения, если бы он смог возвратиться с согласием своих коллег, я допуская, что трудности, возникающие при создании польского правительства в единодушном согласии с Люблинским комитетом, могли бы быть преодолены. В этом случае господин Миколайчик стоял бы сейчас во главе польского правительства, на польской земле, признанный всеми Объединенными Нациями, ожидая продвижения Красной Армии в глубь Польши по мере того, как страна освобождалась бы от немцев. Он выполнял бы свои задачи при гарантиях дружбы и доброжелательной помощи маршала Сталина. Таким образом он мог бы постоянно поддерживать хорошие отношения между польским подпольем и продвигающимися вперед русскими и устанавливать польскую администрацию на освобождающейся территории по мере того, как она расширялась. Мы глубоко уважаем господина Миколайчика и его одаренных коллег господина Ромера и господина Грабского, с которыми встречались в Москве. Я убежден, что из всех польских государственных деятелей они больше других подходят для того, чтобы занять место умершего генерала Сикорского... 24 ноября господа Миколайчик, Ромер, а также несколько других польских министров вышли из нового правительства, которое фактически почти полностью было реорганизовано таким образом, который лично я по определенным соображениям не могу одобрить» — *Zbiór dokumentów PISM*, t. 4, 1947, nr 4, kwiec.

⁴ *Jutro Polski*, Londyn, 1944, 24 grud.

⁵ Декрет ПКНО от 31 августа 1944 г. определял степень ответственности для тех, кто в какой-либо форме сотрудничал с гитлеровскими оккупантами против польского народа. См.: *Dz. U. RP*, 1944, nr 4, 13 wrzes., p. 16.

⁶ Декрет ПКНО от 6 сентября 1944 г. о проведении аграрной реформы. — *Ibid.*, poz. 17.

⁷ *Góra W. Reforma rolna: Z najnowszych dziejów Polski (1939—1947)*. — Warszawa, 1961, s. 317.

⁸ Выдержка из записей, сделанных 6 февраля 1945 г. членом и переводчиком американской делегации Ч. Боленом на третьем пленарном заседании Крымской конференции. — *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945. The Conference at Malta and Yalta*. — Washington, 1955, p. 667—671; *Sprawa polska...*, s. 683.

⁹ *Ibidem*.

¹⁰ *Ibidem*.

¹¹ Потери польских солдат (убитые, раненые, пропавшие без вести) во время второй мировой войны составили: оборонительная война в сентябре 1939 г. (1 сентября — 5 октября) — около 200 тыс. солдат; Нарвик — 1-я БСП (Польская Подгальская отдельная стрелковая бригада) (7—28 мая 1940 г.) — 200 солдат; францужско-немецкая война (10—25 июня 1940 г.) — 6 тыс. солдат; бои в Африке — 1-я БСК (Карпатская отдельная стрелковая бригада) (август 1941 г.—апрель 1942 г.) — 635 солдат; Ленино — 1-я пехотная дивизия им. Т. Костюшко (12—13 октября 1943 г.) — 2 тыс. солдат; Монте-Кассино, Пьемонт — 2-й корпус (11—25 мая 1944 г.) — 4200 солдат; Фалес — 1-я танковая дивизия (14—21 августа 1944 г.) — 2300 солдат; партизанская битва в Яновских лесах в Сольской пуще (10—25 июня 1944 г.) — 200 солдат;

Анкана — 2-й корпус (15 июня — 24 июля 1944 г.) — 2400 солдат; Денблин, Пулавы — 1-я армия Войска Польского (31 июля — 4 августа 1944 г.) — 1100 солдат; Прага — 1-я пехотная дивизия (10—15 сентября 1944 г.) — 2 тыс. солдат; варшавские плацдармы (15—25 сентября 1944 г.) — 3800 солдат; Варшавское восстание (1 августа — 3 октября 1944 г.) — 22 500 солдат; Арнем — 1-я БСП (18—25 сентября 1944 г.) — 380 солдат; варшавская операция — 1-я армия Войска Польского (16—17 января 1945 г.) — 500 солдат; Поморский вал — 1-я армия Войска Польского (31 января — 5 марта 1945 г.) — 16 900 солдат; Колобжег — 1-я армия Войска Польского (7—18 марта 1945 г.) — 3400 солдат; Берлинская операция — 1-я армия Войска Польского (16 апреля — 8 мая 1945 г.) — 6 тыс. солдат; Берлинская операция — 2-я армия Войска Польского (16 апреля — 8 мая 1945 г.) — 21 тыс. солдат; Пражская операция — 2-я армия Войска Польского (7—11 мая 1945 г.) — 1202 солдата. В 1939—1945 гг. погибло 2250 польских моряков, и 2200 были ранены. Цифры приведены по: Gać S., Szota W. *Udział Polaków w drugiej wojnie światowej*. — Warszawa, 1967.

¹² По данному вопросу 21 мая 1945 г. пленум ЦК ППР принял постановление. См.: PPR, sierp. 1944 — grud. 1945; Dokumenty. — Warszawa, 1959, s. 132—144.

¹³ Ibid., s. 133.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ О размерах этих преступлений свидетельствует тот факт, что всего во время гитлеровской оккупации погибло 6 028 тыс. польских граждан. Из них непосредственно в результате военных действий — 644 тыс. (потери в армии — 123 тыс., потери среди гражданского населения — 521 тыс.), оставшиеся 5 384 тыс. граждан погибли вследствие террора и политики физического уничтожения, проводимых гитлеровскими оккупантами. На каждую тысячу жителей Польша потеряла 220 граждан, в то время как США — 2,9, Бельгия — 7, Великобритания — 8, Франция — 15, Голландия — 22, СССР — 116. Из более чем 200 тыс. польских детей, отнятых у родителей для германизации, после войны в страну возвратилось только 10—15 %. 590 тыс. человек было искалечено, 1 140 тыс. — заболело туберкулезом, что выше средних показателей до 1939 г. На принудительные работы в третий рейх было вывезено 2 460 тыс. человек; выселено — 2 478 тыс. польских граждан. Потери национального достояния превысили 38 % по состоянию на 1939 г. Наибольшим разрушениям немецкие оккупанты подвергли промышленные центры и крупные города. Всего было уничтожено или повреждено 162 190 жилых домов, 14 тыс. фабрик и заводов, 199 751 магазин, 84 436 ремесленных мастерских. Только в Варшаве потери в самом городе составили 84 %, причем 90 % — в промышленности, 72 % — в жилом фонде, более 90 % — в культурных и исторических памятниках. Варшава потеряла около 700 тыс. жителей, что превышает людские потери во второй мировой войне Великобритании и США вместе взятых. Гитлеровцы уничтожили или похитили 43 % культурных ценностей Польши. Они произвели невосполнимые опустошения в музеях, библиотеках и архивах, всего польские библиотеки потеряли 66 % своих фондов. Почти полностью были уничтожены исследовательские институты, научные общества и учреждения. Потери здравоохранения составили 55 % довоенного уровня. Серьезный ущерб был нанесен промышленности, в особенности химической (64,5 %), полиграфической (64,3 %), электротехнической (59,7 %), швейной (55,4 %), пищевой (53,1 %), металлургической (48 %). Потери в сельском хозяйстве составили 50 %, в связи и транспорте — 50 %. Составлено на основе: *Sprawozdanie w przedmiocie strat i szkód wojennych Polski w latach 1939—1945*, publi-

kowanego w styczniu 1947 r. przez Biuro Odszkodowań Wojennych przy Prezydium Rady Ministrów PRL. См. также: 25 lat gospodarki Polski Ludowej. Praca zbiorowa pod redakcją K. Sekomskiego.— Warszawa, 1969; *Kłafkowski A.* Obozy koncentracyjne hitlerowskie jako zagadnienie prawa międzynarodowego.— Warszawa, 1969, s. 75—84; *Wielka Encyklopedia Powszechna*, t. 12, s. 674.

¹⁶ Обращение было издано от имени Стронництва людowego, Польской рабочей партии, Польской социалистической партии и Строинництва демократичного (*Głos Ludu*, 1945, nr 188, 22 lip.).

¹⁷ Zbiór dokumentów pod red. J. Makowskiego, 1945, nr 2, s. 51—54; *Rzeczpospolita*, 1945, nr 107, 24 kwiet.

¹⁸ *Cieślak T.* Geneza sojuszu polsko-radzieckiego. In.: *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich: Studia i materiały*. Warszawa, 1966, t. 2, s. 17.

¹⁹ *Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza*, 1944, N 299, 18 grud.

²⁰ 31 декабря 1944 г. на заседании Крайовой Rady Народовой был принят декрет о создании «вместо образованного на основании декрета от 21 июля 1944 г. (Dz. U. RP nr 1, roz. 1) Польского комитета национального освобождения Временного правительства Польской Республики, основывающегося на программе действий июльского Манифеста Польского комитета национального освобождения» (ст. 1). В тот же день президент Берут утвердил следующий состав кабинета: премьер-министр и министр иностранных дел — Эдвард Осубка-Моравский; первый заместитель премьер-министра — Владислав Гомулка; второй заместитель премьер-министра — Станислав Януш; министр национальной обороны — генерал Михал Роля-Жимерский; министр гражданской администрации — Юзеф Машлянка; министр общественной безопасности — Станислав Радкевич; министр финансов — Константы Домбровский; министр просвещения — Станислав Скушевский; министр охраны труда, соцобеспечения и здравоохранения — Виктор Трояновский; министр сельского хозяйства и аграрной реформы — Эдвард Вертольд; министр путей сообщения — Ян Рабановский; министр продовольствия и торговли — Теодор Пиотровский; министр связи — Тадеуш Капелинский; министр юстиции — Эдмунд Залевский; министр культуры и искусства — Винценты Жимовский; министр информации и пропаганды — Стефан Матушевский (*Rzeczpospolita*, 1945, nr 1, 1 styc.; *Wolna Polska*, 1945, nr 1/2, 10 styc.).

¹¹ Директивы генерала Окулицкого на зимний период действий.— *Polskie Siły Zbrojne...*, t. 3, s. 910—914.

²² *Ibidem*.

²³ Численность организаций и отрядов приводится по подсчетам Рышарда Халябы на основании материалов Министерства внутренних дел.— *Halaba R.* Z problemów polityki PPR wobec obozu reakcji i PSL: Lipiec 1944 — lipiec 1945.— *Z pola walki*, 1969, nr 2/46/1969, s. 55.

²⁴ Депеша Мариана Утника Л. Окулицкому от 23 ноября 1944 г. с содержанием постановлений лондонского правительства от 14 ноября 1944 г.— *CA MSW*, zesp. 195/V/49, k. 19—20.

²⁵ *Sprawa polska...*, s. 653—654.

²⁵ Ведомство общественной безопасности было создано на основании декрета от 21 июля 1944 г. о создании ПКНО (Dz. U. RP nr 1, roz. 1), а 7 октября 1944 г. декретом ПКНО была создана Гражданская милиция (декрет ПКНО от 7 октября 1944 г. о создании Гражданской милиции) (Dz. U. RP, nr 7 z 12 paźdz., 1944, roz. 33).

²⁷ Организация «Не», Делегатура вооруженных сил (ДСЗ), Подпольное Войско Польское (КВП), Великопольская самостоятельная

добровольческая группа (ВСГО) «Варта», Движение сопротивления Армии Крайовой (РОАК), Свобода и независимость (ВиН).

²⁸ Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА).

²⁹ Денеша Л. Окулицкого главнокомандующему. L. dz. O-Spec. 761/45 z 19 styс. 1945.— СА MSW, zesp. 195/I/18, k. 114.

³⁰ Денеша коменданта ДСЗ главнокомандующему. L. dz. 252/H z 15 kwiec. 1945.— СА MSW, zesp. 295/F-II/2, k. 31, 45.

³¹ Денеша В. Андерса коменданту ДСЗ № 277/H от 7 мая 1945 г.— СА MSW, zesp. 295/F-II/2, k. 25. О том, насколько большое значение главное командование ДСЗ придавало пропаганде в Войске Польском, свидетельствует факт создания IV отдела (акция «Z») на всех организационных уровнях.

³² Директивы по борьбе со «службой безопасности» (акция «В») от июня 1944 г.— KW MO Białystok, mat. nie uporz. 66/I/.

³³ ASS MON R-947/46, arch. nr 438/62/1005, t. 1, s. 33.

³⁴ Для этого «Мстислав» изменил прежние названия постов в организации. Сам он стал руководителем округа, а его подчиненные — руководителями инспекторов в уездах.

³⁵ Arch. Wojew. Sądu dla m. st. W-wy, nr R-480/46, t. 1, s. 91.

³⁶ Ibid., t. 1, k. 99—100.

³⁷ Arch. Sądu Wojew. dla OW-Warszawa, nr Sr. 68/48, t. 2, k. 107—108 oraz t. 1, k. 92.

³⁸ Протокол первой конференции ТНППЗВ от 4 февраля 1945 г.— ASS MON, nr 1105, t. 24, k. 173.

³⁹ Ibid., nr 1105/46, t. 3, k. 7 oraz t. 4, k. 14.

⁴⁰ Материалы процесса по делу убийц из Верховин.— Arch. MSW, nr 1521/śl., k. 5; Рапорт капитана «Шарого» коменданту XVI округа НСЗ от июня 1945 г.— ASS MON, nr 1105/46, t. 24, k. 245; Донесение № 1 от 15 июня 1945 г. заместителя командующего 3-й пехотной дивизией по политико-воспитательной работе.— САW, zesp. III-2, t. 105, k. 7.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid., t. 52, k. 74.

⁴³ Głos Ludu, 1944, nr 18, 6 grud.

⁴⁴ СА KC PZPR, sygn. 295/IX-188, k. nlb.

⁴⁵ САW, sygn. III-36, t. 31, k. 7; Отчет о ходе следственной работы воеводского УБП в Люблине за период 20—30 июля 1945 г. от 3 августа 1945 г.— Arch. MSW.

⁴⁶ Реорганизация общенациональных органов нелегального СН произошла в конце декабря 1945 г. после приезда в страну представителя президиума СН в эмиграции. Он и образовал главное правление СН в стране.

⁴⁷ Окружная комендатура в Жешуве продолжала свою деятельность под официальным названием НОВ. Организационно она подчинялась главному командованию НЗВ.

⁴⁸ Arch. KW MO Lublin, 1945, k. nlb.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Отчет воеводского УБП в Люблине за 1945 г.— ASS MON, nr 947/46, arch. 438/62/1005, t. 4, k. 165.

⁵¹ Информация люблинского воеводы от 16 мая 1945 г.— Arch. MSW, k. nlb.

⁵² Отчет воеводского УБП в Люблине за 1945 г.— Arch. KW MO Lublin, teczka 16, t. 1, k. nlb.

⁵³ Отчет воеводского УБП в Люблине за август 1945 г.— Ibidem.

⁵⁴ Отчет воеводского УБП в Люблине от 31 мая 1945 г.— Ibidem.

⁵⁵ САW, sygn. III-7, t. 609, k. 25.

⁵⁶ Директивы комендатуры округа ОАК-Белосток для низовых звеньев организации от 12 марта 1945 г.— Arch. KW MO Białystok.

⁵⁷ Конспект пропагандистской работы Бюро информации и пропаганды окружной комендатуры ОАК—Белосток, № 9 от 16 марта 1945 г.— Ibidem.

⁵⁸ Отчет воеводского УБП в Белостоке за период 20 мая — 1 июня 1945 г.— Arch. MSW.

⁵⁹ Рапорты начальника самообороны Августовского района ОАК за апрель и май 1945 г.— Arch. KW MO Białystok.

⁶⁰ Рапорт 5-й Вильнюсской бригады АК за месяц (5 апреля — 25 мая 1945 г.) от 6 мая 1945 г.— Arch. MSW, sygn. d-1737, t. 6, k. 401.

⁶¹ Ibid., sygn. d-1525, p. 9.

⁶² Ibid., sygn. d-1737, t. 6, k. 397; СА КС PZPR, sygn. 295/IX-74, k. nlb.

⁶³ Рапорт 5-й Вильнюсской бригады АК за месяц.— Ibid., k. 402.

⁶⁴ Ibid.; Донесение 11-го полка КБВ от 28 мая 1945 г.— Arch. KBW, sygn. 42/227, k. 125.

⁶⁵ Ibid., sygn. 41/227, k. 103 oraz sygn. 41/211, k. 42.

⁶⁶ Ibid., k. 42.

⁶⁷ Отчет Варшавского КВ ППР за июнь 1945 г. от 10 июля 1945 г.— СА КС PZPR, sygn. 295/IX-328, k. nlb.

⁶⁸ Письмо секретаря ВКВ ППР от 9 апреля 1945 г.— Ibidem.

⁶⁹ Отчет ВКВ ППР за июнь 1945 г.— Ibidem.

⁷⁰ Донесение руководства инженерных войск Войска Польского главнокомандующему Войска Польского от 25 мая 1945 г.— SAW, sygn. III-1, t. 33, k. 353.

⁷¹ Arch. WKW MO, sygn. 1535/S, k. 16.

⁷² Отчет воеводского УБП в Кельце за 1945 г.— Arch. KW MO Kielce, k. 20.

⁷³ Ibid., k. 52—53.

⁷⁴ Донесение 1-й бригады внутренних войск от апреля 1945 г.— Arch. KBW, sygn. 41/255, k. 37.

⁷⁵ Отчет воеводского УБП в Кельце за период 1—10 июля 1945 г. от 11 июля 1945 г.— Arch. KW MO Kielce.

⁷⁶ Распоряжение министра общественной безопасности руководителям всех воеводских и уездных управлений общественной безопасности от 30 мая 1945 г.— Rozkazy i Zarządzenia, 1945, t. 2, k. 121, Arch. MSW.

⁷⁷ «Освобожденным — к сведению» — обращение министра общественной безопасности от 1 апреля 1945 г.— Ibid., k. 123, Arch. MSW.

⁷⁸ Arch. KBW, sygn. 41/58, k. 1; Однако следует учитывать, что штаты специальных полков КБВ составляли приблизительно 1600—1700 человек, т. е. не намного больше, чем штаты строевых батальонов. Поэтому уже осенью 1945 г. после образования КБВ в отдельных воеводствах специальные полки были преобразованы в оперативные батальоны.

⁷⁹ Приказ № 00289/Ор главнокомандующего Войска Польского от 24 мая 1945 г.— SAW, sygn. III-7, t. 19, k. 49.

⁸⁰ Ibid., k. 51.

⁸¹ Циркуляр министра общественной безопасности № 9 от 12 ноября 1945 г.— Zarządzenia, Rozkazy, Okólniki 1945, t. 2, k. 133, Arch. MSW.

⁸² Отчет 3-й пехотной дивизии о проведенных операциях 13 июня — 30 июля 1945 г.— SAW, sygn. III-2, t. 105, k. 124—125.

⁸³ Ibid., k. 124—125.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Донесение № 18 от 1 июля 1945 г. заместителя командующего 1-й пехотной дивизией по политико-воспитательной работе.— Ibid., t. 104, k. 27.

⁸⁶ Оперативная сводка 1-го Пражского пехотного полка 1-й пехотной дивизии № 293 от 7 июля 1945 г.— Ibid., sygn. III-8, t. 23, k. 18; Донесение № 21.— Ibid., t. 104, k. 33; Arch. KBW, sygn. 42/124, k. 74.

⁸⁷ Ibid., sygn. 42/12, k. 84.

⁸⁸ Отчет воеводского УБП в Белостоке за декаду (20—30 июля 1945 г.). Отчеты воеводского УБП в Белостоке по декадам 1945 г.— Arch. KW MO Białystok, k. 43.

⁸⁹ Отчет деятельности 1-й пехотной дивизии за период 20—30 июля 1945 г.— SAW, sygn. III-7, t. 29, k. 134.

⁹⁰ Письмо заместителя командующего 1-й пехотной дивизией по политико-воспитательной работе заместителю начальника Главного политико-воспитательного управления от 14 июля 1945 г.— Ibid., sygn. III-2, t. 104, k. 37; Отчет о деятельности 1-й пехотной дивизии за период 20—30 июля 1945 г.— Ibid., sygn. III-7, t. 29, k. 136—137.

⁹¹ Списки убитых в Жешувском воеводстве.— Arch. KW PZPR k Rzeszowie, teczka 1, k. nlb. В списках зарегистрированы только случаи, по которым МО проводила расследование. Следовательно, число жертв, несомненно, было большим.

⁹² Отчет начальника оперативного отдела Генерального штаба о деятельности 1, 3, 8 и 9-й пехотных дивизий, против банд за период 1—31 июля 1945 г.— SAW, sygn. III Sztab. Gen., t. 265, k. 32.

⁹³ Цифры приведены, согласно данным Рышарда Халябы, составленным на основании архивных материалов Министерства внутренних дел.— *Z pola walki*, 1969, nr. 2, s. 54—55.

⁹⁴ Р. Халяба считает, что из 1200 нелегальных вооруженных отрядов, действовавших в 1944—1945 гг., 470 не определили свою политическую направленность.— Ibidem.

Глава шестая

¹ Переписка..., т. 2, с. 250.

² *Churchill W.* Op. cit., t. 6, s. 506.

³ Внешняя политика..., т. 3, с. 294.

⁴ *Rzeczpospolita*, 1945, nr 117, 24 czerw.

⁶ Приводим текст соглашения по коммюнике Польшпресс от 23 июня 1945 г.: «Представители Временного правительства Польской Республики в лице президента г. Болеслава Берута, заместителя президента г-на Владислава Ковальского, премьер-министра г-на Эдварда Осубки-Моравского и заместителя премьер-министра г-на Владислава Гомулка; демократические деятели из Польши в лице г-на д-ра Владислава Керника (прибывшего вместо больного г. Винцента Витоса), г-на д-ра Генрика Колодзейского, г-на проф. д-ра Адама Кржижановского, г-на проф. Станислава Кутшеба и г-на Зигмунта Жулавского; польские демократические деятели из-за границы в лице г-на Станислава Миколайчика, г-на Антона Колодзая (прибывшего вместо инженера Юлиана Жаковского) и г-на Яна Станчика прибыли в Москву по приглашению комиссии, созданной по решению Крымской конференции, в составе: народного комиссара иностранных дел СССР г. Молотова, посла Великобритании г. Керра и посла Соединенных Штатов Америки г. Гарримана. Вышечисленные представители Временного правительства Польской Республики и демократические деятели из самой Польши и из-за границы,

убежденные в том, что национальное достоинство и суверенитет польского государства требуют, чтобы польские дела решались самими поляками, достигли полного соглашения по вопросу реорганизации Временного правительства Польской Республики. Это соглашение выражается в единодушно принятых решениях относительно: а) приглашения в состав президиума Крайовой Рады Народовой г-на Винцента Витоса из самой Польши и г-на Станислава Грабского из-за границы; в) введения в состав временного правительства национального единства гг. Владислава Керника и Чеслава Вышеха из самой Польши и гг. Станислава Миколайчика, Яна Станчика и Мечислава Тугутта из-за границы; с) полный состав временного правительства национального единства будет оглашен в ближайшие дни в Варшаве. Одновременно решено привлечь к участию в государственной работе ряд польских демократических деятелей, пребывающих до сих пор за границей, а в их числе председателя «Стронництва працы» (партия труда) г-на Попеля и гг. Колодзея и Жаковского...»

⁶ Rzeczpospolita, 1945, nr 172, 29 czerw.

⁷ Wł. Góra, J. Gołębowski, R. Halaba, N. Kołomejczyk. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego (lipiec 1944 — styczeń 1947).— Warszawa, 1962, s. 153—155.

⁸ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej, 1945, nr 28, poz. 172.

⁹ Декларация полковника «Радослава».— Głos Ludu, 1945, nr 237, 9 wrzes.

¹⁰ Воззвание командования бывшей АК южного округа.— Ibid., nr 249, 21 wrzes.

¹¹ Arch. KW MO w Kielcach, Sprawozdania za 1945 r., k. 36—39, 89.

¹² Arch. KW MO w Krakowie (mat. nie uporz.), t. 29.

¹³ Arch. KW PZPR w Rzeszowie.

¹⁴ Письмо командования БВВ Келецкого воеводства в главный штаб КБВ от 3 ноября 1945.— Arch. KBW, t. 41/143, k. 2—3.

¹⁵ Por.: Zarys historii polskiego ruchu robotniczego..., s. 155.

¹⁶ Borkowski J. Działalność PSL w latach 1945—1947.— In.: Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego, nr 2, s. 83—89; Góra Wł., Halaba R. O PSL polemicznie.— Ibid., nr 3, s. 166—169.

¹⁷ Gazeta Ludowa, 1945, nr 21, 24 listop.

¹⁸ Arch. KW PZPR w Poznaniu, t. 1/IV/1, k. nlb.

¹⁹ Arch. KW MO w Kielcach, k. 59—64.

²⁰ ASS MON, sygn. 438/62/1005, t. 2, k. 137 oras t. 1, k. 86.

²¹ Ibid., t. 3, k. 12.

²² Письмо «Загоньчика» «Стеру» от 11 февраля 1946 г.— Ibid., t. 9, k. 623; Оперативная сводка коменданта Белостокского округа ВиИ «Юласа» за октябрь 1945 г. от 22 ноября 1945 г.— Ibid., k. 13.

²³ Устав общества «Свобода и независимость».— Arch. KW MO w Krakowie (mat. nie uporz.).

²⁴ За свободу гражданина и независимость государства: Идеологические директивы главного исполнительного комитета общества «Свобода и независимость».— ASS MON, sygn. 438/62/1005, t. 7, k. 263.

²⁵ «Внимание выборы» (листовка).— Ibid., k. 152—153; Письмо по вопросу о выборах.— Ibid., t. 8, k. 461—463.

²⁶ Отчет коменданта округа ВиИ Белосток — город о совещании у коменданта округа ВиИ «Юласа» от 31 августа 1945 г.— Arch. MSW, sygn. 507/d/13, t. 1, k. 107—110.

²⁷ Записка: Принципы правильной пропаганды, а также Общие и частные директивы руководства ВиИ по проведению пропаганды (без даты).— ASS MON, sygn. 438/62/1005, t. 8, k. 465—475.

²⁸ W służbie obcego wywiadu.— Warszawa, 1948, s. 29.

²⁹ Не датированные инструкции ВиН: Директивы для руководителя «Z», Директивы для руководителей «V» Рады, Вопросник для составления информативного рапорта, Вопросник для составления рапорта о безопасности.— Arch. KW MO w Krakowie (mat. nie uporz.).

³⁰ ASS MON, sygn. 438/62/1005, t. 3, k. 230; Донесение разведки инспектората ВиН в Бялой Подляске за период 20 декабря 1945 г.— 20 января 1946 г.— Ibid., t. 9, k. 316; Приказ коменданта округа Сокулка Белостокского округа ВиН от 25 сентября 1945 г.— Arch. KW MO w Białymstoku (mat. nie uporz.); Директивы комендатуры Белостокского округа ВиН для низовых организаций от августа 1945 г.— Ibidem; Письмо начальника воеводского УБП в Белостоке командующему ДОВ (командование военного округа) № 1 от 17 января 1947 г.— Ibid. sygn. OB-93, k. 52—54.

³¹ Proces krakowski, Niepokólczycki, Mierzwa i inni przed sądem Rzeczypospolitej.— Warszawa, 1948. Zeznania osk. Franciszka Niepokólczyckiego, s. 220—221; Zeznania świad. Wincentego Kwiecińskiego, s. 270—271, 275, 280.

³² Отчет командования КБВ за IV квартал 1945 г.— Arch. KBW, sygn. 42/332, k. 99—100; Отчет командования КБВ за период 1 октября — 15 ноября 1945 г.— Arch. MSW, sygn. GM, t. 1037, k. 91—99.

³³ Отчет командования КБВ за период 1 октября — 15 ноября 1945 г.— Arch. KBW, sygn. 41/125, k. 19; см. также: *Szota W. Zarys rozwoju organizacji Ukraińskich Nacjonalistów, Ukraińskiej Powstańczej Armii.*— Wojsk. prz. hist. 1963, nr 1, s. 184—218.

³⁴ *Goląbek Cz., Tryc R.* Niemieckie podziemie pohitlerowskie i rewizjonistyczne na polskich ziemiach zachodnich po drugiej wojnie światowej.— Ibid., nr 2, s. 114—133.

³⁵ Цит. по: Отчет командования КБВ за период 1 октября — 15 ноября 1945 г., с. 93.

³⁶ Arch. KBW, sygn. 41/125, k. 6—8.

³⁷ Цит. по: Отчет командования КБВ за IV квартал 1945 г.— Ibid., k. 100.

³⁸ Ibid., sygn. 41/165, k. 32; sygn. 41/91, k. 1, 38.

³⁹ Общий список результатов действий 1, 3, 8 и 9-го пехотных дивизий Войска Польского за период 13 июня 1945 г.— 1 октября 1945 г.— CAW, Sztab Główny WP, t. 265, k. 19; Отчет начальника оперативного отдела Главного штаба Войска Польского за июль, август и сентябрь 1945 г.— Ibid., k. 10—11, 33, 36.

⁴⁰ Цит. по: Отчет командования КБВ за период 1 октября — 15 ноября 1945 г.— Ibid., k. 94—95.

⁴¹ Дневник военных действий 3-го пехотного полка Войска Польского.— CAW, dział III, t. 14, k. 102; Оперативная сводка командования КБВ Люблинского воеводства от 30 декабря 1945 г.— Arch. KBW, sygn. 47/161, k. 137.

⁴² Arch. KW PZPR w Lublinie, sygn. 1/IV/1, k. 61; Протокол заседаний конференции ППР в Жешуве от 11 марта 1945 г.— Arch. KW PZPR w Rzeszowie; Донесение по материалам разведки командования ББВ Лодзинского воеводства от 10 декабря 1945 г.— Arch. KBW, sygn. 41/141, k. 22 oraz sygn. 6/32, k. 10—13.

⁴³ Arch. KW MO w Białymstoku, k. 156.

⁴⁴ Оперативная сводка ББВ Белостокского воеводства от 22 октября 1945 г.— Arch. KBW, sygn. 42/124, k. 30.

⁴⁵ Специальные рапорты за 1945 г.— Arch. KW MO w Białymstoku, k. 23, 25.

⁴⁶ Ibid., k. 17.

⁴⁷ Arch. KBW, sygn. 41/16, k. 82.

- ⁴⁸ Ibid., sygn. 42/124, k. 83; Arch. MSW, sygn. 2158/K, t. 1, k. 195.
- ⁴⁹ Arch. MSW, sygn. 1333/K, t. 2, 1 dz. 154—155; Приказ «Орлика» от 5 октября 1945 г.— Arch. KW MO w Kielcach, ASS MON. sygn. 438/1005/62, t. 3, k. 154 oraz 160—161.
- ⁵⁰ Głos Ludu, 1946, nr 167, 19 lip.
- ⁵¹ Arch. KBW, sygn. 41/162, k. 123—124.
- ⁵² Arch. MSW, sygn. 1385/K, k. 20.
- ⁵³ CAW, dział III, akta Sztabu Głównego WP, t. 265, k. 7.
- ⁵⁴ Arch. KBW, sygn. 41/31, k. 49; Список операций, проведенных 10-м полком КБВ за период 10—15 октября 1945 г.— Ibid., k. 118; Листовки УПА, распространявшиеся в Хрубешовском уезде в октябре 1945 г.— Ibid., sygn. 41/111, k. 4; CAW, dział III, zesp. 36, t. 14, k. 91—92.
- ⁵⁵ Отчет за 1945 г.— Arch. KW MO w Białymstoku.
- ⁵⁶ Отчет воеводского УБП в Белостоке за сентябрь 1945 г.— Ibidem.
- ⁵⁷ Отчет воеводского УБП в Белостоке за октябрь 1945 г.— Ibidem.
- ⁵⁸ Отчет воеводского УБП в Белостоке за ноябрь 1945 г.— Ibidem.
- ⁵⁹ Arch. KBW, sygn. 42/124, k. 98.
- ⁶⁰ Ibid., k. 94; sygn. 41/138, k. 68, 122 oraz sygn. 41/163, k. 92.
- ⁶¹ Ibid., sygn. 41/125, k. 2 oraz sygn. 41/165, k. 9.
- ⁶² Ibid., sygn. 41/163, k. 81 oraz sygn. 41/138, k. 34.
- ⁶³ Arch. KW MO w Lublinie.
- ⁶⁴ Arch. KBW, sygn. 41/161, k. 23.
- ⁶⁵ Заявление полковника «Вира» от 5 октября 1945 г. Szandar Ludu, 1945, 8 paźdz., nr 188; Заявление КВ ППР.— Ibid., 15 paźdz., nr 195; Заявление бывшего главного коменданта Батальонов хлопских.— Gazeta Lubelska, 1945, 26 wizes., nr 215; Донесение по материалам разведки командования ВБВ Люблинского воеводства.— Arch. KBW, sygn. 41/111, k. 8.
- ⁶⁶ Ibid., sygn. 41/16, k. 75.
- ⁶⁷ Ibid., k. 107.
- ⁶⁸ Ibid., k. 123 oraz sygn. 41/111, k. 71.
- ⁶⁹ Ibid., sygn. 41/31, k. 51—132; CAW, dział III, zesp. 10, t. 11, k. 64 oraz t. 38, k. 158.
- ⁷⁰ Отчет КВ ППР в Жешуве за периоды: 15 сентября — 15 октября и 15 октября — 15 ноября 1945 г.— CA KC PZPR, sygn. 295/IX-290, k. nlb; Arch. KBW, sygn. 41/144, k. 52; CAW, dział III, akta Sztabu Gł. WP, t. 265, k. 5, meld. 34 pp WP oraz dział III zesp. 101, t. 25, k. 188.
- ⁷¹ Цит. по: Отчет КВ ППР в Жешуве за период 15 сентября — 15 октября, а также 15 октября — 15 ноября 1945 г.
- ⁷² Arch. KBW, sygn. 41/144, k. 10—12.
- ⁷³ Отчет КВ ППР в Жешуве за период 13 декабря 1945 г.— 15 января 1946 г.
- ⁷⁴ Dziennik Rzeszowski, 1945, nr 129, 22 wrzes.
- ⁷⁵ Arch. KBW, sygn. 41/17, k. 93 oraz sygn. 41/157, k. 8.
- ⁷⁶ CAW, dział III, zesp. 101, t. 12, k. 102.
- ⁷⁷ Arch. KBW, sygn. 41/17, k. 132.
- ⁷⁸ Ibid., sygn. 41/109, k. 26, 32, 42, 60, 146, 147.
- ⁷⁹ Ibid., sygn. 41/1, k. 127; sygn. 41/109, k. 94 oraz sygn. 41/125, k. 13, 15.
- ⁸⁰ Ibid., sygn. 41/109, k. 26, 32, 42, 60, 146, 147.
- ⁸¹ Arch. MSW, akta Gab. Min., t. 120/641; Arch. KBW, sygn. 41/19, k. 4; sygn. 41/109, k. 94 oraz sygn. 41/125, k. 13, 15.
- ⁸² Отчет воеводского УБП в Кельце за июль и август 1945 г.— Arch. KW MO w Kielcach.
- ⁸³ Arch. MSW, akta Gab. Min., poz. 108/d, t. 964, k. nlb.

⁸⁴ Arch. KBW, sygn. 41/25, k. 27; Arch. KW MO w Kielcach, sygn. 220/L, k. 2—7.

⁸⁵ Arch. KBW, sygn. 41/25, k. 27, 71, 83, 88.

⁸⁶ Arch. KW MO w Kielcach.

⁸⁷ Рапорт политико-воспитательного управления ДОВ в Лодзи от 11 января 1946 г.— SAW, sygn. 524/61, k. 3.

⁸⁸ Arch. KBW, sygn. 41/125, k. 16; sygn. 41/143, k. 20 oraz sygn. 42/192, k. 20, 24—26, 44, 49, 52, 55.

⁸⁹ Записка о политическом положении в Келецком воеводстве от 23 октября 1945 г.— Arch. KW MO w Kielcach.

⁹⁰ Позиция руководства борьбы с произволом (КВБ) в отношении настоящей ситуации и выборов; Декларация КВБ по политическим вопросам от 2 марта 1946 г.— Arch. KW MO w Łodzi, sygn. 650/IV, k. 40, 41.

⁹¹ Отчет КВ ППР в Лодзи за ноябрь и декабрь 1945 г.— AZHP, sygn. 295/IX-208, k. nlb; Arch. KBW, sygn. 41/10, k. 33; sygn. 41/141; k. 1; Arch. MSW, sygn. 32015/b, t. 4, k. 1—3.

⁹² Arch. KW MO w Łodzi, sygn. 943/V, t. 1, k. 52—53.

⁹³ Ibid., sygn. 1173/IV, k. 105—106.

⁹⁴ Arch. KBW, sygn. 41/141, k. 13, 21, 22; Оперативная сводка командования ВВБ Лодзинского воеводства от 29 ноября 1945 г.—; Ibid., sygn. 41/162, k. 120.

⁹⁵ Arch. MO KW w Poznaniu, sygn. 13635/K-2, k. nlb; ASS MON, sygn. 438/62/1005, t. 2, k. 208—213.

⁹⁶ Arch. KBW, sygn. 41/110, k. 108.

⁹⁷ Arch. KW PZPR, sygn. 1/IV/1, k. nlb.

⁹⁸ Zarys historii polskiego ruchu robotniczego..., s. 159.

⁹⁹ Письмо уездного отдела пропагандистско-информационного управления в Конине от 25 октября 1945 г.— Arch. KW PZPR w Poznaniu, sygn. 1/V/69, k. nlb; Письмо КП ППР в Чарпкове от 23 ноября 1945 г.— Ibidem; Записка секретаря гминной ячейки ППР в Кживинне (Кошчанский уезд) от 26 ноября 1945 г.— Ibidem.

¹⁰⁰ Записка секретаря КП ППР в Кенпие от 5 октября 1945 г.— Ibidem; Записка секретаря КП ППР в Конине от 28 сентября 1945 г.— Ibidem; Записка секретаря КП ППР в Турке от 6 декабря 1945 г.— Ibidem; Arch. KBW, sygn. 42/137, k. 17.

¹⁰¹ Arch. KW PZPR w Poznaniu, sygn. 1/IV/1, k. nlb.

¹⁰² Arch. KBW, sygn. 41/125, k. 14, 16; sygn. 41/41, k. 70, 80, 81.

¹⁰³ Ibid., sygn. 41/110, k. 8.

¹⁰⁴ Arch. KW PPR w Poznaniu, sygn. 1/V/69, k. nlb.

¹⁰⁵ Arch. KBW, sygn. 41/41, k. 89; sygn. 41/110, k. 30, 48, 77, 106 oraz sygn. 42/137, k. 8.

¹⁰⁶ Ibid. sygn. 41/110, k. 99; sygn. 42/139, k. 154; Dziennik Polski, 1946, nr 15, 16 stycz.

¹⁰⁷ Arch. KBW, sygn. 41/110, k. 4.

¹⁰⁸ Ibid., sygn. 41/106, k. 5—6; Arch. KW PZPR w Poznaniu, sygn. 1/V/69, k. nlb; Arch. KBW, sygn. 41/166, k. 78.

¹⁰⁹ Arch. KBW, sygn. 41/110, k. 104 oraz 126—128.

¹¹⁰ Arch. KW MO w Bydgoszczy, k. nlb.

¹¹¹ Ibidem.

¹¹² Arch. KBW, sygn. 42/264, k. 1 oraz sygn. 41/108, k. 2, 29.

¹¹³ Ibid., sygn. 41/108, k. 1, 3, 12; Głos Ludu, 1945, nr 295, 6 listop.

¹¹⁴ Arch. KBW, sygn. 41/108, k. 12, 18, 19; Polska Zbrojna, 1945, nr 227, 21 paźd.

¹¹⁵ Arch. MSW, sygn. 21/74, k. 62; Arch. KBW, sygn. 41/20, k. 190; sygn. 41/142, k. 39 oraz sygn. 41/137, k. 179.

- ¹¹⁶ Ibid., sygn. 41/23, k. 45; Arch. MSW, akta Gab. Min., t. 1037, k. nlb.
- ¹¹⁷ Arch. KBW, sygn. 41/142, k. 49.
- ¹¹⁸ Ibid., k. 20 oraz sygn. 41/20, k. 205.
- ¹¹⁹ Arch. MSW, sygn. 196/d/21, t. 17, k. 1.
- ¹²⁰ Ilustrowany Kurier Polski, 1946, nr 13, 14 styc.
- ¹²¹ Arch. KBW, sygn. 41/106, k. 9.
- ¹²² Ibid., sygn. 41/44, k. 10, 30—36; Sztandar ludu, 1945, nr 212, 1 listop.
- ¹²³ AZHR, sygn. 295/IX-309, k. nlb.
- ¹²⁴ Arch. KW MO w Szczecinie. Sprawozd. WUBP za 1945 r., k. nlb.
- ¹²⁵ Ibidem.
- ¹²⁶ Arch. KBW, sygn. 41/38, k. 97 oraz sygn. 41/139, k. 9.
- ¹²⁷ Ibid., sygn. 41/159, k. 77, 89.
- ¹²⁸ Ibid., sygn. 41/14, k. 87—88, oraz sygn. 41/112, k. 1.
- ¹²⁹ Ibid., sygn. 41/34, k. 26, 65; sygn. 41/135, k. 59 oraz sygn. 41/169, k. 14, 77.
- ¹³⁰ Ibid., sygn. 41/169, k. 25; sygn. 41/107, k. 3 oraz sygn. 41/169, k. 100.
- ¹³¹ *Sałkowski M.* Jest ulica o tej nazwie.— In.: PPR na Warmii i Mazurach w latach 1945—1947. Olsztyn, 1959, s. 101.
- ¹³² Arch. KBW, sygn. 41/169, k. 901, 904—905; Robotnik Pomorski, 1946, nr 254, 20 wrzes.
- ¹³³ ASS MON, sygn. 438/62/1005, t. 6, k. 216; Arch. MSW, sygn. 1525/śl., t. B, k. 465—466.
- ¹³⁴ Arch. MSW, sygn. 1525, t. B. K., k. 662; ASS MON, sygn. 438/62/1005, t. 4, k. 64, 102—103.
- ¹³⁵ ASS MON, sygn. 438/62/1005, t. 3, k. 5—6.
- ¹³⁶ Arch. MSW, sygn. 1525/śl., t. C, k. 496—498, 870—872.

Глава седьмая

- ¹ ASS MON, sygn. 1105/47, t. 1, k. 21—24.
- ² Ibid., sygn. 396/60/1620, t. 1, k. 203—205, 259; Arch. KW MO w Łodzi, sygn. 2204, k. 16; Arch. MSW, sygn. 900/d, t. 55, k. nlb.; ASS MON, sygn. Sr. 90/51, t. 1, k. 147; Arch. KW MO w Kielcach, sygn. 158/o, k. 6—7.
- ³ ASS MON, sygn. 396/60/1620, t. 1, k. 43; Arch. MSW, sygn. 901/d, t. 1, k. 10; ASS MON, sygn. 1105/47, t. 1, k. 155—156.
- ⁴ Ibid., k. 186—187, 15—16; t. 7, k. 133.
- ⁵ Ibid., k. 135—136, 37—38, 184—185, 192—193.
- ⁶ Ibid., k. 37; Arch. MSW, sygn. 1695/śl., t. 1, k. 2; sygn. 33468/l, k. 48.
- ⁷ ASS MON, sygn. 438/62/995, t. 1, k. 76 oraz sygn. 396/60/1619, t. 7a, k. 7.
- ⁸ Письма командования южного района ВиН комендатуре краковского округа от 27 ноября 1945 г. и 21 февраля 1946 г. Arch. KWMO w Krakowie.
- ⁹ Циркуляр командования южного района ВиН от 22 февраля 1946 г.— Ibid.; ASS MON, sygn. 438/62, t. 3, k. 129.
- ¹⁰ Ibid., sygn. 438/62/999, t. 8, k. 96.
- ¹¹ Ibid., sygn. 438/62/995, t. 1, k. 9 oraz sygn. 396/60/1627, t. 14, k. 79—80.
- ¹² Ibid., sygn. 438/62/1005, t. 1, k. 49—50.

¹³ Ibid., sygn. 369/60/1619, t. 1, k. 19 oraz t. 3, k. 32; Arch. MSW, sygn. 1737, t. 6, k. 154—156.

¹⁴ ASS MON, sygn. 438/62/995, t. 1; k. 21; Proces krakowski..., s. 53—54, 101—102, 124—125, 130—131, 198, 232—234.

¹⁵ Proces krakowski..., s. 171—172; ASS MON, sygn. 438/62/995, t. 3, k. 248—252 oraz t. 4, k. 97; Инструкция и материалы относительно операции «О».— Arch. KW MO w Krakowie.

¹⁶ Arch. MSW, sygn. 1140/Śl., t. D, k. 101; Proces krakowski..., s. 74.

¹⁷ Proces krakowski..., s. 54.

¹⁸ Ibid., s. 240—241.

¹⁹ Ibid., s. 273—274; ASS MON, sygn. 396/60/1627, t. 5, k. 105 oraz sygn. 438/62/995, t. 4, k. 117—119.

²⁰ Proces krakowski..., s. 61—63, 66—67, 72, 112—113.

²¹ Разведывательная инструкция ВпН от февраля 1946.— ASS MON, sygn. 396/60/1627, t. 4, k. 27—35.

²² Arch. MSW, sygn. 1160/61, t. 2, k. 60; ASS MON, sygn. 396/60/1627, t. 19, k. 375—377.

²³ Arch. KBW, sygn. 41/140, k. 54 oraz sygn. 42/125, k. 33; Arch. KW PZPR w Białymstoku, sygn. 1/IV/1, podteczka 2, k. 5—6.

²⁴ Отчет ВКВ ППР за февраль 1946 г.— СА КС PZPR, sygn. 295/IX-329, k. nłb.

²⁵ Arch. KBW, sygn. 42/250, k. 85.

²⁶ Ibid., sygn. 41/138, k. 125.

²⁷ Arch. KW PZPR w Białymstoku, sygn. 1/V/13; Głos Ludu, 1946, N 40, 9 lut.

²⁸ Arch. KBW, sygn. 42/125, k. 131—134; Рапорт командования Варшавского военного округа от 27 февраля 1946 г.— САВ, sygn. 524/19, k. 95.

²⁹ Отчет воеводского УБП в Белостоке от 20 февраля 1946 г.— Arch. KW MO w Białymstoku.

³⁰ СА КС PZPR, sygn. 295/IX-329, k. nłb. oraz sygn. 295/IX-189; Arch. KW PZPR w Białymstoku, sygn. 1/VII/28.

³¹ Приказ командующего КБВ от 29 января 1946 г.— Arch. KBW, sygn. 42/316, k. 6—8.

³² Отчет воеводского управления информации и пропаганды за февраль 1946 г.— Ibid., sygn. 1/VII/28; Отчет КВ ППР в Люблине за период 15 января — 15 февраля 1946 г.— СА КС PZPR, sygn. 295/IX-189, k. nłb.

³³ Отчет воеводского УБП в Белостоке за период 1—20 февраля 1946 г.— Arch. KW MO w Białymstoku.

³⁴ Отчет воеводского УБП в Белостоке за февраль 1946 г.— Ibidem.

³⁵ Arch. KBW, sygn. 42/93, k. 170—172; Arch. MSW, sygn. 2158/k, t. 1, k. 267.

³⁶ Отчет воеводского управления информации и пропаганды за период 15 января — 15 февраля 1946 г., а также за март 1946 г.— Arch. KW PZPR w Białymstoku, sygn. 1/VII/29; Отчет ВКВ ППР за февраль 1946 г.— СА КС PZPR, sygn. 295/IX-329, k. nłb.

³⁷ Отчет КВ ППР в Люблине за период 15 марта — 15 апреля 1946 г.— СА КС PZPR, sygn. 295/IX-189.

³⁸ Sztandar Ludu, 1946, nr 109, 21 kwiec.

³⁹ Ibid., nr 76, 15 marz.

⁴⁰ Arch. KW MO w Białymstoku.

⁴¹ САВ, sygn. 465/244, k. 238.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibid., sygn. 524/19, k. 267 oraz sygn. 465/244, k. 280.

⁴⁴ СА КС PZPR, sygn. 295/IX-291.

- 45 Arch KBW, sygn. 42/182/, k. 106.
- 46 Ibid., sygn. 42/108, k. 1.
- 47 Ibid., sygn. 42/109, k. 80.
- 48 Ibid., k. 244, 285, 299.
- 49 Ibid., k. 261, 297.
- 50 Ibid., k. 263—266.
- 51 Ibidem.
- 52 CAW, sygn. 465/259, k. 813—815.
- 53 Arch. KBW, sygn. 41/111, k. 96/97 oraz sygn. 42/195, k. 39; sygn. 42/127, k. 245.
- 54 Arch. KBW, sygn. 42/251, k. 78.
- 55 CAW, sygn. 524/138, k. 375; Arch. KBW, sygn. 42/197, k. 194.
- 56 Arch. KBW, sygn. 42/128, k. 106, 116—118; Протокол встречи представителей ВУН и представителей УПА.— ASS MON, sygn. 438/62/999, t. 1, k. 2—5.
- 57 CAW, sygn. 465/256, k. 238—241 oraz sygn. 265/259, k. 1088—1093.
- 58 Arch. KBW, sygn. 42/101, k. 9—11.
- 59 Arch. MSW, sygn. 32015/b, t. 5, k. 174; Arch. KBW, sygn. 42/100, k. 192—205, 224, 227.
- 60 Ibid., sygn. 42/100, k. 87, 258 oraz sygn. 42/102, k. 2.
- 61 Ibid., sygn. 42/100, k. 106, 168.
- 62 Ibid., sygn. 42/102, k. 66—72, 141—142 oraz sygn. 42/117, k. 74—75.
- 63 Ibid., sygn. 42/178, k. 143 oraz sygn. 42/102, k. 84—87, 120—121; Arch. KW PZPR w Łodzi, sygn. 1/V/8, k. nlb.
- 64 Arch. MSW, sygn. 32015/b, t. 5, k. 8—25; Arch. KW MO w Łodzi, sygn. M-203, k. nlb; Arch. KBW, sygn. 42/178, k. 148—149.
- 65 Arch. MSW, sygn. 32015/b, t. 5, k. 176—177; Arch. KBW, sygn. 42/102, k. 254.
- 66 Arch. KW MO w Kielcach.
- 67 CAW, sygn. 465/255, k. 184; Głos Ludu, 1946, N 74, 15 marz.
- 68 Arch. KW MO w Kielcach.
- 69 Ibid., sygn. 42/193, k. 151; sygn. 42/194, k. 17.
- 70 Arch. KBW, sygn. 42/193, k. 46—47.
- 71 Ibid., sygn. 58/14, k. 4—5 oraz sygn. 42/122, k. 48—49.
- 72 Arch. KW PZPR w Krakowie, sygn. 1/1/2, k. 25; Arch. KBW, sygn. 42/112, k. 254 oraz sygn. 42/113, k. 182.
- 73 Arch. MSW, sygn. 2160/k, t. 3, k. 113; Arch. KBW, sygn. 42/113, k. 52.
- 74 Arch. KBW, sygn. 42/137, k. 37, 122, 164, 193; sygn. 42/135, k. 102.
- 75 Ibid., sygn. 42/137, k. 62, 128, 134, 272 oraz sygn. 42/135, k. 274.
- 76 Arch. MSW, sygn. 1321/k, k. 65—68, 78—80; Arch. KBW, sygn. 41/141, k. 58; sygn. 42/101, k. 2—4 oraz sygn. 42/138, k. 191—192, 89, 186—189.
- 77 Arch. KBW, sygn. 42/255, k. 170; sygn. 42/135, k. 84; CAW, sygn. 524/35, k. 290.
- 78 Arch. MSW, sygn. 196/d, t. 21, podt. 23, k. 5—13; Robotnik Pomorski, 1946, nr 221, 18 sierp.
- 79 Arch. MSW, sygn. 258/d; Ilustrowany Kurier Polski, 1946, nr 166, 22 czerw.
- 80 Стенографический отчет заседаний КРН, 10-я сессия КРН.
- 81 Rozkazy i Zarządzenia, sygn. G. M, t. 4, k. 61—62; Инструкция для групп охраны окружных комиссий по проведению всенародного голосования от 7 июня 1946 г.— Ibid., k. 65—66; Инструкция по вопросу об обеспечении охраны документов всенародного голосования во время транспортировки из районов в округа от 18 июня 1946 г.— Ibid., k. 67—68.

⁶² Отчет о деятельности войск Корпуса внутренней безопасности, выделенных для охраны и обеспечения нормального проведения референдума 7—30 июня 1946 г.— Arch. KBW, sygn. 42/331, k. 171—172; ORMO w służbie Polski Ludowej.— Warszawa, 1949, s. 34; Partia w cyfrych.— Warszawa, 1949, s. 100.

⁶³ Arch. KBW, sygn. 118/36, k. 15.

⁶⁴ AZHR, sygn. 295/IX-329.

⁶⁵ Согласно коммюнике Государственной избирательной комиссии всенародный референдум был проведен 30 июня 1946 г. со следующими результатами: право голосовать было у 13 604 451 человека, голосовало 11 857 986 (85,3 %); недействительными были признаны 327 435 бюллетеней, действительными — 11 530 551. На вопрос: «Выступаете ли Вы за упразднение сената?» «да» ответило 7 844 522 (68,2 %) человека, «нет» — 3 686 029 (31,8 %). На вопрос: «Хотите ли Вы закрепления в будущей Конституции экономической системы, введенной аграрной реформой и национализацией основных отраслей национальной экономики с сохранением предусмотренных законом прав частной инициативы?» было 8 896 105 ответов «да» (77,3 %) и 2 634 446 (22,7 %) «нет». На вопрос: «Хотите ли Вы закрепления границ польского государства на Балтике, Одре и Нысе Лужицкой?» «да» ответило 10 534 697 человек (91,4 %), «нет» — 995 854 (8,6 %).

Глава восьмая

¹ Zbiór dokumentów PISM, 1946, s. 335—358.

² Через несколько часов после речи Бирнса послу США был вручен протест МИД Польши. Польская пресса (за исключением органа ПСЛ «Газеты Людовой») была полна протестов против антипольского выступления американского государственного секретаря. Протесты, направленные в органы прессы, сопровождалось многочисленными манифестациями польского населения, заявлениями ведущих представителей интеллигенции и рабочих Польши. Речь Бирнса была подвергнута критике со стороны Конгресса американской Полонии и представителей правительств СССР, Югославии, Чехословакии, Франции, 20 сентября 1946 г. во время открытия 11-й сессии Крайовой Рады Народовой президент Болеслав Берут, обращая внимание на исторические права Польши на западные и северные земли, а также обязательства, принятые западными державами по вопросу об установлении западной границы Польши по Одре и Нысе Лужицкой, предостерег Бирнса и Черчилля, что разжигаемая антипольская ревизионистская кампания может иметь негативные последствия для мира в Европе.

³ Borkowski J. Działalność PSL w latach 1945—1947.— In.: Roczn. Dziejów Ruchu Robotnic. nr 2, s. 101.

⁴ Директивы Государственной комиссии безопасности для воеводских комитетов безопасности от 17 июля 1946 г.— CAW, sygn. 465/264, k. 374—384.

⁵ Ibid., sygn. 524/128, k. 320—324, 356—359; Arch. MSW, akta Gab. Min. tecz. 672 oraz 1049.

⁶ Информация о состоянии безопасности на территории Польши от 3 апреля 1947 г.— Arch. MSW.

⁷ Ibidem.

⁸ Arch. KBW, sygn. 118/36, k. 15.

⁹ Отчет ВКВ ППР за август и сентябрь 1946 г.— AZHR, sygn. 295/IX-329.

¹⁰ Список членов ППР, убитых в последние три месяца 1946 г. в: Приложение к отчету ВКВ ППР за декабрь 1946 г.— Ibidem.

¹¹ Отчет коменданта Остроленкского района ВиН от 6 ноября 1946 г.— Arch. KW MO w Warszawie, sygn. 285/F; Отчет коменданта Остроленкского района ВиН от 11 ноября 1946 г.— Ibidem.

¹² Arch. KBW, sygn. 118/138, k. 290.

¹³ Информационно-разведывательный бюллетень за период 20—31 августа 1946 г.— Ibid., sygn. 42/219, k. 119; Донесение командования КБВ Варшавского воеводства от 30 октября 1946 г.— Ibid., sygn. 42/471, k. 218; SAW, sygn. 465/259, k. 958—960; Протокол заседания воеводского комитета безопасности в Варшаве от 28 ноября 1946 г.— Ibid., sygn. 465/265, k. 940—943.

¹⁴ Arch. MSW, sygn. 2208/K, k. 1.

¹⁵ Информационный бюллетень ДОВ от 29 июля 1946 г.— SAW, sygn. 465/263, k. 100; Информационный бюллетень ДОВ от 2 июля 1946 г.— Ibid., sygn. 524/19, k. 457.

¹⁶ Arch. MSW, sygn. 901/d, t. 12, podt. 3, k. 64—65 oraz t. 7, podt. 16, k. 8; Сводка главного командования Войска Польского от 16 января 1947 г.— SAW, 465/390, k. 39; Донесение главного политико-воспитательного управления Войска Польского от 16 августа 1946 г.— Ibid., sygn. 524/127, k. 316.

¹⁷ Отчет ВКВ ППР за октябрь 1946 г.— AZHR, sygn. 295/IX-329; Оперативный рапорт председателя Остроленкского района ВиН от 31 октября 1946 г.— Arch. KW MO w Warszawie, sygn. 285/F; Письмо председателя округа ВиН от 11 декабря 1946 г.— Ibidem.

¹⁸ Arch. KBW, sygn. 42/172, k. 22.

¹⁹ AZHR, sygn. 295/IX-253.

²⁰ Arch. KBW, sygn. 118/60, k. 61.

²¹ Избирательный отчет ВКВ ППР от 14 февраля 1947 г.— AZHR, sygn. 295/IX-330.

²² Ibidem.

²³ Отчет воеводского управления пропаганды и информации Белостокского воеводства за август 1946 г.— Arch. KW PZPR w Białymstoku, sygn. 1/VII/31; Сообщение главного политико-воспитательного управления Войска Польского от 18 ноября 1946 г.— SAW, sygn. 524/125, k. 444—445.

²⁴ Отчет воеводского УБП в Белостоке за июль 1946 г.— Arch. KW MO w Białymstoku.

²⁵ Отчет воеводского УБП в Белостоке за период 21—31 августа 1946 г.— Ibidem.

²⁶ Отчет воеводского УБП в Белостоке за июль 1946 г.— Ibidem.

²⁷ Отчет воеводского УБП в Белостоке за период 1—10 сентября 1946 г.— Ibidem.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Отчет воеводского УБП в Белостоке за период 1 июля — 30 ноября 1946 г.— Ibidem.

³⁰ Arch. KBW, sygn. 42/200, k. 173.

³¹ Отчет воеводского комитета безопасности в Белостоке за январь 1947 г.— SAW, sygn. 465/283, k. 651—652.

³² Отчет воеводского УБП в Люблине за период 1 сентября — 15 октября 1946 г.— Arch. KW MO w Lublinie; Отчет 3-й бригады КБВ за период 1 августа 1946 г.— 31 декабря 1947 г.— Arch. KBW, sygn. 217/59, k. 70—71.

³³ Сводка оперативного отдела генерального штаба Войска Польского от 25 сентября 1946 г.— SAW, sygn. 465/245, k. 307.

³⁴ Glus Ludu, 1946, 9 listop.; Arch. KBW, sygn. 217/59, k. 74.

³⁵ Ibid., k. 71; Отчет КВ ППР в Люблине за август и за период 15 сентября — 15 октября 1946 г.— AZHP, sygn. 295/IX-189.

³⁶ Arch. KBW, sygn. 42/196, k. 174; Отчет командования КБВ Люблинского воеводства за август 1946 г.— Ibid., sygn. 42/127, k. 149—150; Рапорт командования КБВ Люблинского воеводства от 4 августа и 12 сентября 1946 г.— Ibid., k. 50 oraz sygn. 42/198, k. 22; Szłandar Ludu, 1946, nr 212, 7 sierp.; nr 247, 11 wrzes.

³⁷ Рапорты командования КБВ Люблинского воеводства от 20, 30 сентября 1946 г.— Arch. KBW, sygn. 42/198, k. 33, 102; Rzeczpospolita, 1946, nr 281, 12 paźd.

³⁸ Рапорты командования КБВ Люблинского воеводства от 7 октября 1946 г.— Arch. KBW, sygn. 42/127, k. 245; Рапорт ДОВ № 7 от 7 октября 1946 г.— SAW, sygn. 465/228, k. 224; Сводка оперативного отдела генерального штаба Войска Польского от 19 декабря 1946 г.— Ibid., sygn. 524/146, k. 139.

³⁹ Рапорт командования в Люблине от 25 октября 1946 г.— Arch. KBW, sygn. 42/198, k. 132—133; Szłandar Ludu, 1946, nr 313, 16 listop.

⁴⁰ Arch. KBW, sygn. 42/198; Информационно-разведывательный бюллетень КБВ за период 15—31 декабря 1946 г.— Ibid., sygn. 42/213, k. 294.

⁴¹ Отчет командования КБВ Люблинского воеводства за период 25 ноября — 25 декабря 1946 г.— Ibid., sygn. 42/129, k. 191.

⁴² Инструкция УПА, захваченная отрядом КБВ во время боев с бандами на территории Жешувского воеводства 12 августа 1946 г.— Ibid., sygn. 42/183, k. 5—9.

⁴³ Организационный отчет районного проводника «Душина» от 30 сентября 1946 г.— Ibid., k. 142—144. Письмо «воспитателя» района «Бескид» «Олаха» от 17 сентября 1946 г. и его отчет за июль 1946 г.— Ibid., k. 120—121.

⁴⁴ Отчет командования КБВ Жешувского воеводства за сентябрь 1946 г.— Ibid., k. 221—224; sygn. 42/184, k. 17—23.

⁴⁵ Ibid., k. 221.

⁴⁶ Рапорт уездного УБП в Любачове от 28 октября 1946 г.— Arch. MSW.

⁴⁷ Донесения главного политико-воспитательного управления Войска Польского от 12 октября 1946 г.— SAW, sygn. 465/255, k. 248—249.

⁴⁸ Dziennik Rzeszowski, 1946, nr 232, 11 paździer.

⁴⁹ Приказ командира ГО «Жешув» от 30 октября 1946 г.— SAW, sygn. 465/265, k. 721—722.

⁵⁰ Отчет воеводского УБП в Жешуве о работе в предвыборный период от 30 января 1947 г.— Arch. MSW; Рапорт воеводского УБП в Жешуве от 8 сентября 1946 г.— Arch. MSW, sygn. 885/d, t. 11, k. 106, 112.

⁵¹ Отчет воеводского УБП в Жешуве от 17 и 27 июля 1946 г.— Arch. KW MO w Rzeszowie; Głos Ludu, 1946, 6, 9 lip.

⁵² Ibidem; CA KC PZPR, sygn. 295/IX-152.

⁵³ Отчет воеводского УБП в Кельце от 16 августа и 17 сентября 1946 г.— Arch. KW MO w Kielcach; Дневник боевых действий КБВ Келецкого воеводства.— Arch. KBW, sygn. 42/270, k. 69; Szłandar Ludu, 1946, nr 321, 24 wrzes.

⁵⁴ Отчет воеводского УБП в Кельце от 6 и 16 августа 1946 г.— Arch. KW MO w Kielcach; Дневник боевых действий КБВ Келецкого воеводства.— Arch. KBW, sygn. 42/270, k. 33; Информационно-разведывательный бюллетень главного штаба КБВ за период 10—30 августа 1946 г.— Ibid., sygn. 42/219, k. 135; Донесение от 20 сентября 1946 г.— SAW, sygn. 524/127, k. 361.

⁵⁵ Цит. по: Донесение ГЗП от 20 сентября 1946 г.—САW, sygn. 524/127, к. 360; Дневник боевых действий ВКВ в Кельце.—Arch. KBW, sygn. 42/270, к. 40.

⁵⁶ Ibid., к. 66.

⁵⁷ Ibid., sygn. 42/120, к. 235—237.

⁵⁸ Ibid., sygn. 42/115, к. 59.

⁵⁹ Arch. KW MO w Krakowie, teczki nr 373, 408.

⁶⁰ Arch. KW PZPR w Krakowie, sygn. 1/V/9.

⁶¹ Дневник боевых действий ВБВ Силезско-Домбровского воеводства.—Arch. KBW, sygn. 42/269, к. 46, 54, 65, 74, 82, 89; Dziennik Zachodni, 1946, nr 310, 10 listop.

⁶² Декларация о лояльности членов ВиН из группы «Грома» от 4 января 1947 г.—Arch. KBW, sygn. 42/114, к. 115.

⁶³ Ibid., sygn. 42/101, к. 219 oraz sygn. 42/99, к. 79; СА КС PZPR, sygn. 295/IX-209.

⁶⁴ Отчет командования ВБВ Лодзинского воеводства от 18 октября 1946 г.—Ibid., к. 267; Донесение командования ВКВ Лодзинского воеводства от 3 января 1947 г.—Ibid., sygn. 42/99, к. 145.

⁶⁵ Отчет воеводского УБП в Быдгоще от 23, 31 июля, 23 августа и 20 сентября 1946 г.—Arch. KW MO w Bydgoszczy.

⁶⁶ Отчет командования ВБВ Познаньского воеводства за август и сентябрь 1946 г.—Arch. KBW, sygn. 42/134, к. 103, 189; Донесение командования ВКВ Познаньского воеводства от 30 сентября 1946 г.—Ibid., к. 155.

⁶⁷ Отчет командования ВБВ Люблинского воеводства за ноябрь 1946 г.—Arch. KBW, sygn. 42/129, к. 100; Отчет оперативного отдела генерального штаба Войска Польского за ноябрь 1946 г.—САW, sygn. 524/146, к. 161; ASS MON, sygn. 14/52, к. 30.

⁶⁸ Отчет воеводского УБП в Белостоке за период 31 марта — 10 апреля 1946 г.—Arch. KW MO w Białymstoku.

⁶⁹ Arch. MSW, sygn. dep. 1737/śl., t. 6, к. 260.

⁷⁰ Циркуляр коменданта Белостокского округа ВиН от 23 октября 1946 г.—Arch. KW MO w Białymstoku (mat. nie uporz.).

⁷¹ Циркуляр коменданта центрального округа ВиН от 1 ноября 1946 г.—Arch. MSW, sygn. dep. 1737/śl., t. 6, к. 147; Циркуляр коменданта Белостокского округа ВиН от 29 сентября 1946 г.—Arch. KW MO w Warszawie, sygn. 285/F; ASS MON, sygn. Sr. 14/52, к. 31, 35.

⁷² Отчет о работе конференции руководства южного округа ВиН, которая состоялась 27—30 августа 1946 г.—Arch. KW MO w Krakowie.

⁷³ ASS MON, sygn. 396/60/1620, t. 2, к. 46.

⁷⁴ Arch. MSW, sygn. dep. 1723/śl.-2955.

⁷⁵ ASS MON, sygn. 396/60-1620, t. 1, к. 144—148.

⁷⁶ Ibid., sygn. 396/60/1619, t. 3, к. 37; Письмо КПОПП Миколайчику.—Arch. MSW, sygn. dep. 1737/śl., t. 6, к. 160.

⁷⁷ Arch. KW MO w Poznaniu, sygn. 3647/B, к. 132; Arch. MSW, sygn. 900/d, t. 55; Arch. KW MO w Kielcach, sygn. 1443/o, t. 2, к. 55.

⁷⁸ Отчет Государственной комиссии безопасности по проведению выборной кампании.—Arch. MSW, sygn. GM, t. 1037, к. 107.

⁷⁹ Ibid., sygn. 1758/K, к. 28.

⁸⁰ Arch. KBW, sygn. 42/198, к. 218; САW, sygn. 524/226, к. 21; Sztandar Ludu, 1947, nr 4, 5 stycz.

⁸¹ По сообщению государственной избирательной комиссии в выборах в Законодательный сейм 19 января 1947 г. приняло участие 89,9 % лиц, имеющих право принимать участие в голосовании. Из 11 244 873 действительных бюллетеней 9 003 682 пришлось на списки демократического блока (80,1 %), а на ПСЛ — 1 154 847 (10,3 %); Страництво

праци получило 530 979 голосов (4,7 %), а ПСЛ — «Нове вызволене» — 397 754 (3,5 %) голосов. Остальные списки, так называемые «дикие», получили 157 611 (1,4 %) голосов. Демократический блок получил 394 мандата, ПСЛ — 28, СП — 12, ПСЛ — «Нове вызволене» — семь, независимые католики — три. Пор.: *Kotomejczyk N. Syzdek B. Polska w latach 1944—1949.*— Warszawa, 1968, s. 147—154, 164—167.

Глава девятая

¹ На основании выборов в Законодательный сейм, состоявшихся 19 января 1947 г., 6 февраля 1947 г. было образовано правительство Польши в составе: председатель Совета Министров Юзеф Циранкевич (ППС), первый заместитель Председателя Совета Министров Владислав Гомулка (ППР), заместитель Председателя Совета Министров Антони Кожицкий (СЛ), министры — государственной администрации — Эдвард Осубка-Моравский (ППС); снабжения и торговли — Влодзимеж Лехович (СД); общественной безопасности — Станислав Радкевич (ППР); информации и пропаганды — Феликс Виды-Вирский (СП); путей сообщения — Ян Рабановский (СД); культуры и искусства — Стефан Дыбовский (СЛ); лесного хозяйства — Болеслав Подедворный (СЛ); национальной обороны — Михал Роля-Жимерский (ППР); восстановления — Михал Кочаровский (ППС); просвещения — Станислав Сکشешевский (ППР); труда и социального обеспечения — Казимеж Русинек (ППС); промышленности — Гилари Минц (ППР); земледелия и земельных реформ — Ян Домб-Коциол (СЛ); финансов — Константы Домбровский (ППС); юстиции — Генрик Швятковский (ППС); иностранных дел — Зигмунт Модзелевский (ППР); здравоохранения — Тадеуш Михейда (СП); воссоединенных земель — Владислав Гомулка (ППР); морского транспорта и внешней торговли — Людвик Гросфельд (ППС); без портфеля — Винценты Ржимовский (СД); без портфеля — Винценты Барановский (СЛ).

² Инструкции в деле оказания помощи амнистированным заключенным и сдавшимися властям членам подпольных организаций. Приказы и распоряжения министра общественной безопасности в 1947 г.— Arch. MSW, Gab. Min., t. 5, k. 424—425.

³ Материалы, относящиеся к амнистии 1947 г.— Ibid., t. 80.

⁴ Отчет Краковского воеводского управления общественной безопасности за период 1 февраля — 28 марта 1947 г.— Arch. KW MO w Krakowie.

⁵ Материалы, относящиеся к амнистии 1947 г.— Arch. MSW, Gab. Min., t. 80.

⁶ Политическое положение на территории Белостокского воеводства в период амнистии 1947 г.— Ibid., t. 901/d/2, podteczka 14.

⁷ Например, 1 апреля 1947 г. банда НЗВ под командованием «Высокого» и «Голембля» уничтожила группу членов ВиН, которые ехали в Граев, чтобы сдать властям.

⁸ Политическое положение на территории Белостокского воеводства в период амнистии 1947 г.— Arch. MSW, t. 901/d/2, podteczka 14.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Тогда вышли из подполья:

на 22 апреля 1947 г. — 2645 лиц с 422 единицами вооружения

на 23 апреля 1947 г. — 2140 лиц с 219

на 24 апреля 1947 г. — 3509 лиц с 476

на 25 апреля 1947 г. — 2398 лиц с 360

¹¹ Приведено по данным.— Arch. MSW, Gab. Min. Материалы, отно-

сящиеся к амнистии. Согласно данным САУ, 465/290, к. 327, из подполья вышло лишь 52 867 лиц. Разные данные объясняются тем, что часть явилась с повинной непосредственно в органы МБП.

¹² Согласно списков, составленных МБП на основании присланных из тюрем материалов.— Arch. MSW, t. 80.

¹³ Отчет воеводского ВУ Батальонов хлопских в Белостоке.— Ibid., 901/d/12, podtecz. 13, k. 3.

¹⁴ Szlendar Młodych, 1963, 27, 28 kwiec. Статья «Убийство под Серниками».— Arch. MSW, mat. Biura Śledczego MSW, poz. 10, t. 1640.

¹⁵ Walka Młodych, 1947, 18 maj.

¹⁶ Отчет воеводского комитета ППР в Люблине за период с 15 июня по 15 июля 1947 г.

¹⁷ Из числа участников банды «Ядека» «Млот» принял — «Франка», «Блискивицу», «Шверщика» «Тигрыса»; из банды «Зенона» — «Зубра», из банды «Корвина» — «Шпига». К банде «Соколика» в 1947—1948 гг. примкнули бывшие участники ликвидированных банд НСЗ: «Дзядка», «Спокойного», «Выдры», «Кометы» и «Стали». Из банды «Орлика» был включен «Искра». «Млот» охотно принимал их, предприняв во второй половине 1947 г. специальную акцию по розыску и включению в свою банду уцелевших членов других вооруженных банд.

¹⁸ Arch. KW MO w Warszawie, sygn. 13058/0/III, t. 5 oraz 5930/S, k. 7.

¹⁹ Ibid., t. 3.

²⁰ Arch. KBW 467/16, k. 7—8.

²¹ Ibid., 118/31, k. 224.

²² Ibid., 466/13, k. 13.

²³ Arch. MSW, 2158/K, t. 5.

²⁴ Arch. KBW, 118/128, k. 131.

²⁵ Arch. KW MO w Białymstoku.

²⁶ Arch. KW MO w Lublinie, k. 102—104.

²⁷ Arch. MSW, 2158/K, t. 3, k. 105—108.

²⁸ Arch. KBW, 465/II, k. 78—80.

²⁹ Arch. MSW, 2158/K, t. 3, k. 118; Arch. KBW, 466/11, k. 21 oraz 118/29, k. 90—91.

³⁰ Proces Adama Doboszyńskiego.— Warszawa, 1949, s. 38.

³¹ Arch. KBW, 118/12, k. 180.

³² Arch. bandy «Ласа».— Arch. KW MO w Warszawie, 2297/F.

³³ Ibidem.

³⁴ Arch. KBW, 118/29, k. 155—162.

³⁵ Arch. KW MO w Łodzi, mat. dot KWP. Nr 170/IV, t. 11, k. 310—312.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Arch. Naczel. Prokuratury Wojsk. Sr. 174/54.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ В этот период банды УПА действовали уже исключительно более мелкими группами, а не так, как ранее, когда выступали крупные соединения. Самой крупной группой стала теперь сотня, насчитывавшая в среднем 80—100 человек. Чаще всего УПА оперировала взводами, насчитывавшими до двадцати человек. Только с целью осуществления крупного нападения взводы объединялись в сотни. Общая численность банд УПА в первые месяцы 1947 г. составляла 1300 человек.

⁴¹ Отдельные операции и действия подразделений КВБ.

⁴² Przyjacieli — 477.— Arch. KBW, 118/12, k. 78—80; САУ, 524/336, k. 48—49.

⁴³ Письмо «Блудному», отправленное «Дембом» 7 мая 1948 г.— САУ, 6465/304, k. 197.

⁴⁴ Отчет об оперативной деятельности 1-й дивизий КВБ против банд УПА за период с 24 апреля по 1 августа 1947 г.— Arch. KBW, 298/34, k. 36.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Wybrane operacje i działania bojowe oddziałów KBW.— Warszawa, 1959, s. 104—105.

⁴⁷ Приказ маршала Роля-Жимерского № 00260/III командиру OW 1 от 4 июня 1947 г.— SAW, 465/304, k. 275—276; Директива № 7 для опергруппы «Висла» — Ibid., k. 174.

⁴⁸ Инструкция по борьбе с бандами УПА относительно второй фазы операции.— Ibid., k. 304—307.

⁴⁹ Распоряжение ПКБ от 17 июля 1947 г. Приказ МОН от 31 июля 1947 г.— SAW.

⁵⁰ Общий реестр потерь банд и гражданской сети опергруппы «Висла».— Ibid., 506/d/74/1, s. 100.

⁵¹ Arch. KBW, 118/29, k. 34.

⁵² Ibidem.

⁵³ Arch. MSW, 1816/śl., t. 1, k. 48.

⁵⁴ Arch. KBW, 298/32.

⁵⁵ Оперативные директивы ПКБ по борьбе с бандитизмом в период зимы 1947—1948 г.— SAW, 465/278, k. 56.

⁵⁶ План ликвидации бандитизма в 1947—1948 гг.— Ibid., 524/530, k. 347.

⁵⁷ Специальный доклад о налетах и проведенных операциях на территории Польши за период с 1 января 1948 г.— Arch. MSW. akta Gab. Min.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ *Griffiths S. Lying in Stale*.— New York, 1952.

⁶⁰ Так автор книги называл Станислава Миколайчика.

⁶¹ Оперативное донесение 5-го полка КВБ-Краков от 3 февраля 1948 г.— Arch. KBW, t. 217/26, k. 41. Тогда были убиты милиционер Тадеуш Братосик и Владислав Каня, захвачены четыре автомата и винтовка.

⁶² Оперативное донесение КВБ.— Ibid., k. 54.

⁶³ Отчет начальника воеводского ВУБП в Кельцах за период с 1 декабря 1947 г. по 31 января 1948 г.— Arch. KW MO w Kielcach.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Отчет начальника воеводского ВУБП в Белостоке за период с 31 января по 28 февраля 1948 г.

⁶⁶ Проблемы борьбы с бандитизмом в варшавском воеводстве. Протоколы инструктажа.— Arch. MSW, akta Gab Min.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ 14 мая в деревне Вымыслы, расположенной в Соколовподляском уезде, одна из оперативных групп натолкнулась на четырех бандитов. В результате завязавшегося боя был убит «Вихер» — командир банды «Соколика», двоим бандитам удалось сбежать, а один был взят в плен. На основании показаний взятого в плен бандита был ликвидирован склад оружия, принадлежавшего банде, а также часть ее агентуры. В ночь с 22 на 23 мая был взят в плен еще один из участников банды. Его показания позволили арестовать остальных.— Arch. KBW, opis. operacji «Z».

⁷⁰ Ibid., 218/19, k. 183—184.

Заключение

¹ Эти цифры были названы министром внутренних дел 4 октября 1969 г. в интервью газете «Трибуна люду» в связи с празднованием 25-летия гражданской милиции и органов общественной безопасности.

² Там же. Указанные цифры включают также солдат Корпуса внутренней безопасности и Войск пограничной охраны.

³ Собственные подсчеты автора, произведенные на основе документов, использованных в данной работе.

⁴ И. Блюм в работе: *Z dziejów wojska polskiego w latach 1944—1948*.— Warszawa, 1968, s. 125 приводит такие данные: «...Реакция понесла следующие потери: в боях 1945 г. убито 2830, в 1946 г.— 2770, в 1947 г.— 1488, в 1948 г.— 306. Всего— 7392 человека». Это количество увеличится до 8 тыс., если учесть убитых после 1948 г. и умерших от ран.

⁵ Всесторонний анализ документов 7963 лиц, проделанный Комиссией по установлению личностей погибших при Институте истории партии ЦК ПОРП, позволил установить, что в 1944 г. в районах, освобожденных от гитлеровских оккупантов, погибло около 300 человек, в 1945 г. на всей территории Польши погибло свыше 3500 человек, в 1946 г.— около 3 тыс., в 1947 г.— около 900. (Остальные были убиты в 1948—1949 гг.). Большинство погибших составляли выходцы из рабочих и крестьянских семей. К рабочему классу принадлежало около 2600 погибших, из крестьян насчитывалось более 4700, из интеллигенции — около 120 человек. Более чем о 650 погибших данных не имелось. Осиротело более 700 детей.

Партийная и организационная принадлежность погибших представлена следующим образом: членов ППР — около 4 тыс., ППС — около 200, ПОРП — свыше 200, Стронництва людового — около 200, Стронництва демократичного — около 20, Союза борьбы молодых — свыше 100 членов, других организаций — около 220, беспартийных — около 2 тыс.; почти о тысяче погибших данные отсутствуют.

Большинство погибших (свыше 60 %) составляли лица в возрасте от 18 до 35 лет, работавшие в государственном аппарате, органах милиции, аппарате общественной безопасности, Добровольного резерва гражданской милиции и партийных работников. *Por.: Polegli w walce o władzę ludową*.— Warszawa, 1970, s. 23—25.

⁶ В цитированном труде: *Polegli w walce o władzę ludową* (s. 567—600) приведены обстоятельства смерти, перечислены имена 654 советских солдат. Остальные фамилии не были установлены из-за отсутствия данных.

⁷ Оценивая на страницах «Трибуны люду» 23 сентября 1969 г. критерии подбора кадров в органы общественной безопасности и милицию в первые годы народной власти, начальник Управления кадров МВД писал: «...В рядах гражданской милиции и органов общественной безопасности оказались прежде всего трудящиеся, которые на 90 % были выходцами из рабочей и крестьянской среды. Решающее их большинство — более 90 % — были членами ППР, ППС, Союза борьбы молодых и Организации молодежи Общества рабочего университета. Большинство составляла молодежь. Специфические потребности демократического государственного аппарата и конкретные условия, существовавшие в тот момент, определили особые критерии при подборе кадров. При приеме в ряды гражданской милиции и органы общественной безопасности решающее значение имели не научный уровень и квалификация. Более важным и существенным были общественно-политическая позиция и желание участвовать в борьбе за Народную Польшу.

⁸ На основе документов МВД Ф. Кубица подсчитал, что в 1944—1948 гг. в подполье действовал 90 991 человек; из этого числа в 1945 г.— 80 291, в 1946 г.— 60 296, в 1947 г.— 46 084, в 1948 — 13 166. Кубица принял за основу для своих выкладок число участников подполья, действовавших в 1944—1948 гг. в 1364 вооруженных группах. Поэтому его цифровые данные являются заниженными. См.: *Kubica F. Kształtowanie się organów bezpieczeństwa publicznego, ich rola w likwidacji politycznego i zbrojnego podziemia.*— In.: *W walce o utrwalenie władzy ludowej w Polsce, 1944—1947.* Warszawa, 1967, s. 193—194. См. также цит. статью министра внутренних дел в «Трибуне люду» за 4 октября 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья к русскому изданию	5
Предисловие	41
<i>Глава первая.</i> Создание и развитие движения Сопротивления под руководством эмигрантского правительства	45
<i>Глава вторая.</i> Политика лондонского лагеря по отношению к СССР и левым силам	65
<i>Глава третья.</i> Две концепции восстановления независимости Польши	81
<i>Глава четвертая.</i> Безответственное решение и героическая борьба народа Варшавы	103
<i>Глава пятая.</i> Вооруженное подполье в период осуществления власти ПКНО и Временным правительством	124
<i>Глава шестая.</i> Создание Правительства национального единства и тактика подполья	156
<i>Глава седьмая.</i> Вооруженное подполье и легальная миколайчиковская оппозиция в период, предшествующий референдуму в Польше	189
<i>Глава восьмая.</i> Вооруженное подполье и легальная миколайчиковская оппозиция в период, предшествующий выборам в сейм Польши	215
<i>Глава девятая.</i> Ликвидация политического подполья в Польше	237
Заключение	270
Примечания	275

Тадеуш Валихновский

**У ИСТОКОВ БОРЬБЫ
С РЕАКЦИОННЫМ ПОДПОЛЬЕМ
В ПОЛЬШЕ
1944—1948**

Редактор Т. К. Хорунжая
Оформление художника В. Б. Харика
Художественный редактор С. П. Квитка
Технический редактор А. М. Капустина
Корректоры Л. Я. Постолова,
Ю. И. Бойко, З. А. Ерохина

Информ. бланк № 5906.

Сдано в набор 04.01.84. Подп. в печ. 18.07.84. Формат 84×108/32. Бум. тип. № 1.
Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 16,38. Усл. кр.-отт. 16,38. Уч.-изд. л. 18,89.
Тираж 1000 экз. Заказ № 4—100. Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типографией, с. Нестеров,
Львовской обл., ул. Горького, 8, с матриц Головного предприятия
РГЮ «Полиграфкинга». 252057. Киев-57, Довженко, 3. Зак. 3789.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКОВА ДУМКА»
В 1985 г.
ВЫЙДУТ В СВЕТ КНИГИ:**

**НАРОДНАЯ ВОЙНА В ТЫЛУ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ
НА УКРАИНЕ (1941—1944):**

В 2-х ч. Ч. 1.

БОРЬБА В ПОДПОЛЬЕ

Под. ред. Ю. Ю. Кондуфора.

30 л. 2 р. 30 к.

В книге освещаются создание и укрепление партийно-комсомольского подполья, его идейно-воспитательная работа среди населения, рассказывается о боевой деятельности подпольных диверсионных групп, их помощи партизанам и частям Красной Армии. Большое внимание уделено показу невооруженных форм борьбы населения, в частности срыву планов оккупантов по использованию промышленных, природных и людских ресурсов республики.

Для научных работников, преподавателей, студентов; всех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны.

**НАРОДНАЯ ВОЙНА
В ТЫЛУ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ
НА УКРАИНЕ (1941—1944):**

В 2-х ч. Ч. 2.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Под. ред. Ю. Ю. Кондуфора.

30 л. 2 р. 30 к.

В книге рассматриваются формы и методы партизанской борьбы населения Украины с фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории республики. Главное внимание уделено освещению партийного руководства партизанским движением, исследованию процесса создания партизанских крас и зон, обеспечения партизан оружием, бое-

припасами. Показано взаимодействие партизан с частями Красной Армии. Для научных работников, преподавателей, студентов; всех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны.

Усенко П. Г.

**ИДЕЙНОЕ ЕДИНСТВО РУССКИХ, УКРАИНСКИХ
И ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-ДЕМОКРАТОВ:**

(50—60-е гг. XIX в.).

12 л. 1 р. 80 к.

В монографии рассмотрены вопросы зарождения и укрепления русско-украинско-польских революционных связей в 50—60-е гг. XIX в., освещается выдающаяся роль журнала «Современник» в защите интересов трудящихся и сплочении интернациональных демократических сил. Особое внимание уделено исследованию общности взглядов и сотрудничества Н. Г. Чернышевского, Т. Г. Шевченко и Зыгмунта Сераковского. Для историков, литературоведов и журналистов.

Предварительные заказы на эти книги принимают все магазины книго-торгов, потребительской кооперации, магазины «Книга — почтой» и «Академкнига».

Просим пользоваться услугами магазинов — опорных пунктов издательства: Дома книги — магазина № 200 (340048, Донецк-48, ул. Артёма, 147а), магазина «Книжный мир» (310003, Харьков-3, пл. Советской Украины, 2/2) и магазина издательства «Наукова думка» (252001, Киев-1, ул. Кирова, 4), который высылает книги иногородним заказчикам наложенным платежом.